

Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки
Архив Российской академии наук

Российская академия наук
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Архив Российской академии наук

Архивный совет РАН

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Российский государственный гуманитарный университет»

Историко-архивный институт РГГУ
Кафедра архивоведения

Дискуссионные проблемы источниковедения истории фундаментальной науки в СССР

*Материалы
Всероссийской научной конференции
г. Москва, Архив РАН - РГГУ, 25 июня 2019 г.*

Москва, Архив РАН – 2019

УДК 001(47+57):930.22(082)

ББК 72.3(2)я43

Д48

Утверждено к печати Ученым советом Архива Российской академии наук

Ответственный редактор – чл.-корр. РАН В.П. Козлов;
ответственный составитель – к.и.н. И.Н. Ильина.

Рецензенты:

доктор исторических наук В.В. Тихонов
кандидат исторических наук А.В. Мельников

Дискуссионные проблемы источниковедения истории фундаментальной науки в СССР: материалы Всероссийской научной конференции, г. Москва, Архив РАН – РГГУ, 25 июня 2019 г./ Отв. ред. В.П. Козлов; отв. сост. И.Н. Ильина. – М.: Архив РАН, 2019. 304 с.

В сборник включены тексты докладов участников Всероссийской научной конференции «Дискуссионные проблемы источниковедения истории фундаментальной науки в СССР», организованной Архивом РАН и состоявшейся в РГГУ (г. Москва) 25 июня 2019 г. Они посвящены рассмотрению широкого круга актуальных вопросов, связанных с дискуссиями в отечественной науке, и анализу сохранившихся о них документальных комплексов, особенностей их создания и интерпретации.

Тексты докладов публикуются в авторской редакции.

Издание осуществлено при финансовой поддержке и в рамках реализации Программы фундаментальных исследований Президиума РАН № 10 «Большие вызовы и научные основы прогнозирования и стратегического планирования», проект: «Документальное наследие по истории отечественной науки и Академии наук СССР» (руководитель – чл.-корр. РАН В.П. Козлов).

ISBN 978-5-6041820-2-4

© Архив РАН, 2019

© РГГУ, 2019

© Коллектив авторов, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	8
------------------	---

Пленарное заседание:

Илизаров С.С.

Параметры профессии «историк науки»: вялотекущая дискуссия.....	13
---	----

Дурновцев В.И.

Исторические источники в процессах трансформации историографических координат.....	25
---	----

Хорхордина Т.И.

Научные дискуссии отечественных ученых о разграничении понятий «архив, библиотека, музей»: проведение и результаты.....	40
--	----

Афиани В.Ю.

Текстологические дискуссии: к вопросу о механизме научных дискуссий в советский период.....	49
--	----

Одесский М.П., Спивак М.Л.

Андрей Белый в споре с Н.А. Морозовым о подлинности евангельских текстов (на материале неопубликованного трактата «История становления самосознающей души»).....	64
--	----

Козлов В.П.

О некоторых неопределенностях в терминологических системах документоведения, архивоведения, археографии и источниковедения.....	74
---	----

Пчелов Е.В.

Отечественная генеалогия 1920-х гг. в контексте евгеники по опубликованным и архивным документам.....	92
--	----

Секция 1.

Документальные источники по истории дискуссий в отечественной гуманитаристике

Двоеносова Г.А.

Дискуссии 1960-1970-х гг. в развитии документоведческой мысли...117

Ланской Г.Н.

Актуальные проблемы изучения историографических источников по российской истории.....	124
--	-----

<i>Осипова Н.М.</i>	Документы Архива РАН о дискуссиях в Коммунистической академии ЦИК СССР и ее учреждениях.....	133
<i>Киселев М.Ю.</i>	Место истории в программах общественно-экономических вузов: позиция ученых Коммунистической академии.....	144
<i>Ильина И.Н.</i>	Научная дискуссия «Спорные вопросы исторического процесса в Бурятии» 1934 г. в документах Архива РАН.....	153
<i>Михальченко С.И.</i>	Академическая жизнь СССР начала 1930-х годов глазами эмигранта.....	165
<i>Ковалев М.В.</i>	К истории полемики вокруг книги « <i>Russo-Polish relations: an historical survey</i> » профессора С.А. Коновалова.....	170
<i>Бондарь Л.Д.</i>	200-летний юбилей Российской академии наук и делегация чехословацких ученых: дискуссия в переписке академика Е. Ф. Карского с Й. Поливкой.....	188
<i>Секция 2.</i>		
<i>Документальное источниковедение</i>		
<i>Шпирко С.В.</i>	Дискуссионные проблемы изучения древнерусского произведения «Предсловие Покаянию» в отечественной историографии.....	199
<i>Щепанская Ю.В.</i>	Архивная служба РАН как средоточие проблем и противоречий ведомственного нормотворчества.....	210
<i>Комиссаренко А.И.</i>	Документы Вятской провинциальной администрации как источник по истории социальной дифференциации крестьянского населения в 20-60-е гг. XVIII в.	220
<i>Муравьева Н.А.</i>	Концентрация документов по истории Отечественной войны 1812 г. в архивах Военного министерства в 1814 г. – 1870-х гг.	226
<i>Акимченков В.В.</i>	Дискуссии о путях развития экономического кривовередения на рубеже 20–30-х годов XX в.: по материалам Российского государственного архива экономики.....	242
<i>Филиппова Т.П.</i>	Источники по истории организации науки в советский период на примере Коми Автономной области (Коми АССР) в 1920-1930-е гг.	251

<i>Медведева Т.В.</i>	
«Археография на экспорт». Деятельность «Литературного агентства» и проблема авторского права в прикладной археографии в 1930-е годы.....	262
<i>Антонова О.Е.</i>	
Историко-сравнительный анализ проектов постановления о Генеральном плане реконструкции Москвы 1935 г. по документам личного фонда Л.М. Кагановича.....	274
<i>Бокарева О.Б.</i>	
Труды Б.Н. Заходера по истории Персии XVII в. в Архиве РАН.....	281
<i>Бухерт В. Г.</i>	
«Финны зверски истребили пленных бойцов и командиров Красной Армии...». Неопубликованное сообщение ЧГК 1944 г.	291
Сведения об авторах.....	300

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемый вниманию читателей сборник содержит доклады и сообщения Всероссийской научной конференции «Дискуссионные проблемы источниковедения истории фундаментальной науки в СССР», состоявшейся в Москве в Российском государственном гуманитарном университете 25 июня 2019 г. и организованной Архивом РАН, Архивным советом при Президиуме РАН, ВНИИ документоведения и архивного дела, Кафедрой архивоведения Историко-архивного института РГГУ. Конференция проводилась при финансовой поддержке и в рамках реализации Программы фундаментальных исследований Президиума РАН № 10 «Большие вызовы и научные основы прогнозирования и стратегического планирования», проект «Документальное наследие по истории отечественной науки и Академии наук СССР» (руководитель – чл.-корр. РАН В.П. Козлов).

Она явилась продолжением аналогичных мероприятий – Круглого стола «Документальная память России: проблемы сбережения и трансляции» в 2017 г.¹ и Международной научно-практической конференции «Документальное наследие России: проблемы теории и практики. К 100-летию государственной архивной службы России»².

Цель конференции заключалась в выявлении документальных комплексов, связанных с дискуссиями в отечественной науке, и анализ особенностей их создания, сохранения и интерпретации. В ее задачи входило установление общенаучных дискуссий, дискуссий в отдельных отраслях научного знания, преимущественно гуманитарного цикла; выявление причин возникновения дискуссий, их стихийного или организованного характера, механизмов документирования; рассмотрение хода и результатов их проведения, влияния на последующее развитие научного знания, особенно исторического; исследование обсуждения дискуссионных проблем в области архивоведения, археографии, документального источниковедения.

Однако традиционно конференция переросла первоначально намеченную проблематику и затронула более широкий круг вопросов, связанных с документом и документальным источником, включив и другую тематику, например, исторический источник в процессе трансформации исторического знания, место историографических источников в документальной памяти и др. Ряд докладов и сообще-

ний касался разработки малоизученного фонда Социалистической (Коммунистической) академии.

Особая часть проблематики сборника связана с изучением теоретического наследия отечественных архивистов и практики архивного строительства в нашей стране.

Возвращаясь к основной теме конференции, заметим, что она лишь мелкими штрихами обозначила проблему дискуссий в науке. С одной стороны, многие из них стали важным шагом в развитии того или иного научного знания. С другой стороны, доклады и сообщения, представленные на конференции, показывают, что многие из них приобретали всего лишь форму полемических рассуждений, а в советский период часто становились способом идеологических проработок и политических обвинений.

Публикуемые материалы в целом создают мозаичную картину дискуссионной формы состояния и развития науки, ее познавательного потенциала сегодня и места в этом документов академических и других архивов на современном этапе. Доклады и сообщения проведенной конференции являются первой попыткой дополнения публичной части таких дискуссий их богатейшим и пока малоизвестным архивным массивом.

В.П. Козлов

¹ Документальная память России: проблемы сбережения и трансляции. М., 2017.

² Документальное наследие России: проблемы теории и практики. К 100-летию государственной архивной службы России. М., 2018.

ПЛЕНАРНОЕ
ЗАСЕДАНИЕ

Илизаров С.С.

Параметры профессии «историк науки»: вялотекущая дискуссия*

Аннотация: В статье рассматривается процесс институционализации в России истории науки и техники, развитие взглядов на специфику и параметры профессии «историк науки».

Ключевые слова: Академия наук, история науки и техники, дискуссии, сообщество историков науки, А.С. Лаппо-Данилевский, В.И. Вернадский, С.И. Вавилов, Н.А. Фигуровский, С.В. Шухардин.

Iizarov S. S.

The parameters of the profession “historian of science”: a sluggish diskussiya

Abstract: The article discusses the process of institutionalization of the history of science and technology in Russia, the development of views on the specifics and parameters of the profession “historian of science”.

Keywords: Academy of Sciences, history of science and technology, discussions, community of historians of science, A. S. Lappo-Danilevsky, V. I. Vernadsky, S. I. Vavilov, N. Ah. Figurovsky, S. V. Shukhardin.

История науки как профессия – одна из самых молодых отраслей исторического знания, и потому многое в определении предметно-объектной области, исследовательских методик и практик, в специфике и параметрах профессии и т.п. остается предметом споров и дискуссий.

Когда в начале 1975 г. я волею случая стал сотрудником Института истории естествознания и техники АН СССР (ныне: Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН – ИИЕТ), то застал доминировавшие тогда среди сотрудников споры о том, что история науки и техники, точнее история естествознания и техники, относится к естественным наукам и, соответственно, к технике, в которых история в ограниченном объеме является лишь одним из элементов введения в специальность, как тогда выражались – «привеском» к другим наукам. Такой подход, такой взгляд в то время в ИИЕТ был практически господствующим, а этот институт задавал общий тон и общие нормы дисциплины. Например, высокопрофессиональный историк химии Г.В. Быков совершенно однозначно пи-

---

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 19-011-00366).

сал об истории химии как о естественной науке¹. В конце 1950-х годов крупнейший историк науки и техники С.В. Шухардин утверждал, что история естествознания и история техники – две отдельные науки, но очень близкие по методу исследования². Этот ученый, напряженно размышлявший о специфике профессии «историк техники», отмечал наличие многих примеров того, «как специалисты-историки или экономисты, не знавшие техники, но бравшиеся за изучение историко-технических проблем, терпели фиаско. Известно также и то, что многие специалисты техники безуспешно пытались заниматься вопросами истории техники, так как они не обладали достаточными знаниями в области общественных наук и не знали методике историко-технических исследований»³. Кстати, сам Шухардин являл пример такого успешного специалиста-техника (горняка по базовой специальности), в полной мере усвоившего методiku научно-исторического исследования. Он испытал сильное влияние источниковедческой школы Историко-архивного института, что отчетливо отразилось в его теоретических трудах; на протяжении ряда лет вел учебный курс «История науки и техники» в МГИАИ. Говоря о том, что вопрос о месте истории техники как науки в системе знаний является одним из наиболее спорных и актуальных, С.В. Шухардин призывал провести широкую дискуссию с участием в ней специалистов из разных областей знания.

Другой выдающийся специалист в области истории естествознания, Н.А. Фигуровский – один из лидеров историко-научного сообщества 1950-х годов (возглавлял ИИЕТ в 1956–1962 гг.), также немало говорил и писал о специфике своей профессии. Так, он указывал на дискуссионность вопроса о положении истории естествознания и истории техники среди других наук. Отмечая, что по этому поводу у нас еще недавно существовали крайние точки зрения, Н.А. Фигуровский пояснял: «Одни утверждали, что история естественных наук – часть самих естественных наук и может разрабатываться только соответствующими специалистами-естествоиспытателями. Другие, наоборот, выдвигали положение о так называемой философской истории науки, требовали признания принципа периодизации истории наук на основе истории философских идей. Дискутировался также вопрос о связи истории науки с историей общества – основной вопрос, который решается в настоящее время историками естествознания и который особенно выдвигается сейчас в связи с поразительными достижениями науки наших дней, с влиянием крупных научных открытий на развитие техники и даже на политическую историю»⁴. При-

нимая положение о месте истории естествознания и истории техники как части общей истории науки и культуры и, соответственно, части истории человеческого общества, Фигуровский вместе с тем стоял на позиции разделения истории науки на части, соответствующие различным наукам, рассматривая историю естественных наук как «привески» к другим наукам. Сразу можно отметить логическое противоречие, поскольку, к примеру, военная история не является «привеском» к военным наукам, то же в истории права, искусства, экономики и проч. Правда, взгляды Н.А. Фигуровского на предмет и параметры истории науки, несмотря на свою противоречивость, были многообразнее и по факту давали пищу для размышлений. Так, отмечая разносторонность характера историко-научного исследования, он говорил об истории естествознания как пограничной науке, как о звене, своего рода мосте между естественными науками, с одной стороны, историей общества, историей техники, историей философии – с другой. И из этого им выводился общий оптимистический вывод: «Положение истории естествознания и истории техники как пограничных областей знания определяет их прогрессивную роль в обогащении естественных, технических и общественных наук. В этом заключается несомненная широчайшая перспектива дальнейшего развития истории естествознания и техники»⁵.

За прошедшие годы многое изменилось. В 1970–1980-х гг. начался процесс историизации ИИЕТ (в данном случае Институт рассматривается не только как головное исследовательское учреждение, но и как образ дисциплины), прежде всего, благодаря личным усилиям тогдашнего директора (отмечу – лучшего директора за всю историю ИИЕТ), члена-корреспондента АН СССР С.Р. Микулинского, 100-летие со дня рождения которого, кстати, исполнилось в этом году. Этот процесс нашел выражение в активном развитии исследований по историографии и источниковедению истории науки и техники, создании специализированных подразделений, в функционировании диссертационного совета по историческим наукам и т.п. Постепенно, по мере того, как я вплотную стал заниматься драматической, точнее, трагической историей ИИЕТ и, соответственно, историографией истории науки, многое стало проясняться. Стало понятно, что взгляд на историю науки как естественнонаучную дисциплину проистекает, прежде всего, из профессиональной принадлежности того или иного научного сотрудника. Нельзя было не обратить внимания на следующее – как правило, чем профессионально сильнее в своей базовой образовательной профессии тот или иной историк естествознания,

тем очевиднее для него принадлежность истории своей дисциплины к самой дисциплине. До сих пор на заседании Ученого совета ИИЕТ можно встретиться с самоидентификацией себя, скажем, историка физики, как физика и т.д. Особенно это проявляется, если тот или иной исследователь пришел в историю науки после работы в научных учреждениях естественнонаучного профиля. Немалую лепту вносит также зыбкость понятийно-терминологического аппарата, когда многие авторы, как правило, не рефлексируя, легко переходят с понятия «история науки» на понятие «история естествознания» и наоборот.

Другой важный момент, почему история науки, точнее – история и историки естествознания стали дистанцироваться от истории и вообще от социально-гуманитарных наук, кроется в прошлом этой дисциплины, которая за неполные сто лет развития у нас претерпела множество метаморфоз, а само историко-научное сообщество неоднократно разрушалось, правильнее говорить – насильственно уничтожалось политическим руководством страны практически до основания. Это находит яркое выражение в эволюции названия историко-научных учреждений: Комиссия по истории знаний АН СССР (КИЗ, 1921–1930 гг.), где были представлены все науки; в Институте истории науки и техники (ИИИТ, 1930–1938 гг.) также изучались все области знания, но уже в марксистском обличи; Институт истории естествознания (1945–1953 гг.), Институт истории естествознания и техники (с 1953 г.) – видно сужение тематического пространства, которое оказывало прямое воздействие на профессию.

Прежде чем говорить о профессии «историк науки» в содержательном аспекте, необходимо хотя бы в общем плане определиться с понятием – «профессия».

Если свести все основные характеристики определения понятия «профессия», представленные в словарно-нормативной литературе, то общими будут следующие: 1) профессия – вид трудовой деятельности человека; 2) источник его существования; 3) профессия полагает определенную квалификацию. Понятно, что квалификация приобретается в процессе и в результате специальной подготовки, накапливается с опытом работы, и в итоге профессионал становится владельцем общих и специальных теоретических знаний и практических навыков. Профессия обладает определенным социальным статусом, престижем, поскольку то, что не признается значимым, социально ценным, в лучшем случае маргинализируется, а то и вовсе обречено на несуществование. Профессии и, прежде всего – связан-

ные с научно-познавательной деятельностью, имеют собственные правила корпоративного поведения и этические нормы. Это то, что называется этос науки⁶, который не только поддерживает и сохраняет дисциплинарность профессионального сообщества, но и служит определенным ограничителем для «профанов», обеспечивает автономность, даже, в известной мере, от неконтролируемого внешнего вмешательства. Очевидно, что профессия «историк» является общим родовым понятием большого класса исторических специальностей, в котором историк науки является одним из многих.

О появлении профессии «историк науки» в более или менее точном смысле можно говорить никак не ранее XX столетия. При этом, начиная с XVIII в. происходил процесс зарождения и формирования в России данной исследовательской области, ее постепенного социального признания и затем в конце XIX – начале XX вв. и дисциплинарного оформления⁷.

Еще в самом конце XIX в., когда история науки только начинала выделяться в особую научную дисциплину, В.И. Вернадский увидел в ней специальную, самостоятельную область научного знания со своими специфическими проблемами, задачами и методами. Известно, что В.И. Вернадский считал историю науки своей второй специальностью. Им были созданы замечательные историко-научные исследования⁸. Более того, В.И. Вернадский утверждал, что он «... в сущности, историк науки...» и «... если бы не сомнения и сознание своих недостатков исторических и филологических знаний, я с головой бы окунулся в историю науки»⁹.

Соратник и коллега В.И. Вернадского академик А.С. Лаппо-Данилевский шел своим путем к изучению истории науки и стал не только основателем первой в Академии наук исследовательской ячейки, но автором ряда основополагающих трудов. В июне 1906 г. для преподавателей средних учебных заведений, съехавшихся в Санкт-Петербурге, он прочитал курс лекций «Размышления об истории наук, ее задачах, методах построения и педагогическом значении». Ученый констатировал подъем интереса к общей истории и считал, что через историю науки можно изучать процесс умственного развития человечества. Он обозначил ряд узловых вопросов теории и методологии историко-научного познания и практически подошел к таким вопросам, как определение, что такое «историк науки», необходимых параметров этой профессии. Историк науки, отмечал он, должен иметь критическое чутье, иначе он может впасть в грубые ошибки. Более чем современно выглядит следующее поло-

жение: «Наряду с философией, но, конечно, в ином смысле, история одна из самых *энциклопедических* наук; историку легче других выяснить *взаимное отношение наук* во времени и их роль в общем ходе культуры, что, разумеется, не исключает возможности исторического изучения прошлого данной науки и со *стороны соответствующего специалиста*; оно даже желательно, если последний примет во внимание исторические требования»¹⁰. Обыкновенно значение и задачи истории науки сводят либо к прагматике (необходимость для специалистов-ученых знать работы предшественников, что восходит еще к идеям Ф. Бэкона), либо к общим проблемам познания прошлого, решению задач общекультурных и образовательных. Удивительно, но еще на заре дисциплинарной истории науки А.С. Лаппо-Данилевский подчеркивал ее гражданское значение. Он писал и говорил своим слушателям: «... история наук может внушить нам *живой интерес, веру и уважение к науке*; а такое настроение, наряду с нравств[енностью], является одним из *основных* элементов того *общего культурного* фонда, без которого общество и государство лишено реальной опоры и возможности истинно прогрессивного развития.

А только там, где, наряду с признанием нравственных начал, есть вера, уважение к науке, может быть и прочная государственность.

И наоборот, мертвенность всякого бюрократического строя в значительной мере объясняется пренебрежением его защитников к свободной научной мысли и, в частности, к выводам ее в области политических наук»¹¹.

И Лаппо-Данилевский, и Вернадский сыграли ключевую роль в организации у нас первых устойчивых исследовательских структур, без которых вообще не был бы возможен процесс становления профессии «историк науки». Подробно останавливаться на этих сюжетах нет необходимости. Отмечу только, что в 1916 г. под руководством А.С. Лаппо-Данилевского возникла в Академии наук подкомиссия по подготовке и изданию сборника «Русская наука». Затем в начале 1920-х гг. эту работу подхватил В.И. Вернадский, создавший Комиссию по истории знаний АН СССР (КИЗ), которой с 1930 г. руководил Н.И. Бухарин.

Несмотря на малоблагоприятные обстоятельства, последовательная и целенаправленная деятельность КИЗ стала настолько заметной, что уже в августе 1929 г. заместитель председателя Комиссии академик И.Ю. Крачковский писал: «Неуклонно расширяющаяся и углубляющаяся деятельность КИЗ ставит на очередь вопрос о превращении КИЗ в большую должным образом оборудованную

организацию – Научно-исследовательский институт по истории знаний с рядом отделов по истории отдельных научных дисциплин»¹².

Уверенности в возможности и необходимости разворачивать КИЗ в полномасштабный научно-исследовательский институт придавал рост числа специалистов, желавших и способных работать в области истории знаний, причем не только в Ленинграде, но и в Москве, и в ряде других городов.

Вопрос о профессиональных кадрах историков науки стоял остро все годы существования КИЗ, а затем в созданном на ее основе Институте истории науки и техники. В стране было предельно мало специалистов, способных профессионально работать в этой области. По архивным документам видно, как вопрос о профессиональных качествах и компетенциях все более занимал руководителей КИЗ. Так, в обращении от 4 января 1930 г. В.И. Вернадского и И.Ю. Крачковского к Президенту АН СССР А.П. Карпинскому отмечалось, что работа Комиссии «совершенно новая и необычная и требует таких специальных знаний, которые в нашей стране очень редки»¹³. Далее в докладной записке говорилось: поскольку в СССР очень мало лиц, научно работающих в области истории знаний, то КИЗ должна сама их готовить. Так, очевидно, впервые в официальном документе оказалась зафиксирована проблема подготовки профессиональных кадров для работы в области истории науки.

На одном из заседаний 1930 г. по реорганизации академических структур В.П. Волгин высказывал сомнение в необходимости сохранения КИЗ ввиду отсутствия профильных специалистов. Он считал, что тот, кто работает в истории знаний, должен быть по определению историком, то есть исследователем, обладающим методом исторического исследования. Однако он утверждал, что не знает ни одного историка, который бы интересовался историей науки. «С другой стороны, – отмечал В.П. Волгин, – я не знаю натуралистов, которые бы овладели в совершенстве методами исторического исследования»¹⁴. Так был поставлен «извечный» вопрос, своего рода логический парадокс о профессиональных параметрах историка науки, вроде бы, по определению, обреченного на дилетантизм. Но и тогда, и позднее в этом тлеющем споре никто не обратил внимания на то, что любая область исторического знания находится в схожем состоянии. Разве хотя бы один специалист по военной истории выиграл хотя бы раз крупное сражение? Это сейчас часто звучит и стало тривиально. Можно продолжить – разве историк театра, искусства... сотворил высокохудожественное произведение и т.д. Думается, что и в дру-

гих научных областях ситуация во многом схожая: биолог не творит жизнь, физик не творит материю...

Академик С.И. Вавилов, который более чем скептически относился к исторической науке и профессиональным историкам, был убежден, что историей науки может заниматься только естествоиспытатель «на пенсии». Очевидно, в случае с историей науки профессионализм, как и в других науках, определяется уровнями компетентности. Возвращаясь к демаршу В.П. Волгина, стоит обратить внимание на ответ участника того заседания В.И. Вернадского. Он согласился, что у нас нет достаточного количества работников по истории знаний, но «и в других странах их количество очень невелико. Так или иначе, их надо создавать, надо вызывать известного рода интерес к этому делу, подготовить тех людей, которые могут дальше вести дело». Дискуссия о кадрах продолжилась на следующий день. Несмотря на то, что вопрос сохранения КИЗ решался положительно, Волгин, который председательствовал на заседании Комиссии по реорганизации АН СССР, вновь высказался об отсутствии лиц, способных проводить профессиональные историко-научные исследования. На этот раз, по-своему, парировал академик С.Ф. Ольденбург, справедливо утверждавший, что каждый специалист обязан знать историю своей науки и не может не интересоваться целым рядом вопросов, прежде всего, методологического характера в их постепенном развитии. А таких ученых, способных работать и в области истории науки в Академии наук, имеется большое число; одних только членов Академии 80 человек. С.Ф. Ольденбург был в этом смысле прав – с XVIII столетия в русской академической традиции понятие профессионального ученого было неотрывно от профессиональных знаний истории науки, как минимум в своей дисциплинарной области¹⁵.

Анализ по ряду параметров (социальное происхождение, возраст, образование, профессия, результативность и т.п.) биографических материалов научных сотрудников основных исследовательских центров в области истории науки КИЗ/ИИНТ (30-е годы), ИИЕТ на 1953 г., на 1993 г. позволил выяснить следующее¹⁶. В 1930-е гг., в условиях отсутствия какой-либо системы и практики подготовки профессиональных кадров историков науки, приход каждого специалиста в эту область был уникальным, и какие-нибудь закономерности здесь не просматриваются. Тем более важно подчеркнуть, что в ИИНТ практически с самого начала деятельности появились свои аспиранты, то есть проходила завершающая фаза перехода от организационно аморфной исследовательской области к дисциплинар-

ной истории науки, со всеми основными необходимыми для этого субструктурами, включая цикл воспроизводства профессиональных кадров. Но в 1936 г. разразились обвальные разрушительные процессы, которые привели к уничтожению соответствующих структур в Комакадемии, к первому закрытию ИИИТ.

Последовавший затем перевод Института из Ленинграда в Москву лишь продлил агонию и всю ситуацию довел до абсурда. Москва не была готова быстро наполнить опустевшие стены ИИИТ достаточным количеством профессиональных кадров, тем более в условиях массового террора и публичной травли института. Кадровая чехарда и заполнение образовавшегося вакуума «кем попало» вели к темам мелким и пустым. В каком-то смысле С.И. Вавилов был прав, настаивая (единственный среди членов Академии наук!) на окончательном прекращении деятельности ИИИТ. Приведу выразительный фрагмент письма С.И. Вавилова, отправленного 18 января 1938 г. к вице-президенту АН СССР Г.М. Кржижановскому, в котором выдвигались аргументы для закрытия ИИИТ: «Главным основанием для этого я считаю отсутствие специалистов по истории науки в теперешнем составе и[нститу]та, по крайней мере в его рабочей части. Для того чтобы ответственно работать в области истории науки, нужно прежде всего достаточно хорошо знать и понимать саму науку, история которой изучается. Вместе с тем нужны специальные исторические знания, философский кругозор, знание многих языков (в том числе древних и итальянского), умение обращаться с историческими документами. Сочетание этого обширного круга качеств случается редко и требует во всяком случае длительной подготовки»¹⁷. «Идеальный» образ историка, нарисованный С.И. Вавиловым (по сути, это его автопортрет), делал невозможным существование академического института по истории науки в самой отдаленной перспективе. Конечно, С.И. Вавилов был неправ: наличие в научно-исследовательском институте, т.е. в ИИИТ на последнем этапе его существования, таких людей как Т.И. Райнов, В.П. Зубов, Б.Г. Кузнецов и др., а это крупнейшие историки науки, это те, кто сейчас олицетворяет классическое отечественное историко-научное наследие – оказывалось достаточным основанием для дальнейшего развития.

Опубликованные в 2012 г. записки Вавилова демонстрируют его специфический внутренний мир законченного мизантропа, а также поразительное по экспрессии негативное отношение к историкам, поразительное, потому что сам он был человеком высокой европейской культуры, великим библиофилом–библиоманом, коллекционером,

умевшим работать с архивными документами, писавшим превосходные историко-научные сочинения; писавшим о Лукреции, Галилее, Ньютоне, Ломоносове... Вот, к примеру, несправедливая и оскорбительная запись в его дневнике, сделанная в сентябре 1942 г.: «Встретился в эти дни с “историками” А.И. Андреевым, Дебориным, Тарле, Тихановой М.А... Какая же это наука. ... Историки, видимо, даже не имеют понятия о флуктуациях и статистике»¹⁸. В мае 1945 г., когда после встречи с Президентом АН СССР В.Л. Комаровым И.В. Сталин дал санкцию на возобновление исследовательского центра по истории науки – Института истории естествознания, С.И. Вавилов записал: «<...> и какая же тут наука с Дебориными и Волгиными. Фальшивая монета. “Мушкетеры” (это насмешливо-презрительная в устах Вавилова характеристика – *С.И.*) Б.Г. Кузнецов, Т.И. Райнов. Игра в ИИЕ. Подготовка места для дармоедов»¹⁹. Не требуется пространных пояснений, каких историков негативно характеризовал С.И. Вавилов: историк и источниковед А.И. Андреев, академик, историк Е.В. Тарле, историк и археолог М.А. Тиханова – ученица И.М. Гревса и О.А. Добиаш-Рождественской, Б.Г. Кузнецов – всемирно известный историк науки, Т.И. Райнов – крупнейший в XX в. историк научной мысли²⁰. Кстати, о флуктуациях: Т.И. Райнов еще в 1929 г. опубликовал (правда, за рубежом, у нас ему не дали издаться) пионерскую наукометрическую статью, построенную на огромном статистическом материале «Волнообразные колебания (в английском языке – Wave-Like Fluctuations – *С.И.*) творческой продуктивности в развитии западноевропейской физики XVIII и XIX веков».

Важной, рубежной вехой после 1940-х годов, когда с трудом возобновлялось историко-научное сообщество, связанное с целым рядом ограничений и запретов, стало издание в 1956 г. книги английского физика, социолога, иностранного члена АН СССР Джона Бернала «Наука в ее истории». Через год, 11–12 ноября 1957 г. проходила большая (свыше 400 участников) и по-своему прорывная конференция по обсуждению широкого круга вопросов. В конференции участвовали и сам Бернал, и целый ряд крупных ученых, и почти все видные историки науки. В числе обсуждавшихся вопросов были и вопросы о месте истории науки среди других областей знания, о параметрах этой профессии и т.п. В той или иной форме эта тема дискутировалась практически во всех выступлениях. Взгляды высказывались различные и порой совершенно полярные, что отчетливо видно даже в сокращенных и адаптированных для печати изданных материалах²¹. Звучало даже предложение полностью от-

казаться от обсуждения и стремления дать определение истории науки, а своей работой следует доказывать научность и полезность данного направления²². Среди наиболее интересных в содержательном плане выступлений Дж. Бернала, Н.А. Фигуровского, Б.Г. Кузнецова, Б.М. Кедрова и др. ясностью позиции выделялся доклад Эрнеста Кольмана, который однозначно формулировал: «Предметом же истории естествознания и техники является научная и техническая, т.е. общественная, деятельность людей, а ее методом – прежде всего исторический метод. Отсюда с логической необходимостью вытекает, что история естествознания и техники является частью общей истории культуры, что она – общественная наука. Она – часть общей истории». Однако далеко не все тогда и потом разделяли эту точку зрения, и дискуссии по параметрам и необходимым компетенциям для профессиональной деятельности в области истории науки и техники то активизировались, то затихали. В период наивысшего подъема деятельности Института истории естествознания и техники, пришедшегося на 1960–1980-е гг., советское профессиональное сообщество историков науки и техники в целом достигло предела как в количественном отношении, так и в плане разнообразия тематики исследовательских направлений. Тогда же внутри историко-научного сообщества происходило формирование отечественного науковедения.

В данной работе не ставилась задача рассмотрения всего материала по эволюции представлений о параметрах понятия профессии «историк науки». Важно отметить, что проходившие дискуссии и продолжающиеся время от времени обсуждения этой темы свидетельствуют о незавершенности дисциплинарного оформления истории науки как области знания и профессиональной деятельности и, в то же время, о ее продолжающемся развитии.

¹ *Быков Г.В.* Моделирование в истории химии // Вопросы истории естествознания и техники. М.: Наука, 1972. Вып. 3 (40). С. 28.

² *Шухардин С.В.* Основы истории техники: Опыт разработки теоретических и методологических проблем. М.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 93.

³ Там же. С. 91.

⁴ *Фигуровский Н.А.* История естествознания и техники и ее место в истории общества // Вопросы истории естествознания и техники. М.: Изд-во АН СССР, 1958. Вып. 6. С. 80.

⁵ Там же. С. 81.

⁶ *Мертон Р.* Наука и демократическая социальная структура // *Мертон Роберт.* Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ; АСТ МОСКВА;

ХРАНИТЕЛЬ, 2006. С. 767–796; Этнос науки / Отв. ред. Л.П. Киященко и Е.З. Мирская. М.: Academia, 2008. – 544 с.

⁷ Подробнее см.: *Илизаров С.С.*: 1. «Судьбы и участь истории науки» в России и СССР (XVIII–XX вв.) // Вопросы истории естествознания и техники. 1989. № 2. С. 32–40; 2. Формирование в России сообщества историков науки и техники. М.: Наука. 1993. – 192 с.; 3. История науки и техники: от зарождения исследовательского направления до формирования в России профессионального сообщества // Архив истории науки и техники. / Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН. М.: Янус-К, 2010. Вып. IV (XIII). С. 5–91; 4. Отечественная историография истории науки и техники: Хроника: 1901–2011. М.: Янус-К, 2012. – 484 с. и др.

⁸ *Вернадский В.И.* Избранные труды по истории науки. М.: Наука, 1981. – 359 с.; Он же. Труды по истории науки в России. М.: Наука, 1988. – 467 с.

⁹ *Микулинский С.Р.* Очерки развития историко-научной мысли. М.: Наука, 1988. С. 181. В.И. Вернадский неоднократно сетовал на недостатки своего образования, «малые силы своего ума», необходимые, по его убеждению, для профессиональных занятий историей науки.

¹⁰ СПФ АРАН. Ф. 113. Оп. 1. Д. 180. Л. 97; *Илизаров С.С.* А.С. Лаппо-Данилевский – историк науки // Архив истории науки и техники. М.: Янус-К, 2015. Вып. V (XIV). С. 82.

¹¹ Там же.

¹² Комиссия по истории знаний. 1921–1932 гг. Из истории организации историко-научных исследований в Академии наук: Сборник документов / Сост. *В.М. Орел, Г.И. Смагина.* СПб.: Наука, 2003. С. 283.

¹³ Там же. С. 298.

¹⁴ Там же. С. 322.

¹⁵ *Илизаров С.С.* Академик Герард Фридрих Миллер – историк науки (к 300-летию со дня рождения) // Вопросы истории естествознания и техники. 2005. № 3. С. 70–95; № 4. С. 155–182.

¹⁶ *Илизаров С.С., Гринина И.Р.* Историко-научное сообщество России в XVIII–XXI веках: динамика формирования // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2014. № 1 (74). С. 79–91.

¹⁷ АРАН. Ф. 402. Оп. 1-1938 г. Д. 4. Л. 1.

¹⁸ *Вавилов С.И.* Дневники, 1909–1951: В 2 кн. / Редактор-составитель *Ю.И. Кривоносов.* Кн. 2: 1920, 1935–1951. М.: Наука, 2012. С. 162.

¹⁹ Там же. С. 238.

²⁰ *Илизаров С.С.* Райнов Тимофей Иванович: Материалы к биобиблиографии. М.: Янус-К, 2017. С. 33–43. (Серия «Российские историки науки и техники». Вып. IX).

²¹ Научная конференция по обсуждению некоторых теоретических проблем истории естествознания // Вопросы истории естествознания и техники. М.: Изд-во АН СССР, 1958. Вып. 6. С. 72–150.

²² Там же. С. 112–113. Выступление профессора П.С. Кудрявцева.

Дурновцев В.И.

Исторические источники в процессах трансформации историографических координат

Аннотация: В статье содержится критический анализ представлений об исторических источниках как исключительно культурных объектах, результатах человеческой деятельности. Обосновывается, соответствующее современной эпистемологической ситуации, традициям российской и мировой историографии, трактовка источников реконструкции исторической реальности, а также их классификации, с учетом природных и человеческих ресурсов.

Ключевые слова: историография, источниковедение, история окружающей среды.

Durnovtsev V. I.

Historical sources in the processes of transformation of historiographical coordinates

Abstract: The article contains a critical analysis of ideas about historical sources as exclusively cultural objects, the results of human activity. It substantiates the interpretation of the sources of reconstruction of historical reality, as well as their classification, taking into account natural and human resources, corresponding to the current epistemological situation, the traditions of Russian and world historiography.

Keywords: historiography, source study, environmental history.

Перечень определений исторических источников – остатков и преданий, следов и фрагментов, «угасшей жизни» и «молчаливых монументов» – кажется нескончаемым. Они без особого труда поддаются количественному учету и первоначальной группировке. Недавно И.Н. Данилевский собрал пакет распространенных суждений о том, какие именно материалы следует отнести к источникам ретроспективной информации в истории. В этой своеобразной «коллекции» на разные лады повторяются представления об историческом источнике исключительно как результате человеческой деятельности. Тут и «продукт культуры, объективированный результат деятельности человека», и «произведение, созданное человеком», и «продукт целенаправленной человеческой деятельности», и «произведение – продукт человеческой созидательной деятельности», и т.д.¹ Невольно

задавшись вопросом, куда отнести впечатляющие «произведения» разрушительной деятельности человечества за всю его историю, без которых она непредставима, в изумлении останавливаешься на следующем определении: исторический источник – это «объективированный результат творческой деятельности человека/продукт культуры, используемый для изучения/ понимания человека, общества, культуры как в исторической, так и коэксистенциальной составляющих...». Попробовав соотнести первый попавшийся известный источник, текст, памятник, документ с таким определением, вслед за И.Н. Данилевским, напомнившим весьма кстати слова Ф. Энгельса о «незначительной ценности дефиниций», находишь куда более крепкие выражения.

Особого вреда исторической критике подобные взгляды, конечно, не принесут. И будут решительно бесполезны в процедурах правильного источниковедческого анализа. А тем более не ослабят впечатления читателей, скажем, от «Былого и дум» А.И. Герцена или «Воспоминаний» Н.Я. Мандельштам, которые отнесены к «группе видов» исторических источников, «функция которых установление межличностной коммуникации в эволюционном и коэксистенциальном целом и автокоммуникации...». «Бобок», однако...

Качественные характеристики исторического источника, их обоснование и сопутствующая мотивация нередко соответствуют исключительно исследовательской практике автора, индивидуальному опыту, претендующему на универсальность. Сплошь и рядом встречаются определения с явными «вторичными» признаками: «Бывает нечто, о чем говорят: “смотри, вот это новое”»; но это было уже в веках, бывших прежде нас». Повсеместна вольная или невольная забывчивость о контексте эпохи и конкретной историографической ситуации. Разумеется, ссылки на «позитивизм», «кантианство» и «неокантианство», «рационализм», «неклассическую»/ «неоклассическую» науку, а тем более на «марксистско–ленинскую методологию» – обычное дело. Иногда они избыточны. Особенно тогда, когда бездумно включаются в ткань «птичьего языка» учебных пособий – подлинного мучения для студентов бакалавриата (!) – по дисциплине «Источниковедение».

Контент–анализ может в немалой степени споспешествовать упорядочению дефиниций исторического источника, а также созданию классификационных схем, но его возможности все же ограничены, а результаты в любом случае не окончательны.

Естественно, сохраняют безусловное значение многолетние дис-

куссии по этому вопросу в отечественной и зарубежной историографии, которые, в свою очередь, являются ценным «вторичным источником» конкретной эпистемологической ситуации².

Рассуждения об «историческом источнике» вообще – не редкость. Как будто он существует вне конкретного времени, вне определенного пространства. Он превращается в абстракцию, пустую матрицу, которая, если и наполняется, то от случая к случаю и по большей части подходящими «примерами». В этом искусственном мире создаются конструкции, освобожденные от так дорогих уму и сердцу практикующего историка подробностей, деталей. Да и не нужны ему, свободному в выборе тем для научных занятий, эти наставления, от которых за версту несет ригоризмом и схоластикой.

Другое дело – школа в широком смысле. Школа не только «научения», овладения правилами исторического письма, но призывающая к диалогу, возможным альтернативам, не навязывавшая один единственный и «правильный ответ». В том числе и на вопрос: «Что такое исторический источник?»

Так, как это сделал недавно немецкий историк О. Эксле. Он предложил вообще отказаться от этого понятия, «поскольку с ним до сих пор неизбежно и открыто связаны эмпиристские и метафизические эпистемологии», отказаться «от всякой иерархии и сегментирования исторического материала в пользу его свободного понимания»³.

Конечно, это радикальная позиция. Но в самом деле, творческую, интеллектуальную свободу историка может ограничить всё, что угодно, но никак не вечный спор о понятиях. И предложение завершить дискуссию. Работая с выявленными источниками исторической информации, в соответствии с установками своего сознания, профессиональными качествами, проблематикой исследования, исследователь принимает/отвергает, использует/игнорирует позитивный/негативный опыт, накопленный поколениями историков, философов, социологов, лингвистов. Все стремятся к поиску исторической истины, не только историки, но именно они по большей части убеждены в возможности ее достижения, обращаясь к «следам», «припасам», «остаткам», «традициям», как не назови, содержащим потенциальную явную и скрытую, намеренную и ненамеренную историческую информацию. В соответствии с исследовательским выбором для одних это будет исключительно продукт человеческой деятельности, для других – всё, что источает информацию, включая данные, поступающие из природно-географической среды, для третьих – документы или «история в цифре».

Историзация проблемы исторического источника, конечно, не новость. Но часто пути и способы ее разрешения представлены как поступательное движение, связанное с изменениями историографических координат. Это еще куда ни шло. Хуже, и прежде всего для современной студенческой аудитории, навязываемое в качестве непревзойденного и на все времена (по образцу «вечного двигателя»?) определение исторического источника, вступающее в решительное противоречие с новейшими тенденциями развития исторической науки, ее постоянно обновляемой проблематикой.

Исторические источники – пространство для очевидностей. Представления о них меняются вместе с трансформирующимися историографическими координатами. Если история – это драма идей, то и интерпретации источника переживают свою судьбу, равно как определения, пытающиеся охватить всю картину в целом. В общем, и в самом деле, по Фуко, «молчаливым монументам» нет дела для подглядывающих.

«Игры разума» доставляют интеллектуальное наслаждение не только игрокам, но и болельщикам. Но они сплошь и рядом выходят за горизонты собственно исторического познания, вызывая законные опасения в «убийстве истории как науки», дискредитируются под напором «внеисточникового» исторического знания и феноменальных успехов фейковой историографии, добавлю, фейковой обработки источникового материала, манипулирования и сознательного отбора удобных «здесь и сейчас» материалов.

История написана. Забудьте. Таков девиз исторической политики. Прошло время известного дипломатиста Лео Сантифаллера, заявившего, что «историография, не основанная на источниках, не является наукой». Того самого Сантифаллера, который предложил полвека назад называть вспомогательные исторические дисциплины «основными историческими дисциплинами». Современного историка трудно убедить во мнении, что вспомогательные исторические дисциплины можно отнести к фундаментальным наукам. Увы, историография может быть переполнена ссылками на источники, подстраиваться под науку, мимикрировать под научный анализ. Какой уж тут поиск исторической истины!

Давно за научной историографией топает, пытаясь попасть след в след, фальсифицированная история⁴. Век ее короток. Но посоветуйте, что делать в наших домашних библиотеках с многочисленными, дикими пузатыми опусами, наполненными борьбой за чистоту

известного учения и его методологии истории. Как и с невинно–невежественными поклонниками Фоменко. Простите им, ибо не ведают, что творят.

Есть ли связь между параисториографией и давно изжившими себя представлениями о материалах ремесла историка? Игнорировать очевидное, сознательно закрывать глаза на «мир природы» в ходе реконструкции прошлого человечества, отказывать ему, что само по себе невежественно, быть важнейшим, а часто и определяющим источником исторической информации, объективно означает, хотя и невольное, насаждение фальсифицированных представлений об основе основ профессиональной деятельности ученого историка.

Современная историческая наука должна знать историю своей науки. Это очевидно. Но должна ли она цепляться за свое прошлое?

И все же историограф продолжает занимать феномен постоянного «присутствия» в теоретико–методологических опытах идей и принципов, сформулированных как минимум сто лет назад. Они никак не согласуются с колоссальными изменениями, произошедшими в XX – начале XXI века в мировой историографии. Они слабо, если не сказать точнее, увязаны с яркими прозрениями в теоретическом осмыслении исторического движения и путей его познания, расширением источниковой базы исследований, инновационными способами обработки массовых данных, повлекшие за собой новые научные практики, совершенствование и обновление исследовательских процедур и исторического нарратива. А шире – с процессами информационной революции, наложившей существенный отпечаток на теорию и практику исторического письма.

Дело, по нашему мнению, заключается в том, что полузабытые и даже опровергнутые идеи и принципы «старой» историографии и философии истории, в том числе в «мире источниковедения», могут в той или иной форме сохраняться в современном эпистемологическом пространстве.

«Спустившись с небес на землю», исторический источник входит в мир исторической и историографической действительности. Он обретает важные свойства исторической реальности, создает условия для поиска исторической истины, что, конечно, не исключает искренние, намеренные или бессознательные заблуждения исследователя на этом нескончаемом пути⁵.

Но «небо» тут ни при чем. Нельзя недооценивать методологические опыты даже столетней давности, в том числе результаты историзованных определений источника и соответствующих классифи-

кационных схем. Они позволяют создать внятную картину движения исторической мысли и исторических понятий в прежних, как будто изживших себя научных парадигмах и давно изменившейся социально-исторической среде, определить как метафизическую составляющую, так и преходящий характер доктринальных установок современности. Значимость новейших методологических идей находится в неразрывной связи с изучением прежнего опыта точно так же, как собственно реконструкция исторических концепций, созданных в предшествующие периоды развития научно-исторического познания. Как во всем объеме понять и оценить роль первых «Анналов» в мировой историографии, исключив из нее принципиальную критику позитивизма и Леопольда фон Ранке при всем безусловном к нему почтении «анналистов»? Но «великое» прошлое не может служить постоянным «руководством к действию» практикующего историка, который может быть бесконечно далёким от забот вчерашнего дня и позавчерашней «актуальности». И нужно ли учить писать по старым прописям да еще вопреки очевидному выдавать их за «последний писк» грамоты?

Вопрос кажется риторическим. Но никогда не говори никогда. Достаточно напомнить об историографической судьбе «исторического позитивизма»⁶.

Претензий к «позитивистской истории», нацеленной на изучение документов посредством филологического анализа было предостаточно. Ее ожидала в обозримом будущем участь объекта исключительно историографического изучения. Все новые и новые методологические идеи, родившиеся в недрах исторической науки и в смежных областях, овладевали исследователями, но часто только для того, чтобы, подобно метеориту, сверкнуть на звездном небе и навсегда исчезнуть.

Между тем, удивительным образом в современной историографии ранкеанские идеи реабилитируются в тысячах и тысячах добротных больших и малых исследовательских опытах, а освоение оставленного наследия «исторического позитивизма» сплошь и рядом рассматривается непременным условием профессиональной подготовки историка и его дальнейшего роста. Прав Х. Уайт: из реальности своего времени Ранке сделал идеал на все времена.

Открыто заявить о своих, так сказать, «позитивистских» пристрастиях и наклонностях не всегда и не везде удобно. Невообразимо представить современную кандидатскую диссертацию, автор которой в нормативном объяснении своих методологических уста-

новок (основ) признается в грехе изучения исторических источников в духе автора «Истории романских и германских народов с 1494 до 1535 гг.» или «Введения в историю» Ш.-В. Ланглуа и Ш. Сеньобоса. Клеймо ретрограда смыть невозможно, требования историографической корректности оказываются выше внутренней убежденности.

Ю.И. Семенов в предисловии, предваряющем переиздание «Введения в историю», уверен, что в нем содержатся идеи, которыми должен руководствоваться каждый специалист в области истории. «Авторы исходят из положения, которое никогда не устареет и никогда и никем не будет опровергнуто. Оно заключается в том, что прошлое человечества не зависит от сознания историка... Воссоздать исторический процесс таким, каким он был на самом деле, можно лишь при условии тщательнейшей критики исторических источников и тем самым скрупулезнейшего установления достоверности исторических фактов. Как раз книга Ш.-В. Ланглуа и Ш. Сеньобоса и учит этому. Основной принцип, который положен в ее основу, – обеспечение максимальной объективности исторического знания. А вот этого у нас сейчас крайне не хватает. И названный труд ценен тем, что он может способствовать избавлению нашей исторической науки от субъективизма и тем самым восстановлению уважения к ней»⁷. О том же пишут И.М. Савельева и А.В. Полетаев: «Позитивистские критерии научности исторического исследования во многом до сих пор определяют научную этику исторического сообщества и предлагают ориентиры, пользуясь которыми можно отличить историка-ученого от идеолога, легитимизирующего настоящее с помощью прошлого. Историк предписывается не манипулировать историческими данными. Историк должен считаться с исторической информацией, в том числе с новой, и, учитывая ее, корректировать свои конструкции и выводы. И, наконец, историк непременно использует принятые в науке его времени методы, в то время как пропагандист опирается на подходы, характерные скорее для псевдонауки»⁸.

Уважение к столетним традициям отождествления понятия «исторический источник» исключительно с культурно-исторической деятельностью человека (Дройзен: исторический источник «лишь то, чему человеческий дух и человеческий смысл придали форму, в чем они отпечатались, чего они коснулись, лишь человеческий след может получить значение исторического материала». Э. Бернгейм: «источники суть результаты человеческих деятельностей, или непосредственно служащие или все же через посредство собственного существования, возникновения и в других отношениях преимуще-

ственно пригодные для познания или для доказательства исторических фактов») как раз и заключается в том, чтобы, отдав должное вековой традиции, расширить рамки антропологической истории в новой эпистемологической ситуации за счет включения в нее материалов по истории окружающей человека среды, влекущее за собой новый информационный ресурс – корпус естественноисторических источников. И зафиксировав тем самым разворачивающийся процесс «историзации природы».

Впрочем, для отдельных направлений исторической науки занимающий нас вопрос давно решен по причине своей очевидности. «Как познается историческое прошлое? – задаются вопросом историки первобытного общества И.А. Першиц и В.П. Алексеев. – С помощью самых разнообразных средств информации, имеющих о нем какие-то сведения. Эти сведения содержат в себе объекты, которые вследствие соприкосновения или взаимодействия с другими объектами несут в себе те или иные следы этого соприкосновения или взаимодействия... В истории исторической науки шли длительные споры о том, каковы объекты, несущие информацию о прошлом и получившие наименование исторических источников, и каковы должны быть процедуры их обработки. Дискуссия эта продолжается и до сих пор. Основной ее вопрос состоит в том, являются ли историческими источниками только письменные документы и другие следы исторического прошлого или в их число входит и обширный круг свидетельств о географических и биологических явлениях, сопровождавших историю человеческого общества. Теоретически совершенно очевидно, что человеческая история разыгрывалась на каждом из своих отрезков в определенных условиях географической среды и что биологическая динамика человеческого вида является таким же важным источником для реконструкции многих событий человеческой истории, как и другие собственно исторические источники. Поэтому дискуссия о том, есть ли естественноисторическая информация исторический источник или нет, в сущности говоря, бесплодна. Под историческим источником следует понимать любой объект изучения, из которого можно извлечь исторические сведения, и любые данные естественноисторического цикла—антропологические, географические и палеогеографические, геологические, физические и химические, которые служат той же цели, являются полными историческими источниками»⁹.

Касаясь вопроса о классификации источников, В.П. Алексеев и А.И. Першиц, в соответствии с направлением их научных занятий,

предложили располагать по наукам, их изучающим, и рассматривать их на равных правах – один вид за другим.

В конечном итоге так и происходит. Давно известно «Источниковедение Киевской Руси», «Источниковедение средних веков», «Источниковедение новой и новейшей истории»... И это далеко не все. Из возникшего в границах «научно-методической школы» XIX в. феноменального в дисциплинарном смысле «российского продукта» – Источниковедения¹⁰ – образовалась пышная крона: актовое источниковедение, источниковедение музейного дела, компьютерное источниковедение, лингвистическое источниковедение, информационное источниковедение, источниковедение кинофотофоноvideодокументов, источниковедение истории философии, архивное источниковедение... Появились «документальное источниковедение», «комплексное источниковедение», «зарубежное источниковедение», «компаративное источниковедение», «источниковедение культуры», «теоретическое источниковедение», «экологическое источниковедение».

Неоспорим вклад в историографическую судьбу источниковедения А.С. Лаппо–Данилевского. Термин «методология источниковедения» прочно вошел в терминологический аппарат исторической науки.

Одним из принципиальных пунктов «Методологии истории» было разведение естественнонаучного и гуманитарного/исторического знания: объектом изучения естественных наук является природа, а объектом изучения истории – результаты деятельности людей. За пределами человека какой бы то ни было исторический материал отсутствует.

Исключив «произведения природы» из сферы познавательных интересов историка, А.С. Лаппо-Данилевский опасался, и как оказалось не без оснований, что со временем может быть нарушено выработанное им общее правило. Историки могут подвести под понятие «исторический источник» явления «природы», воспользуются знанием о них для построения некогда бывшей исторической действительности.

Признавая наличие альтернативной точки зрения, и, если угодно, прорицая возможное, но не принимаемое им будущее методологии источниковедения, он писал: «... Рассуждение подобного рода нельзя, однако, признать методологически правильным: явления природы, если угодно, могут служить источниками для научного знания естествоведа, но не историка; естествовед изучает их и заключает о возможности действия в прошлое время тех же факторов, которые действуют и на его глазах, а историк лишь пользуется вы-

водами естествоведа для построения исторической действительности»¹¹.

Выходит, что А.С. Лаппо–Данилевский не отрицал значение естественнонаучных данных в процессе научного освоения человеческой истории, но сомневался в целесообразности историку собирать и исследовать материалы по истории окружающей человека среды. Методы работы «естествоведа», по его мнению, противоположны методам работы историка с историческими данными, а какое бы то ни было сближение, а тем более взаимопроникновение этих методов недопустимо.

Пожалуй, в историографических координатах своего времени мнение А.С. Лаппо–Данилевского можно считать дискуссионным, но приемлемым, если к тому же учесть проблематику его научных занятий.

Между тем активные исследования роли природно–географического фактора в истории человечества, осуществлявшиеся не только в эпоху А.С. Лаппо–Данилевского, но и много раньше, объективно открывали путь к широкому пониманию источников исторического изучения¹².

Современному историку, более или менее ориентированному в проблематике новейшей историографии, отрицание включения в поле исследовательского внимания данных «мира природы» с полным основанием покажется устаревшим. Для начала XX столетия они находятся в границах нормального научного спора. Во второй половине XX и в первые десятилетия XXI в., в том числе в понимании исторического источника «в свете теории информации» (И.Д. Ковальченко) они не выходят за границы историографического факта. В естественных и гуманитарных науках происходят интеграционные процессы, влекущие за собой принципиальное единство исследовательских методов, которые уже не нуждаются в апологии.

О.М. Медушевская, внесшая исключительный вклад в интерпретацию теоретического наследия А.С. Лаппо–Данилевского, разделяя понятийно–категориальные – и не только – установки автора «Методологии истории», отмечала: «Становление информационных наук, имеющее столь значительное влияние на культуру XX в. произошло под знаком технологических приоритетов и не сопровождалось соизмеримыми мощным технологиям гуманитарными идеями... В свою очередь, науки о культуре, по сути отказавшись от сравнительных исследований мира природы и мира культуры, искусственно ограничили возможности исследований системного подхода, природы информации, поведения»¹³.

По-разному можно оценивать и интерпретировать эти слова. Например, не согласиться с категорическим заявлением по адресу «наук о культуре» в указанном контексте. Но показательно общее соображение О.М. Медушевой о важности сравнительных исследований мира природы и мира культуры в соответствии с современными парадигмальными установками.

Будущее источниковедения заключается не только в обновлении или преодолении безнадежно устаревших историографических традиций, но и в максимальном учете, а в случае необходимости корректировке выдержавших испытание временем исследовательских и учебных практик.

Например, в большинстве классификационных схем исторических источников встречается группа т. н. вещественных источников. При этом понимаются «вещи в культуре». Но общепринятое понимание вещи, с одной стороны, как части материального мира, которая может быть опосредована человеческой деятельностью, и является культурным объектом, а с другой – принадлежит природному миру, способствует сближению одностороннего и расширенного понимания исторического источника. Переход от «вещи в культуре» к «вещи как историческом источнике» отчасти снимает проблему строгого разделения «природы» и «культуры» в соответствующем аспекте.

Что касается неконтролируемого размножения «источниковедений», то оно вообще имеет чисто методическую значимость. Достаточно договориться или понять – как угодно, – что на методологическом уровне полномасштабная реконструкция исторической реальности на основе исключительно документов/письменных источников/текстов потенциально обеднена, а за счет привлеченных естественноисторических материалов, «мира природы», может быть обогащенной, – и проблема разрешается на обоюдной основе. Именно это и имел в виду Ле Гофф, писавший, что ««заточить историю в оковы документов - это значит не только заковать ее в тесный железный ошейник, но и ограничить ее лишь поверхностным слоем цивилизации, исказить ее, изуродовать, незаконно приукрасить ее»¹⁴.

И в самом деле, как сто и двести лет назад историк может обходиться без данных «мира природы». Предмет изучения освобождает его от поисков исторической информации в соответствующем направлении. Но вместе с тем документальная информация может быть насыщена «миром природы», она может содержать данные по истории окружающей среды, там, где «человеческий след» при всем желании обнаружить невозможно.

Уж кого никак не упрекнешь в невнимании к антропологически ориентированной истории, так это основателей и ближайших последователей «Анналов». Они доказали результатами своих выдающихся исследований, что антропологизация истории – это процесс вырастания человека из природы, становления его культуры, а изучение этого процесса основывается и на природе, и на культуре.

Переход от «природы» к «культуре» связан с биологической эволюцией, эволюционной антропологией как наукой. Исследование этой взаимной связи на междисциплинарном уровне предполагает расширительное понимание основы практической историографии – исторического источника, его выход за пределы антропологической истории, антропологического источниковедения. Коль скоро мы изучаем человека и природу, так может что-либо человеческое или природное быть за пределами нашего исследования, говорят историки окружающей среды. Данные атмосферной химии или динамики популяции рыб, историческое измерение климата, почвы, степи и леса для них столь же важно, как и отражение в литературе и искусстве истории природной среды¹⁵.

Л. Февр заметил, что знаменитая формула Л. Ранке («wie es eigentlich gewesen») противостояла общему направлению различных, но действующих заодно гуманитарных дисциплин. Содержание этого направления очевидно и бесспорно. «Историю изучают при помощи текстов» – достаточно принять эту формулу, чтобы разом покончить с тщательным наблюдением над различными ландшафтами, с тонким пониманием ближних и дальних географических связей, с изучением следов, оставленных на очеловеченной земле упорным трудом многих поколений, начиная с людей эпохи неолита, которые, отделяя то, что должно остаться лесом, от того, чему суждено превратиться в пашню, устанавливали на грядущие времена первые исторически известные типы первобытных человеческих организаций». И в другом месте: «История, несомненно, создается на основе письменных документов. Когда они есть. Но она может и должна создаваться и без письменных документов, когда их не существует. Причем при отсутствии привычных цветов историк может собирать свой мед со всего того, что ему позволит его изобретательность. Это могут быть слова и знаки, пейзажи и полотна, конфигурация полей и сорных трав, затмения Луны и формы хомутов, геологическая экспертиза камней и химический анализ металла, из которого сделаны шпаги, – одним словом, все то, что, принадлежа человеку, зависит от него, служит ему, выражает

его, означает его присутствие, деятельность, вкусы и способы человеческого бытия»¹⁶.

Ф. Бродель, конечно, соглашался с Марком Блоком, что история – это человек, но она – и всё остальное: почва, климат, геологические движения¹⁷. Именно «всё остальное» и может быть представлено в качестве объектов современного исторического источниковедения, и не дополнительно, но на равных правах с «культурными объектами». В этом направлении, разумеется, не исключая других, целесообразно вести освоение современными исследователями методологических и методических проблем, включая вопросы классификации исторических источников. Изучение истории окружающей среды решается с привлечением данных, как непосредственно связанных с деятельностью людей, накладывающих на нее существенный отпечаток, так и сведений, не имеющих к ней никакого отношения.

Добавим, впрочем, что «некультурные объекты» непреобразованной человеком природной среды в результате их изучения с точки зрения исторического значения, пройдя этап языковой интерпретации, становятся и в самом деле итогом работы исследователя: экспедиционные отчеты, записи наблюдений, зафиксированные результаты биохимического, дендрологического анализа, применения радиоуглеродного метода и т. д., т. е. превращаются в «культурный объект».

В самом общем виде история окружающей среды в границах современной исторической науки изучается в трех постоянно пересекающихся направлениях. Это сама природа, ее изменение с течением времени, включающее физическое воздействие на человеческие общества земель, воды, атмосферы и биосферы. Это процессы использования людьми природных ресурсов, в том числе анализ последствий увеличения численности населения, промышленных и технологических революций, колониальных экспансий, изменений структуры производства и потребления. Наконец, это образы природы в литературе и искусстве, религии и науке¹⁸.

Материальная, политическая и культурная история образовали исследовательское пространство истории окружающей среды, которое, в свою очередь, стало условием качественного глобального изучения социоприродной динамики, с одной стороны, и стимулом локальных многосторонних исследований, с другой.

Оценивая перспективы интеграции естественных наук и наук о человеке, В.А. Лекторский обращает внимание на активизацию исследований механизмов функционирования и эволюции такой уникальной системы, как «всемирная экологическая система».

Этот интерес связан с появлением идеи об историческом характере самих природных законов (идея глобального эволюционизма) и с обострением экологической ситуации, необходимостью сохранения уникальной природной среды обитания человечества¹⁹. Отсюда вытекают задачи глобального исторического анализа, которые поставила перед мировой и национальными историографиями историческая действительность. Успешное решение этих задач, конечно, обеспечивается локальными и региональными исследованиями, анализом данных, сведений, источников, представления о которых соответствуют современному научному знанию.

¹ Данилевский И.Н. Историческая текстология: учеб. пособие. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2018. С. 61–62.

² Пушкарев Л.Н. Классификация русских письменных источников по отечественной истории. М.: «Наука», 1975.

³ Эксле О. Что такое исторический источник?// Manuscula. 80–летию Арона Яковлевича Гуревича. М., 2004. С. 180.

⁴ Козлов В.П. Обманутая, но торжествующая Клио (Подлоги письменных источников по российской истории в XX веке). М.: Российская политическая энциклопедия. 2001.

⁵ А.А. Зализняк, выступая при вручении ему премии А.И. Солженицына (2008), сказал: «Мне хотелось бы высказаться в защиту... простейших идей, которые прежде считались очевидными и даже просто банальными, а теперь звучат очень немодно: Истина существует, и целью науки является ее поиск».

⁶ Дурновоцев В.И. «Историческая школа» Л. фон Ранке и позитивистский историзм в судьбах современной исторической науки (историографические наблюдения)//Творческое наследие А.А. Зимина и современная российская историография. Доклады, статьи и воспоминания. М.: 2017. С. 87–104.

⁷ Семенов Ю.И. Труд Ш.-В. Ланглуа и Ш. Сеньобоса «Введение в изучение истории» и современная историческая наука// Ланглуа Ш.-В., Сеньобос Ш. Введение в изучение истории. М.: Гос. публ. ист. б-ка России, 2004. С. 35–36.

⁸ Савельева И.М., Полетаев А.В. Становление исторического метода: Ранке, Маркс, Дройзен// Диалог со временем. Вып.18. М.: URSS: Изд-во ЛКИ, 2007. С. 75.

⁹ Алексеев В.П., Першиц А.И. История первобытного общества. 6–е изд. М.: АСТ:Астрель, 2007. С. 15–16.

¹⁰ Гарскова И.М., Дурновоцев В.И. Отечественное историческое источниковедение: заметки о «старом» и «новом»//Вспомогательные исторические дисциплины и источниковедение: современные исследования и перспективы развития. Материалы XXVII международной научной конференции к 85-летию Историко-архивного института, к 75-летию кафедры вспомогательных исторических дисциплин. М.: РГГУ, 2015. С. 9–38.

¹¹ *Ланто-Данилевский А.С.* Методология истории: D 2 т. Т. 2. М.: РОССПЭН, 2010. С. 32.

¹² Роль географического фактора в истории докапиталистических обществ (по этнографическим данным): Сб. науч. трудов. М.: Наука (Ленинградское отд.), 1984.

¹³ *Медушевская О.М.* Пространство и время в науках о человеке: Избранные труды. М.: Центр гуманитарных инициатив, 2013. С. 373.

¹⁴ *Ле Гофф Ж.* Существовала ли французская историческая школа «Annales»? / Французский ежегодник. Статьи и материалы по истории Франции. 1968. М., 1970. С. 349.

¹⁵ *Истомина Э.Г.* Леса России: экологическая и социоэкономическая история (XVIII–начало XX в.). М.: Квадрига, 2019.

¹⁶ Цит. по: Про А. Двенадцать уроков по истории. М.: РГГУ, 2000. С. 84.

¹⁷ *Fernand Braudel apud Moore*, 2003. P. 431.

¹⁸ *Hughes J. Donald. Three Dimensions of Environmental History // Environment and History*. 2008. Vol. 14. Iss. 3.

¹⁹ См. подробнее: *Лекторский В.А.* Возможна ли интеграция естественных наук и наук о человеке? // Вопросы философии. 2003, № 3.

Хорхордина Т.И.

Научные дискуссии отечественных ученых о разграничении понятий «архив, библиотека, музей»: проведение и результаты

Аннотация: В статье анализируется история двух научных дискуссий, начатых крупнейшими отечественными архивоведами – Ильей Лукичем Маяковским (1920 – е гг.) и Владимиром Петровичем Козловым (2004 г.). Дискуссии были посвящены общности и специфическим особенностям архивов, музеев, библиотек как хранителей исторической памяти. Хотя две дискуссии разделяют по времени более 80 лет, в то же время они показали, что продолжается процесс переосмысления и предлагаются новые решения научных проблем.

Ключевые слова: архив, библиотека, музей, общее и особенное, И.Л. Маяковский, В.П. Козлов, преемственность традиций

Khorkhordina T. I.

Scientific discussions of domestic scientists on the distinction between the concepts of “archive, library, Museum” : conduct and results

Abstract: The article analyzes the history of two scientific discussions initiated by the most prominent Russian archivists Ilya Lukich Mayakovsky (1920s) and Vladimir Petrovich Kozlov (2004). The discussions were devoted to the commonality and specific features of archives, museums, libraries as keepers of historical memory. Despite the fact that more than 80 years separate the times of holding the discussions, they showed at the same time that research conducted by V. P. Kozlov continues the best traditions of Russian science and concurrently reconsiders a lot and offers a new solution to scientific problems.

Keywords: archive, library, museum, general and special, I. L. Mayakovsky, V. P. Kozlov, succession of traditions

В 2004 году в журнале «Отечественные архивы» был опубликован доклад современного архивоведа, источниковеда, археографа В.П. Козлова о месте и роли архивов, музеев, библиотек в системе исторической памяти, с которым он выступил на 10-й Международной конференции архивистов стран Центральной и Восточной Европы¹. В обсуждении основных положений доклада В.П. Козлова, чьи научные труды всегда отличаются новаторским подходом и глубокой анализа поставленных проблем и их решения, и состоявшейся на страницах «Отечественных архивов» дискуссии приняли участие

представители ведущих отечественных музеев, библиотек, архивов².

Участники дискуссии единодушно признали, что архивы, музеи, библиотеки при всей общности своего предназначения как хранителей исторической памяти, имеют специфические отличия.

В.П. Козлов, говоря о специфических особенностях архива, совершенно справедливо напоминал об архивном фонде, который, в отличие от музеев и библиотек, призван формироваться как система целостного восприятия исторического и временного пространства. В отличие от музейного артефакта и книги, документ поступает в составе фонда с комплексом других документов, объединенных между собой естественно-историческими связями и принципом происхождения документов. Это значит, что документы архивного фонда последовательно и хронологически отражают факты, события, явления, процессы действительности. Таким образом, фонд является генетически и структурно целостным комплексом исторических источников, особенность которого заключается в отражении прошлого сквозь призму информационных связей конкретного фондообразователя, а сами связи между запечатленными фактами и событиями даны в нем в том «готовом виде», в каком они заложены фондообразователем³. Именно поэтому архивы сохраняют не фрагменты прошлого, а дают информацию о целом, отражаясь в документе, о способах связи в процессе функционирования живой системы.

В.П. Козлов, инициировавший дискуссию, точно обозначил отличие объектов музейного, библиотечного и архивного хранения: объектом музейного хранения является предмет, библиотечного – книга, архивного – документ⁴. Правда, в последние десятилетия заметна тенденция к интеграции и сближению, даже размыванию границ этих понятий. Нередко происходит взаимопроникновение каждого из объектов в разные сферы их хранения – формируются единые архивно-музейные, архивно-библиотечные, музейно-библиотечные комплексы – своего рода синтетические хранилища.

Например, Российский государственный архив древних актов (РГАДА) владеет крупнейшим собранием рукописных и старопечатных книг, сложившемся на основе библиотек Посольского приказа, Московского печатного двора, Московского главного архива министерства иностранных дел (МГАМИД), Московского архива министерства юстиции (МАМЮ), а также собраний ученых-коллекционеров М.М. Оболенского, Ф.Ф. Мазурина, Д.Я. Самоквасова, включает книги кирилловской печати почти всех славянских типографий XV –XVII вв., редкие русские издания, инкунабулы,

редкие иностранные издания XVI – XVIII вв. Национальный архив Франции хранит ценнейшие музейные реликвии, в том числе коллекции эстампов, эталонов мер и весов.

А выставочная и экспозиционная деятельность музеев практически невозможна без архивных документов. В то же время и архивы активизировали выставочную деятельность. Так, в 2000 г. был создан Выставочный зал федеральных архивов, ставший главной презентационной площадкой Архивной службы России и одним из значимых культурно-просветительных центров Москвы.

Появляются и библиотеки-музеи. В библиотеках широкое распространение получили нумизматические коллекции. И архивы, и библиотеки при организации выставок привлекают музейные ценности.

В свою очередь, музей привлекает архивные документы и книги во взаимосвязи с тематикой экспозиции, музейными предметами. Музей стал универсальным хранилищем «опредмеченной» истории, когда и книга, и музейный предмет, и документ одинаково важны в тематической экспозиции и взаимодополняют друг друга. В.П. Козлов привел образец подобной взаимодополняемости: «только оказавшись вместе», например, кинжал Ивана Грозного в музейной экспозиции, книга о нем, размещенная на выставке в библиотеке, и Синодик, содержащий пофамильный перечень им убитых, выставленных в архиве, «могут произвести эмоциональное впечатление и иметь познавательное значение»⁵.

Таким образом, мы наблюдаем интеграцию учреждений культуры.

Отличие же архивного документа от музейного предмета заключается в том, что документы, поступившие затем на хранение в архив, изначально создавались для закрепления определенной информации, в то время как при создании предметов, ставших затем музейными экспонатами, эта цель – передача информации – не преследовалась.

Уникальность архивного документа и тиражированность книги – еще одно различие в объектах хранения архива и библиотеки. В архивах хранятся, как правило, аутентичные документы, имеющие юридическую силу. При этом и архивы, и музеи, и библиотеки осуществляют важнейшие культурно-просветительские и научные функции. И в этом заключается их общность. Однако, Владимир Петрович, а вслед за ним и Т.М.Горяева, точно указали, что архивы реализуют еще одну функцию – они являются атрибутом государственности, выполняя информационное обеспечение органов государственной вла-

сти и социальные запросы граждан, документально подтверждая их юридические права и социальные гарантии. Одним из приоритетных направлений использования архивных документов является их привлечение и в качестве доказательной базы в борьбе с попытками искажения истории, за объективное знание о прошлом.

Отметим, что теоретическая проблема «архив, библиотека и музей» и вопросы их общности и различия привлекали внимание исследователей с конца XIX – начала XX века. Символично, что дискуссия, начатая В.П. Козловым, показала преемственность тех идей, которые выдвигались отечественными учеными в начале XX века.

Так, на I Конференции архивных деятелей Петрограда, состоявшейся 25-28 мая 1920 г., историки и архивоведы (А.И. Андреев и В.Н. Нечаев) впервые поставили вопрос о взаимоотношениях библиотек и музеев с отделениями Единого государственного архивного фонда, созданным в результате архивной реформы в соответствии с Декретом «О реорганизации и централизации архивного дела в РСФСР».

В продолжение дискуссии, начатой Андреевым и Нечаевым, архивовед Илья Лукич Маяковский выступил с докладом «Архив, библиотека и музей» на I Всероссийской конференции архивных деятелей (1921 г.), которая отразила противоборство двух подходов к науке и культуре – нового руководства Главархива во главе с М.Н. Покровским и ученых «старой школы». Дело в том, что в 1921 г. было объявлено о создании историко-культурной секции ЕГАФ, куда должны были передаваться историко-литературные материалы, хранившиеся частично в музеях и библиотеках, а также в сейфах банков, куда они попали еще до революции. Возражая официальным представителям Главархива, требовавшим изъять рукописные собрания из музеев и библиотек для передачи их на хранение в государственные архивы, Маяковский парировал: сложившиеся при библиотеках рукописные собрания должны и впредь оставаться там. А вот вновь отыскиваемый или кем-нибудь предлагаемый материал должен быть сосредоточен в Центрархиве.

Напомним, что еще в 1919 г. был принят Декрет СНК РСФСР «Об отмене права частной собственности на архивы умерших русских писателей, композиторов, художников и ученых, хранящихся в библиотеках и музеях», отменивший все ограничительные для государства условия, на которых были сданы бывшими владельцами эти архивы. Этот Декрет был воспринят историками и архивистами, готовившими и проводившими архивную реформу, негативно.

Маяковский в докладе попытался дать разграничение понятий «архив, библиотека, музей»⁶.

Определяя специфику каждого из понятий, он отметил, что архивы содержат в себе исторические первоисточники. Библиотеки включают в себе письменные материалы, «служащие проводниками различных отраслей знания и потому размноженные механическим (машинным) способом». В музеях могут находиться такие оригиналы и копии письменных памятников, которые отмечаются показательностью, иллюстративностью и наглядностью. Лейтмотивом статьи И.Л. Маяковского проходят два основных вывода. Первый: «Общая цель архивов и библиотек – это хранение письменных материалов в таком виде, и в таких условиях, чтобы эти материалы целесообразно функционировали».

Второй вывод Маяковского заключается в том, что по своей цели музей ближе к архиву, нежели к библиотеке. Если архив имеет своей целью хранение письменных первоисточников и их использование, то в музеях собраны «подлинные отражения жизни, т.е. те же первоисточники, но только вещественного характера». Отсюда следует, что «архивы, библиотеки и музеи должны спасать и собирать все исторические ценности..., но не смешивать их спасение и собирание с распределением, которое должно производиться на основании только функционального разграничения этих учреждений» Маяковский признает, что в архивах определяющим является принцип происхождения документов. Библиотеки же создают искусственные тематические классификации книг. Музей сочетает в себе оба обозначенных подхода. При этом Маяковский призывает к интеграции деятельности музеев, библиотекарей и архивистов, считая, что все научные и культурные силы России должны перейти от «пассивного ожидания» к «самому активному разысканию материалов как путем самостоятельных планомерных поисков, так и посредством тесного контакта со всеми учреждениями, так или иначе соприкасающимися с памятниками прошлого». Маяковский отмечает, что в центре этой деятельности должны стоять Главнаука, Академия наук, библиотеки, музеи, на местах – в особенности краеведческие организации – «вот те органы, которые могли бы оказать делу концентрации громадную помощь».

Правда, в 1920-гг. между архивистами и краеведами были и весьма существенные различия по вопросу о праве создания собственных архивов из документов, собранных краеведами и хранящихся в музеях и библиотеках. Эта проблема рассматривалась вначале как

одна из научно-теоретических, связанных с необходимостью более четкого разграничения понятий «архив, библиотека, музей». Однако руководство Главархива стало искусственно раздувать масштабы этих разногласий, постепенно представляя краеведов противниками идеи централизации архивного дела и разрушителями основ ЕГАФ.

Маяковский же призывает архивное, библиотечное и музейное дело рассматривать как три составные части «наших культурных начинаний», причем, по его мнению, необходимо устранять «ведомственные трения» путем отдельных соглашений между заинтересованными учреждениями и организациями. Задачу своего исследования Маяковский формулирует следующим образом: установившиеся издавна взгляды на роль архива, библиотеки и музея, целевую установку их задач, следует перенести в плоскость поиска наиболее целесообразных организационных форм взаимодействия этих научных учреждений⁷.

Участники конференции, согласившись с двуединой идеей Маяковского, приняли резолюцию о наличии тесной связи между архивами, библиотеками и музеями в деле собирания, охраны, научной разработки письменных памятников, а также о необходимости неотложного разрешения вопроса о тесном разграничении и координировании деятельности в этой области⁸.

С нашей точки зрения, ключевые слова в этой резолюции – «координация» («согласование работы» и «контактные органы на местах»). По существу, архивная общественность России высказалась за воссоздание на новой основе демократической идеи крупнейшего отечественного архивоведа, директора МАМЮ Н.В. Калачова (1819-1885), заключавшейся в объединении сил местной интеллигенции в некоей «надведомственной» структуре с целью собирания (комплектования) и научной разработки архивных документов. Музеи, общества, кружки и другие объединения именовались Маяковским «академиями наук на местах».

«Опасность» идеи Маяковского для органов власти заключалась в том, что архивисты предлагали создать нечто вроде «зон свободы» в архивно-информационном пространстве России, которое, к сожалению, им, по существу, уже не принадлежало⁹.

Однако Маяковский настолько убежден в своей правоте, что через год – в 1927 г. публикует свою последнюю статью на эту тему: «Об архивах как одной из областей краеведческой работы»¹⁰. Вряд ли при оглашении своих краеведческих размышлений Маяковский подозревал, что у него есть единомышленники, которые еще более широко,

по-философски осмысливали проблему вовлечения народных масс в культурное строительство. Князь Д.И. Шаховской (1861—1939), один из создателей конституционно-демократической партии и духовный «брат» В.И. Вернадского (1863-1945), размышлял в одном из «писем о братстве» в январе 1926 г.: «... очередной задачей ближайшего года я считаю борьбу за единство русской культуры и за сознательное вовлечение в эту борьбу народных масс. Внешнее выражение этого все-народного овладения наукой и всенаучного завоевания народа – это *краеведение*. И если бы я не боялся затемнить сущность символом, я бы выразил свою мысль предложением положить начало вольной русской *народной* академии. Конечно, это только образ. Я имею в виду не внешнее учреждение, а живой центр деятельной научной работы, сознательно и бодро ставящей перед собой новые методы познания, расширяющий (центр) область науки вширь и глубь, придающий ей единство и вовлекающий в научный круговорот все население! Я считаю, что именно этот идеал в действенном его противоречии мы ставили перед собой и 40 лет тому назад»¹¹.

Маяковский не был знаком ни с Д.И. Шаховским, ни с В.И. Вернадским. И то, что его идеи о роли краеведов, архивистов, музейеведов, библиотекарей, представителей всех культурных слоев России оказались созвучны благородным идеям лучших представителей российской интеллигенции – не случайность.

Анализируя опыт развития архивов в России и на Западе, Маяковский отмечает, что понятие архива, в течение всего периода развития архивистики, не оставалось неизменным – «В его эволюции определенно заметна тенденция к расширению его объема».

Обратим внимание: сухим, академическим языком Маяковский излагает вопреки «учрежденческому», делопроизводственному – гуманитарный, «антропологический» подход к оценке сущности архивов как собрания прежде всего «написанного человеком». Отметим, что учрежденческий подход был характерен для архивоведения советского периода, войдя составной частью в теорию экспертизы ценности документов, где одним из главных критериев отбора на хранение являлась их принадлежность к официальному учреждению (ведомству), стоящему на возможно более высокой ступени иерархической лестницы органов системы государственных учреждений, организаций, предприятий. Соответственно вне архивов оставались «все остальные писания человека». Категорически отвергая «общепринятое представление об архиве как о хранилище официальных бумаг», Маяковский предлагает перейти к новому, широкому поня-

тию об архиве. Суть его он излагает следующим образом: «Архивы... в своем функционировании *увеличивают* сумму человеческих знаний новыми данными, храня в себе их *первоисточники*, т.е. творческие акты человека, выразившиеся на письме. Так как всякий творческий акт неповторим, то первоисточники являются *оригиналами* или *автографами* и существуют в единственном числе, т.е. они также неповторимы и, следовательно, должны быть неуничтожимы. Даже самые тщательные издания и воспроизведения оригиналов не могут исчерпать их ценности, так как неотделимой от оригиналов останется вся индивидуальная, обязательная их сторона»¹², – пишет он. Сегодня его рассуждения больше ассоциируются со знаменитым высказыванием русского историка, первого руководителя Союза Российских архивных деятелей А.С. Лаппо-Данилевского (1863-1919), который видел ценность архивного документа как исторического источника именно в том, что он представляет собой «индивидуализированный результат творчества», «реализованный продукт человеческой психики». А архивист его «одушевляет», проникаясь «единством чужого сознания»¹³. Конечно, в 1926 г. Маяковский уже не мог использовать «идеалистическую» лексику романтически приподнятого настроения, характерного для его «Исторического очерка архивного дела в России» 1920 года издания¹⁴.

Но все же остается главное – утверждение тенденции, проявившейся в историческом развитии архивистики, а именно стремление к «расширению объема архивного материала». Этот важный теоретический вывод мы бы сегодня назвали первым формулированием принципа все большей «гуманитаризации», очеловечивания архивов, в процессе их органического, «самодостаточно» развития.

Историческая же ценность документов личного происхождения непреходяща. Воссоздание творческой лаборатории появления документа как отражения ценностных ориентиров в обществе позволяет документам личного происхождения стать источниками, на основе которых можно судить о развитии общества в тот или иной исторический период и проводить исследования на уровне микропроцессов, основанных на уважении к личности Человека, к его, выражаясь философским языком, «самости». Признание того, что история – это прежде всего история людей и деятельность каждого человека вписывается в контекст государственной, социально-культурной, духовной жизни и влияет на ее изменение, актуализирует проблему использования источников личного происхождения во всех сферах

научного знания – архивах, музеях, библиотеках, где человек как объект изучения занимает важнейшее место.

История двух дискуссий показывает, что объединенные общностью своего предназначения как хранителей исторической памяти, архивы, музеи и библиотеки, являются равноценными, самоценными, взаимодополняющими друг друга сферами знания.

¹ *Козлов В.П.* Музеи, библиотеки, архивы в системе исторической памяти // Отечественные архивы. 2004. №6. С. 71-75.

² *Афанасьев М.Д., Горяева Т.М., Силаева З.А., Сундиева А.А., Фаизова И.В.* «Дискуссия вызвана взаимным интересом» // Отечественные архивы. 2004. № 6. С.75-87.

³ *Автократов В.Н.* Теоретические проблемы отечественного архивоведения. М.:РГГУ, 2001. С.115.

⁴ *Козлов В.П.* Музеи, библиотеки, архивы в системе исторической памяти // Отечественные архивы. 2004. № 6. С. 72.

⁵ Там же. С.75.

⁶ *Маяковский И.Л.* Архив, библиотека и музей // Архивное дело. 1926. Вып. V-VI. С.45-56; Вып. VII. С. 21-36.

⁷ Там же. С. 28-36.

⁸ I Всероссийская конференция архивных деятелей. Москва, 29 сентября-30 октября 1921 г. // Архивное дело. 1923. Вып.1. С. 129.

⁹ См.: *Хорхордина Т.И.* Неизвестный Маяковский. М.:РГГУ. 2001. С.36-56; *Хорхордина Т.И.* Российская наука об архивах: История. Теория. Люди. М.: РГГУ, 2003. С. 336-475.

¹⁰ Краеведение. 1927. №1. С. 47-62.

¹¹ *Шаховской Д.И.* Письма о братстве //Звенья: Исторический альманах. 1992. Вып.2. С. 267-308.

¹² *Маяковский И.Л.* Архив, библиотека и музей. С. 24.

¹³ *Лаппо-Данилевский А.С.* Методология истории. СПб., 1913. Ч.2: Методы исторического изучения. С. 321, 325, 375-376.

¹⁴ *Маяковский И.Л.* Исторический очерк архивного дела в России: Лекции, читанные слушателям Архивных курсов при Петроградском археологическом институте в 1918 г. Пг., 1920. Ч.1.

Афиани В.Ю.

Текстологические дискуссии: к вопросу о механизме научных дискуссий в советский период

Аннотация: Две текстологические дискуссии в 1950 и 1960-х гг. имели большое значение в развитии теоретических и практических, прикладных вопросов текстологии, самого ее формирования как научной филологической дисциплины. Дискуссии носили научный характер. Дискуссия 1952-1954 гг., начатая по инициативе власти, включала элементы идеологического характера. В дискуссиях обсуждались важнейшие научные вопросы: определения, предмета, объекта и задач текстологии, типологии публикаций, «основного» и «канонического» текста, понятия «авторской воли» и др.

Ключевые слова: текстология, дискуссии, филология, литературоведение, наука, идеология.

Afiani V. Yu.

Textual discussions: on the mechanism of scientific discussions in the Soviet period

Abstract: Two textual discussions in the 1950s and 1960s were of great importance in the development of theoretical and practical, applied issues of textology, its very formation as a scientific philological discipline. The discussions were of a scientific nature. The discussion of 1952-1954, initiated by the authorities, included elements of an ideological nature. The most important scientific issues were discussed in the discussions: definition, subject, object and tasks of textology, typology of publications, “basic” and “canonical” text, the concept of “author’s will”, etc.

Keywords: Textology, textual criticism, discussion, philology, literary study, science, ideology.

В 1950-х и в 1960-х гг. состоялись текстологические дискуссии, они не так хорошо известны и изучены, как другие, более известные дискуссии по философии 1920 и 1940-х гг., генетике 1948 г. или языкознанию 1951 г. и т.п. Не велика литература, посвященная им, не выявлен и не исследован комплекс источников, в особенности, архивных источников.

Весной 1952 г. газета «Правда» вышла с передовой статьей «За высокую идейность в работе издательств». В ней затрагивались во-

просы издания произведений художественной литературы: «Советский читатель хочет получить отличные издания произведений классики и советских писателей. Это обязывает составителей и редакторов издаваемых сочинений тщательно и бережно подходить к публикуемым текстам. К сожалению руководители ряда издательств забывают о своей ответственности перед читателем. Подготовка литературных произведений к публикации нередко поручается людям некомпетентным и недобросовестным. Грубые ошибки и искажения текстов имели место при переиздании некоторых литературных произведений. [...] Интересы читателей требуют, чтобы при переиздании произведений была обеспечена тщательная научная подготовка текстов»¹. Вслед за этой публикаций в общественно-политических и литературных газетах и журналах, в журналах АН СССР стали выходить критические статьи о собраниях сочинений Гоголя, Некрасова, Салтыкова-Щедрина, Чехова и др., с примерами «недопустимого разнобоя», ошибочных чтений, контаминации текстов, произвола в выборе вариантов и необоснованного включения их в основной публикуемый текст, произвола редакторов и т.п.² В первую очередь статьи печатались в «Литературной газете» на протяжении всего 1952 г., они появлялись и в других периодических изданиях³, в т.ч. в академических⁴. Подобного рода статьи, хотя и в меньшем числе, продолжали печататься в 1953 и 1954 гг.⁵

Одна из таких статей, подписанная группой известных литературоведов, по своему тону фактически носила «установочный» характер: «Вопрос о правильности текстов классиков не есть частное дело специалистов, – это ответственнейшее дело государственной важности». Здесь же был поднят вопрос о формах и методах коллективной работы, об участии в ней академических институтов, о необходимости систематической подготовки кадров текстологов, об издании специальных книг и руководств по текстологии. «Назрела явная потребность в новой текстологической литературе, которая подвела бы некоторый исторический итог тому, что было сделано советской текстологией, и осветила бы проблемы, выдвинутые современностью»⁶.

Значительная часть критиковавшихся собраний сочинений писателей была подготовлена институтами АН СССР. В фондах Отделения языка и литературы АН СССР среди записок о состоянии дел в различных областях литературоведения и языкознания, отложилась записка Д.С. Лихачева «О задачах изучения русской литературы XI – XVII

вв.» от 1 декабря 1952 г., где был выделен специальный раздел «Какие задачи стоят перед советской наукой в области издания произведений древней русской литературы?». Наряду с критикой «буржуазного литературоведения» и, в частности «научных приемов издания памятников, применявшихся буржуазной наукой XIX в.», отмечалась необходимость активизации работы по собиранию рукописей у населения с помощью археографических экспедиций совместно с историками, и описания документальных памятников в хранилищах, в целях планомерного издания памятников литературы, составления перечня памятников, заслуживающих первоочередной публикации⁷. Но специально проблемы издания документальных памятников в ней не рассматривались. В другом документе, в записке Д.Д. Благого от 8 декабря 1952 г. «О состоянии и задачах советского литературоведения», говорилось о «запущенности отдельных участков» литературоведения, которая приводила к тому, что наряду с «превосходными достижениями в области текстологии (взять хотя бы академическое издание Пушкина)», «общий уровень текстологии за последние годы сильно упал. Отсюда провалы в отношении ряда изданий писателей-классиков и почти совершенное отсутствие квалифицированных кадров текстологов»⁸. Но о задачах подготовки совещания по текстологии не упоминалось.

Однако реакция на критику в Академии наук все-таки была. В Институте мировой литературы АН СССР в 1952 г. был создан сектор текстологии, который разрабатывал инструкцию об обязанностях и взаимоотношениях лиц, участвующих в подготовке публикаций, редколлегии издания, ответственных редакторов, специальной текстологической комиссии и контрольных рецензентов. Сектор претендовал и на координационные функции, даже, как будто, на некоторый контроль за изданием сочинений писателей. В одном из вариантов инструкции говорилось, что учреждение или издательство, планирующее научное издание сочинений классиков художественной литературы, «вступает в связь» с сектором, должны будут присылать планы и проспекты изданий, «а также сведения об организации работы над подготовкой издания»⁹.

В начале 1953 г. Издательство АН СССР обращалось в Президиум АН «с просьбой указать Бюро ОЛЯ [т.е. Отделения литературы и языка АН СССР] на то, чтобы оно ускорило созыв текстологического совещания, а также на необходимость освещать вопросы текстологии

на страницах «Известий» Отделения». Совещание первоначально намечалось на осень 1952 г.¹⁰, но затем дата его открытия переносилась. Академик-секретарь отделения академик В.В. Виноградов, отвечая на это письмо 7 февраля, сообщил в Президиум АН СССР, что соответствующие указания «Известиям» были даны. Но только 27 октября того же года Бюро Отделения приняло постановление рекомендовать «Известиям» «рассмотреть вопрос о проведении в 1954 году на страницах журнала дискуссии по вопросам текстологии»¹¹. Но дискуссия так и не была организована. По какой-то причине Отделение, и редакция его «Известий», не спешили принять участие в подготовке такого совещания, хотя утверждается, что материалы совещания посылались в секретариат Г.М. Маленкова¹².

Такая позиция Академии наук тем более интересна, что в это время одна из статей по текстологии попала в водоворот политической и идеологической борьбы. 24 марта 1953 г. А. А. Фадеев «обрушился» на заседании Союза писателей на статью Н.К. Гудзия и В.А. Жданова «Вопросы текстологии», об «исключительных трудностях» в работе с текстами Л.Н. Толстого, опубликованную в журнале «Новый мир»¹³, утверждая, что она противоречит «государственным указаниям», «представляет собой замаскированную полемику с государственным требованием упорядочить издание классиков»¹⁴. Нужно отметить, что на самом деле, в центре критики был роман В. Гроссмана «За правое дело» и ряд статей в «Новом мире», включая ставшую знаменитой статью В. Померанца «Об искренности в литературе» и ряд других публикаций в журнале. Каким образом в этот список попала статья по текстологии, еще предстоит выяснить. Возможно, статья была воспринята как критика Полного собрания сочинений Л.Н. Толстого, издававшегося с 1928 г. по распоряжению СНК СССР. Президиум Союза советских писателей СССР принял постановление «О романе В. Гроссмана «За правое дело» и о работе редакции журнала «Новый мир»» 24 марта 1953 г., посланное в ЦК КПСС. В нем говорилось, что признается правильной критическая оценка романа В. Гроссмана «За правое дело». Здесь же упоминалось о том, что в «Новом мире», опубликованы «работы, расходящиеся с партийными указаниями по литературным вопросам (статья Н.К. Гудзия и В.А. Жданова «Вопросы текстологии»)». На сопроводительной записке А. Фадеева имеется помета: «В архив. Тов. Поспелов П.Н. ознакомился. А. Соловьев. 25.05.1953 г.»¹⁵

Чем заслужила статья о проблемах текстологии произведений Л.Н. Толстого такого «высочайшего внимания», не вполне непонятно, тем более, что газета «Правда» в 1952 г. призывала к повышению качества подготовки собраний сочинений классиков. Авторы статьи писали об «исключительных трудностях» в работе с текстами Толстого, «различные текстологические вопросы с предельной остротой выдвигаются при установлении окончательного текста сочинений Л. Н. Толстого. Критическая проверка всего рукописного наследия его особенно трудна и сложна. Равного по объему рукописного и корректурного фонда нет ни у одного писателя»¹⁶.

Обсуждение публикаций журнала «Новый мир» в ЦК КПСС продолжилось в следующем году и круг, беспокоящих власть проблем, все расширялся. Но статья о текстологии произведений Л.Н. Толстого выпала из критикуемой «обоймы» публикаций в журнале. Обсуждение ситуации во властных органах продолжилось и в 1954 г. Дело закончилось снятием А.Т. Твардовского с должности главного редактора журнала. Эту цель преследовали критики «Нового мира», кроме того, здесь, видимо, отозвалась и борьба за влияние в ЦК КПСС, в частности, между М.А. Сусловым и П.Н. Поспеловым.

На этом фоне, в Москве в Институте мировой литературы совместно с Институтом русской литературы АН СССР с 10 по 13 мая 1954 г. прошло совещание по проблемам текстологии, подготовки к изданию произведений.

Основными докладами на текстологическом совещании в ИМЛИ АН СССР были «Типы советских изданий писателей-классиков» пушкиниста, чл.-корр. АН СССР Д.Д. Благого и «Установление канонических текстов литературных произведений», специалиста по творчеству Ф.М. Достоевского, д. филол. наук В.С. Нечаевой. Предварительно были опубликованы тезисы этих двух пленарных докладов на совещании¹⁷, а затем отчет о совещании в «Известиях АН СССР», и в других периодических изданиях¹⁸. В фонде Института мировой литературы АН СССР в Архиве РАН хранится обширная стенограмма совещания¹⁹. Этот важнейший исторический источник практически не привлекал внимания исследователей. Только недавно был опубликован текст выступления Ю.Г. Оксмана (работавшего в тот период в ИМЛИ АН СССР)²⁰.

Из материалов совещания выясняется, что основной доклад должен был сделать чл.-корр. АН СССР, в тот момент директор Пушкин-

ского Дома Н.Ф. Бельчиков, который однако заболел. Возможно, это была «дипломатическая» болезнь, т.к. Н.Ф. Бельчиков, имевший неоднозначную репутацию среди коллег, и не отличавшийся храбростью, в тоже время известен как человек, близкий к заведующему Отделом художественной литературы и искусства (1950-1953), затем Отделом пропаганды и агитации (1953-1955) В.С. Кружкову²¹. Вероятно, этот несостоявшийся доклад в значительной степени совпал со статьей Н.Ф. Бельчикова в «Вестнике АН СССР» изданной в том же году²².

В прениях на совещании выступили: академик В. В. Виноградов, действительный член АН УССР Н. К. Гудзий, чл.-корр. АН СССР Д. С. Лихачев, известные литературоведы И.Л. Андронников, П.Н. Берков, И.С. Зильберштейн, Б. П. Козьмин, Б. С. Мейлах, Б. В. Михайловский, Ю.Г. Оксман, Б. В. Томашевский, А. Б. Шапиро, и другие.

Из стенограммы совещания и опубликованных в печати отчетов о нем, видно, что оно в целом носило научный характер. В тоже время, в докладе В.С. Нечаевой несколько страниц были посвящены критике теоретических взглядов известного пушкиниста Б.В. Томашевского – «отца-основателя» текстологии, предложившего этот термин. В доказательство цитировалась книга Б.В. Томашевского 1928 г.: «Текстология не есть специальная наука; это скорее это некоторый метод, некоторое научное орудие, при помощи которого наука добывает необходимые ей данные. ... Это – практическая дисциплина, во многом являющаяся особым рода прикладной филологией»²³. Формулировки доклада о взглядах ученого: «субъективизм» и «формализм», которые «отвергла советская текстология», «как глубоко ошибочные», напоминали недавние дискуссии в науке, выливавшиеся в идеологические кампании. В 1920-х гг. Б.В. Томашевский выступал также против использования в текстологии принципа «воли автора» и понятия «канонического текста», сохранив свои взгляды и в 1950-е гг., высказав их на предварительном обсуждении тезисов докладов в Отделении языка и литературы АН СССР.

С критикой позиции Б.В. Томашевского (и характера его выступления на совещании) выступали и другие участники, в частности, в своем заключительном слове после дискуссии, – Д.Д. Благой²⁴.

Разумеется, и содержание основных докладов и выступлений, не сводились к критике «формализма» или лично Б.В. Томашевского. Выступавшие на совещании вели и собственные «микродискуссии» с другими литературоведами и текстологами, приводя обширный

конкретный материал о успешных или ошибочных текстологических решения в различных изданиях сочинений русских и советских писателей.

В заключительном слове В.С. Нечаевой, были озвучены предложения возглавлявшегося ею сектора текстологии ИМЛИ АН СССР: выработать инструкцию или инструкции по подготовке произведений литературы к изданию, изучить опыт работы текстологических комиссий, обменяться опытом в подготовке молодых текстологов, способствовать объединению текстологов. Она пригласила участников совещания принять участие в сборнике «Вопросы текстологии». Ее заключительное слово не содержало каких-либо пунктов, касающихся Б.В. Томашевского.

Но о них напомнил заместитель директора ИМЛИ СССР Н.М. Онуфриев, который попытался «усилить» критику взглядов Б.В. Томашевского по вопросу «канонического» или «стабильного» текста, «воли писателя». Он заявил что это «государственная научная терминология в области текстологии» (!) и что текстолог должен быть марксистом, а «важнейший положительный итог» совещания – «подвергнуть критике субъективистский принцип в текстологии». Правда, в его конкретных предложениях или «задачах» текстологов: подготовить пятилетний план изданий, инструкцию, обобщить опыт текстологической работы, расширить практику фототипических изданий, организовать специальное издание «Вопросы текстологии», не содержалось каких-либо идеологизированных пунктов.

В краткой статье в «Известиях Отделения языка и литературы АН СССР», подводившей итоги совещания, ни о «субъективизме», ни о «формализме», ни о том, что их критика – главный положительный итог совещания, не упоминалось. Упоминалось о выступлении Б.В. Томашевского, как не содержащем «конструктивных предложений», и о его позиции, что текстология «вспомогательная дисциплина, совокупность практических навыков», а также, что он резко возражал против понятия «канонический текст». В конце статьи говорилось, что «положительным итогом совещания явился тот факт, что были подвергнуты критике попытки отрицать возможность установления каких-либо нормативов в области текстологии»²⁵.

В статье Н.Ф. Бельчикова, имевшей обобщающий характер, говорилось, что совещание «положило начало установлению единства мнений по ряду спорных вопросов, способствовало объединению тек-

стологов, устранению самотека и кустарщины в их работе, внедрению плановости и подъему научно-политического уровня всего дела издания классиков в Советском Союзе», что «докладчики и большинство выступавших отметили необходимость разработки теоретических проблем текстологии, которым до сих пор уделялось совершенно недостаточное внимание. Было указано, что отсутствие теоретических обобщений в области текстологии ведет к отставанию издания классической литературы от растущих культурных запросов советского читателя. Совещание резко осудило всякого рода субъективизм и редакторский произвол в обращении с авторскими текстами, подчеркнув необходимость строгого соблюдения научных основ текстологии, принципа нерушимости авторской воли. Выступавшие подчеркивали важность установления общего, обязательного для всех исследователей метода текстологического анализа и скорейшего создания единой текстологической инструкции»²⁶. Отмечалась необходимость соблюдения принципа коллективной текстологической работы по подготовке к изданию произведений писателей-классиков для повышения их научного уровня.

Сейчас, без дополнительного изучения фондов ЦК КПСС трудно сказать, была ли целенаправленная критика взглядов Б.В. Томашевского остатком первоначального замысла текстологического совещания или данью привычной риторики на подобного рода мероприятиях? Во всяком случае, изучение архивных документов не дает основания делать вывод о том, что это совещание – «очевидный аналог» сессии ВАСХНИЛ 1948 г., что «победу себе присвоили догматизаторы», «в начале 50-х годов произошла догматизация текстологии, она стала пониматься узко, только в прикладном, эдиционном значении...», а для московской текстологической школы стал характерен «текстологический талмудизм» и т.п.²⁷

Публикация передовой статьи в центральной газете, серии газетно-журнальных публикаций в 1952-1953 гг. по вопросам издания наследия писателей, как будто предвещали развитие совещание по проверенному сценарию идеологизированных мероприятий в науке в 1930-начале 1950-х гг. Но этот сценарий по существу не был реализован, вероятно, в связи определенными изменениями в политическом режиме в СССР после смерти Сталина.

Следующая дискуссия по вопросам текстологии развернулась в середине 1960-х гг. на страницах журнала «Русская литература» во-

круг работ Д. С. Лихачева²⁸. За это время, в 1957-1967 гг. сектор текстологии ИМЛИ АН СССР выпустил четыре сборника “Вопросы текстологии” и коллективный труд “Основы текстологии” (1962).

Дискуссия была начата в журнале «Русская литература» в 1965 г. по инициативе книговеда, библиографа Б.Я. Бухштаба, полемизировавшего с Д.С. Лихачевым. В дискуссии также приняли участие Е.И. Прохоров, А.Л. Гришунин²⁹.

Дискуссия велась, прежде всего, вокруг понимания текстологии, во многом продолжая дискуссии на совещании 1954 г. Одни исследователи так или иначе рассматривали текстологию как вспомогательную дисциплину, сумму практических навыков, в рамках подготовки произведений литературы к публикации. Это, т.н. «эдиционное» направление, представляли Б.Я. Бухштаб, П.Н. Берков, Н.К. Гудзий, С.А. Макашин, Л.Д. Опульская, С.А. Рейсер, Б.М. Эйхенбаум, и др. Другие исследователи – Д.С. Лихачев, А.Л. Гришунин и др., рассматривали текстологию как самостоятельную науку, изучающую историю текста.

Б.Я. Бухштаб дискутировал с «общей концепцией», с пониманием Д.С. Лихачевым того, «что такое текстология, что является ее задачей, предметом и содержанием»³⁰. Он писал, что вопреки утверждениям Д.С. Лихачева, «история текста того или иного произведения не может претендовать на звание особой науки» и что он «стремится теоретически и практически сепарировать текстологию от работы по изданию текста»³¹. Критиковалось понимание Д.С. Лихачевым понятия «основного текста», «канонического текста», подготовку которого он относил к издательским соображениям, к «технике издания» (Б.Я. Бухштаб назвал его определение «антинаучным»), скептическое отношение к «авторской воле». А.Л. Гришунин, выступивший в защиту взглядов Д.С. Лихачева, утверждал, что «Основной пафос работ Д. С. Лихачева — борьба с распространенным, особенно за рубежом, механистическим догматизмом, фиксирующим лишь отдельные изменения текста в процессе сличения, предпринимаемого без ясного представления о цели и смысле этой работы», и «широкое» понимание текстологии, которая «не только устанавливает текст литературного произведения, в частности, для издания, но и дает важный материал для его интерпретации, для изучения творчества писателя, – автора произведения – и всего литературного процесса»³². Б.Я. Бухштаба поддержал Е.И. Прохоров, утверждая, что предметом текстологии является сам текст произведения, а не его история, что методом тексто-

логии является сравнительно-историческое изучение источников³³. В своем ответе оппонентам, Д.С. Лихачев справедливо писал, что «текстология имеет общие принципы, общую методiku и общие приемы работы, какие бы тексты она ни изучала — японские, русские, греческие, новые или древние». В отношении к «воли автора» он настаивал на необходимости различать «историю творческой воли автора» и «формально-юридический» подход к этому вопросу, необходимости отделения истории текста от истории произведения³⁴.

Дискуссия на страницах журнала «Русская литература» фактически была продолжена на страницах журнала «История СССР» по инициативе филолога С.Н. Азбелева³⁵. И на этот раз, в центре критики были текстологические труды Д.С. Лихачева. С. Н. Азбелев дал свое определение текстологии: «вспомогательная историческая дисциплина, устанавливающая генетические взаимоотношения текстов путем сравнительно-исторического изучения их»³⁶, утверждая, что у историка и филолога в текстологии один метод. Д.С. Лихачев отстаивая свою точку зрения о самостоятельности текстологии как филологической дисциплины, писал, что в подходе к тексту историк выступает филологом и литературоведом. Он подчеркивал различия между историком и филологом в вопросе «канонического текста», утверждая, что историк рассматривает текст в «динамике». А филолог — «статике», как это требует подход к художественному произведению и что для историка не имеет существенного значения понятие «последней авторской воли», рассмотрения произведения с эстетической точки зрения. Д.С. Лихачев утверждал, что оппонент «слишком прямолинейно и некритически» воспринял его тезис о «единой текстологии» — единой для юристов, историков, языковедов, литературоведов, а также востоковедов, античников, медиевистов и т.д.), что он пытался отрицать «всекие различия в текстологическом исследовании» между памятниками литературными и историческими, между памятниками древнего и нового времени³⁷. Продолжение дискуссии было прервано редакцией журнала «История СССР», не опубликовавшее новую статью С. Н. Азбелева, изданную много лет спустя³⁸.

Различия между двумя текстологическими дискуссиями, прошедшими в начале 1950-х и середине 1960-х гг. в научном плане весьма существенны. В первом случае, дискуссия была инициирована передовой статьей в газете «Правда», вызвавшей серию критических статей по теме публикации сочинений писателей-классиков. Вполне

возможно, вопрос о дискуссии-совещании обсуждался в ЦК КПСС (но этот вывод еще предстоит подтвердить изучением архивных документов). В основных докладах, некоторых выступлениях использовались элементы идеологических дискуссий предшествующего периода, с соответствующей терминологией. Но они не стали ведущими или преобладающими в дискуссии, впоследствии не было никаких преследований критиковавшихся оппонентов. Можно назвать эту дискуссию по своей форме и, отчасти, по своему содержанию, переходной формой к научной дискуссии, с явным преобладанием научного содержания. Во время первой дискуссии была сделана попытка коллективно обсудить текстологические проблемы, выявленные в процессе подготовки издания сочинений русских и советских писателей. В архивных документах дискуссии представлен огромный материал с обсуждением теоретических вопросов, и многочисленными конкретными примерами текстологических проблем и решений. Были сформулированы конкретные предложения по итогам совещания. Одни из них, – периодическое издание по проблемам текстологии, было в определенной степени реализовано в четырех выпусках сборника «Вопросы текстологии» и сборнике «Основы текстологии», изданных ИМЛИ АН СССР (1962). Очевидно, что это совещание стимулировало Д.С. Лихачева к написанию двух обобщающих трудов по текстологии. Их выход решил вопрос о создании обобщающего труда по текстологии и, в определенной степени, служил ориентиром для публикаторов. В отличие от историков и лингвистов, филологи, невзирая на решения текстологического совещания 1954 г., так и не подготовили какие-либо общие правила публикации литературных произведений.

Дискуссия 1960-х гг. имела уже исключительно научный характер, привлекла значительно более узкий круг исследователей. Инициировал ее один из исследователей, в центре дискуссий были только взгляды на текстологию Д.С. Лихачева.

Несмотря на научный характер дискуссии 1960-х гг., нельзя сказать, что идеологическая составляющая в советский период полностью ушла из сферы текстологии. С.А. Рейсер об этом откровенно написал: «Вопросы текстологии приобрели теперь общественно-политическое звучание. Тексты писателей (Белинского, Л. Толстого, А. Островского, Некрасова, Чехова) издаются на основании решений Совета Министров СССР, о неисправных текстах (М. Л. Михайлова, Демьяна Бедного) мы читаем особые постановления Центрального

Комитета КПСС»³⁹. Разумеется, это «ритуальное» упоминание о решениях партии- и правительства было достаточно формальным, хотя и необходимым требованием для учебного пособия.

Можно указать также, например, на дискуссию 1960- начала 1970-х гг., вокруг «нового исторического направления», и о понимании историками относящихся к нему социально-экономического развития России и истории российских революций 1917 г. Научная дискуссия, начатая с согласия ЦК КПСС, приобрела идеологический характер. В 1973 г. на совещании в отделе науки ЦК КПС, «новое направление» было заклеено, как «ревизионистское», покушающееся на основы ленинизма. Глава направления, – будущий академик АН СССР П.В. Волобуева, был снят с поста директора Института истории СССР и лишен возможности преподавать на истфаке МГУ⁴⁰.

Вероятно, было бы интересно сравнить материалы двух текстологических дискуссий с дискуссиями в археографии, происходившими в советский и российский период. Очевидно, что в них можно будет найти как существенные различия, так и немало общего. Тем более, что с точки зрения многих историков, источниковедов и археографов, текстология является применением общих принципов и критериев к одной из многих групп источников – литературных. Думается перспективным в научном отношении было бы сравнительное изучение и истории развития этих двух разошедшихся по мнению филологов научных дисциплин. Дискуссии и в текстологии, и в археографии, будут продолжаться, свидетельство тому, в частности, появление «впервые в историографии», работы представляющей «новую научную дисциплину» – «историческую текстологию»⁴¹.

¹ За высокую идейность в работе издательств // Правда. 1952. 20 мая.

² *Слонимский А.Л.* О редакторском произволе //Лит. газ. 1952. № 5. 10 янв. С. 3; *Куриленков В.* Прихоть редакторов и своеволие составителей// Лит. газета. 1952. 7 февраля № 17; *Благой Д., Макогоненко Г., Мейлах Б.* За образцовое издание классиков// Лит. газета. 1952. 15 июля. № 85. С. 3; *Чуковский К. И.* Заметки текстолога // Лит. газета. 1952. 28 августа; *Зильберштейн И. С.* Издание классиков — дело всенародного значения// Лит. газета. 1952. № 98; *Григоренко В.В.* Еще раз об издании классиков // Лит. газета. 1952. №140; *Друзин В., Морозова В.* О принципах издания собрания сочинений Глеба Успенского//«Лит. газета». 1952. 11 декабря. № 148. Редакционная статья по итогам дискуссии: Лит. газета. 1953. № 44.

³ *Бельчиков Н. Ф.* Об издании произведений классической литературы. Сов. книга. 1952. № 7. С. 3-12; *Онуфриев Н. М. Гайденоко в Н. М. и Григорьян К. Н.* Про-

тив редакторского произвола в издании сочинений писателей-классиков// Сов. книга. 1953. № 3. С. 97-98.

⁴ *Томашевский Б. В., Фридендер Г. М.* Академическое издание сочинений Н. В. Гоголя // Известия АН СССР. Отделение языка и литературы. 1952. Т. 11. С. 49-60; *Слонимский А. Л.* Вопросы гоголевского текста. // Известия Акад. наук СССР. Отделение литературы и языка, 1953. Т. XII. Вып. 5. С. 401-416.

⁵ *Гудзий Н. К., Жданов В. А.* Вопросы текстологии // Новый мир. 1953. № 3. С. 232-241; *Петров С.* За научное издание сочинений В. Маяковского// Правда. 1953. 4 апреля; *Чуковский К. И.* От дилетантизма к науке. Заметки текстолога // Новый мир. 1954. № 2, С. С. 232-254; *Зильберштейн И. С.* Недостатки большого труда// Лит. газета. 1956. № 71.

⁶ *Благой Д., Макозюк Г., Мейлах Б.* За образцовое издание классиков// Лит. газета. 1952. 15 июля. № 85.

⁷ АРАН. Ф. 456. Оп. 1. Ед. хр. 326. Л. 26-27.

⁸ Там же. Л. 57.

⁹ Цит по: *Гришунин А. Л.* К переоценке старых заповедей // Книга. Исследования и материалы. 1990. Сб. 60. С. 84.

¹⁰ *Гришунин А. Л.* К переоценке старых заповедей... С. 87.

¹¹ АРАН. Ф. 397. Оп. 1. Ед. хр. 327. Л. 54 (192)- 55 (193).

¹² *Гришунин А. Л.* К переоценке старых заповедей... Сб. 60. С. 84.

¹³ *Гудзий Н. К., Жданов В. А.* Вопросы текстологии // Новый мир. 1953. № 3. С. 232-242. См. также: *Гудзий Н. К.* Что считать „каноническим» текстом „Войны и мира?» // Новый мир. 1963. № 4. С. 234-246.

¹⁴ *Гришунин А. Л.* Указ. соч. С. 29.

¹⁵ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 40. Л. 34-38. Заверенная копия.

¹⁶ *Гудзий Н. К., Жданов В. А.* Вопросы текстологии // Новый мир. 1953. № 3. С. 232-242.

¹⁷ Совещание по вопросам текстологии (1954; Москва). Тезисы докладов/ Ин-т мировой литературы им. А. М. Горького Акад. наук СССР. Совещание по вопросам текстологии. М.: [б. и.], 1954.

¹⁸ Совещание по вопросам текстологии (Хроника) // «Известия Акад. наук СССР. Отделение литературы и языка. 1954. Вып. 4. С. 392-397; Сов. культура. 1954. 18 мая; Лит. газета. 1954. 27 мая.

¹⁹ АРАН. Ф. 397. Оп. 1. Ед. хр. 326-330.

²⁰ *Фролов М. А.* «Накоплен огромный опыт, но не обобщен...»: Неопубликованные выступления и заметки Ю. Г. Оксмана // Литературный факт. 2018. № 9. С. 384-436.

²¹ *Огрызко В.* Заступник или гонитель? // Литературная Россия. 2012. № 4. 27 января [Электронный ресурс:] <https://old.litrossia.ru/2012/04/06775.html>.

²² *Бельчиков Н. Ф.* Советская текстология и ее задачи // Вестник АН. 1954. № 9. С. 36-45.

²³ *Томашевский Б. В.* Писатель и книга. Очерки текстологии. Л. 1928. С. 11.

²⁴ АРАН. Ф. 397. Оп. 1. Ед. хр. 330. ЛЛ. 39-43.

²⁵ Совещание по вопросам текстологии... С. 394, 396. Этот «отчет» А. Л. Гри-

шунин также оценил как «тенденциозный», объявляющий «победоносным» «направление» в текстологии представленное в основных докладах и объявляющий выступления Б.В. Томашевского и Э.Е. Зайденшнур «отметались как без всякого раскрытия как несостоятельные» и в отчете представлялись как «идейно опровергнутые и разбитые». Гришунин А.Л. К переоценке старых заповедей. С. 87. Сама оценка статьи А.Л. Гришуниним, как и ходя и содержания текстологического сощования, представляется излишне тенденциозной.

²⁶ *Бельчиков Н.Ф.* Советская текстология и ее задачи... С. 44.

²⁷ *Гришунин А.Л.* Исследовательские аспекты текстологии. М.: Наследие. 1998. С. 29-30; Он же. К переоценке старых заповедей... С. 87- 90. Интересно, что сам А.Л. Гришунин позднее повторил это советское клише говоря, что текстология избавляется от «механизма» и «формализма» (Гришунин А.Л. Исследовательские аспекты текстологии. С. 32).

²⁸ *Лихачев Д.С.* Текстология (на материале русской литературы X-XVII вв.). / Акад. наук СССР. Ин-т русской литературы (Пушкинский дом). М.; Л.: Изд-во АН СССР. [Ленингр. отд-ние]. М.; Л.: АН СССР. 1962. 605 с. Он же. Текстология. Краткий очерк / Акад. наук СССР. Ин-т русской литературы «Пушкинский дом». М.; Л.: Наука. [Ленингр. отд-ние], 1964. 102 с.

²⁹ *Бухштаб Б. Я.* Что же такое текстология? Рус. лит-ра. 1965. № 1. С. 65-75; *Лихачев Д.С.* По поводу статья Б. Бухштаба// Рус. лит-ра. 1965. №1. С. 76-89; Он же. О природе текстологии и проблеме выбора основного текста// Рус. лит-ра. 1965. № 3. С. 125-133; *Прохоров Е.И.* Предмет, метод и объем текстологии как науки// Рус. лит-ра. 1965. №3. С. 147-155; *Гришунин А. Л.* К спорам о текстологии// Рус. лит-ра. 1965. № 3. С. 134-146; *Лихачев Д.С.* Ответ Б.Я. Бухштабу и Е.И. Прохорову// Рус. литература. 1965. №3. С. 156-182; *Лихачев Д. С.* По поводу статьи С. Н. Азбелева «Текстология как вспомогательная историческая дисциплина» // История СССР. 1967. № 2.;

См. также дополнительную литературу по текстологии этого времени: *Берков П. Н.* Проблемы современной текстологии// Вопр. лит. 1963. № 12. С. 78 – 95. *Гришунин А. Л.* Очерк истории текстологии новой русской литературы. Л. 1963; *Гришунин А. Л.* Обсуждение книг по текстологии// Известия ОЛЯ. 1968, Т. XXII. Вып. 4. С. 365-367.

³⁰ *Бухштаб Б. Я.* Что же такое текстология?... С. 65.

³¹ Там же. С. 66, 69.

³² *Гришунин А. Л.* К спорам о текстологии... С. 134, 139.

³³ *Прохоров Е.И.* Предмет, метод и объем текстологии как науки. С. 148-149

³⁴ *Лихачев Д.С.* Ответ Б.Я. Бухштабу и Е.И. Прохорову. С. 156, 160.

³⁵ *Азбелев С. Н.* Текстология как вспомогательная историческая дисциплина // История СССР. 1966. № 4. С. 81 – 106.

³⁶ Там же. С.91.

³⁷ Там же. *Лихачев Д.С.* По поводу статьи С. Н. Азбелева «Текстология как вспомогательная историческая дисциплина» // История СССР. 1967. № 2. С. 230-235.

³⁸ *Азбелев С.Н.* Об узловых темах текстологии (Законсервированный ответ Д.С. Лихачеву)// Исторический формат. 2015. №2. С.198-215.

³⁹ *Рейсер С.А.* Основы текстологии. Учебное пособие для студентов педагогических институтов. Л. 1978. 2-0е изд. С. 3.

⁴⁰ Подробнее см.: *Поликарпов В. В.* «Новое направление» – в старом прочтении // Вопросы истории. 1989. № 3. С. 44-61; *Поликарпов В. В.* Новое направление – последняя дискуссия советских историков // Советская историография / под ред. Ю. Н. Афанасьева. М.: РГГУ, 1996. – (Россия: век XX); *Гаврилов Д. В.* «Новое направление» в исторической науке и его поклонники. Екатеринбург: УрО РАН; АМБ. 2005.

⁴¹ *Данилевский И. Н.* Историческая текстология. Учеб. пособие / Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2018. – (Учебники Высшей школы экономики). 556 с. Книга – дипломант конкурса АСКИ 2019 г. в номинации «Лучшая учебная книга». Автор учебника полностью игнорирует существование такой дисциплины как археография, включая сам этот термин.

**Андрей Белый в споре с Н.А. Морозовым
о подлинности евангельских текстов
(на материале неопубликованного трактата
«История становления самосознающей души»)**

Аннотация: В книге «Христос» (1924) Н.А. Морозов на основании астрономических фактов доказывал, что евангелия были написаны в IV в. Историк Н.М. Никольский (рецензии в журнале «Новый мир») критиковал Морозова за то, что тот игнорирует академическую науку (текстологию). Андрей Белый в неопубликованном трактате «История становления самосознающей души» (1926–1931) также критиковал теорию Морозова. В этом трактате Андрей Белый интерпретировал историю с точки зрения антропософии и особенно подчеркивал значение Иисуса Христа для европейской культуры. Он утверждал, что евангелия можно анализировать при помощи текстологии, но их аутентичность и принадлежность к I в. ощущаются даже интуитивно.

Ключевые слова: Андрей Белый, Николай Морозов, Николай Никольский, «История становления самосознающей души», Евангелия, текстология.

Odessky M. P., Spivak M. L.

Andrey Bely in dispute with N. A. Morozov about authenticity of Evangelical texts (on the material of unpublished treatise «History of formation of self-conscious soul»)

Abstract: Nikolay Morozov in his book «Christ» (1924) on the basis of astronomical facts proved that the Gospels were written in the IV century. Historian N. Nikolsky (in his reviews in «Novy Mir» magazine) criticized Morozov for ignoring academic science (textology). Andrei Bely in his unpublished treatise «The History of the Self-Conscious Soul» (1926–1931) also criticized Morozov's theory. In this treatise, Andrei Bely interpreted history from an anthroposophical point of view and particularly emphasized the importance of Jesus Christ for European culture. He argued that the Gospels can be analyzed by means of textology, but that their authenticity and belonging to the first century is even felt intuitively.

Keywords: Andrey Bely, Nikolay Morozov, Nikolay Nikol'skiy, «The History of the Self-Conscious Soul», the Gospel, textology.

Андрей Белый (Б.Н. Бугаев; 1880–1934) – символист, с 1910-х гг. последователь антропософии Р. Штейнера. Н.А. Морозов (1854–1946) – революционер, член Исполнительного комитета террористической «Народной воли», после многолетнего тюремного заключе-

ния – ученый-естественник. Уже при советской власти Андрей Белый вступил с Морозовым в полемику по, казалось бы, неожиданному поводу: датировка евангельских текстов.

Предваряя анализ, необходимо отметить, что Н.А. Морозов был не обычный революционер и ученый. Выйдя из Шлиссельбурга (1905 г.), он прямо-таки обрушил на читателя сочиненные за решеткой труды и потом продолжал печататься столь же активно. Хотя специализировался Морозов первоначально в качестве химика и биолога, круг его энциклопедических интересов включал также математику, астрономию, метеорологию, воздухоплавание и т.д.

Вместе с тем, Морозов постоянно обращался к области таинственного, близкой рискованным исканиям «серебряного века». Так, его книга «На границе неведомого. Астрономические и физические полуфантазии» (1910) включает раздел «Путешествие по четвертому измерению»¹, где рассматривается модное среди мистиков рубежа веков понимание времени как четвертого измерения. Морозов, однако, подчеркивает, что время принципиально отличается от других, пространственных измерений, поскольку допускает движение лишь из прошлого в будущее, а потому для подлинно научного описания физических фактов требуются такие параметры, из которых хотя бы один обладал темпоральными свойствами. В том же разделе Морозов поверяет философский потенциал теории мнимых и иррациональных величин (ср. позднейшее сочинение П.А. Флоренского «Мнимости в геометрии») и снова приходит к отрицательному заключению: «<...> и в алгебре, с ее бесконечным рядом степеней, с ее лжемнимыми и лжеиррациональными выражениями, мы не имеем никаких указаний на существование пространств, о большем числе измерений, чем то, в котором мы обитаем»². Морозова таинственное, очевидно, притягивает, но подлежит немедленному материалистическому опровержению.

В другой книге ученый, обратившись к «безобидной» научной теме истории химии, опять выбирает двойственный подход, прямо заявленный в заглавии «В поисках философского камня» (СПб., 1909). Вместо того, чтобы вскрывать невежество алхимиков, он при помощи психологического метода стремится показать, что алхимия – результат реальных химических опытов, которые, преломляясь в сознании средневекового человека, приобретали мистический характер.

Следует поместить в этот ряд и, наверное, самое сенсационное сочинение Морозова – «Откровение в грозе и буре. История воз-

никновения Апокалипсиса» (первое изд. – СПб., 1907). При помощи тех же приемов и наблюдений, что в работах по физике и химии, он доказывает, что образы «Апокалипсиса» имеют реальную природу, но метеорологическую («темпестологическую», по выражению автора) и астрономическую. Идентифицируя в тексте «Апокалипсиса» описание конкретных природных явлений, Морозов их датирует и преобразует (почти по астрологическому образцу) в политическое иносказание. Это позволяет ему отнести «Апокалипсис» не к I в., а к концу IV в., атрибутировав не Иоанну Богослову, а отцу церкви Иоанну Златоусту.

«Откровение» эпатировало читателей. С предсказуемо критическими откликами выступили философ В.Ф. Эрн, кадетский публицист П.И. Астров, палеограф В.Н. Щепкин, историк Н.М. Никольский и др. Отнюдь не обескураженный, Морозов в 1914 г. печатает продолжение – «Пророки»³, где прилагает свою концепцию к Ветхому Завету.

После Октября Морозов реализовал проект уже в масштабе, без преувеличений потрясающем. В позднейшей автобиографии он связывал свой замысел с тогдашними политическими воззрениями, далекими от большевизма: «В 1917 г., в первые месяцы революции, у меня опять началась борьба между стремлением продолжать свои научные работы и ощущением долга – пожертвовать всем дорогим для закрепления результатов революции. <...> Я предвидел уже неизбежность гражданской войны, бедствий голода и разрухи как ее результатов и потому сознательно занял примиряющую позицию среди враждующих между собою партий, но вскоре убедился, что это совершенно бесполезно и что удержать от эксцессов стихийный натиск взволновавшихся народных масс будет так же трудно нашим политическим партиям, как остановить ураган простым маханьем рук. Необходимо было дать урагану пронестись, и я решил использовать это время для завершения тех исследований Библии, которые начал еще в Алексеевском равелине Петропавловской крепости. Я мог теперь употребить все силы для уничтожения суеверий и усиленно принялся за подготовку материалов к осуществлению своей книги «Христос», задуманной еще в шлиссельбургском заточении, но осуществить которую при старом режиме не было никакой возможности»⁴.

Идеологический пафос «уничтожения суеверий» акцентирован и в письме вождю большевистской революции В.И. Ленину от 18 августа 1921 г.: «Моя книга ни в какой степени не “богоискательская”,

а совершенно определенно атеистическая в научном смысле этого слова. Ее основа – колебание всех ветхозаветных и новозаветных религиозных сообщений, основанное на определении времени этих событий астрономическим способом, причем оказывается полное несогласие хронологии, и естественное объяснение всякой мистики»⁵.

Первый том книги «Христос. История человеческой культуры в естественно-научном освещении» был напечатан в 1924 г. Всего вышло семь томов, где сквозное заглавие каждый раз дополняется конкретизирующим подзаголовком: «Небесные веки земной истории человечества» (первый том), «Силы земли и небес», «Бог и слово» и т.д. Последний том увидел свет в 1932 г. Эпоха изменилась, терпение властей, похоже, истощилось: тома с восьмого по десятый остались неопубликованными – до совсем другой эпохи⁶.

Напротив, для предыдущего десятилетия обращение к истории библейских книг было не только нормально, но отвечало повестке дня: от официального атеизма, антирелигиозных агиток Демьяна Бедного и отрицания историчности Христа, восходящего к мифологической школе А. Дрекса – до традиционной историко-филологической критики текста, представленной сочинением С.А. Жебелева «Евангелия канонические и апокрифические»⁷ и др.

В отличие от мифологической школы, Морозов не отрицал историчность Христа, а в отличие от академической критики текста, к письменным источникам обращался выборочно и произвольно, как к средству вспомогательному: основным инструментом выступали точные науки – ведь они отвечают строгим темпоральным требованиям.

В первый том своей книги Морозов включил отредактированный материал исследований, посвященных «Апокалипсису» и Книгам пророков, но пошел дальше. Опираясь на астрономо-астрологические вычисления, Морозов датировал канонические евангелия IV в. (несколькими десятилетиями ранее «Апокалипсиса»), а затем указал, что исторический прообраз Иисуса Христа – это еще один отец церкви Василий Великий, представленный с уважением и симпатией: «И тогда выходит следующее: *христос* по-гречески значит *посвященный* (т.е. по-нашему *священник*) и *помазанник*, так как посвящение сопровождалось помазанием головы благовонным маслом; значит, Василий Великий, как посвященный по греческому ритуалу, имел несомненно звание Христа. Слово Исус (ЕУШЭ) по-еврейски значит *спасатель*, *врач*, и такими одинаково описываются и «Царь Иудейский» и «Василий Великий». Значит, и «Василий Ве-

ликий» имел право называться по-еврейски Исусом (т.е. целителем, спасателем), а отсюда и спасителем. Слово *иудейский* по-еврейски значит *богославный* (ИЕ-УДЕ), аналогично слову *православный*, это палестинское название православия»⁸.

Значит, история христианства началась в IV столетии, и апостолы – знаменитые богословы позднейшей эпохи (в частности, евангелист Иоанн – Иоанн Дамаскин, писавший в VIII в.).

Особого резонанса – в отличие от 1907 г. – периодика не зафиксировала, но Н.М. Никольский снова откликнулся в «Новом мире» негативной рецензией – «Астрономический переворот в исторической науке (По поводу книги Н.А. Морозова)»⁹, в которой снова привлекал историко-филологическую методологию. Поместил «Новый мир» и зеркально озаглавленный ответ Н.А. Морозова – «Астрономический переворот в исторической науке (По поводу статьи проф. Н.М. Никольского)»: шлиссельбуржец, разумеется, не уступил¹⁰.

На тот же обсуждаемый первый том реагировал Андрей Белый.

Прежде – опять в предварительном порядке – отметим: Морозов – не обыкновенный ученый, но и Белый – не обыкновенный символист. Сын математика Н.В. Бугаева, он в 1903 г. окончил естественное отделение физико-математического факультета Московского университета. Более того, на протяжении всей жизни продолжал интересоваться химией, математикой и т.п. Но если Морозов стремился интерпретировать таинственное с атеистической точки зрения, то Белый – достижения новейшей науки с точки зрения «символизма как миропонимания».

Белый, судя по мемуарам, за яркими выступлениями Морозова следил. Вспоминая в «Начале века» обстоятельства написания своей дебютной второй «Симфонии» (1902), он сетует, что не знал тогда многих «толкователей Апокалипсиса» из современных литераторов: «шлиссельбуржец Морозов в то именно время измерял в заточении астрономический смысл Апокалипсиса»¹¹ (кстати, к кругу знакомых Белого принадлежали критики морозовского «Откровения» Эрн и Астров). Аналогично, в «Между двух революций» Белый, говоря о собственном мистическом переживании кометы Галлея, пишет: «<...> шлиссельбуржец Морозов – и тот ждал внезапного воспламенения атмосферы»¹². Мемуарист подразумевает статьи, публиковавшиеся Морозовым в 1910 г., давая понять, что мужественный революционер, ученый-материалист – и тот поддавался эсхатологическим ожиданиям.

В 1926–1931 гг. Андрей Белый работал над грандиозным трак-

татом «История становления самосознающей души»¹³, где в антропософском освещении представил историю человечества от Иисуса Христа до современности. Трактат остался незаконченным, к печати предназначен не был (сейчас готовится издание в серии «Литературное наследство»), но автор санкционировал его копирование и распространение в антропософском самиздате. В письме В.Э. Мейерхольду от 5 марта 1927 г. Белый жалуется и надеется: «Ведь работать во весь голос с людьми мне нельзя (сами знаете!). И стало быть: надо работать без людей, но для людей: для будущего. «История самос<ознающей> души» – для всех: и для Вас она где-то нужна бы была. Я ее пишу себе в письменный стол; она будет в двух-трех экземплярах; но она вынырнет, когда нас с Вами уже не будет на этом свете. Она – должна быть»¹⁴.

Доминантой современности Белый считал так называемую «самосознающую душу». Это – комплексное понятие, свойственное антропософской системе Штейнера («Selbstbewusstseinsseele»): ее «становление» впервые открывает отдельному человеку и всему человечеству путь к духовной свободе. Полноценная манифестация «самосознающей души» начинается с эпохи Возрождения, однако реализует она «Христов Импульс» (тоже понятие Штейнера – «Der Christus-Impuls»), действующий в истории после Иисуса Христа.

Согласно Белому, Иисус Христос – и человек, и духовная сущность. А следовательно, с одной стороны, евангелия правомерно анализировать «как исторические документы», и в этих пределах Белый опирается на школу критики текста (в том числе на С.А. Жебелева). Но, с другой стороны, коль скоро Иисус Христос не только человек, то Христов Импульс даже в канонических текстах запечатлен неадекватно и не выявляем посредством академической методологии.

Таков контекст полемики с Морозовым, которая включена в первую главу трактата («Христианство как сверст истории») – в подглаву «Стиль Евангелий». Уточнить время написания подглавы – внутри рамок 1926–1931 гг. – затруднительно, но Белый, бесспорно, имел в виду первый морозовский том, изданный в 1924 г., и не исключено, что последующие тома не читал.

Белый пишет: «Растаскиватели Евангелий на составные части, как немецкие ученые, или утверждающие, что Христа и не было, или учащие, что Христос – Василий Великий, живший в IV-ом веке, и что до него – никакого христианства не было, – не видят того, что видит более развитой, ибо упражнявшийся в зрении, глаз: не видят стиля, который единственен в Евангелиях, на какие бы части мы ни

разложили их; не слышат звука, который тоже единственен, которому советует внимать апостол: «Духов различайте». Передвигающие время появления христианства на несколько столетий совершенно не имеют дара различать *времен*, на который тоже ссылается апостол; *«имейте ухо, глаз, дух, ритм времени»* – вот лейтмотив, проходящий сквозь ранние памятники христианства, прекрасно сознающего, что оно – *«соблазн»* для иудейства и *«безумие»* для эллинизма; стало быть: не позднейшее привнесение нашего времени эта апелляция в христианстве к стилю, к веянию, к музыке, к глазу; и не символист в XIX-ом столетии в христианство вписал свою позднюю вставку о том, что надо иметь ухо, т.е., – быть музыкальным *«прежде всего и всегда»*; не художник, развивающий в XX-ом веке свою *«науку видеть»*, как необходимый опыт понимания не только живописи, но и культуры мысли и тела, – не он вписал в первые века лозунг: *«имейте глаз»*, т.е., развивайте опыт восприятия образов и красок христианства, как стиля его».

В автографе Белый дважды прямо указывает оппонента: в словах «учащие, что Христос – Василий Великий, живший в IV-ом веке» перед «учащие» первоначально было «как Морозов»; в словах «Передвигающие время появления христианства на несколько столетий» – перед предлогом «на». В процессе правки он эти указания вычеркнул: скорее всего, стремился избавить текст от конкретики (в «не художник, развивающий в XX-ом веке» тоже вместо абстрактного «художник» в рукописи фигурировал К.П. Петров-Водкин). Однако – независимо от того, учитывать или не учитывать название Морозова – факт спора именно с его концепцией сомнений не вызывает.

Для Белого передатировка евангельских текстов немислима: «самосознающая душа» воплощает Христов Импульс, Христов Импульс исходит от проповеди Иисуса Христа, проповедь Христа приходится на начало нашей эры. И никак иначе – в противном случае исчезает духовный вектор истории. Потому в полемике с Морозовым писатель апеллирует не к науке, не к критике текста, а к интуитивной очевидности, точнее – к интуитивной очевидности духовно-художественного порядка (ср. заглавие «Стиль Евангелий»): «растаскиватели Евангелий» слепы и глухи, раз «не видят стиля, который единственен в Евангелиях», «не слышат звука, который тоже единственен».

В споре о датировке классически текстов Белый не ограничивался Библией. Дело в том, что и Морозов стремился к широкому привлечению примеров: «<...> итальяно-латинский писатель XVI века

Марчеллио Фичино, под именем греческого философа Платона, стал величайшей знаменитостью „древности“, хотя в XIX веке уже не осталось ни одного из его диалогов, подлинность которого не была бы заподозрена или прямо оспариваема кем-либо из платонистов, да и подлинность упоминаний о нем у других древних греческих авторов теряет всякое значение, так как все они сделались известными уже после Фичинова перевода»¹⁵.

Контраргументы Белого – как и в библейском случае – взывают к духовно-художественной очевидности: «И точно так же следует отметить смещающим Христа в Василия Великого и время возникновения его в IV-ый век: четвертый век по Р.Х. имеет совсем другой стиль эпохи; это – не первый век; и он дан не одним Евангелием, но и неоплатониками, и апологетами, и всей литературой. На это сместители отвечают: литература сочинена поздней, чуть ли не в эпоху ренессанса; этот ответ – бегство от ответа, ибо ренессанс имеет свой стиль; и он, при всем многообразии, целостен: и в книжной литературе, и в изобразительных искусствах, и в исторических фактах; ни этой литературе, ни изобразительным искусствам, ни фактам истории никак не соответствует, что Платон выдуман Фичино <...>».

Однако Платон для Белого – все-таки лишь отступление от главной темы, евангельской. Возвращением к ней и завершается полемика с Морозовым – эмоционально и агрессивно: «То, что мной сказано о Платоне, применимо и к раннему христианству: оно – цельно, монолитно, стильно; и – созвучно с первым, а не с четвертым веком; смещение его на 4 столетия вперед, или назад, какими бы остроумными соображениями это ни вызывалось, – бессмыслица перед ухом, глазом, стилем, духом времени. Надо быть в смысле живого восприятия совершенной дубиной, чтобы утверждать то, что утверждается о христианстве, или почтенными гробокопателями без глаз и уха, или остроумниками от рассудочной абстракции, или полуманиаками, как бы убедительно маньячество ни звучало в одной из граней многогранного целого: христианство, – не грань дат, не грань – мыслей, красок, поступи, а – культура, не разлагаемая в качестве; возникновение его в целом культуры возможно тогда-то, а не – тогда-то».

Неполиткорректные «гробокопатели», «полуманиаки» и т.п. анализируют: Морозов – уважаемый человек, но усомниться в датировке евангелий значит лишиться духовного смысла и человечество, и человека, и самого Белого.

Итак, полемика Андрея Белого с Н.А. Морозовым о хронологии

библейских текстов усложняет представления об истории отечественной науки. Другой участник этой полемики, Н.М. Никольский, не столько спорил, сколько, опираясь на академический консенсус, вразумлял оппонента: «В одном месте своей книги <...> Морозов говорит, что Индия – страна чудес не в своей собственной, а только в европейской фантазии, воспитанной на полуромамах в духе [Л.]>Жакольо и на теософических измышлениях [Е.П.] Блаватской и англо-индийского полковника [Г.С.] Олькота, и что индусские мудрецы, говорящие о древности своей страны, представляют интерес скорее для психиатра, чем для серьезного исторического исследователя. К сожалению «чудесные» открытия самого Морозова при помощи астрономического и других методов существуют также лишь в его фантазии и для серьезного историка интереса не представляют»¹⁶.

Напротив, Белый выступил как оригинальный мыслитель. И Морозов, и он, нарушая советскую норму, принимали историчность Христа и вместе с тем не вписывались в церковную ортодоксию. Оба выражали свои взгляды свободно, вне ориентации на злободневный официальный заказ: Морозов – в той мере, в какой использовал право на «определенно атеистическое», хотя и экстравагантное сочинение; Белый – в той мере, в какой его трактат оказался принадлежащим к группе, так сказать, «нелегитимизированных».

¹ *Морозов Н.А.* На границе неведомого: Астрономические и физические полуфантазии. М., 1910. С. 31–77.

² Там же. С. 72; см. подробнее: *Невская Н.И.* Н.А. Морозов как астроном и физик // Николай Александрович Морозов: Ученый-энциклопедист / Отв. редактор Ю.В. Соловьев. М., 1982. С. 92–103.

³ *Морозов Н.А.* Пророки: История возникновения библейских пророчеств, их литературное изложение и характеристика. М., 1914.

⁴ *Морозов Н.А.* Автобиография // Морозов Н.А. Повести моей жизни. М., 1962. Т. 1. С. 19–20.

⁵ Литературное наследство. Т. 80: В.И. Ленин и А.В. Луначарский. Переписка, доклады, документы. М., 1971. С. 310.

⁶ См. современное дополненное издание: *Морозов Н.А.* Христос: История человеческой культуры в естественно-научном освещении. В 10 кн. М., 1997–2003.

⁷ *Жебелев С.А.* Евангелия канонические и апокрифические (Общий очерк). Пг., 1919.

⁸ *Морозов Н.А.* Христос: История человеческой культуры... Кн. 1: Небесные веки земной истории человечества. М., 1997. С. 120.

⁹ *Никольский Н.М.* Астрономический переворот в исторической науке (По поводу книги Н.А. Морозова «Христос», Ленинград, 1924) // *Новый мир.* 1925. № 1. С. 156–175.

¹⁰ *Морозов Н.А.* Астрономический переворот в исторической науке: (По поводу статьи проф. Н.М. Никольского) // *Новый мир.* 1925. № 4. С. 133–143.

¹¹ *Белый А.* Начало века / Подгот. текста, коммент. А.В. Лавров. М., 1990. С. 156.

¹² *Белый А.* Между двух революций / Подгот. текста, коммент. А.В. Лавров. М., 1990. С. 316.

¹³ Трактаг готовится к публикации. Автограф, по которому далее будут даваться цитаты, хранится в НИОР РГБ: Ф. 25. К. 45. Ед. хр. 1, 2.

¹⁴ Из переписки А. Белого: Письма В.Э. Мейерхольду и З.Н. Райх / Публ., вступит. статья, коммент. Дж. Малмстада // *Новое литературное обозрение.* 2001. № 51. С. 144.

¹⁵ *Морозов Н.А.* Христос... Кн. 1. С. 68–69.

¹⁶ *Никольский Н.М.* Астрономический переворот в исторической науке... С. 175.

Козлов В.П.

О некоторых неопределенностях в терминологических системах документоведения, архивоведения, археографии и источниковедения

Аннотация: Рассматриваются спорные вопросы терминологии и неопределенности терминопотребления в современном и прошлом российского документоведения, архивоведения, археографии и источниковедения.

Ключевые слова: документоведение, архивоведение, археография, источниковедение, документальное источниковедение, документ, исторический источник, документальный исторический источник.

Kozlov V. P.

On some uncertainties in the terminological systems of documentary, archival, archaeography and source studies

Abstract: Controversial issues of terminology and uncertainty terminatible in contemporary and past Russian records management, archival science, Archeography and source studies.

Keywords: records management, archival science, Archeography, source studies, documentation source, document, historical source, historical documentary source

Настоящая статья продолжает цикл исследований автора, посвященных феномену документирования человеческой жизнедеятельности и документу как ее оперативному регулятору, способному запоминать это регулирование, его трансформации в документальный исторический источник, обеспечению его сбережения и трансляции. Автор в этой серии исследований попытался объединить накопленное прежде всего в отечественной литературе знание в таких научных дисциплинах как документоведение, архивоведение и археография и предложить свое видение многих имеющихся в них пересекающихся, совпадающих проблем, а также с помощью новых понятий обозначить и рассмотреть ранее не замечавшиеся вопросы феномена документа, документирования, архивирования и трансляции документальной памяти.

При этом автор столкнулся с рядом вопросов, формально носящих терминологический характер, однако фактически имеющих сущностное познавательное значение.

Это прежде всего касается понимание документоведения, архи-

ведения и археографии как научных дисциплин, включая их объекты и предметы. Если в сфере изучения документирования человеческой жизнедеятельности отчетливо выделяется документоведение как система знания о документе в качестве регулятора этой сферы и делопроизводства как набора правил и приемов такого регулирования в качестве прикладного знания, то в архивоведении и археографии ситуация несколько иная. Все эти научные дисциплины, а также документальное источниковедение в принципе носят не институциональный, а познавательный характер. Их объект или предмет очевиден – документ.

На мой взгляд, наступило время, когда об архивоведении следует говорить не как о науке об архивах, а как науке об архивных документах. И прошлое, и современное архивоведение, если исключить из него рассуждения о «предмете», «объекте», «принципах и методах», очень спорные, есть ничто иное как технология, как прикладное знание, т.е. ничто иное как всего навсего архивное дело. Это все равно, что в ботанике главный объект или предмет – растительный мир - заменить рассказом о полях, лесах, теплицах и т.д. И прошлое, и современное архивоведение было и остается преимущественно институциональным знанием. В близкой к архивам сфере, связанной с книжной деятельностью, такое знание объединено понятием «библиотековедение». Но в этой сфере есть еще одно знание, которое называется «книговедением». Оно рассматривает книгу как уникальный продукт духовной жизни человечества. Это есть ничто иное как теория книги, то теоретическое знание, которое необходимо прикладному знанию – библиотековедению. В архивной сфере такой дисциплины нет, т.к. документ оказался раздробленным между документоведением, архивоведением, археографией и документальным источниковедением. И это при том, что археография, например, не может не учитывать, что случается с документом в реальном документировании, например, появление помет, которые не с неба сваливаются, а отражают жизнь документа, когда он является оперативным регулятором современности. В документальном источниковедении документальный источник ныне вообще стремятся показать всего лишь как один из «интеллектуальных продуктов», игнорируя его первоначальную функциональную заданность. Потому-то и не существовал и не существует и в архивоведении его главный герой – документ с его трансформациями в архивный документ и документальный исторический источник, с его особыми функциональными и информационными свойствами. Все остальное является вторич-

ным: архивы возникают, а архивные здания строятся не для того, чтобы существовал архив, а чтобы сохранялся архивный документ, информационно-поисковые системы создаются для оперативного и точечного поиска архивного документа, система архивов отражает прагматические интересы государства и общества и является элементом управленческого механизма, а не научного знания и т.д.

Делая архив главным объектом и предметом архивоведения, традиционно видят в нем только поприще для историков. Схема: архив - историк как определяющая вольно или невольно присутствует во всех таких рассуждениях, закрепляясь иногда даже в формуле: архивоведение как вспомогательная историческая дисциплина. Глубочайший анахронизм. Архив – это наиболее мощная в современном мире информационная система, реально удовлетворяющая самый большой и неопределенный круг общественных потребностей: социальных, политических, экономических и т.д., а не только историко-познавательных. А это значит, что документ является универсальным продуктом потребления, а документирование, т.е. создание документов, важнейшей особенностью человеческой жизнедеятельности. Современный мир – это мир почти всеобщего документирования. И собственно архивоведение призвано осмыслить эту особенность, а не ее следствия.

Однако в названных дисциплинах системы знаний о документе и архиве часто подменяются системой знаний, транслирующей всего лишь нормативные и практические технологии работы с документами и организации работы архивов, т.е. речь идет о делопроизводстве, архивном деле, археографии и документальном источниковедении как прикладном знании. Более того, в предмет или объект архивоведения в одном из последних учебников включена история архивов не как одно из архивоведческих явлений, требующих его рассмотрения в контексте профессиональных, политических, идеологических веяний, а всего лишь как некое справочное пособие, призванное только дать ориентиры в поиске нужных архивных документов. Вещь нужная, но носящая все же исключительно прикладной характер.

Если в сфере архивного знания сохраняется разграничение между архивоведением и архивным делом, то в сфере трансляции архивных документов через их документальную публикацию такого разграничения нет вообще. Научная дисциплина, занимающаяся этими вопросами и называемая археографией, фактически остается в ее толковании на уровне начала XIX в. с ее знаменитым и оправданным в то время определением П.М. Строева. В результате

археография предстает перед нами не только как супер-дисциплина, вторгающаяся в давно обозначенный круг вопросов, связанных с архивным делом в части комплектования архивов и описания архивных документов, но и как особое знание исключительно о собирании, описании и издании документальных источников древней традиции, либо как простой набор правил и приемов практической работы в этих сферах.

Например, одна из статей В.Ю. Афиани¹ хотя и называется «Современные проблемы археографии», но на самом деле в этих проблемах выделяет т.н. «электронную археографию» - публикацию документальных источников в электронном формате и прежде всего в Интернете. На самом же деле «проблем» археографии сегодня много больше и они много острее чем «электронная» археография. Начнем с того, что само толкование понятия «археография» не имеет единого понимания. Мне казалось, что после археографической дискуссии начала нулевых годов тут все ясно: археография – это научная дисциплина, занимающаяся обнаружением документальных источников². Однако Афиани, кажется, с этим по-прежнему не согласен и, как можно понять, если уже и не включает в археографию собирание документальных источников, то их описание сюда относит, хотя вроде бы и с оговоркой. Более того, в статье сочувственно цитируется толкование археографии рукописных книг, на мой взгляд, к археографии никакого отношения не имеющее, но явно относящееся к книговедению. В моем понимании не существует и никакой «электронной археографии» - компьютер, Интернет – это всего лишь новая форма документальной публикации. Иначе мы должны говорить о том, что «электронной археографии» предшествовала «типографская археография»

Автор статьи справедливо критически относится к маргинальной попытке введения понятия «музейная археография» как публикации музейных предметов. Любое дело можно довести до абсурда, в том числе распространить на «графию» не только «пишу», но и, например, «выковываю» кинжал Ивана Грозного. Подобная мелочевка уводит от главного - строгой археографической терминологии, ее системности и настоящей проблемности.

Терминологическая разобщенность, демонстрирующая и предметную неопределенность, характерны и для других, часто ключевых понятий документоведения, архивоведения, археографии.

Речь идет прежде всего о толковании документа. При признании его материальной и идеальной сущности в качестве материально-

го объекта с закрепленной на нем информацией мы видим как его когнитивное, расширительное толкование в качестве любого продукта деятельности человека, так и ограниченное понимание исключительно как документа официального происхождения. В документоведении документом признается только официальный документ. В архивоведении это понятие распространяется не только на документы официального, но и личного происхождения. Однако здесь целый класс документов сакрального происхождения традиционно исключается из объекта этой научной дисциплины. И это несмотря на то, что в нашей стране архивное дело в некоторых своих частях развивалось прежде всего как архивное дело сакральных документов, если вспомним, что первые печатные справочники о составе и содержании архивов были связаны в первую очередь с сакральными документами. Археография с трудом освобождается от ограничения своего объекта только памятниками древней традиции и включения в ее предмет, например, аудиовизуальных документов.

В последние годы мы нередко начали встречаться с нивелировкой понятия документ как особого регулятора человеческой жизнедеятельности, включая ее духовную сферу, с попытками обмотать это понятие паутиной термина «информационный объект». Внешне это правильное и привлекательное понятие. Но оно влечет за собой институциональные потрясения. Возможно, когда-то три депозитария исторической памяти – архивы, библиотеки, музеи – сольются в единый депозитарий, некий «архбимуз», - электронные технологии уже сейчас, например, почти стерли разницу между документом и книгой. Но сегодня мечтать об «архбимузе» преждевременно – есть более важные проблемы, связанные с этими тремя депозитариями исторической памяти.

Не понимаю, для чего тогда нужно посягать на по крайней мере документоведческое-архивоведческое и источниковедческое толкование документа как особого материального объекта, регулирующего с помощью специфических структурированных сообщений человеческую жизнедеятельность и обеспечивающего запоминание этого регулирования? Есть водяная пушка, с помощью которой разгоняют недовольных. Ее функция понятна. А есть приказ мэра, например, Парижа о разгоне недовольных. И то, и другое – «информационные объекты». Но только чрезмерно философствующие не увидят между ними разницы. Эта разница – функциональная. Она же – и системная. В Природе насекомые опыляют цветы растений и служат пищей для птиц. В общественной жизни, например, стул является одним из

признаков комфорта. А документальный чертеж этого стула – всего лишь мера человеческого умоделия. Точно также документальный дизайнерский проект столового гарнитура с участием этого стула – это совсем не сам столовый гарнитур. Это поводырь, один из регуляторов его создания.

В некоторых опубликованных работах авторы задаются вопросом: документ – это сущностное понятие или познавательная категория, приходя даже к выводу, что документа как такового в природе не существует. Цитирую одного из таких авторов: «термин документ связан не с бытием как таковым, а с процессом познания этого бытия». Тут, что ни слово, то фантазия. Книга – это действительно одна из форм отражения познания бытия. Документ также в качестве исторического источника может быть средством познания бытия. Но до этого он имеет совсем иное предназначение. Допустим, человек потеряет свой паспорт. Следствием этого будут очень и очень многие неприятности для него лично. И что, после этого он будет утверждать, что паспорт как один из видов документа не связан «с бытием как таковым»?

Некоторые трактовки документа есть ничто иное как попытки обоснования разрушения трех современных депозитариев исторической памяти и основ организации их безопасности, например, в сфере обеспечения сохранности. Остается только сослаться на опыт Канады, Франции и Ирана, где объединились национальные архивы и библиотеки. Но во Франции, например, теперь во имя будущего разрушения нации и однополые браки разрешены, а в Иране женщин с открытым лицом могут и камнями забить. Неужто на них будем равняться? Да еще добавить крайне непрофессиональное суждение о том, что, якобы, в музееведении сегодня понятие «музейный документ» заменено понятием «музейный экспонат». Тут что ни слово, то мина. В музеях «музейный документ» и есть документ в его нормальном понимании. И учет его ведется совсем иначе, чем «музейный экспонат», А сам этот злосчастный «музейный экспонат» является всего лишь экспонируемой, т.е. публичной частью «вещественных предметов» любого музея.

Документ, утверждают некоторые авторы, это «след идеи». Ну, конечно же, это так, когда документ становится документальным историческим источником. А когда по воле этой идеи происходят реальные действия – это все же нечто иное, чем просто «идея». Это-действие, это организация этого действия и его результат, который часто приводит к другому действию.

Книга – наиболее близкий к документу результат интеллектуальной деятельности человека. Она признается одной из форм существования документа. В книговедении мы видим явно большую чем в других научных дисциплинах продвинутость в понимании документа как интеллектуального продукта. Она способствовала постепенному переходу от толкования документа как средства передачи знаний или информации к пониманию его как источника знаний и информации.

Эта продвинутость, впрочем, носит противоречивый характер и даже в отдельных случаях не лишена эпатажа. Совпадает лишь одно положение. Оно рассматривает книгу как одну из форм существования документа. Само же толкование документа в книговедении носит как расширительный, включая все, что существует во Вселенной независимо от сознания человека, так и явно ограничительный характер, когда в число документов включается лишь материальные объекты с семантической, т.е. языковой, информацией. Так, например, согласно Е.А. Плешкевичу документ – это «информационный объект, который представляет собой семантически модулированный физический процесс вещественной или вещественно-волновой природы, предназначенный для многократного использования в рамках социальной информационной системы, обеспечивающей его использование в социальном пространстве»³. Как видим, это в целом интересное определение явно ориентировано на книгу как документ – отсюда ограничение ее информации семантической и подчеркивание «многократности использования». И в то же время книга как разновидность документа определяется как «материальный объект», а не «материальный продукт» человеческого умоделия. В другом месте в определении документа акценты расставлены несколько иначе: это «сложный вторичный информационный объект, обладающий вещественной или вещественно-волновой природой, состоящий из двух информационных элементов: информационного сообщения и метаинформационного сообщения (реквизиты, выходные сведения), содержащим сведения об документально-информационной системе, которая обеспечивает семантическую симметричность информационного процесса»⁴.

Вероятно, понимая ограниченность своих толкований документа и ее невозможность использования, например, в архивоведении, Е.А. Плешкевич предложил выделять диахронный, оперативный и архивный «типы» документов. К диахронным он отнес документы, вращающиеся в сфере библиотечного дела и библиографии, и их

основной признак видит в том, что они находятся «в состоянии постоянной актуализации». Вопреки своим определениям документа к числу диахронных он отнес не только традиционную книгу, но и аудиовизуальные документы.⁵ Следующим «типом» документов, по Е.А. Плешкевичу, выступают «оперативные документы» как документы, «созданные для непосредственного оперативного обеспечения процессов социального управления», предназначенные для «передачи» информации «кратковременной, оперативной ценности», например, организационно-распорядительная документация⁶. И, наконец, к третьему «типу» документов Е.А. Плешкевичем отнесены «архивные документы» - документы, «обладающие потенциальной ценностью» с исключительно семантической информацией, оказывающиеся таковыми в результате процедуры экспертизы ценности⁷.

В таком делении документов по «типам» мы находим немало противоречий. Во-первых, невозможно определить степень актуального состояния диахронного и архивного документа. К тому же часть архивных документов, будучи опубликованной, становится принадлежностью диахронных. Во-вторых, в числе «оперативных документов» находятся не только документы с кратковременной и долговременной, но и вечной ценностью. В третьих, архивный «тип» документа является всего лишь результатом трансформации части оперативных документов. Иначе говоря, толкование документа по Е.А. Плешкевичу в силу его противоречивости никак не может быть использовано в архивоведении и документальном источниковедении.

Разные толкования документа отражаются на их классификациях и положенных в их основу принципах классификации. В документоведении общепризнанным и оправданным принципом классификации является функциональный принцип. В архивоведении традиционно используются принцип пофондовой классификации и тематический принцип. Археография предлагает свои классификации документальных публикаций и документов внутри них, которые ныне явно усложнились и расширились. Классификация документов – традиционная проблема документоведения, архивоведения, документального источниковедения. Сегодня нет обоснованных пределов таких классификаций. Вот образчик одной из них по Плешкевичу: «архивные», «библиотечно-библиографические», «делопроизводственные». С одной стороны, эта классификация отражает часть трансформации документа - от «делопроизводственных» (кстати, почему только «делопроизводственных», где документы личного

или сакрального происхождения?) к «архивным». С другой стороны, он почему-то включает сюда «библиотечно-библиографические» документы, т.е, например, карточки библиографического описания, являющиеся, если они выполнены в рамках служебных заданий, всего лишь разновидностью этих самых «делопроизводственных» документов, а если вне таких заданий, по душевной прихоти человека – одной из разновидностей документов личного происхождения.

Много лет назад Б.С. Илизаров впервые выдвинул и обосновал идею об архивном документе и архиве как носителях социальной памяти⁸. С тех пор в литературе часто чисто механически в качестве одинаковых понятий можно встретить употребление терминов «культурная» «социальная память», «историческая память», «документальная память». Эти понятия не являются и не могут быть синонимами. Более того, два первых из них опасны и вредны для архивоведения, археографии и документального источниковедения, размывая предметы и объекты этих дисциплин, лишая их особого предназначения и особых познавательных возможностей. В самом деле, самое широкое из этих понятий – понятие социальной памяти, включает в себя и историческую память, и документальную память, и память поведенческую (не забыть выключить телевизор, не забыть спрятать от малолетних детей спички и т.д.). Что такое культурная память, вообще понять невозможно, но можно допустить, что за этим понятием скрывается все многообразие остатков прошлого, сохранившихся до наших дней. Важно и выглядит вполне предметно, понятие историческая память. В нашем понимании это обыденная, конструктивистская, реконструктивистская и документальная память⁹.

Фундаментальное для архивоведения, археографии, источниковедения понятие «документальной памяти» как особое проявление социальной и исторической памяти нередко игнорируется, снижая общественный авторитет и архивоведения и архивного дела. Одновременно исчезает понимание того, что документальная память в отличие от социальной и исторической, неизменчива во времени. Признак неизменчивости как важнейший признак документальной памяти имеет важное теоретическое и практическое значение в архивоведении и архивном деле – он гарантирует доказательную реконструкцию исторической памяти.

Таким образом, сохраняет свою актуальность задача предложить непротиворечивую систему терминов и понятий, связанных с пониманием документального источника как фиксатора и носителя

документальной памяти. В той или иной степени такая терминосистема была предложена в двух книгах автора доклада¹⁰. Предлагая такую систему, автор не только стремился частично переосмыслить традиционно существующие понятия, но и, реагируя на новые или ранее не замечавшиеся явления, связанные с документом как регулятором человеческой жизнедеятельности и сохраняющем особую, документальную, память об этой жизнедеятельности, обозначить эти явления, новыми понятиями.

Учитывая тематику нашей конференции, вторая задача заключается в том, чтобы рассмотреть собственно источниковедческие сюжеты, включая их классическую проблематику, на новом источниковом массиве, ставшем доступным в последние три десятилетия. В их числе особенности документирования советской эпохи, трансформация документа в документальный исторический источник, классификация документальных источников, принципы и методы определения их подлинности, достоверности, историко-познавательных возможностей. Иначе говоря, речь идет о документальном источниковедении как особом разделе источниковедения вообще, а не источниковедении, занимающемся геологическими, ландшафтными, предметными источниками, а также т.н. «нематериальным культурным наследием» – обрядами, устным фольклором, традициями и т.д.

Документальное источниковедение как практический набор приемов и навыков изучения документов прошлого в России возникло одновременно с археографией. Труд братьев Денисовых «Поморские ответы», разоблачивший сфальсифицированные в России в начале XVIII в. «Соборное деяние» и «Требник митрополита Феоноста», стал первым комплексным источниковедческим сочинением, в котором подлинные признаки текстов и их носителей, типов письма были соотнесены с фальсифицированными. Братья Денисовы продемонстрировали навыки критического анализа документов, основанные на хорошем знании обстоятельств их создания и бытования¹¹.

Техническое источниковедение, продемонстрированное братьями Денисовыми, во второй половине XVIII в. постепенно начало перерастать, благодаря трудам Г.Ф. Миллера, М.М. Щербатова и особенно И.Н. Болтина, в источниковедение технологическое, с его попытками определить значимость, «полезность» не только конкретных документов, но и их целых видов для извлечения из них надежных, проверенных фактов прошлого. Вершиной технологического источниковедения рубежа XVIII - начала XIX вв. стал труд А.-Л. Шлецера, посвященный Начальной летописи Нестора.

Но уже ко времени выхода в свет на русском языке этого труда в России появляются исследования в области теоретического источниковедения. Они были связаны, во-первых, с попытками классификации документального наследия и, во-вторых, с разработкой общих правил «критического прочтения» документов для установления в них «истинности» и «лжи». Такие правила, восходившие к классическим западноевропейским трудам по герменевтике, а также классификации документов, основанные в значительной степени на библиографических классификациях, в России на рубеже двух столетий наиболее полно и последовательно были предложены А.С. Лубкиным в его свободном переводе книги Ч.Снелля «Начальный курс философии»¹².

Весь XIX в. в России прошел под знаком технического и технологического источниковедения, которые принесли выдающиеся конкретные результаты в области летописного, актового источниковедения, источниковедения организационно-распорядительной документации, житийной литературы и других видов документов, давно утративших свое практическое значение и ставших историческими источниками.

«Чистое» теоретическое источниковедение серьезно заявило о себе в трудах А. С. Лаппо-Данилевского и его последователей, попытавшихся изучить документ в качестве исторического источника как исторический, социальный, культурный, психический феномен человеческой жизнедеятельности. Труд Лаппо-Данилевского «Методология истории» в части, касающейся проблематики нашего доклада, оказался настолько значительным, что его нет смысла здесь разбирать, особенно, если учесть наличие соответствующей литературы. Но давая ему общую оценку, подчеркнем, что Лаппо-Данилевский, рассматривая документ, преимущественно как один из классов, типов исторических источников, впервые преодолел теоретический разрыв, существовавший между учением о документе в документоведении, архивоведении, археографии и учением о книге – в книговедении.

В советское время подход Лаппо-Данилевского к документу – историческому источнику как продукту человеческой психики, осваиваемому все той же человеческой психикой, был принципиально невозможен, в нем если была не видна, то чувствовалась некая нематериалистическая составляющая, противоречившая марксистской методологии познания. Попытки же в рамках этой методологии создать теоретическую модель источниковедения либо кончались пол-

ной неудачей, либо, в лучшем случае, неизбежно приводили только к прекрасным исследованиям в области технического и технологического источниковедения.

Одной из особенностей трудов советского периода в области документального источниковедения являлось рассмотрение документального источника вне контекста его бытования как регулятора человеческой жизнедеятельности и отсутствие попыток хотя бы в общих чертах установить закономерности такого бытования. В лучшем случае признавалась необходимость изучения вопросов, связанных с «происхождением источников»¹³

Показательно, что в новой России в условиях бурного развития технического и технологического источниковедения, в том числе документов XX в., теоретическое источниковедение наконец-то заявило о себе фундаментальными разработками, например в рамках теории и методологии когнитивной истории. Вне всякого сомнения лидером таких разработок стала О.М. Медушевская, преждевременно и трагически ушедшая из жизни.

Свои нюансы и неопределенности мы обнаруживаем в источниковедческом терминопотреблении. Авторы учебника по источниковедению истории СССР XIX – начала XX в.¹⁴, вышедшем в 1970 г., выделяют источниковедение нескольких «групп» источников – вещественных, этнографических, лингвистических, устных, письменных, изобразительных. В такой позиции можно легко обнаружить не менее двух противоречий. Первое связано с тем, что содержание самого учебника на самом деле не касалось ни вещественных, ни этнографических, ни лингвистических, ни устных и изобразительных источников. В результате все источниковедение сведено фактически к документальному источниковедению. Второе противоречие заключалось в том, что часть названных групп как предмет и объекты познания историков, могут существовать только в форме письменных, изобразительных источников, хотя и бытуют в реальной жизни как памятники нематериального наследия, и в этом смысле требующие особых методов изучения¹⁵. С учетом этих двух противоречий, очевидно, не случайным становится неожиданное заключение авторов о том, что «источниковедение это специальная или вспомогательная историческая дисциплина, которая разрабатывает методы изучения и использования письменных исторических источников»¹⁶. Таким образом, и здесь нельзя не заметить противоречия: обозначив многочисленные группы источников, авторы учебника исключают их из объекта или предмета источниковедения и все источниковеде-

ние сводят только к документальному. Такое противоречие дает нам основание рассматривать документальное источниковедение как самостоятельный раздел источниковедения вообще. Сошлемся в этом смысле и на мнение А.К. Соколова¹⁷, который писал, что в России и СССР источниковедение вообще и документальное в частности, развивалось преимущественно как источниковедение источников древней истории. В СССР источниковедения советского периода в его классическом обличье быть не могло по определению, отдельные попытки следовать ему немедленно заглохали. В лучшем случае источниковедение советского времени представляло собой добротный, хотя и далеко не полный обзор основных источниковых комплексов, как, например, в учебном пособии М.Н. Черноморско-го¹⁸. Он же пишет о том, что «современное источниковедение – это работа преимущественно с определенным кругом письменных источников»¹⁹.

Понятие «документальное источниковедение», как кажется, впервые ввел в научное употребление А.А. Введенский. Во всяком случае так нам обещает название его книги²⁰. Однако знакомство с книгой показывает, что этим термином Введенский обозначил всего лишь дипломатику как «самостоятельную часть общего исторического источниковедения», изучающего «акты с юридическим, нормативным содержанием»²¹. Избранную сферу познания – дипломатику - в другом месте Введенский называет «критическим документоведением» как будто бы документоведение сводится только к документированию с помощью актов, а не множества других видов документов. В целом же понимание источниковедения у Введенского выглядит сложнее. Он пишет об «общем» и «частном» источниковедении. Общее источниковедение, по Введенскому, дает «теоретические основы изучения исторических первоисточников» с обзором их основных разновидностей, тогда как частное – это совокупность знаний всех вспомогательных исторических наук, в которых применяются «специфические методики исследования исторических первоисточников с точки зрения каждой из этих вспомогательных дисциплин»²².

В литературе нет единого понимания не только документа, но и документального источника, как и источника вообще. Сам термин «источник», как нечто не совпадающее с историческим исследованием, в России начал употребляться еще в ХУІІІ в. Кажется только во второй половине ХІХ в. появляются первые такие определения термина – у М.Н. Петрова как «свидетельства и памятники прошед-

шего, как письменные, так и вещественные», у В.О. Ключевского – как «письменные или вещественные памятники, в которых отразилась угасшая жизнь отдельных лиц и целых обществ», у Н.П. Загоскина как «все то, что способно послужить нам средством к познанию минувшей жизни народа... тем самым приобретает значение источников к познанию истории этого народа». Согласно С.Ф. Платонову, «В обширном смысле понятие исторического источника включает в своем содержании всякий остаток старины, будет ли это сооружение, предмет искусства, вещь житейского обихода, печатная книга, рукопись, наконец, устное предание». Определение исторического источника как «остатка старины» было характерно для многих отечественных исследователей начала XX в.²³

Новые и важные оттенки в толкование исторического источника были предложены Лаппо-Данилевским. Во-первых, он понимал под ним «всякий реальный объект, который изучается не ради его самого, а для того, чтобы через ближайшее его посредство получить знание о другом объекте». Во-вторых, ученый видит в источнике исключительно произведение психической деятельности человека. В третьих, таким источником Лаппо-Данилевский считает лишь такой продукт человеческой психики, который «пригоден» для изучения только фактов прошлого исключительно «с историческим значением»²⁴.

Историк религиозных движений Л.П. Карсавин свое определение исторического источника поставил в зависимость от собственной теории «вживания» историка в прошлое. Для него источник – также остаток прошлого, не связанный с другими аналогичными источниками и оторванный от прошлого.

В дальнейшем понятие исторический источник стали связывать со всем, что может способствовать изучению прошлого, выделяя источники материальной и духовной культуры. Для темы нашего доклада важно указать на точку зрения О.А. Добиаш-Рожественской, которая в источниках видела «следы прошлого» в виде «прямых» их остатков и остатки «символические» - письменные, в которых «за видимым знаком – начертанием – стоит символически высказавшееся духовное существо автора – писателя, который сам воспринял след проходящей мимо него истории»²⁵.

В конечном счете в советской историографии утвердились ряд положений, связанных с пониманием исторического источника. Во-первых, он стал четко отделяться от исторического исследования. Во-вторых, его широкое толкование распространялось на дошедшие

«остатки», «памятники», «продукты», «материалы» как исключительно результаты человеческой деятельности. В-третьих, во всех определениях и комментариях к ним понятие «документальный источник» отсутствовало, в лучшем случае оно подразумевалось частично в термине «письменные источники». В-четвертых, несмотря на наличие в ряде дефиниций мысли о том, что источник является отражением общественной жизни, его толкования всегда статичны и, можно сказать, носят исключительно потребительский характер. В-пятых, преодолевая агностицизм в толковании понятия источника, дефиниции старательно обходили все ситуации, когда такой агностицизм носил наведенный, ограничительный, характер, игнорируя *огромный комплекс непубличных, но реально существовавших источников, рождавшихся непубличными системами документирования.*

Важное место в дальнейшем развитии понятия «исторический источник» сыграла уже упоминавшаяся выше книга Л.Н. Пушкарёва. Его определение этого понятия звучало следующим образом: «все, непосредственно отражающее исторический процесс и дающее возможность изучать прошлое человеческого общества, т.е. все созданное ранее человеческим обществом и дошедшее до наших дней в виде предметов материальной культуры, памятников письменности, идеологии, нравов, обычаев, языка»²⁶. Если отвлечься от мелких спорных неточностей этого определения (например, нравы и обычаи есть часть идеологии, а сама идеология не существует как самостоятельный вид источников, отражаясь и в предметах материальной культуры и в документальных источниках), его определение оказалось вполне жизнестойким.

Сегодня, казалось бы, настало время говорить о документальном источнике и определять его через понятие документ. Однако ничего подобного – мы по-прежнему встречаемся в литературе с определением, например, терминов «документальный источник» как делопроизводственный документ и, например, «нарративный источник» не как разновидность документального источника, а едва ли не как самостоятельный класс письменных источников.

Развитие документального источниковедения в теоретическом плане привело к распределению исторических источников на остатки и предания, становившееся основаниями многих классификаций источников, и разделение источниковедческого анализа на внешнюю и внутреннюю критику. В принципе эти две идеи, особенно вторая, несмотря на ее эклектизм, отражают суть источниковедческого знания и его основополагающие цели.

Мы исходим из того, что важнейшим принципом документального источниковедения является *принцип его институциональной самостоятельности, независимости от любых методологий истории в силу особенности целей, задач и методов документального источниковедческого знания*. Получение такого знания составляет суть документального источниковедения, тогда как его интерпретация зависит от мировоззренческих позиций историка. Самостоятельность документального источниковедческого знания проявляет себя и в возможности его проверки с использованием одинаковых или разных методов источниковедческого исследования. В этом смысле в документальном источниковедении нет и не должно быть ни методологии, ни идеологии, а есть только постоянно расширяющаяся сумма общепринятых и общедоступных методов критики документальных источников, своего рода «техника» работы с документальными источниками. В этом смысле нельзя не согласиться с утверждением А.К. Соколова, заметившего: «Над историками буквально висит нагромождение теоретических знаний, имеющих подчас лишь отдаленное отношение к тому, что они делают на практике»²⁷.

Единственной методологической основой такого источниковедения является признание *принципа двойственной природы документа как оперативного регулятора человеческой жизнедеятельности и как носителя документальных свидетельств об этой жизнедеятельности*. Этот принцип подразумевает установление степени соответствия таких свидетельств реальной картине человеческой жизнедеятельности в ее регулируемой составляющей, в части подлинности ее предоставления, достоверности зафиксированных свидетельств, их полноты и эффективности методов анализа. Оперирование этим принципом означает признание познавательных возможностей документального источника и делает документальное источниковедение важнейшим инструментом исторического познания как знания научного, дисциплинарного и возможностями такого источника быть основным или дополнять другие источники свидетельствами о них. Однако иерархию таких свидетельств определяет как источниковед, так и историк.

Таким образом, названные принципы в нашем представлении определяют суть документального источниковедческого знания как знания теоретического в той мере, в какой это знание может выйти за границы описательности. Они открывают возможности провести более или менее понятную границу между прикладным и теоретическим документальным источниковедческим знанием. Последнее в

свою очередь в этом случае может очертить особую сферу человеческого познания, имеющего дело с таким цивилизационным продуктом как документ, ставший документальным историческим источником, т.е. утративший свою регулирующую функцию и обретшем историко-познавательное значение. Мы наблюдаем не только пересечение, но и частичное или полное совпадение принципов документального источниковедения и принципов документоведения, архивоведения и археографии. И в этом нет ничего необычного и искусственного, если вспомнить, что так или иначе в их центре находится феноменальный продукт человеческого духа – документ.

Подводя итоги сказанного, отметим следующее. В свое время разделение документоведческого, архивоведческого, археографического и источниковедческого знаний было естественным следствием развития соответствующих дисциплин. Однако такое разделение сопровождалось по крайней мере двумя явлениями, которые все более отчетливо заявляют о себе сегодня. Во-первых, знание в этих дисциплинах нередко сводится к прикладному, без серьезного рассмотрения теоретических основ. Например, в документоведении представляется чрезвычайно важным рассмотрение необходимого и достаточного документирования современной человеческой жизнедеятельности. Во-вторых, мы наблюдаем не только разрыв системности терминопотребления в названных дисциплинах, но разное понимание одинаковых понятий.

¹ *Афиани В.Ю.* Современные проблемы археографии: историографический аспект // Отечественные архивы. 2019. № 1. С. 25 – 31.

² Теоретические основы археографии с позиций современности: Материалы дискуссии. М., 2003.

³ *Плешкевич Е.А.* Документальный подход в библиотековедении и библиографоведении: этапы формирования и направления развития. М., 2012. С. 156.

⁴ Там же. С. 166-167.

⁵ Там же. С. 182.

⁶ Там же. С. 187-188.

⁷ Там же. С. 189-191.

⁸ *Илизаров Б.С.* Социальные функции архивов СССР: диссертация ... доктора исторических наук. М., 1987.

⁹ *Козлов В.П.* Жизнь документа. В кн.: Достоинство историка: К 90-летию со дня рождения академика РАН Юрия Александровича Полякова. – М., 2011. С. 88 – 110.

¹⁰ *Он же.* Документальная память в архивоведческом знании. М., 2017; *он же.* Документальная память в археографическом знании. М., 2017.

¹¹ *Он же*. Тайны документальных фальсификаций или Обманутая, но торжествующая Клио. Анализ подделок документальных исторических источников по истории России в ХУ111 – начале ХХ1 века. М., 2015. С. 31 – 61.

¹² *Он же*. Исторический источник и основные проблемы его анализа в исторической мысли России конца ХV111 – первой четверти Х1Х в. Вспомогательные исторические дисциплины. Т. 21. Л., 1990. С. 5-17.

¹³ *Николаева А.Т.* Теория и методика советского источниковедения, Учебное пособие. М.,1975. С. 23.

¹⁴ Источниковедение истории СССР Х1Х – начала ХХ в. М.,1970.

¹⁵ В свое время на это справедливо обратил внимание С.О. Шмидт, говоря, что документальные источники «могут содержать информацию (иногда даже уникальную) и о других видах памятников истории и культуры». – *Шмидт С.О.* Документальные памятники. Задачи археографической работы. – В кн.: Документальные памятники: выявление, учет, использование. М.,1988. С. 15.

¹⁶ Там же. С. 4.

¹⁷ Источниковедение новейшей истории России: теория, методология и практика. М., 2004. С. 13

¹⁸ *Черноморский М.Н.* Источниковедение истории СССР: Советский период. М., 1976.

¹⁹ Источниковедение новейшей истории России ... С. 13 - 14.

²⁰ *Введенский А.А.* Лекции по документальному источниковедению истории СССР. Киев, 1963.

²¹ Там же. С. 2.

²² Там же. С.199 - 200.

²³ Подробнее см.: *Пушкарёв Л.Н.* Классификация русских письменных источников по отечественной истории. М., 1975. С. 29 - 40.

²⁴ Там же. С. 40 - 41.

²⁵ Там же. С. 45.

²⁶ Там же. С. 62 - 63.

²⁷ Источниковедение новейшей истории России ... С. 8.

Пчелов Е.В.

Отечественная генеалогия 1920-х гг. в контексте евгеники по опубликованным и архивным документам

Аннотация: В статье рассмотрена история отечественной генеалогии 1920-х гг. в контексте евгенических исследований, проводившихся в советской России в первое послереволюционное десятилетие. Генеалогические исследования по истории известных родов и лиц проводились в определённом ракурсе как учёными-генетиками, так и генеалогами. При этом отечественная генеалогия обогатилась новыми принципами исследования – например, распространёнными стали исследования восходящих и нисходящих родословных по всем линиям, что давало возможность выявить родственные связи многих известных деятелей русской науки и культуры. Был собран и большой материал по родословным учёных, поэтов, музыкантов и др. Itzntktq того времени. Однако лишь небольшая часть генеалогических наработок нашла место на страницах публикаций. Ряд интересных работ так и остался неопубликованным, а многие материалы хранятся в центральных и ведомственных архивах. В то же время поиск и изучение возможного документального наследия русской евгеники остаётся актуальной исследовательской задачей.

Ключевые слова: генеалогия, евгеника, документальное наследие, источники, архив

Pchelov E.V.

Russian genealogy of the 1920s in the context of eugenics according to published sources and archival documents

Abstract: The article considers the history of Russian genealogy of the 1920s in the context of eugenic researches conducted in Soviet Russia in the first post-revolutionary decade. Genealogical research on the history of known families and persons was conducted from a certain perspective by both geneticists and genealogists. At the same time, Russian genealogy was enriched by new research principles – for example, studies of ascending and descending pedigrees along all lines became widespread, which made it possible to identify the kinship ties of many famous figures of Russian science and culture. Was collected and a lot of material on the pedigrees of scientists, poets, musicians, etc. of that time. However, only a small part of the genealogical studies found a place in the pages of publications. A number of interesting works remained unpublished, and many materials are stored in the central and departmental archives. At the same time, the search and study of the possible documentary heritage of Russian eugenics remains an urgent research task.

Keywords: genealogy, eugenics, documentary heritage, sources, archive.

«“Расскажи мне твою родословную, и я скажу тебе, кто ты” – так должно быть с евгенической точки зрения переиначено известное изречение».

Михаил Васильевич Волоцкой

В современной генетике человека генеалогический метод (т.е. составление и анализ родословной) является одним из важнейших в исследовании. Как область практического знания генеалогия издавна существовала в человеческом обществе, а как одна из исторических наук сформировалась в европейской традиции на рубеже Средневековья и Нового времени. Применение генеалогического метода для решения неисторических проблем оказалось наиболее продуктивным именно в антропогенетике. У истоков этого «соединения» гуманитарной практики и естественнонаучных задач стояла евгеника. Основатель евгеники Фрэнсис Гальтон, по сути, был первым, кто использовал огромный опыт европейской генеалогической науки для изучения наследственности человека. С открытием законов генетики «вхождение» генеалогии в естественнонаучный, а затем и медицинский контекст получило твёрдые научные основания. Таким образом произошёл важный синтез, от которого «выиграли» обе стороны: генетики получили возможность использования репрезентативного исторического материала и выработанных практикой методов создания родословных, а генеалоги – возможность проверки тех или иных исторических гипотез на генетическом уровне. Осуществился этот синтез и в рамках российской евгеники 1920-х годов. Но для того, чтобы лучше понять, что дала тогда генеалогия евреникам и генетикам, нужно кратко остановиться на том положении, в котором она находилась накануне революции и в первые послереволюционные годы.

Не будет преувеличением сказать, что в начале XX века русская генеалогия вступила в пору своего расцвета¹. Были достигнуты существенные успехи в плане практического составления родословных и изданы выдающиеся справочники, в том числе и по отдельным родам; собраны, опубликованы и изучены многие важнейшие источники; образованы научные общества (Русское Генеалогическое в Петербурге и Историко-Родословное в Москве), развернувшие широкую исследовательскую деятельность; начат выпуск специализированных генеалогических журналов («Известия РГО» и «Летопись ИРО»), наконец, началось преподавание генеалогии в высших учеб-

ных заведениях и было издано первое учебное пособие («Лекции по русской генеалогии» Л.М. Савёлова). Генеалогия переставала быть лишь областью практического интереса дворянского сословия, её данные и методы применялись для решения самых разнообразных исторических задач, а оформление в России профессионального сообщества генеалогов, резкое увеличение объёма научных изданий и выход генеалогии в студенческую аудиторию сделали её полноценной наукой. Таким образом, на рубеже XIX – XX вв. начался научный этап истории русской генеалогии. При этом важно подчеркнуть, что оставаясь во многом наукой «дворянской» (что было вполне естественно, ибо в практическом смысле генеалогия была особенно значима именно для этого сословия, и, соответственно, имелся солидный корпус сохранившихся источников), генеалогия постепенно затрагивала и другие сословия, становясь наукой, изучающей всё российское общество в целом, и этот процесс также начался ещё в дореволюционный период.

После 1917 г. русская генеалогия оказалась в сложном положении. С одной стороны, её ярко выраженный сословный «характер» воспринимался враждебным для нового строя. Это в конечном итоге и привело к забвению генеалогии в 1930-х – 1950-х годах, когда генеалогия наряду с геральдикой были признаны «мёртвыми» и неактуальными, и к её более чем скромному существованию в последующие десятилетия советской власти. Ряд генеалогов, и прежде всего такая знаковая фигура, как основатель Историко-Родословного общества Л.М. Савёлов, ещё в период Гражданской войны покинули страну. С другой стороны, в 1920-х годах продолжала сохраняться сильная инерция предшествовавшей научной генеалогической традиции. Она прежде всего обуславливалась тем, что значительная часть генеалогов и специалистов смежных наук осталась в советской России, а некоторые даже включились в новую культурную деятельность, пытаясь сохранить дореволюционное наследие. В то же время в общественном плане 20-е годы были периодом относительно спокойным: продолжали ещё некоторое время существовать, хотя и далеко не все, старые научные общества, образовывались и новые, велась краеведческая работа (здесь можно, в частности, вспомнить и два общества, сыгравших выдающуюся роль в сохранении и изучении ушедшей культуры – комиссию «Старая Москва» и Общество изучения русской усадьбы). И только в годы «Великого перелома» по всему этому флангу, как и вообще по многим «пережиткам» прежнего мира, был нанесён мощный, сокрушительный

удар. Пока же, в начале 20-х годов даже генеалогия смогла, правда ценой серьёзных усилий энтузиастов, организационно сохраниться. В 1919 г. в Петрограде было воссоздано под новым названием Русское Генеалогическое общество (Русское Историко-генеалогическое общество), продолжавшее свою деятельность вплоть до 1922 г. В ноябре этого года советские органы власти отказали ему в перерегистрации, признав его существование «нецелесообразным по обстоятельствам данного времени»². Есть сведения, что продолжало существовать и Историко-Родословное общество в Москве, которое в 1920–1922 гг. возглавлял Н.П. Чулков (о нём далее)³. Как бы то ни было, даже вне своей организационной структуры генеалогам ещё можно было продолжать работать, служа в архивах, музеях, библиотеках. И, конечно, когда их знания и опыт оказались востребованы новым интеллектуальным и общественным движением, когда генеалогия могла ощутить себя нужной и более того жизненно необходимой для исследования новых, необычных «гуманитарно-биологических» проблем, генеалогии, оставшиеся от «старого мира», активно включились в евгеническое движение. Сближение генетиков и генеалогов осуществлялось с обеих сторон. Генеалогии стремились привести свои исследования в соответствие с евгеническими задачами, генетики сами стали заниматься генеалогией.

Русская евгеника в 1920-х гг., оказавшись созвучна задачам создания нового человека в советской России, существовала, прежде всего, в двух организационных формах. В Москве это было Русское евгеническое общество, основанное ведущим биологом и генетиком Николаем Константиновичем Кольцовым (1872–1940)⁴, возглавлявшим Институт экспериментальной биологии (в составе которого также был образован Евгенический отдел). Общество быстро приобрело всероссийский масштаб. В 1922–1930 гг. оно издавало «Русский евгенический журнал». В Петрограде же это было созданное в 1921 г. Бюро по евгенике (с 1925 г. – Бюро по генетике и евгенике, с 1927 г. – Бюро по генетике) при КЕПС, основателем которого являлся другой выдающийся учёный-генетик Юрий Александрович Филипченко (1882–1930)⁵. Бюро также издавало свой печатный орган – «Известия...», выходившие в 1922–1930 гг. Кроме того, выходили работы по евгенике и отдельными изданиями в виде книг, брошюр и тематических сборников⁶. Евгеника, как и вообще биологические вопросы, заняла большое место в общественно-культурном контексте того времени.

Однако, поскольку это научное и общественное направление на

рубеже 1920-х – 1930-х гг. было практически разгромлено, а затем и вовсе оказалось под запретом, документальное наследие отечественной евгеники сохранилось крайне фрагментарно. Архив Русского евгенического общества отсутствует, а документы из архивных фондов Института экспериментальной биологии, Н.К. Кольцова и других учёных носят далеко неполный характер, что, по-видимому, было связано не только с их плохой сохранностью, но и сознательным уничтожением. Во всяком случае, картину истории отечественной евгеники в этот период приходится реконструировать по немногим сохранившимся и весьма обрывочным сведениям (конкретные характеристики документального наследия будут даны далее).

Генеалогическая же работа в рамках евгеники осуществлялась в двух направлениях. Во-первых, это был сбор «современных» родословных путём распространения и анализа соответствующих анкет. Анкетирование не требовало специальных исторических знаний, здесь нужна была методика составления родословных, требовалась научная разработка вопросника, умение ориентироваться в генеалогической информации и чисто практические навыки наблюдений, антропометрических измерений и научного анализа. Международное евгеническое движение прекрасно справлялось с этими задачами. Специальная международная комиссия разработала стандартный вариант анкеты и систему символических обозначений (за основу взяли наиболее удачные американские образцы). Отечественные евгенисты также уделяли большое внимание этому вопросу. У его истоков стояли Кольцов и Филипченко, составившие два варианта генеалогической анкеты. Ю.А. Филипченко вообще был сторонником точных, статистических методов и потому подходил к этой работе особенно внимательно, хотя в целом весьма скептически относился к возможностям довольно полного сбора генеалогических сведений путём опроса. Своими сомнениями он делился с Кольцовым: «на опыте убедился, что память наша русская по части родственников очень коротка, и о братьях и сёстрах очень немного бы могли сообщить, т.к. большинство затрудняется дать сведения даже об отце и матери, что, мне кажется, легче». «Она, – писал он об анкете Кольцова, – полнее, но зато и сложнее моей, а наш русский человек (говорю опять по имеющемуся у меня опыту) плохо разбирается даже в самых простых вещах. Боюсь поэтому, что многие и очень многие с Вашей анкетой прямо не справятся или, что хуже ещё, напутают так, что трудно будет даже разобраться... Вообще, если возникает сомнение, чему отдать предпочтение – более полному или более простому,

то для нашей публики следует выбрать последнее»⁷. Мешала работе, конечно, и определённая инертность опрашиваемых. За два месяца из 2000 учёных, которым Филипченко направил анкеты, ответили только 250.

Анкета Русского Евгенического общества содержала, впрочем, весьма подробный перечень вопросов, из ответов на которые выстраивалась «генетическая родословная». Вопросы касались наследственных физических особенностей, психических заболеваний, музыкальных и других способностей. Необходимо было указать национальное происхождение, в частности примесь иноплеменной крови у предков, психопатологические особенности, склонности и особенности «вкуса и характера». Из физических характеристик в анкете присутствовали: форма волос, цвет бороды, цвет радужной оболочки правого глаза, наличие лысины, профиль спинки носа, особенности произношения и т.д. К семейному опросному листу прилагались подробные правила для заполнения анкеты⁸. Разумеется, оно осуществлялось не только силами опрашиваемого, но и наблюдениями исследователя.

Евгеническим отделом Института экспериментальной биологии была разработана также анкета по размножаемости учёных и деятелей искусства⁹. В ней, в частности, опрашиваемому необходимо было составить своё родословное древо. Ставилась задача учёта как можно большего числа предков и родственников по максимально возможному количеству линий родства. Аналогичную работу в 1920–1924 гг. осуществляло петроградское Бюро по евгенике под руководством Ю.А. Филипченко. Подобного рода исследование было проведено и в Одессе¹⁰. Московское исследование оказалось самым репрезентативным. Было опрошено почти 800 человек. Отбор осуществлялся по принципу регистрации респондентов в ЦЕКУБУ (Центральная комиссия по улучшению быта учёных при Совнарком). Результаты анализа анкет были представлены в статье профессора А.В. Горбунова, опубликованной в 1928 г.¹¹ Подобно ленинградской анкете, московская выявила неутешительное положение работников науки и культуры. Главные причины этого, по мнению автора, коренились в экономических и социальных явлениях. Скудность заработка (в статье подчёркивается, что умственный труд стал расцениваться во всех отношениях ниже физического), отсутствие нормальных условий для существования и развития семьи обуславливают резкое падение рождаемости и, как результат, вымирание интеллигенции. До сих пор, а в последние годы особенно актуально

звучат практические выводы этого исследования, что нужно сделать, чтобы улучшить положение: во-первых, «усилить борьбу с жилищным кризисом, обрекающим большинство московских семей на выживание. Необходимо во что бы то ни стало американизировать жилищное строительство»; во-вторых, «уделить больше внимания нуждам представителей интеллектуального труда – тех, кто создаёт культурные ценности и трудится над повышением культурного уровня страны». «Лишь при осуществлении этих условий будет предотвращено дальнейшее вымирание квалифицированных культурных работников и заложены прочные основы для культурного строительства»¹². Как видим, с тех пор в отношении государства к культуре и науке практически ничего не изменилось.

Составление «посемейных таблиц» было одной из основных форм научной работы отдела. При этом в качестве респондентов выступали и сами члены Общества, которые к тому же предоставляли для исследований необходимые сведения как свои, так и родственников. В 1921 г. отделом было «предпринято посемейное исследование типов агглютинации крови в целях выяснения их наследственной природы. Эти исследования сопровождалась попутно некоторыми антропологическими наблюдениями, представляющими интерес с генетической точки зрения. Они имели возможность осуществиться лишь благодаря готовности служить объектом для этих интересных исследований многих членов Общества и той отзывчивости, с которой они сами и члены их семей являлись на испытание»¹³. Умение составлять родословные входило и в план обучения второго года аспирантуры в Институте: «ознакомление с антропометрическими методами и с составлением родословных на небольшой обследовательской теме евгенического характера»¹⁴.

Второе направление генеалогических исследований требовало уже иных знаний и навыков. Это было изучение генеалогий и наследственности по «литературным данным», т.е. работа в области исторической генеалогии. И надо отметить, что биологи-евгенисты с очень большой ответственностью и вниманием относились к этому делу. При проведении генеалогических исследований такого рода, подчёркивал антрополог В.В. Бунак, соблюдался «крайне осторожный подход»¹⁵. Именно поэтому Н.К. Кольцов обратился к профессиональным историкам и генеалогам, которых считал необходимым привлечь к евгеническим разработкам. В противном случае выводы могли быть крайне ненадёжными, как это получилось в ряде случаев у свердловского учёного-психиатра Г.В. Сегалина и его соратни-

ков, издававших в 1925–1930 гг. «Клинический архив гениальности и одарённости (эвропатологии)». Но и сами генетики внесли свой вклад в историческую генеалогию.

Работой по составлению и сбору «исторических» родословных в рамках Института и общества руководил Н.К. Кольцов, который сам увлёкся генеалогическими изысканиями. Он собрал довольно большое число генеалогий (как в результате собственных исследований, так и от различных корреспондентов) и опубликовал ряд работ в «Русском Евгеническом журнале», в том числе статью о родословной Ч. Дарвина и Ф. Гальтона¹⁶. Особенно он интересовался родословными талантливых «выходцев из народа», т.е. той областью, на которую традиционная генеалогия почти не обращала исследовательского внимания. В своей большой статье «Родословные наших выдвинутцев» Николай Константинович собрал и проанализировал свидетельства о предках М. Горького, Ф.И. Шаляпина, Л.М. Леонова и некоторых других деятелей, показав тем самым генетическое богатство всех российских сословий¹⁷. В его архивном фонде сохранилось несколько рукописных родословных, переданных ему различными генеалогами, в том числе родословная Лермонтовых¹⁸.

Составил Николай Константинович и собственную родословную, проиллюстрировав свои связи со Станиславским и Четвериковыми (он происходил из московской купеческой среды)¹⁹.

Ещё одна родословная из архива Кольцова, составленная кем-то из генеалогов, касалась действительных и предполагаемых предков Павла I²⁰. Рассматривались предки Павла по двум линиям через отца, Петра III, в родах Шестовых (через мать царя Михаила Фёдоровича инокиню Марфу) и Стрешневых (через царицу Евдокию Лукьяновну) и ещё по двум предполагаемым линиям, через мнимого отца Павла Сергея Васильевича Салтыкова и через мнимого отца Екатерины II Ивана Ивановича Бецкого. Оказывалось при этом, что Бецкой также был потомком Стрешневых, а Салтыков – и Стрешневых и Шестовых. То есть независимо от того, кто были действительные отцы Павла I и Екатерины II, Павел в любом случае являлся потомком и Шестовых, и Стрешневых. Эта любопытная родословная наглядно показывала те интересные результаты, которых может достичь исследование генеалогии по самым разнообразным линиям родства.

Генеалогией стали активно заниматься и другие биологи-евгенисты. В архивном фонде видного генетика Александра Сергеевича Серебровского (1892–1948) сохранилась интересная картотека, составлявшаяся им в начале 1920-х годов²¹. Это довольно большое

число небольших карточек, на которых своим мелким, аккуратным почерком он фиксировал родственные связи различных выдающихся деятелей русской истории и культуры. Опирался он на дореволюционные генеалогические справочники и на значительный круг биографической литературы. Эти генеалогические связи, безусловно, представляли существенный интерес для евгеники. Некоторые из них объединяли в общие родословные сразу нескольких выдающихся людей, другие касались лишь небольшого круга лиц. Иногда это просто заметки о каком-либо единичном родстве или свойстве. Общее количество отмеченных Серебровским исторических персон и фамилий довольно велико, но, к сожалению, весь этот материал так и не был обобщён им. Это были по сути первые шаги к созданию единой родословной всей русской культуры XVIII – начала XX в., задаче, которую попытался также осуществить В.С. Золотарёв и к решению которой отечественная генеалогия вплотную подошла только сейчас (об этом см. ниже).

Из иностранных родословных внимание Серебровского привлекла египетская династия Птолемеев, породнившаяся в начале своей истории с династией Селевкидов. Серебровский составил соответствующую таблицу, отметив частые случаи кровосмешения у Птолемеев. Общий вывод («заключение») учёного таков: «Несмотря на многочисленные инбридинги в семье от Птолемея I до Цезариона (сын Юлия Цезаря и Клеопатры VII – *Е.П.*) доходит только 1/128. По-видимому, можно говорить о наследовании жестокости, тем более что Птолемей I и Селевк I оба гуманны...», любопытна в этом контексте разница между Птолемеем VI, простившим брата, и жестоким Птолемеем VII, сыноубийцей²².

Для сбора необходимой информации Институт экспериментальной биологии направлял генеалогические запросы в архивные учреждения страны. Так, в 1926 г. Институт просил Казанское архивное бюро «навести справку об акте рождения Фёдора Ивановича Шаляпина, о брачном акте его родителей», уточнить год рождения матери певца, её девичью фамилию и найти акт о её рождении. Кроме того, Институт запрашивал, не ли проживают ли родственники Шаляпина в Казани в настоящее время. Подобный запрос был отправлен и в архивное бюро Нижнего Новгорода по поводу родословной Горького²³.

Большую генеалогическую работу развернул и антрополог Михаил Васильевич Волоцкой (1893–1944). Он собирал материалы по Достоевским, Серовым, Фигнерам, Садовским, Скрыбиным и другим

родам²⁴. Именно по предложению Кольцова²⁵ Волоцкой начал работу над характерологическим анализом личности Ф.М. Достоевского и его рода, которую он вёл много лет и часть которой ему удалось опубликовать в виде книги. «К 4 мая 1923 г., когда было сделано в заседании Русского Евгенического общества первое, предварительное сообщение об этой работе, был собран более или менее достоверный материал относительно более чем ста родственников писателя, охвативший несколько поколений»²⁶. Первая часть этого фундаментального труда под названием «Хроника рода Достоевского. 1506–1933» вышла в свет в 1933 г. в издательстве «Север». Её первоначальное название – «Род Достоевских в характерологическом освещении». Путь книги от рукописи до издания оказался сложным. Волоцкому пришлось даже обращаться за помощью к Луначарскому²⁷. Подготовительные материалы и рукописи этого труда хранятся в архиве Волоцкого в РГАЛИ. Документы этого фонда раскрывают удивительную многоплановость исследования Волоцким рода Достоевских. Он не только тщательно изучил все письменные источники о генеалогии писателя, но и собрал данные у современных ему родственников, в документах фонда есть коллекция портретных изображений потомков рода Достоевских, образцы почерков представителей рода, даже отпечаток рук одной из них. Интересовала Волоцкого и генеалогия родственных Достоевским семейств, в т.ч. Добржанских (к этому роду принадлежал известный генетик Ф.Г. Добржанский). Волоцкой консультировался с генеалогами, в частности с Н.П. Чулковым и В.С. Арсеньевым не только по вопросам родословия, но и геральдики²⁸. Чулков вообще был своего рода генеалогическим редактором книги о Достоевских. Выдающийся невропатолог Сергей Николаевич Давиденков, также связанный с евгеническим движением, писал Волоцкому: «Книга доставила мне истинное удовольствие, и я думаю, что это именно тот тип литературы, который нужен будет для всех наших выдающихся людей. Кстати же я не мог не подивиться той громадной работе, которую Вы сделали, разобрав массу всех этих историко-бытовых данных»²⁹.

Изучением рода Бакуниных занимался генетик Пётр Фомич Рокицкий (1903–1977), будущий академик АН Белорусской ССР. Ещё студентом Московского университета (окончил его в 1927 г.) с 1926 г. он работал в Институте экспериментальной биологии, где был сотрудником Генетического отдела. Исследование генеалогии Бакуниных П.Ф. Рокицкий начал ещё в 1925 г.³⁰, в 1927 г. эта работа увидела свет на страницах «Русского Евгенического журнала»³¹. Студент

Н.К. Кольцова, а затем сотрудник его Института, выдающийся генетик Владимир Владимирович Сахаров свою первую научную работу также опубликовал в «Русском евгеническом журнале». Она была посвящена анализу нескольких музыкальных родословных, среди которых были генеалогии известных семей музыкантов Гедике, Гнесиных и Шоров³². Ещё один талантливый генетик, Генрих Генрихович Фризен (1905–1942), положивший начало будущей космической генетике и безвременно погибший в годы сталинского террора, собирал родословные поэтов³³, однако, сохранился ли этот уникальный документальный комплекс или нет, неизвестно.

Особенно важно остановиться на участии в евгенических исследованиях собственно историков-генеалогов. Среди них необходимо назвать несколько очень значимых для генеалогии фигур. Прежде всего это Николай Петрович Чулков (1870–1940)³⁴, выдающийся знаток родословных, москвовед, человек уникальной эрудиции, легендарная личность русской генеалогии. Чулков происходивший из дворянского рода, в 1893 г. окончил историко-филологический факультет Московского университета (с дипломом I степени), после чего почти 40 лет прослужил в Московском архиве Министерства юстиции (в советское время был помощником управляющего I Московским отделением юридической секции Единого государственного архивного фонда (ЕГАФ), в 1926–1930 гг. работал старшим архивистом Древлехранилища). Тщательная работа с архивными документами, живой интерес к историческому прошлому, великолепная память сделали Чулкова выдающимся специалистом в области источниковедения, генеалогии, москвоведения и других исторических направлений и проблем. С 1932 г. по приглашению В.Д. Бонч-Бруевича он работал в Литературном музее (заведующий рукописным отделом, научный консультант). Одновременно Николай Петрович занимался и преподавательской деятельностью: в 1929–1931 гг. читал лекции в Московском университете, а в 1931–1933 гг. в Историко-архивном институте по геральдике, сфрагистике и генеалогии. В 1938 г. получил звание профессора. Чулков активно участвовал в деятельности многих научных обществ: являлся членом-учредителем и секретарём Историко-Родословного общества в Москве (а в последние годы его существования возглавлял общество), действительным членом Московского археологического общества, Общества истории и древностей российских, Русского Генеалогического общества, ряда губернских учёных архивных комиссий и др. В 1920-х годах он много занимался историей и краеведением Москвы, собрал колоссальный

материал по истории московских зданий, проводил обследования и составлял научные некрополи московских кладбищ, участвовал в работе Общества по изучению Москвы и Московского края и особенно общества «Старая Москва», где неоднократно выступал с докладами. Он был редактором двух томов «Русского Биографического словаря» и написал для этого многотомного труда более 70 биографий. Уникальные знания Чулкова, делавшие его настоящей «ходячей энциклопедией», привлекали к нему огромное количество исследователей, пользовавшихся его необыкновенной интеллектуальной щедростью. Конечно, такой знаток не мог остаться в стороне от деятельности Русского Евгенического общества, на заседаниях которого он выступал с докладами, публиковал свои работы в его журнале, помогал коллегам в генеалогических разысканиях. В «Русском Евгеническом журнале» увидели свет две работы Чулкова – о генеалогии рода Толстых и декабристов Муравьевых³⁵.

Другим выдающимся генеалогом, подключившимся к егеническим исследованиям, был Сергей Васильевич Любимов (1872–1935)³⁶. Петербургский чиновник (к 1917 г. – статский советник), он много занимался генеалогическими исследованиями. С 1912 г. являлся членом Русского Генеалогического общества, состоял и пожизненным членом Историко-Родословного общества в Москве. В советское время служил (до 1926 г.) архивариусом в Ленинградском отделении Центрального Исторического архива. С.В. Любимов был замечательным специалистом по генеалогии русского дворянства, особенно древних и титулованных родов. До революции он опубликовал родословные князей Гундоровых, Жижемских, Костровых, Назаровых, Бековичей-Черкасских, Сибирских, Дондуковых-Корсаковых, Тюменевых, баронов Черкасовых, дворян Мусоргских и др., ряд библиографических работ и справочников, самым примечательным из которых является книга «Титулованные роды Российской Империи» (Т. 1–2. СПб., 1910), где приводятся сведения о более чем 800 родах титулованного российского дворянства (в 2004 г. эта книга была переиздана одним из московских издательств). После 1917 г. С.В. Любимов продолжал заниматься генеалогией, в частности обратился к родословной Ф.М. Достоевского (опубликовал на эту тему две небольшие статьи) и других выдающихся личностей. В «Русском Евгеническом журнале» появилась его работа «Предки графа С.Ю. Витте»³⁷. Другая статья, о роде Рубинштейнов, предназначенная для того же издания, так и осталась тогда неопубликованной³⁸. Последние годы жизни С.В. Любимова были очень

нелёгкими, он тяжело болел, но генеалогических изысканий не прекращал.

Ещё один питерский чиновник и генеалог Юрий Александрович Нелидов (1874 – после 1940)³⁹ до революции служил в Канцелярии Министерства иностранных дел, сотрудничал в нескольких газетах, где публиковал статьи по вопросам международного права, имел придворное звание камер-юнкера и чин надворного советника (1914 г.). Он увлекался генеалогией, в 1913 г. вступил в Русское Генеалогическое общество, а в 1919 г. был одним из инициаторов его возрождения. После 1917 г. Ю.А. Нелидов работал по архивной части: научным сотрудником Первого отделения Первой секции ЕГАФ, а в 1925–1934 гг. заведовал Ленинградской театральной библиотекой (бывшей Центральной библиотекой императорских театров, ныне – Петербургская театральная библиотека). В статье «Ленинградская театральная библиотека им. А.В. Луначарского» (Театральное наследие. Сб. 1. Л., 1934. С. 9–44) Нелидов представил обзор её фондов и описание отдельных книжных и рукописных собраний. При нём в библиотеке был создан художественно-постановочный отдел. Кроме того, он был одним из создателей и деятельных участников Ленинградского общества экслибрисистов. В «Русском Евгеническом журнале» Ю.А. Нелидов опубликовал две интереснейшие статьи: «О потомстве барона Петра Павловича Шафирова» (с этим докладом он выступал и на заседании возрождённого Русского Генеалогического общества)⁴⁰ и, совместно с Н.К. Эссенем, «Предки и потомки академика Карла-Эрнста Бэра»⁴¹. В 1935 г. в рамках печально известной операции «бывшие люди» после убийства Кирова был выслан из Ленинграда как «социально опасный элемент». Документальные материалы Ю.А. Нелидова были переданы на хранение в Публичную библиотеку, где ныне составляют небольшой фонд (ОР РНБ. Ф. 515). В архиве Н.К. Кольцова сохранилось письмо Нелидова, отправленное в 1940 г. из Горького (Нижегород)⁴². В числе высланных из Ленинграда в Нижний Новгород весной 1935 г. с женой и дочерью был и сын Юрия Александровича – Иван (1905 г.р.), который в 1936 г. был арестован и отправлен в лагерь⁴³.

Соавтор Ю.А. Нелидова Николай Карлович фон Эссен (1885–1945) был человеком яркой и во многом трагической судьбы⁴⁴. Он происходил из рода потомственных военных (к которому принадлежал и известный адмирал Н.О. фон Эссен) и избрал военную стезю. Получив соответствующее образование (Александровский кадетский корпус, Павловское военное училище), с 1905 г. Николай Карлович служил в прославленном лейб-гвардии Семёновском полку. С

ним он участвовал в подавлении декабрьского (1905 г.) восстания в Москве (получил ранение) и в боях на фронте Первой мировой войны (участие в войне привело впоследствии к ампутации левой ноги). В 1916 г. Н.К. фон Эссен стал полковником л.-гв. Семёновского полка. С первых лет службы в полку он начал серьёзно заниматься его историей, заведовал полковым архивом и музеем, подготовил ряд военно-исторических работ, а изыскания по личному составу полка привели его к генеалогическим исследованиям. В 1911 г. Н.К. фон Эссен стал членом Русского Генеалогического общества. Он также состоял и в других исторических обществах, в том числе в Историко-Родословном, Русском военно-историческом, в Обществе ревнителей исторического просвещения. Уже до революции он получил большую известность как военный историк и (правда, в меньшей степени) как генеалог. События 1917 г. круто изменили его жизнь. В 1920 г. Николай Карлович вместе с семьёй эмигрировал в Эстонию, где жили его дальние родственники. Поселился в Тарту, принял эстонское гражданство. Зарабатывать на жизнь приходилось в конторе сапожной фабрики. Но именно в Эстонии с большой интенсивностью развернулась его генеалогическая деятельность. Он стал одним из самых лучших знатоков родословных остзейского дворянства и в конечном итоге главным генеалогом эстляндского рыцарства, подготовив к изданию Эзельский том генеалогического справочника балтийских родов (вышел в свет в 1934 г.) и ряд других публикаций. Видимо в 1920-х годах ещё оставалась возможность поддерживать связи с российскими коллегами, чем и объясняется совместная публикация с Ю.А. Нелидовым. После заключения советско-германского договора 1939 г. семья фон Эссен, как и многие другие «балтийские немцы», была интернирована в Германию, вернее в Познань, входившую тогда в Третий Рейх. С приходом Красной Армии фон Эссенам пришлось бежать в Прагу, к родственникам. Тяжёлый переезд пожилого инвалида, каким был Николай Карлович, подорвал его здоровье, и вскоре он скончался. После занятия Праги советскими войсками члены семьи Н.К. фон Эссена были арестованы, а после освобождения им удалось уехать в Швецию.

В 1920-х годах в Советской России оставался и такой крупный генеалог и археограф, как Василий Сергеевич Арсеньев (1883–1947)⁴⁵. Потомок древнего дворянского рода, сын дипломата и племянник выдающегося историка-геральдиста Ю.В. Арсеньева, В.С. Арсеньев служил на поприще местного управления различных губерний, в 1915 г. в чине надворного советника став даже Псков-

ским вице-губернатором. Одновременно он серьёзно занимался историей и генеалогией, в особенности своего рода, написав на эту тему фундаментальное монографическое исследование. Известен он был и другими научными трудами. Ещё совсем молодым человеком В.С. Арсеньев получил приглашение вступить в Русское Генеалогическое общество, деятельно участвовал он в научной общественной жизни и после революции. В революционное лихолетье в его биографии был и такой эпизод, как осенние бои в Москве с большевиками (Арсеньев являлся тогда юнкером Александровского военного училища) и полученная в результате контузия. После революции Василий Сергеевич работал в Главархиве (до 1923 г.), в 1919–1922 гг. читал лекции по геральдике и генеалогии в Московском Археологическом институте, затем перебивался большей частью непостоянными заработками, восемь раз подвергался арестам. В январе 1934 г. с большими трудностями ему удалось уехать из СССР в Германию. Эмигрантский период для В.С. Арсеньева был очень плодотворным в творческом отношении. Он сразу же вошёл в контакт с Л.М. Савёловым и подключился к изданию эмигрантского историко-генеалогического журнала «Новик», который на первых порах они создавали практически вдвоём. На страницах «Новика» Арсеньев опубликовал около сотни работ, он собрал большой материал по генеалогии и некрополям русской эмиграции, составил ряд родословных русских дворянских родов для авторитетнейшего справочника европейской аристократии «Готского Альманаха». Несмотря на непростые условия жизни, он смог реализовать себя как учёный (что вряд ли могло произойти в СССР).

Ещё находясь в Советском Союзе, в 1920-е годы Василий Сергеевич занимался комментированием переписки и дневников Л.Н. Толстого для готовившегося тогда полного собрания сочинений писателя. Н.К. Кольцову он передал родословные росписи нескольких ветвей своего рода: роспись потомства Александра Ивановича Арсеньева и родословную Валерии Владимировны Арсеньевой (1836–1909), невесты Льва Толстого, составленную в марте 1927 г.⁴⁶ Ю.А. Нелидову также отправил материалы по генеалогии Арсеньевых с указанием прожитых членами рода лет – опять-таки для евгенических исследований⁴⁷. Любопытно, что, видимо, не без влияния Арсеньева взаимосвязями генеалогии и генетики заинтересовался и основатель Историко-Родословного общества Л.М. Савёлов. Во втором номере журнала «Новик» за 1941 г. появилась его статья «Генетика и евгеника как части генеалогии»⁴⁸.

С Н.К. Кольцовым общался и ещё один историк-генеалог, библиограф Илья Михайлович Картавцов (1895–1971)⁴⁹. До революции он состоял членом Тульской губернской учёной архивной комиссии, Историко-Родословного общества и уже был известен своими научными изысканиями. С 1923 г. жил в Москве и работал в Российской Центральной Книжной Палате, где заведовал отделом периодической печати. С 1926 г. Илья Михайлович руководил редакцией «Журнальной летописи» (ныне «Летопись журнальных статей»). В 1920-х годах являлся также членом Русского библиографического общества и Общества изучения русской усадьбы. В 1929 г. он был арестован и сослан, затем долгие годы находился в лагерях и ссылках, был реабилитирован и смог вернуться в Москву только в 1957 г. Научные труды И.М. Картавцова посвящены библиографии, краеведению и генеалогии.

Отслеживавший всю выходившую тогда научную литературу, Илья Михайлович подготовил для Кольцова обзор книг и статей по генеалогии, изданных в России в 1918–1927 гг. Эту статью он отослал для публикации в «Русском Евгеническом журнале» в январе 1929 г.⁵⁰ Буквально через несколько месяцев И.М. Картавцов был репрессирован, а Русское Евгеническое общество вскоре прекратило существование.

К числу деятелей русской культуры, чья личность и родословная могли дать богатый материал для антропогенетических исследований, наряду с Ф.М. Достоевским, принадлежал и писатель Всеволод Михайлович Гаршин. Исследованием рода Гаршиных, как и нескольких других «психопатических родов», занимался выдающийся психиатр Т.И. Юдин, который на основе анализа этих родословных осуществил «опыт выделения генетических компонентов, слагающих маниакально-депрессивный психоз»⁵¹. В архиве Н.К. Кольцова сохранилась интересная рукопись младшего брата писателя Евгения Михайловича Гаршина (1860–1931), жившего в то время в Крыму (работа написана летом 1922 г.)⁵². Она озаглавлена «Сведения о жизни Екатерины Степановны Гаршиной (матери писателя В.М. Гаршина)». В изучении наследственности литературных талантов особенное внимание евгенистов привлекала генеалогическая линия матери. Несмотря на довольно скромное заглавие этот труд представляет собой великолепную историю семьи Гаршиных, основанную большей частью на живых воспоминаниях и рассказах родственников, но сопровождаемую достаточно подробными и точными генеалогическими сведениями. С особенной тщательностью Е.М. Гаршин, вероят-

но, по просьбе Кольцова, прослеживает наследственное душевное заболевание в семье и фиксирует его проявления, а также иные психические особенности у различных родственников писателя.

На страницах «Русского Евгенического журнала» было опубликовано более десятка интереснейших генеалогических работ, существенных для евгенических исследований⁵³. Они во многом предвосхитили то, к чему русская генеалогия пришла только в конце XX века. Условно их можно подразделить на две группы.

Во-первых, это статьи, посвящённые некоторым наиболее интересным и талантливым родам, давшим сразу нескольких выдающихся или примечательных чем-либо представителей в тех или иных областях: Толстым (Н.П. Чулков)⁵⁴, Аксаковым (А.С. Серебровский), Муравьёвым (Н.П. Чулков), семьям декабристов (В.С. Золотарёв) и др. Таким образом проводилось изучение общей генеалогической картины того или иного рода, на предмет выявления антропологических и психологических наследственных особенностей.

Во-вторых, это статьи, в которых рассматривались все предки или потомки какого-либо известного лица по всем генеалогическим линиям, т.е. строились «смешанные» родословия. Таковы работы о предках и потомках академика К.-Э. Бэра (Ю.А. Нелидов, Н.К. фон Эссен), предках С.Ю. Витте (С.В. Любимов), Ч. Дарвина и Ф. Гальтона (Н.К. Кольцов) и др. Ярким примером такого исследования служит небольшая статья Ю.А. Нелидова «О потомстве барона Петра Павловича Шафирова», к которой приложена уникальная генеалогическая таблица. Среди потомков выдающегося петровского сподвижника в ней указаны братья Виельгорские, С.Ю. Витте, Е.П. Блаватская, братья С.Н. и Е.Н. Трубецкие, кн. П.А. Вяземский, кн. Ф.Ф. Юсупов и целый ряд других, не менее ярких фигур. В.С. Золотарёв построил восходящие родословные (по всем линиям) Пушкина, Льва Толстого, Чаадаева, Самарина, Герцена, Кропоткина и кн. С.Н. Трубецкого⁵⁵, на примере которых изучил возможные наследственные черты тех или иных родов, проявившиеся в их выдающихся потомках.

Следует особо отметить, что представитель известной литературной семьи Виталий Сергеевич Золотарёв (1903–1942) изучил в общей сложности родословные более 200 деятелей русской истории и культуры XVIII – начала XX вв., выявив генеалогические связи, объединявшие всех их как бы в единое генеалогическое «пространство». Оказалось, что всех их связывает или прямое родство, или свойство – таким образом была создана единая генеалогическая па-

норама русской культуры. «Так можно говорить о том, что генеалогия писателей переплетается с генеалогией их «муз», как сказали бы классики, что генеалогия автора вскрывает генезис его художественных образов и литературных форм, что генеалогия творцов во многом поясняет генеалогию типов и форм в литературе»⁵⁶. Построение родословных, связывавших большое число родов через свойство, было новым явлением для русской генеалогии.

Ещё одно важное направление исследований – это изучение родословных выходцев из непривилегированных сословий («Родословные наших выдвинутцев» Н.К. Кольцова). Этому способствовало и проведение более или менее массового генеалогического анкетирования. На основе подобного анкетирования была создана, в частности, работа ленинградских генетиков во главе с Филиппенко, посвящённая анализу биографических и генеалогических данных членов Академии наук за последние 80 лет (1846–1924 гг.)⁵⁷.

Наконец, новаторским было создание монографических исследований по истории отдельных родов, где, с одной стороны, объединяются генеалогия, биографии, история семьи, сведения о её имущественном положении, родовая геральдика и т.д., а с другой, всё это тесным образом сопрягаются с характерологическими и антропологическими особенностями, для чего создаются портретные галереи представителей родов, анализируется и иной разнообразный материал, как например, образцы почерков, даже отпечатки пальцевого узора и т.п. Такое исследование по роду Достоевских осуществлял М.В. Волоцкой.

Таким образом был собран и изучен огромный и интересный фактический материал по исторической генеалогии.

Не следует думать, конечно, что вся эта работа была осуществлена «с чистого листа». Во многом она опиралась на родословные, созданные ещё в дореволюционной генеалогии, где имелся и ряд выдающихся справочников (кн. П.В. Долгорукова, кн. А.Б. Лобанова-Ростовского, В.В. Руммеля и В.В. Голубцова, «Малороссийский родословник» В.Л. Модзалевского и др.) и большое количество изданных превосходных генеалогий, в том числе и монографического характера. Уже имелись и родословные Льва Толстого (В.В. Руммель), и А.С. Пушкина (М.В. Муравьёв, Б.Л. Модзалевский), и многих других выдающихся деятелей (справочники Лобанова-Ростовского и Руммеля – Голубцова во многом, кстати, строились именно по этому принципу). Более того, предпринимались и отдельные исследования потомства какого-либо лица по всем генеалогическим линиям (и

мужским, и женским), например, потомства М.В. Ломоносова (Б.Л. Модзалевский). Однако генеалоги-евгенисты, признав на уровне генетики ценность не только мужской, но и женской линии, впервые широко развернули исследования «смешанных» генеалогий, и, конечно же, ставили совершенно новые научные задачи, «раздвигая» рамки традиционной генеалогии и обогащая тем самым и её саму, и генетику. Синтез генеалогии и евгеники обещал много дать обеим наукам: данные генеалогии преломлялись в совершенно новом научном ракурсе, но столь многообещающее сотрудничество было искусственно прервано политическими обстоятельствами.

Однако традиции генеалогических исследований, заложенные в рамках евгеники 20-х годов, явно или неявно оказывали влияние и на последующую русскую генеалогическую историографию (например, книга М.О. Вегнера «Предки Пушкина» (М., 1937) или неопубликованная при жизни автора книга С.Б. Веселовского «Род и предки А.С. Пушкина в истории»), которая, впрочем, чем дальше, тем больше находилась весьма в скромном положении. И только к концу XX века в отечественной генеалогии вновь обрели заметную популярность работы, типологически сходные с теми, которыми занимались генеалоги в 20-х годах. Создаются родословные всех потомков или предков отдельных родов и лиц. При этом, например, новая попытка проследить полную восходящую генеалогию Пушкина была сделана только в 1999 г. и только с помощью компьютерной программы⁵⁸, причём работа В.С. Золотарёва составителям этой новой родословной осталась неизвестна. А задача создания единой генеалогии деятелей русской культуры была в какой-то степени осуществлена только в 2002 г., и то не вполне удачно⁵⁹.

Ныне генетика и генеалогия взаимно успешно «помогают» друг другу: генеалогический метод остаётся одним из основных в антропогенетике, а генетика позволяет решать важные вопросы генеалогии⁶⁰.

Тем не менее, опыт «евгенической» генеалогии 1920-х гг. остаётся актуальным и сейчас, так же как актуален и поиск возможных архивных материалов по тем родословным, которые были собраны учёными-евгенистами и генеалогами в те годы.

¹ Об истории генеалогии в России в этот период см.: *Бычкова М.Е., Смирнов М.И.* Генеалогия в России: история и перспективы. М., 2004. С. 126–145; а также работы других авторов (здесь важно отметить сборник «Из истории Русского Генеалогического общества». СПб., 2001).

² *Краско А.В.* Русское Генеалогическое общество: 1918–1922 (страницы истории) // Известия Русского Генеалогического общества. Вып. 4. СПб., 1995. С. 37–43.

³ См.: *Думин С.В.* Историко-Родословное Общество в Москве // Летопись Историко-Родословного Общества в Москве. Вып. 1. М., 1993. С. 16; *Наумов О.Н.* Николай Петрович Чулков и отечественная историческая наука // Проблемы источниковедения. Вып. 1 (12). М., 2006. С. 444–468 и др.

⁴ О нём см.: *Раменский Е.В.* Николай Кольцов: биолог, обогнавший время. М., 2012.

⁵ О нём см.: *Медведев Н.Н.* Юрий Александрович Филипченко. М., 2006.

⁶ См.: *Пчелов Е.В.* Русские книжные издания по евгенике 1920-х гг. // Библиография. № 4, 2018. С. 100–109.

⁷ Архив РАН. Ф. 450. Оп. 3. Д. 153. Лл. 5–5 об. (письмо от 28 февраля 1921 г.).

⁸ Там же. Оп. 4. Д. 62. Лл. 8а–14, 21–27.

⁹ Там же. Л. 19–19 б.

¹⁰ *Штейн В.М.* Одесская профессура. Статистическо-евгенический очерк. Одесса, 1922.

¹¹ *Горбунов А.В.* Размножаемость московской интеллигенции по данным анкеты Русского Евгенического общества // Русский Евгенический журнал (далее – РЕЖ). Т. 6. Вып. 1. М.-Л., 1928. С. 3–53.

¹² Там же. С. 53.

¹³ *Бунак В.В.* О деятельности Русского Евгенического Общества за 1921 год // РЕЖ. Т. 1. Вып. 1. М., 1922. С. 100.

¹⁴ ГА РФ. Ф. А – 482. Оп. 28. Д. 61. Л. 18.

¹⁵ Архив РАН. Ф. 450. Оп. 4. Д. 7. Л. 3 об.

¹⁶ *Кольцов Н.К.* Генеалогия Ч. Дарвина и Ф. Гальтона // Русский евгенический журнал. Т. 1. Вып. 1. 1922. С. 64–73.

¹⁷ *Он же.* Родословные наших выдвинутых // Русский евгенический журнал. Т. IV. Вып. 3 – 4. 1926. С. 103–143.

¹⁸ Архив РАН. Ф. 450. Оп. 4. Д. 26. Лл. 48–88.

¹⁹ Там же. Л. 121.

²⁰ Там же. Л. 221.

²¹ Там же. Ф. 1595. Оп. 1. Д. 58.

²² Там же. Л. 197. В этом исследовании А.С. Серебровский шёл вслед за Ф. Гальтоном, также обратившем внимание на родословие Птолемея (Гальтон Ф. Наследственность таланта: Законы и последствия. М., 1996. С. 104–105).

²³ Архив РАН. Ф. 570. Оп. 1. Д. 14. Лл. 49 а–49 б.

²⁴ К сожалению, в его личном фонде в РГАЛИ имеются только материалы по Достоевским.

²⁵ РГАЛИ. Ф. 117. Оп. 1. Д. 78. Л. 5.

²⁶ Там же.

²⁷ РГАСПИ. Ф. 142. Оп. 1. Д. 668. Л. 6. Книга в конечном итоге была опубликована под редакцией известного литературоведа М.А. Цявловского (1883–1947) и с предисловием видного психиатра П.М. Зиновьева (1882–1965), много занимавшегося в те годы изучением патологии выдающихся людей. Недавно

вышло новое издание этого фундаментального труда с комментариями и дополнениями: Хроника рода Достоевских. Под ред. И.Л. Волгина. М., 2012.

²⁸ РГАЛИ. Ф. 117. Оп. 1. Дд. 46, 74.

²⁹ Там же. Д. 54. Л. 1.

³⁰ Архив РАН. Ф. 450. Оп. 4. Д. 8. Л. 44.

³¹ *Рокицкий П.Ф.* Бакунины // Русский евгенический журнал. Т. V. Вып. 1 1927. С. 21–24.

³² *Пчелов Е.В.* Чьи «музыкальные генеалогии» опубликовал В.В. Сахаров в «Русском евгеническом журнале»? // Известия Русского Генеалогического общества. Вып. 34. СПб., 2018. С. 211–221.

³³ Об этом даёт представление его статья-обращение «Поэты и антропогенетика» (*Пчелов Е.В.* Генеалогия и евгеника в России в 1920-е годы. Некоторые архивные материалы // Генеалогический Вестник. Вып. 22. СПб., 2005. С. 21–23).

³⁴ О жизни и трудах Н.П. Чулкова см.: *Андроников И.Л.* Рассказы литературоведа. М., 1962. С. 48–49; *Рыкова О.В.* Н.П. Чулков и его генеалогический доклад // Историческая генеалогия. № 1, 1993. С. 87–88; *Она же.* Указатель родословных из фонда Н.П. Чулкова // Историческая генеалогия. № 2, 1993. С. 37–41; *Она же.* Николай Петрович Чулков // Русская генеалогия. Энциклопедия. М., 1999. С. 206–210; *Наумов О.Н.* Н.П. Чулков – генеалог, историк, москвовед // Известия Русского генеалогического общества. Вып. 8. СПб., 1997. С. 38–44; *Шокарев С.Ю.* Фонд Н.П. Чулкова в музее истории города Москвы // Археологический ежегодник за 1996 г. М., 1998. С. 299–309; *Он же.* Сост.: Список печатных трудов Н.П. Чулкова // Там же. С. 316–319; *Он же.* Замечательный знаток всех московских родословных. Николай Петрович Чулков // Краеведы Москвы. М., 1997. С. 253–271; *Меленевская М.Ю.* Николай Петрович Чулков // Там же. С. 387–388. Архивные материалы Н.П. Чулкова хранятся в Отделе рукописных фондов Государственного Литературного музея (Ф. 230), в Музее истории г. Москвы (Ф. 8168) и в РГАЛИ (Ф. 544).

³⁵ *Чулков Н.П.* Род графов Толстых // Русский евгенический журнал. Т. I. Вып. 3–4. 1924. С. 308–320; *Он же.* Генеалогия декабристов Муравьевых // Русский евгенический журнал. Т. V. Вып. 1. 1927. С. 3–20.

³⁶ О нём см.: *Рыхляков В.Н.* Петербуржцы – авторы работ по генеалогии и истории семей. Биобиблиографический справочник. СПб., 2003. С. 138–140 (биографические сведения и библиография); а также: *Мищенко Т.К.* От редактора // *Любимов С.В.* Титулованные роды Российской Империи. М., 2004. С. 5–7 (краткая библиографическая справка, свидетельствующая об ограниченности знаний автора).

³⁷ *Любимов С.В.* Предки графа С.Ю. Витте // Русский евгенический журнал. Т. VI. Вып. 4. 1928. С. 203–213.

³⁸ Издана: *Любимов С.В.* Семейство Рубинштейнов / публ. и коммент. Е.В. Пчелова // Генеалогический Вестник. Вып. 21. СПб., 2005. С. 28–40.

³⁹ О нём см.: *Рыхляков В.Н.* Петербуржцы – авторы работ по генеалогии и истории семей. С. 157–158; *Худолеев В.В., Михайлов А.Н.* История Ленинградского Общества Эклибрисисистов (1922–1930). М., 2006. С. 113, 115.

⁴⁰ *Нелидов Ю.А.* О потомстве барона Петра Павловича Шафирова // Русский евгенический журнал. Т. III. Вып. 1. 1925. С. 61–65.

⁴¹ *Нелидов Ю.А., Эссен Н.К.* Предки и потомки академика Карла-Эрнста Бэра // Русский евгенический журнал. Т. VI. Вып. 2–3. 1928. С. 107–119.

⁴² Публ.: *Пчелов Е.В.* Письмо Ю.А. Нелидова Н.К. Кольцову // Гербовед. № 75. М., 2004. С. 155–157.

⁴³ Обречены по рождению... СПб., 2004. С. 457 (Книга памяти уничтоженного дворянства).

⁴⁴ О нём подробно см.: *Пец А.П.* Николай Карлович фон Эссен // Из истории Русского Генеалогического общества. СПб., 2001. С. 93–98.

⁴⁵ О нём см.: *Наумов О.Н.* В.С. Арсеньев – русский генеалог XX века // Русский родословец. № 1(3), 2004. С. 61–79.

⁴⁶ Архив РАН. Ф. 450. Оп. 4. Д. 26. Лл. 91–99, 100–104.

⁴⁷ *Наумов О.Н.* В.С. Арсеньев – русский генеалог XX века. С. 78.

⁴⁸ См. публ.: Родословная гениальности: Из истории отечественной науки 1920-х гг. / сост., вступ. ст. и коммент. Е.В. Пчелова. М., 2008. С. 313–318.

⁴⁹ О нём см.: *Злочевский Г.Д.* «Надо приучать людей к познанию прошлого...» // Библиография. № 5, 2003. С. 81–101 (здесь же и библиография его трудов); также: *Гузеева И.А.* Достойный памятник замечательному библиографу // Библиография. № 6, 2003. С. 72–73, в этом же номере Г.Д. Злочевским опубликованы и письма Картавцова к тульскому краеведу В.М. Рудневу (С. 74–85). В 2013 г. были изданы воспоминания Картавцова: *Картавцов И.М.* «Тут была подлинная русская жизнь...». Фрагменты воспоминаний / Сост., коммент. Г.Д. Злочевского, А.В. Маштафарова. М., 2013.

⁵⁰ См.: *Картавцов И.М.* Русская генеалогическая литература 1918–1927 гг. / публ. и коммент. Е.В. Пчелова // Генеалогический Вестник. Вып. 20. СПб., 2004. С. 53–62.

⁵¹ История рода Гаршиных послужила основой для работы: *Галачьян А.Г., Юдин Т.И.* Опыт наследственно-биологического анализа одной маньякально-депрессивной семьи // Русский евгенический журнал. Т. I. Вып. 3–4. 1924. С. 321 – 342.

⁵² Архив РАН. Ф. 450. Оп. 5. Д. 21. 46 л.

⁵³ Получивших несправедливо прохладную оценку в генеалогической историографии: *Красюков Р.Г.* Обзор русской советской литературы по генеалогии за 70 лет (1917–1987) // Известия Русского Генеалогического Общества. Вып. 1. СПб., 1994. С. 56–58.

⁵⁴ Предварительный набросок родословной таблицы к этой статье сохранился в архивном фонде Н.П. Чулкова (РГАЛИ. Ф. 544. Оп. 2. Д. 3).

⁵⁵ Отдельные материалы к этим родословным и оригиналы таблиц, составленные В.С. Золотарёвым сохранились в архивном фонде Н.К. Кольцова (Архив РАН. Ф. 450. Оп. 4. Д. 26).

⁵⁶ *Золотарёв С.А.* Литературные методы и горизонты // Родной язык в школе. Сб. 8. Л., 1925. С. 30. В этой статье приведён и неполный список включённых В.С. Золотарёвым лиц в единую генеалогическую схему, это: Кантемир, Ломоносов, Сумароков, Державин, Херасков, Фонвизин, Капнист, Карамзин, Дми-

триев, Грибоедов, Батюшков, Боратынский, Жуковский, Одоевский, Пушкин, Гоголь, Лермонтов, Тютчев, Фет, Аксаковы, Тургеневы, Толстые, Полонский, Апухтин, Майковы, Блок, Чаадаев, Герцен, Кропоткин, Самарин, Киреевские, Щербатов, Соловьёвы, Муравьёвы, декабристы, Пестель, Бакунин, Н.А. Морозов, Глинки, Даргомыжский, Лишин, Донауров, Римский-Корсаков, Бекетовы, Яблочков, Тимирязев, Овсяннико-Куликовский и др.

⁵⁷ *Летин Т.К., Лус Я.Я., Филипченко Ю.А.* Действительные члены бывшей Императорской, ныне Российской Академии наук за последние 80 лет // Известия Бюро по евгенике. № 3. Л., 1925. С. 3–82.

⁵⁸ Предки А.С. Пушкина (поколенная роспись). М., 1999 (с довольно большим количеством неточностей).

⁵⁹ Имеется в виду книга М.В. Майорова «Русская родословная мозаика» (М., 2002). В генеалогической периодике на неё опубликованы две рецензии: профессиональная В.Н. Рыхлякова (Неудачный опыт реализации хорошей идеи // Генеалогический вестник. № 8. СПб., 2002. С. 60–64) и дилетантская Н.В. Покровского (Летопись Историко-Родословного общества в Москве. Вып. 8/9. М., 2004. С. 172–176). При всех ошибках и неточностях книги нельзя забывать, что это первый опыт подобного рода, который до того времени не смогли осуществить современные генеалоги.

⁶⁰ См., к примеру: *Родионов А.В.* Молекулярная генетика на службе генеалогии // Известия Русского генеалогического общества. Вып. 17. СПб., 2005. С. 5–15.

Секция 1.

**Документальные источники
по истории дискуссий
в отечественной
гуманитаристике**

Двоеносова Г.А.

Дискуссии 1960-1970-х гг. в развитии документоведческой мысли

Аннотация: В статье рассматриваются дискуссии 1960-70 гг., связанные с введением категорий информатики в документоведение, архивоведение и источниковедение. Возвращение к прежним научным дискуссиям имеет смысл, когда бывшие ранее предметом обсуждения и разногласий проблемы вновь обретают актуальность. Дискуссии 1960-1970-х гг. возникли на волне «кибернетической революции», которая положила начало процессам автоматизации производства и обработки информации. Необходимость интеграции в эти процессы делопроизводства и архивного дела стала очевидной, и это поставило новые задачи перед документоведением и архивоведением. Основными вопросами дискуссий стали вопросы о том, в какой мере понятия теории информации могут быть применимы в документоведении, архивоведении и источниковедении, а также о юридической силе документа, создаваемого средствами вычислительной техники.

Ключевые слова: информация, документированная информация, документ, электронный документ, данные, запись, юридическая сила документа.

Dvoenosova G. A.

Discussions of the 1960s-70s in the development of documentary thought

Abstract: the article discusses the debate 1960-70. associated with the introduction of the categories of Informatics in records keeping, archival study and source study. A return to the old scientific debate makes sense when the issues that were previously the subject of discussion and disagreement become relevant again. Discussions of the 1960s-1970s arose on the wave of the “cybernetic revolution”, which marked the beginning of the processes of automation of production and processing of information. The need to integrate records management and archives into these processes has become evident, and this has given new challenges to records management and archival science. The main issues of discussion were the extent to which the concepts of information theory can be applied in document science, archival science and source studies, as well as the legal force of the document created by computer technology.

Keywords: information, documented information, document, electronic document, data, record, legal force of the document.

Рассматриваемые в данной статье научные дискуссии 1960-70-х гг. примечательны тем, что в центре их внимания находились вопросы, которые являются актуальными и сегодня. Уже на первом

постоянно действующем теоретическом семинаре Всероссийского научно-исследовательского института документоведения и архивного дела (ВНИИДАД) было отмечено, что семинар призван рассмотреть «завтрашние проблемы». Начало дискуссиям было положено еще раньше на первом всесоюзном симпозиуме по документалистике¹. Они были вызваны идеей создания в СССР Общегосударственной системы автоматизированного сбора и обработки экономической информации (ОГАС) как единой системы автоматизированного управления экономикой на основе Единой государственной сети вычислительных центров. Проект предусматривал однократный ввод данных в систему, их централизованное хранение в банках данных и обеспечение к ним удаленного доступа из любой точки системы после автоматической проверки полномочий запрашивающего информацию лица. Авторы проекта уже тогда допускали возможность введения через эту систему электронных платежей и использования ее как инструмента в борьбе с экономическими преступлениями². В итоге проект был реализован лишь частично путем создания отраслевых автоматизированных систем управления (АСУ). Научным обоснованием проекта занимались ученые, представляющие такие науки как математика, информатика, кибернетика и документалистика, в задачи которой входило изучение «машинных» матричных документов. Свое направление в процессе автоматизации отраслей народного хозяйства нашло и документоведение, основными задачами которого стали унификация и стандартизация документов и документированной информации для возможной автоматизированной обработки в АСУ.

Поскольку все исследования проводились на стыке разных наук, задействованных в решении общей государственной задачи, возникла потребность в междисциплинарных научных коммуникациях. Одной из форм таких коммуникаций стали постоянно действующие теоретические и методологические семинары ВНИИДАД. Основным предметом обсуждения и дискуссий в рамках семинаров стали два вопроса: 1) о введении категорий информатики и теории информации в документоведение, архивоведение и источниковедение; 2) о юридической силе документов, обрабатываемых средствами вычислительной техники.

В пользу применения категорий информатики в документоведении, архивоведении и источниковедении приводились такие аргументы как возможность эффективного использования в этих науках новых методов исследования, в частности, системного подхода, и новейших теоретических представлений. Скептически настроенные участники дискуссии, упрекая коллег в некритичном заимствовании,

выразили сомнения в возможности, а главное – целесообразности применения положений теории информации к документоведению и архивоведению. Они основывались, в первую очередь, на различии существенных характеристик информации, таких как количество, которым оперирует информатика, и качество, которое имеет перво-степенное значение в документоведении, архивоведении и источниковедении, указывали на преувеличенное значение «теоретико-информационного подхода» в ущерб историческому, на отсутствие в теории информации понятия ценности информации³.

Участники семинаров отмечали также различия в толковании понятия «информация» как отраженного разнообразия, меры неопределенности, просто как сведений и как чего-то нового, указывали на отсутствие универсального определения понятия. По существу, обсуждалась проблема, обозначенная сегодня как гармонизация терминологии⁴ в связи с необходимостью ее унификации и стандартизации. В итоге в документоведении и архивоведении утвердилось понимание информации как сведений (сообщений, данных) независимо от формы их представления, которое впоследствии было закреплено в федеральном законе «Об информации, информатизации и защите информации»⁵. В последнюю версию терминологического стандарта по делопроизводству и архивному делу понятие «информация» не вошло. Разработчики включили в стандарт лишь понятие «документированная информация», которую определили как структурированную информацию, зафиксированную на носителе⁶. Однако это определение не «гармонизирует» с легальным ее определением как зафиксированной на материальном носителе информации с реквизитами⁷, хотя закон был принят раньше, чем стандарт и имеет большую юридическую силу.

В проекте закона «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и защите информации» в части совершенствования правового регулирования в сфере систематизации и гармонизации информации в Российской Федерации ставится задача гармонизации информации, предназначенной для использования в федеральных государственных информационных системах. Предлагаются новые термины, производные от термина «информация»: метаинформация (вместо термина метаданные), эталонная информация, индифферентная информация и т. д.,⁸ для обозначения объектов информационного взаимодействия. Тем самым закон становится терминологически не «гармоничным» национальной программе «Цифровая экономика Российской Федера-

ции», в которой говорится, что ключевым фактором производства во всех сферах социально-экономической деятельности являются данные в цифровой форме⁹. Закон находится на стадии рассмотрения. Однако, независимо от того, будут ли приняты в качестве объекта информационного обмена в системах электронного взаимодействия документ, документированная информация, данные или запись, это неизбежно потребует пересмотра терминосистемы документоведения и архивоведения и переработки терминологического стандарта делопроизводства и архивного дела.

В дискуссиях на теоретических и методологических семинарах ВНИИДАД обсуждался также вопрос об информационных свойствах документа, выделенных в документалистике, таких как информационный объем, заложенный автором документа, информационная емкость как количество информации, которое он сумел ввести в документ, и информативность – как количество информации, которое может извлечь из документа читатель¹⁰.

«Документалистский» подход к документу вызвал обоснованную критику. Во-первых, говорилось о том, что информатика и документалистика – это одна и та же дисциплина, что в итоге подтвердилось развитием информатики и забвением документалистики. Во-вторых, высказывалось мнение, что в исторических дисциплинах эти категории будут означать совсем не то, что в информатике и документалистике. Так в информатике информативность характеризуется содержащимися в сообщении сведениями, которые снимают полностью или уменьшают частично неопределенность какой-либо ситуации. В исторических науках информативность исторического источника не имеет предела ввиду разноаспектности его исследования. В связи с этим, по мнению участников дискуссий, «попытки прямого непосредственного вовлечения информационных категорий в архивоведение и источниковедение приблизились к пределу допустимого, и наступила необходимость скорее их ограничить, нежели поощрять»¹¹. В документоведении из предложенных документалистикой категорий «прижилась» только «информационная емкость» как свойство электронного носителя информации¹².

Обсуждаемый сегодня вопрос об аутентичности документа также впервые был поставлен в начале 1970-х гг. в связи с изучением свойств исторического источника и, в частности, таких его свойств как достоверность и доказательность. Характерными признаками аутентичного источника были названы: 1) результат «прямого порождения действительности», ее «остаток», в противоположность

«преданию», созданному для сохранения действительности в памяти потомства и являющемуся не результатом самого события, а впечатлением автора источника; 2) синхронность воплощенным в нем событиям 3) возможность рассмотрения как остатка социальных действий. Именно аутентичный источник предложено было считать наиболее достоверным¹³.

Итогом работы теоретических семинаров ВНИИДАД стал фундаментальный для документоведения вывод о том, что «управленческие действия существуют не сами по себе, а в той форме, в которой они выражены в документе»¹⁴. Эта мысль получила развитие и теоретическое обоснование в современном документоведении. В цивилизованном обществе документируются не только управленческие, но и любые социально и юридически значимые действия, а документ способен их замещать в процессе правоотношений, коммуникации и информационного взаимодействия. Запись информации о юридически значимом действии в форме аналогового документа или электронного документа, или в форме реестровой записи является необходимым условием, без которого его совершение невозможно. Таким образом, документ является инструментом совершения социально и юридически значимого действия и его последующего доказательства¹⁵.

Другим не менее важным вопросом дискуссий на теоретических и методологических семинарах ВНИИДАД стал вопрос о юридической силе документов, создаваемых средствами вычислительной техники. К обсуждению этого вопроса активно подключились юристы. Они настаивали на том, что «именно юридическое значение документа как предмета материального мира отличает его от всех иных носителей информации, описывающих объективную действительность и мыслительную деятельность человека, но не способных вызвать юридические последствия». Проблемы обеспечения юридической силы «машинного» документа назывались те же, что и сегодня: защита информации от повреждения, потери, искажений, а также доступа к ней организаций и юридических лиц. Решение вопроса виделось в издании единого нормативного акта, устанавливающего требования к документам, создаваемым средствами вычислительной техники, соблюдение которых даст основание считать создание конкретного документа правомерным, а его содержание – достоверным. В содержание акта предлагалось включить определение понятия документ, его формы и виды, понятие юридической силы; требования к подлинникам, оригиналам, дубликатам, копиям документов, обрабатываемых средствами вычислительной техники; правила сбора и регистрации документов,

порядок доступа к документам; порядок хранения документов в банках информации, порядок передачи документов из ВЦ (т.ч. другим ВЦ); основные принципы юридической ответственности за нарушение порядка использования машинных документов. Проект такого акта был подготовлен сектором законодательных проблем автоматизации управления ВНИИ советского законодательства Министерства юстиции СССР¹⁶. Однако, понятие «юридическая сила документа» до сих пор не определено ни в одном из нормативных актов. Официальное его определение дано лишь в терминологическом стандарте по делопроизводству и архивному делу, в той отрасли, которая призвана эту юридическую силу обеспечить на этапе документирования. До сих пор не издан и единый нормативный акт, однозначно толкующий понятие «электронный документ» и требования к его юридической силе как инструмента правоотношений, хотя необходимость правового регулирования цифровой среды и статуса электронного документа очевидна, в первую очередь, для юристов¹⁷.

Таким образом, проблемы научных дискуссий 1960-1970-х гг., вызванные идеей разработки Общегосударственной системы автоматизированного сбора и обработки экономической информации (ОГАС) как единой системы автоматизированного управления экономикой страны на базе Единой государственной сети вычислительных центров и информации как основного управленческого ресурса, созвучны задачам современной науки, и не снимаются с «повестки дня». Они заложили теоретические и методологические основы для решения новых задач правового, организационного и информационно-документационного обеспечения построения в России информационного общества, реализации национальных проектов «Цифровая экономика» и «Цифровое государственное управление» на основе управления данными, содержащимися в федеральной государственной информационной системе «Единая информационная платформа национальной системы управления данными»¹⁸.

¹ Материалы Первого Всесоюзного симпозиума по документалистике. Документалистика, 69. Паланга 8-12 сентября. Вильнюс, 1969.

² Герович В. А. Интер-Нет! Почему в Советском Союзе не была создана общенациональная компьютерная сеть // Неприкосновенный запас. 2011. № 1 (75). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2011/1/ge4.html> (дата обращения 18.06.2019).

³ Попова Г.И. Обзор дискуссии по проблеме «архивоведение и теория информации» // Труды ВНИИДАД. Т.3. М.: ВНИИДАД, 1973 С. 313-326.

⁴ Гармонизация понятий (concept harmonization): деятельность по уменьшению или устранению незначительных различий между двумя или большим

числом понятий, которые уже тесно взаимосвязаны. См.: ГОСТ Р 55140-2012 Практическое руководство по социотерминологии. URL: <http://docs.cntd.ru/document/1200104389> (дата обращения 19.05.2019).

⁵ Федеральный закон Российской Федерации от 27.07.2006 №149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и защите информации». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/ (дата обращения 19.05.2019).

⁶ ГОСТ Р 7.0.8 -2013. Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163800/ (дата обращения 19.05.2019).

⁷ Федеральный закон Российской Федерации от 27.07.2006 №149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и защите информации». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/ (дата обращения 19.05.2019).

⁸ Письмо Министерства финансов от 28.03.2019 № 21-13-08/21386. URL: <https://regulation.gov.ru/> (дата обращения 19.06. 2019).

⁹ Паспорт национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» (утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 24.12.2018 N 16) URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_319432/(дата обращения 19.05.2019).

¹⁰ *Попова Г.И.* Обзор дискуссии... С. 317.

¹¹ *Автократов В. Н.* К проблеме вовлечения информационных категорий в архивоведение // Материалы теоретического семинара по проблеме «архивоведение и теория информации» Труды ВНИИДАД . Т.3. М, 1973. С. 259.

¹² Управление документами. Термины и определения. Словарь М.: ВНИИДАД, 2013. С. 39.

¹³ *Тартаковский А.Г.* Некоторые аспекты проблемы доказательности в источниковедении. // История СССР, 1973. №6. С. 63-70.

¹⁴ *Акопян В.Г., Веселов П.В.* Два методологических подхода к определению предмета документоведения // Тезисы докладов и сообщений к теоретическому семинару «Теоретические проблемы документоведения». М.: ВНИИДАД,1975. С 86.

¹⁵ *Двоеносова Г.А.* Синергетическая теория документа: дис. ... д-ра ист. наук. М.: РГГУ, 2017. 490 с.

¹⁶ *Тановицкая И.Д.* Правовое значение документа в управлении (в условиях автоматизированной обработки информации). // Методологические вопросы документоведения и архивоведения. Сборник докладов методологического семинара ВНИИДАД. М.: Главархив, ВНИИДАД, 1976. С. 139-145.

¹⁷ *Соловяненко Н.И.* Законодательство об электронном документе как фактор актуализации правового пространства для инновационной цифровой экономики // Труды Института государства и права РАН, 2017. Т.12. №3. С. 162-175.

¹⁸ Концепция создания и функционирования Национальной системы управления данными. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 3 июня 2019 г. № 1189-п. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_326265/ (дата обращения 19.06.2019).

Ланской Г.Н.

Актуальные проблемы изучения историографических источников по российской истории

Аннотация: В статье представлено исследование особенностей историографических источников по российской истории, созданных в период с первой половины XVIII века до настоящего времени. На основе комплексного использования ретроспективного и сравнительного методов, метода синтеза выявлены характерные свойства развития деятельности профессиональных историков, философов и политических деятелей в сфере описания и интерпретации событий истории России. К числу особенностей созданных ими научных и публицистических текстов отнесены сочетание исторических исследований научной, политической и философской принадлежности, использование избираемых исторических фактов для обоснования уже созданных теоретических концепций, организация и ведение дискуссий с целью получения заранее предусмотренного содержанием этих концепций результатов. Методологической основой статьи является представление об историографических источниках как любых по форме и содержанию интеллектуальных продуктах описания, объяснения и интерпретации событий прошлого.

Ключевые слова: историография, источник, концепция, дискуссия, политическая практика, философия, публицистика.

Lanskoj G. N.

Actual problems of studying historiographical sources on Russian history

Abstract: In paper is presented study of specific features of historiographic sources about russian history created in period from first half of XVIII century until our days. On base of complex application of retrospective and comparative methods, method of synthesis of scientific information are revealed typical features of development of activity of professional historians, philosophers and political activists in sphere of description and of interpretation of events of history of Russia. To community of these features of scientific and journalistic texts created by these authors were followed existence of historical studies with scientific, political and philosophic orientation, using of selected historical facts for substantiation of already created theoretical conceptions, planning and realization of discussions with aim of presentation of previewed conceptually determined results. Methodology of paper is based on definition of historiographic sources as every by form and content intellectual products of description, explanation and interpretation of every events of historical past.

Keywords: historiography, source, conception, discussion, political practice, philosophy, journalism.

Историографические источники представляют собой значительный по объему, многообразный по форме и содержанию комплекс информационных ресурсов, позволяющих сформировать системное представление об интеллектуальной культуре различных исторических эпох. В них можно обнаружить помимо описаний совершившихся фактов, прошедших и в ряде случаев продолжающихся явлений и процессов черты мировоззрения конкретных авторов, являющиеся продуктами работы их сознания и сверхсознания. Во многих случаях отражаемые в историографических источниках концепции, базирующиеся на теоретическом анализе и диалектической интерпретации свойств различных объектов познания, отражают социальную позицию исследователей и писателей истории, хотя данная творческая ситуация возникает далеко не всегда. При этом необходимо подчеркнуть, что такого рода источниками становятся не все тексты, описывающие события и явления прошлого и являющиеся таким образом историографическими фактами, а только те творческие продукты, которые могут быть рассмотрены и с достаточным основанием восприняты в качестве свидетельств об определенных свойствах имеющей ретроспективную направленность интеллектуальной культуры.

Также при выявлении, систематизации и анализе различных текстов, посвященных изложению и интерпретации событий и явлений прошлого, следует исходить из того, что историография, являясь специальной исторической дисциплиной (наряду, например, с историческим краеведением и исторической библиографией), имеет в качестве своего объекта любые, зафиксированные в виде авторских текстов результаты описания истории. Данная трактовка, ставшая основанием ее формирования и обоснования в качестве особой области знаний, была представлена М.В. Нечкиной следующим образом: «Она уже существовала в литературе и до нашего появления и называлась историографией, считалась «вспомогательной дисциплиной» и довольствовалась и пониманием своей «второстепенности» и вспомогательной функции, и своим серьезным – из древнего ученого языка – «история+пишу» или чего-то в этом роде. Нам же, внедряющим этот вспомогательный предмет в работу историка, хотелось «осветить» имя нового занятия. Почти всегда напрашивался веселый, с «двумя крылышками» термин «история истории», с ним хорошо было действовать, и мы назвали им одну из вышедших у нас работ»¹.

Широкое определение историографии, предполагавшее опре-

деление научных текстов исторической направленности только в качестве части ее объектно-предметного поля и отличавшее анализ ретроспективных по направленности произведений от их библиографического описания, привело к выдвиганию задачи систематизации историографических источников по степени их познавательной ценности. Решение данной, принципиально важной в методологическом отношении задачи было предложено в середине 1970-х гг. А.М. Сахаровым. В своей статье «О предмете историографических исследований» он подчеркивал, что при исследовании исторического материала и формировании на основе его обобщения теории познания «нельзя руководствоваться формальным признаком для отнесения тех или иных трудов к научным – дело вовсе не в объеме источниковой базы и, тем более, не в профессиональной принадлежности автора к ученым-историкам. Критерий здесь иной, а именно – глубина научного осмысления исторического явления и процесса»².

Наконец, во второй половине 1980-х гг. под очевидным влиянием процессов проникновения через публицистические, философские и иные социально-научные тексты идей «нового политического мышления» в сферу анализа и интерпретации исторических событий в научном сообществе утвердилось впоследствии закрепленное в проблемно-историографических исследованиях широкое понимание историографии и ее источников. Оно было отчетливо представлено в начале 1990-х гг. С.О. Шмидтом, который, определяя специфику данной научной дисциплины, писал: «Работа в области историографии в последние годы убеждает в том, что утверждается более широкое понимание этого предмета. Становится все яснее, что историю исторической науки (и шире – развития исторической мысли, исторических знаний) нельзя сводить ни к концепциям (особенного глобального методологического характера или откровенно политической направленности), ни к деятельности только виднейших ученых-исследователей, создателей научных школ, крупных организаторов науки, знаменитых влиятельных публицистов (философов, литературных критиков или политических деятелей), ни к изучению немногих сочинений, оказывающих воздействие и на последующие поколения»³.

Последовательно произошедшее признание сущности историографии, как истории исторической мысли и описания прошлого, и, следовательно, формирование нового обобщающего представления о ее источниковой базе имели непосредственное отношение к содержательной оценке различных текстов, содержащих описание и

интерпретацию событий российской истории. Их часть, оказавшая драматическое воздействие на осознанные взгляды и эмоциональные оценки достаточно широкого круга людей, вызвала потребность в объяснении и даже оценочных характеристик. Соответствующие результаты интеллектуальной деятельности находили отражение в историографических источниках личного происхождения, имевших публично-нарративный, полемический и в более редких случаях автокоммуникативный характер. Публично-нарративные тексты создавались для того, чтобы сформировать в сознании людей, способных читать и воспринимать тексты исторического содержания, определенные представления о прошедших и продолжающихся событиях и процессах, а также возможные с авторской точки зрения способы их интерпретации. По существу их возникновение началось с появления книгопечатания и расширялось по мере распространения как данной технологии, так и создававшейся при ее применении продукции. Историографические источники полемического типа были направлены на то, чтобы привлечь интеллектуально подготовленную часть представителей общества, имевшую к тому же склонность к генерированию и реализации своей гражданской позиции, к восприятию и затем к выбору определенного, концептуально оформленного взгляда на те события, явления и процессы, которые способны вызвать существенной резонанс в интеллектуальной среде и обладают в этом смысле актуальностью. Наконец, автокоммуникативные источники рассматриваемого историографического типа создаются для того, чтобы в текстах различного жанра (как правило, мемуарного или дневникового) представить свое отношение к уже состоявшимся событиям и к окружающим людям как в актуализированном (т.е. максимально приближенном к периоду, современному созданию источника), так и в дискурсивном контексте. Данные произведения, как правило, либо сознательно публикуются их авторами⁴, либо публикуются их преемниками или наследниками с целью более глубокого понимания научных и социальных взглядов конкретных ученых⁵, либо с целью формирования определенного и, как правило, негативного направленного общественного резонанса⁶.

Наличие каждого из охарактеризованных трех комплексов историографических источников, относящихся в основном к описанию и интерпретации событий российской истории различных периодов, свидетельствует о том, что многие авторы обычно не ограничивались в рамках своей интеллектуальной деятельности сугубо научными, имеющими источниковедческий фундамент, занятиями. Из-

учавшиеся применительно к прошедшим эпохам и непосредственно воспринимавшиеся ими, в том числе с профессионально-экспертной точки зрения, события становились для них почвой для последующих, зафиксированных в текстовом виде размышлений и объяснительных конструкций.

Например, применительно к периоду второй половины XVIII и первой четверти XIX в. такой особенностью отличались сочетавшие в себе научно-исторические, политико-публицистические и философские черты отдельные произведения М.М. Щербатова⁷ и Н.М. Карамзина⁸. Если данные авторы ставили перед собой и реализовывали задачу приоритетного описания и оценки, в частности, близких им по времени исторических событий на основе своих, не всегда целенаправленно провозглашаемых политических убеждений, то в период существования советского государства уже декларация собственных взглядов осознанно выводилась на первый план. В этих случаях историографический нарратив становился только вспомогательным инструментом общественно-политической деятельности. В частности, при обсуждении сборника статей и писем И.В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР»⁹ избранная на XIX съезде членом Центрального комитета КПСС член-корреспондент АН СССР А.М. Панкратова подчеркивала: «Советский ученый – этот не кабинетный ученый, а борец за коммунизм. Основная задача советской передовой науки вообще и марксистско-ленинской исторической науки в частности заключается в том, чтобы служить советскому народу в его борьбе за построение коммунистического общества в нашей стране, в борьбе за мир, демократию и социализм во всем мире. Чтобы с честью выполнить эту задачу, советские историки должны глубоко овладеть единственно научным диалектико-материалистическим методом научного исследования, образцы которого дает в своих трудах корифей науки товарищ Сталин»¹⁰. Сходная традиция, связанная с целенаправленным выдвижением конкретными авторами, совмещавшими, как правило, научно-профессиональную деятельность с общественной в широком понимании данного термина, своих политических взглядов при использовании в качестве аргумента произвольно совмещенных исторических фактов, осталась характерной и для постсоветского периода. В частности, примерами такого рода могут служить несомненно имеющие признаки историографических источников произведения лидеров либерально-демократического движения Ю.Н. Афанасьева¹¹ и Е.Т. Гайдара¹².

Производной чертой наложения выдвигаемых общественно-по-

литических взглядов на описание, анализ и интерпретацию исторических событий, относящихся к различным периодам, является создание теорий среднего уровня, занимающих промежуточное положение между глобальными, призванными занимать универсальное положение концепциями, и изложением событий отдаленного и недавнего прошлого. Применительно к историографическим источникам, посвященным событиям российской истории, генерирование и отстаивание подобных теорий являлось одной из характерных, устойчивых черт еще с периода возрождения русского централизованного государства во второй половине XV и первой половине XVI в. до перехода к проведению политических преобразований с помощью, главным образом, не идеологических, а репрессивных методов. В частности, одним из первых примеров текстов такого рода являлась представлявшая концепцию российской истории с древнейших времен до 1560-х гг. «Степенная книга царского родословия»¹³.

Далее вплоть до последней четверти XIX в. историографические тексты, как правило, не содержали в себе теорий среднего уровня, будучи отнесенными либо к нарративному жанру, либо к числу сочинений преимущественно публицистического плана. Данная традиция существовала в недрах революционно-демократического направления российской историографии была прервана целенаправленным внедрением глобальной концепции общественно-экономических формаций, являвшейся одним из основных продуктов еще более масштабных теорий диалектического, исторического и экономического материализма. Вслед за В.И. Лениным¹⁴ и Г.В. Плехановым¹⁵, являвшимися последовательными противниками монистического, основанного на принципах идеалистического провиденциализма, восприятия исторического процесса, формационная теория и ее воспринимавшиеся на доктринальном уровне первоисточники стали основаниями теорий среднего уровня, относившихся ко всем периодам российской и в более широком уровне всеобщей истории. Их выдвигание представляло собой одну из главных задач, ставившихся государственными и партийно-коммунистическими структурами перед профессиональными историками и в целом специалистами в области интегрировавших в себя до методологической трансформации рубежа 1980–1990-х гг. гуманитарное знание общественных наук. Уже в постсоветский период теории среднего уровня стали формироваться на основании совмещения нередко заимствованных из работ западноевропейских и американских социологов глобальных теорий (например, теории гегемонизма либерально-де-

мократических идей западного атлантического мира и теории модернизации) в рамках широкомасштабных по своим хронологическим границам работам российских ученых. В частности, к числу характерных примеров такого рода историографических источников можно отнести работы Б.Н. Миронова¹⁶ и А.Н. Сахарова¹⁷.

Теории среднего уровня, обладая закономерной шаткостью в силу особенностей своего происхождения, заключающихся в нередкой механической экстраполяции созданных применительно к описанию иных объектов познания глобальных теорий и целенаправленной селекцией аргументирующих их фактов, требовали обоснования и признания экспертным сообществом. Если в сознании многих представителей обществ с демократическими традициями интеллектуальной деятельности, связанными с относительно свободным выбором идейных представлений, такого рода признание обычно обеспечивается разнообразными средствами массовой информации (так, например, формируется в Западной Европе восприятие внешней политики Российской Федерации 2000 – 2010-х годов на так называемом постсоветском пространстве), то в России его достижение, как правило, обеспечивалось директивным образом.

Наряду с инструментами цензуры, использование которых было, например, характерно для имперского периода, в рамках которого полиграфическая деятельность в существенной мере финансировалась и регламентировалась органами внутреннего государственного управления, в качестве распространенного регулирующего средства применялось управление дискуссиями. Его сущность, имевшая большое количество подтверждающих практических примеров, неоднократно без каких-либо неоднозначных с когнитивной точки зрения лексических конструкций раскрывалась в выступлениях руководителей исторической науки. В частности, на состоявшемся 11 марта 1985 г. годичном собрании Академии наук СССР академик-секретарь Отделения истории С.Л. Тихвинский в своем выступлении подчеркивал: «Бюро Отделения рассмотрело вопрос о состоянии, развитии и совершенствовании научных дискуссий. Интересы советской науки требуют выработки согласованных точек зрения по ряду важнейших научных проблем. В этой связи очевидна положительная роль дискуссий. Они могут проходить на конференциях, симпозиумах, за «круглыми столами», на ученых советах, на страницах журналов. Такие дискуссии должны быть плодотворными, не возвращать нас к проблемам, уже решенным наукой, а способствовать выработке научно обоснованных и идеологически выверенных взглядов по спорным вопросам»¹⁸.

Несомненным достижением развития российской исторической науки в постсоветский период стало преодоление иногда в ущерб фундаментальности и качеству работ, проявившийся, например, в популяризовавшихся в течение некоторого времени работах академика А.Т. Фоменко и его последователей¹⁹, традиций обеспечения детерминированности выдвигавшихся концепций и более частных точек зрения. Однако не вызывает сомнений тот факт, что стремление внедрять определенную систему оценочных и тематических приоритетов в содержании историографических текстов с помощью идеологических и связанных с ними экономических инструментов продолжает существовать и будет проявляться в дальнейшем.

Таким образом, историографические источники по российской истории при их содержательном и видовом разнообразии обладают универсальными свойствами, определяемыми как их внутренним содержанием, так и имеющими институциональный и идеологический характер особенностями условий их создания. Они характеризуются наличием во многих текстах сложной по своей структуре композицией элементов исторического нарратива, философского размышления и отстаивания определенных политических убеждений. Для них свойственно также выдвижение концепций, называемых теориями среднего уровня и призванных на апробированной глобально-методологической основе выстроить объяснительные модели для анализа и интерпретации исторических фактов. Наконец, на протяжении длительного периода при популяризации и в том числе при публикации историографических источников не только по российской, но и по мировой истории характерным явлением было регулирование процессов их обсуждения в экспертной и в более широкой социальной среде для достижения необходимого и планируемого результата в их восприятии.

¹ Архив РАН. Ф. 1820. Оп. 1. Д. 164. Л. 7.

² Сахаров А.М. О предмете историографических исследований //История СССР. 1974. № 3. С. 99.

³ Шмидт С.О. К изучению истории советской исторической науки 1920–1930-х годов //История и историки. М., 1990. С. 84.

⁴ Дружинин Н.М. Воспоминания и мысли историка. М.: Наука, 1979. 169 с.; Шелохаев В.В. Дневник историка. М.: РОССПЭН, 2013. 509 с.

⁵ «...И мучилась, и работала невероятно». Дневники М.В. Нечкиной. М.: РГГУ, 2013. 824 с.

⁶ Зимин А.А. Храм науки (Размышления о прожитом). М., 1976 //Судьбы

творческого наследия отечественных историков второй половины XX века / Сост. А.Л. Хорошкевич. М.: Аквариус, 2015. С. 35–384.

⁷ «О повреждении нравов в России» князя М. Щербатова и «Путешествие» А. Радищева: Факс. изд./Предисловия А.И. Герцена; Вступ. ст. и коммент. Н.Я. Эйдельмана. М.: Наука, 1983. 340 с.

⁸ *Карамзин Н.М.* Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношении /Примечания Ю.С. Пивоварова. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991. 128 с.

⁹ *Сталин И.В.* Экономические проблемы социализма в СССР. М.: Госполитиздат, 1952. 96 с.

¹⁰ Архив РАН. Ф. 457. Оп. 1. Д. 616. Л. 63.

¹¹ *Афанасьев Ю.Н.* Опасная Россия. Традиции самовластья сегодня. М.: ИЦ РГУ, 2001. 432 с.

¹² *Гайдар Е.Т.* Гибель империи: уроки для современной России. М.: РОССПЭН, 2006. 448 с.

¹³ Степенная Книга царского родословия: тексты и комментарий /Отв. ред. Н.Н. Покровский, Г.Д. Ленхофф. М., 2007 – 2008. Т. 1. Житие св. княгини Ольги, Степени I–X. Т. 2. Степени XI–XVII. Приложения. Указатели.

¹⁴ *Ленин В.И.* Развитие капитализма в России: Процесс образования внутреннего рынка для крупной промышленности //Ленин В.И. Полн. собр. соч.: В 55 т. Т. 3. М.: Издательство политической литературы, 1975. С. 1–636.

¹⁵ *Плеханов Г.В.* К вопросу о развитии монистического взгляда на историю. М.: Московский рабочий, 1923. 288 с.

¹⁶ *Миронов Б.Н.* Социальная история России: XVIII – начало XX в.: Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: В 2 т. СПб: Дмитрий Буланин, 1999.

¹⁷ *Сахаров А.Н.* Россия: Народ. Правители. Цивилизация. М.: ИРИ РАН, 2004. 960 с.

¹⁸ *Тихвинский С.Л.* Итоги и перспективы исследований советских историков //Вопросы истории. 1985. № 7. С. 12.

¹⁹ *Носовский Г.В., Фоменко А.Т.* Русь. Подлинная история Великой Русско-Ордынской Средневековой истории. М.: АСТ, Астрель, 2009. 320 с.; *Носовский Г.В., Фоменко А.Т.* Иван Грозный и Петр Первый. Царь вымышленный и царь подложный. М.: АСТ. Астрель, 2009. 88 с.

Осипова Н.М.

Документы Архива РАН о дискуссиях в Коммунистической академии ЦИК СССР и ее учреждениях

Аннотация: Дискуссии в Коммунистической академии ЦИК СССР и ее учреждениях проходили регулярно. В Архиве Российской академии наук сохранился комплекс документов о дискуссиях, который содержит огромный потенциал информации о вариативности точек зрения на те или иные проблемы, а также позволяет понять, как и по каким направлениям развивалась советская наука 1920-1930-х годов.

Ключевые слова: Архив Российской академии наук, дискуссия, документ, Коммунистическая академия

Osipova N.M.

The documents of the Archive of the Russian Academy of Sciences about the discussions in the Communist Academy of the CEC of the USSR and its establishments

Abstract: The discussions in the Communist Academy of the CEC of the USSR and its establishments were held regularly. In the Archives of the Russian Academy of Sciences remained the complex of the documents on the discussions, which holds enormous potential information on the variability of the viewpoints on those or other problems, and also allows you to understand how and on what directions the soviet science developed in 1920-1930.

Keywords: the Archive of the Russian Academy of Sciences, the discussion, the document, the Communist Academy

Коммунистическая академия (Комакадемия) берет свое начало с декрета ВЦИК РСФСР 25 июня 1918 г.¹, которым была основана Социалистическая академия общественных наук, задуманная как мировой центр социалистической мысли. С 15 апреля 1919 г.² преемником ее становится Социалистическая академия с задачей противостоять «ретроградной» Академии наук и утверждать партийный контроль над советской наукой. Соцакадемия, а затем и Комакадемия в рамках своей ангажированности методично проводила этот постулат в действие. Социалистическая академия 17 апреля 1924 г.³ была переименована в Коммунистическую академию, которая представляла собой высшее учебное и научно-исследовательское учреждение. В разное время в Комакадемию входили научные институты, ассоциации, секции, комиссии, общества, в том числе Институт красной профессуры. Постановлением Президиума ЦИК СССР 19 марта

1926 г.⁴ Коммунистическая академия была передана в ведение ЦИК СССР. Постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 7 февраля 1936 г. «О ликвидации Коммунистической академии» было решено ввиду нецелесообразности параллельного существования двух академий - Академии наук и Коммунистической академии, в целях объединения в одном государственном научном центре деятелей науки, признать целесообразным ликвидацию Коммунистической академии и передать ее учреждения и основных работников в Академию наук СССР (введено в действие протоколом заседания Президиума АН СССР от 15 февраля 1936 г. §1)⁵.

Во исполнение этого постановления архив Комакадемии был перевезен в Архив АН СССР 27 апреля 1936 г.⁶ в объеме 5196 единиц хранения и 25 связок россыпи материалов редакции журнала «Историк-марксист» и газеты «За социалистическую науку», планов-чертежей зданий Комакадемии и несколько экземпляров стенной газеты. Документы находились в беспорядочном состоянии: не имелось надлежащих описей, и отсутствовал какой-либо справочный аппарат⁷. В настоящее время эти документы структурированы и хранятся в 32 фондах Архива РАН, в которых сохранился представительный комплекс документов Комакадемии и ее учреждений о свойственных той эпохе различных дискуссиях и диспутах.

Дискуссии представлены 10 блоками документов Комакадемии (в том числе 2 дискуссии по проблемам истории). В основном это протоколы и доклады, сделанные на разных заседаниях, обсуждение вопросов на которых длилось иногда годами.

Так в фонде Института философии сохранились документы 1924 г. открытой дискуссии между профессорами Г.И. Челпановым и К.Н. Корниловым о различном толковании идеологии марксизма в применении к разработке научной психологии: докладная записка Г.И. Челпанова в Главнауку, ответные записки К.Н. Корнилова и др. сотрудников Института научной философии РАНИОН, отзыв на книгу Г.И. Челпанова, тезисы к научному докладу К.Н. Корнилова и др. документы⁸. Это была реакция на дискуссию по психологии 1923-1927 гг., начавшуюся с Первого съезда по психоневрологии 1923 г.

Следующий значительный комплекс документов связан с опубликованием впервые в СССР в 1925 г. работы Ф. Энгельса «Диалектика природы» на языке оригинала и в переводе на русский язык, где систематически был изложен диалектический материализм. Это послужило стимулом для внутривнутрипартийной философской полемики,

получившей известность как спор между механистами и диалектиками (1925-1931 гг.). Механисты во главе с Н.И. Бухариным подчеркивали материализм диамата за счет диалектики. Диалектики, возглавляемые А.М. Дебориным, считали именно материалистическую диалектику главной сутью марксизма. Сотрудники Комакадемии живо откликнулись на эту дискуссию, о чем свидетельствуют документы фондов системы Комакадемии. Среди них интересными являются следующие. Стенограмма выступлений 8 февраля 1925 г. И.И. Скворцова-Степанова, А.К. Тимирязева, И.А. Боричевского, С.С. Перова, В.Т. Тер-Оганесова, Н.С. Понятского на открытом заседании Тимирязевского института по дискуссионной теме «Механистическое естествознание и диалектический материализм»⁹, протокол № 75 заседания 21 марта 1927 г. Коллегии Института научной философии РАНИОН о рассмотрении заявлений А.К. Тимирязева и С.С. Перова с просьбой представить в их распоряжение копии стенограмм заседаний Коллегий Института с записями их речей, произнесенных весной 1926 г. во время философской дискуссии в Институте¹⁰, стенограмма заседания в 1927 г. Комакадемии по докладу А.М. Деборина «Итоги дискуссии с механистами и очередные задачи марксизма в естествознании», на котором выступили: Г.Э. Корицкий и М.М. Местергази¹¹, докладная записка Ученого секретаря Философской секции Комакадемии К.К. Милонова в Отдел печати ЦК ВКП(б) о ходе и об итогах философской дискуссии, подготовленная в апреле 1927 г.¹², стенограмма дискуссии 9 апреля 1929 г. по вопросам философии на 2-й Конференции марксистско-ленинских научно-исследовательских учреждений, на которой выступили И.И. Агол, В.Ф. Асмус, Г.К. Баммель, А.И. Варьяш, Т.Б. Гейликман, Б.М. Гессен, С.Л. Гоникман, А.М. Деборин, Н.А. Карев, Э. Кольман, М.Л. Левин, И.К. Луппол, И.П. Подволоцкий, М.Н. Покровский, В.Н. Сарабьянов, С.Ю. Семковский, Я.Э. Стэн, А.К. Тимирязев, З.А. Цейтлин, В.А. Юринец и др.¹³, протоколы заседаний 16 апреля 1929 г. Бюро ячейки ВКП(б) Комакадемии о постановке докладов по итогам дискуссии с «механистами»¹⁴ и 15 июня 1929 г. Бюро Президиума Комакадемии о поручении О.Ю. Шмидту подготовить предисловие к двум сборникам дискуссий по философии и естествознанию 2-й Конференции марксистско-ленинских научно-исследовательских учреждений¹⁵.

В 1930 г. эта дискуссия в рамках Комакадемии протекала особенно интенсивно, о чем свидетельствуют протокол № 1 заседания 10 января 1930 г. Правления Института философии Комакадемии об издании отдельной брошюрой и в «Вестнике Комакадемии» до-

кладов Кривцова и Разумовского в ходе философской дискуссии в Институте философии на тему: «Механистическая теория исторического материализма у Бухарина»¹⁶, вырезки из газеты «Правда» за 6 июня – 19 ноября 1930 г. со статьями сотрудников Института философии Комакадемии - участников дискуссии на тему «О новых задачах марксистско-ленинской философии»¹⁷, протокол №37 и стенограммы заседаний объемом в 6 дел с 18 октября по 2 ноября 1930 г. Президиума Комакадемии по докладу В.П. Милютин и содокладу А.М. Деборина о дискуссии на «философском фронте», на которых выступили В.В. Адоратский, П.М. Керженцев, К.К. Милов, М.Б. Митин, К.В. Островитянов, И.П. Разумовский, Я.Э. Стэн, О.Ю. Шмидт, П.Ф. Юдин, Е.И. Ярославский, с приложением заявления секретаря Правления Общества воинствующих марксистов-диалектиков П.П. Бондаренко в Президиум Комакадемии о признании политических ошибок, допущенных руководством Общества и резолюции Бюро ячейки ВКП(б) Института экономики и цеховой ячейки ВКП(б) Института философии по вопросам дискуссии¹⁸, протоколы заседаний 21 октября 1930 г. Бюро Президиума Комакадемии о продолжении философской дискуссии¹⁹ и 16 ноября 1930 г. Бюро Президиума Комакадемии об издании стенограмм философской дискуссии²⁰, вырезка из газеты «Правда» от 18 ноября 1930 г. со статьей П. Юдина «К философской дискуссии. (В Институте Красной Профессуры философии и естествознания и на Президиуме Коммунистической академии)»²¹, стенограммы в двух томах доклада Маца И.Л. «Итоги философской дискуссии и положение на фронте искусства» и прений на заседаниях со 2 по 21 декабря 1930 г. секции ИЗО Института литературы, искусства и языка Коммунистической академии, на которых выступили С. Подольский, Гачев, П.А. Дудель, М. Кулиев, Б.Ф. Рейх, А.А. Федоров-Давыдов, Е. Орликова, В.Р. Гриб, С.И. Амоглобели, М. Али-Назим, Н. Лебедев, А.И. Дудучава, А.И. Михайлов, Ю.В. Келдыш, Перимова, Глух, И. Вейсфельд, Давыдов, М.Г. Рафили²², протокол №41 заседания 6 декабря 1930 г. Президиума Комакадемии об утверждении резолюции по докладам В.П. Милютин и А.М. Деборина о философской дискуссии с приложением резолюции Президиума Комакадемии «Современные задачи марксистско-ленинской философии» по докладам В.П. Милютин и А.М. Деборина и замечаний по ней А.М. Деборина, направленных в Президиум Комакадемии²³, протокол заседания 26 декабря 1930 г. директората Института литературы, искусства и языка о ходе дискуссии по докладу И.Л. Маца «Итоги философской дискуссии и тео-

ретический фронт искусств»²⁴, стенограмма доклада М.Н. Бочачера «Итоги философской и лингвистической дискуссии и задачи Института языкознания» на заседании Института языкознания в декабре 1930 г.²⁵, проекты резолюции «О положении и задачах на философском фронте», подготовленные сотрудниками Института философии по итогам Всесоюзной философской дискуссии в 1930-1931 гг., и материалы к ней²⁶.

За 1931-1933 гг. сохранились стенограмма доклада и прения по нему М.Б. Митина «Об итогах дискуссии и очередных задачах марксистско-ленинской философии» на заседании Института философии 1 января 1931 г., в которых выступили И.П. Разумовский и П.А. Клевцов²⁷, протоколы заседаний 1 января 1931 г. Ученого секретариата Президиума Комакадемии о печатании полного текста стенограммы выступления Н.А. Карева на философской дискуссии²⁸, 11 января 1931 г. Президиума Комакадемии об утверждении резолюции по прошедшей философской дискуссии²⁹ и 23 января 1931 г. директора Института литературы, искусства и языка по обсуждению и утверждению тезисов доклада Ю.Ю. Янель «Механистический, организационный принцип в искусствоведческой концепции тов. Маца» с приложением тезисов к докладу³⁰, повестка дня заседания 5 февраля 1931 г. «пятерки» партийного комитета Комакадемии об итогах философской дискуссии³¹. Представляют интерес стенограммы диспута об итогах философской дискуссии и задачах теоретического искусствоведения на заседаниях Секции литературы Института литературы, искусства и языка, на котором выступили 4 февраля 1931 г. председатель заседаний М.Н. Бочачер с вступительным словом, Ю.Ю. Янель с докладом «Механистическо-организационный принцип искусствоведческой концепции И.Л. Маца» и И.Л. Маца с докладом «О критике и самокритике при пересмотре ряда теоретических положений и концепций в искусствоведении». На заседаниях 12, 16 и 20 февраля 1931 г. выступили В.Р. Гриб, Бела Уиц, А.И. Михайлов, Антонов, Конов, Бертман, А.А. Острцов, В.С. Кеменов, Вяземский, А.Г. Мордвинов, Ильин и с заключительным словом И.Л. Маца и Ю.Ю. Янель³². По этой теме сохранились также протокол № 16 заседания 15 февраля 1931 г. партийного комитета Комакадемии о философской дискуссии³³, резолюция общего собрания ячейки ВКП(б) Сев[ерно]-Кав[казского] Института марксизма-ленинизма и Подготовительного отделения Института Красной Профессуры «Об итогах дискуссии и задачах марксистско-ленинской философии», опубликованного в издании «Молот», Ростов-на-Дону

17 февраля 1931 г.³⁴, резолюция общего собрания 27 февраля 1931 г. Ассоциации естественников-марксистов (Баку) по докладу Кеворкяна «Об итогах философской дискуссии и задачах естественников-марксистов»³⁵, стенограммы заседаний 20 апреля 1931 г. [партийной] фракции Общества химиков-материалистов Ассоциации естествознания об итогах философской дискуссии³⁶ и с 20 по 28 апреля 1931 г. Общества химиков-материалистов по докладу Р.Э. Яксона «Итоги философской дискуссии и задачи химиков-материалистов», на которых выступили М.П. Дукельский, Р.Е. Черницкая, Н.С. Шевцов и др.³⁷ В виде анализа вышли статья М.А. Савельева «Начало дискуссии с деборинцами относится к концу 1929 г.» [1932 г.]³⁸ и переводы на русский язык отрывков из книги английского философа Ю.Ф. Геккера «Московские диалоги: Дискуссия о красной философии» (1932-1933 гг.) и статьи Адлера Фридриха «К дискуссии о Советской России» из журнала «Дер Кампф», № 2, 1933, Вена³⁹.

В 1928-1929 гг. наиболее остро развернулись дискуссии на Первой Всесоюзной конференции историков-марксистов в рамках партийной полемики по вопросам теории и истории пролетарской революции в России об участии историков-марксистов в политической борьбе. Целая опись фонда Общества историков-марксистов (№ 377) из 58 дел, включающих в себя организационные документы и научные доклады, посвящена этой конференции.

К 1928 г. НЭП был фактически свернут, а юридически закончен в 1931 г. и в этот период в стране широко разворачивается дискуссия Г.В. Плеханов – В.Ф. Переверзев, в ходе которой была подвергнута критике переверзевская методология, завершившаяся обвинениями Переверзева и его сторонников в ревизионизме. Еще в 1918 г. он был избран членом Соцакадемии, в 1920-е годы возглавил направление в литературоведении («переверзевская школа»). Опираясь на эстетическую теорию Г. В. Плеханова, В.Ф. Переверзев разрабатывал социально-генетический (каузальный) метод в литературоведении. В 1938 г. был репрессирован, в 1956 г. вернулся в Москву, реабилитирован.

Сохранились протоколы заседаний бюро Секции литературы, искусства и языка за период с 26 декабря 1929 г. по 23 мая 1930 г., на которых рассматривались вопросы о дискуссии по докладу «Плеханов Г.В. и Переверзев В.Ф.», о просьбе Хамовнического райотдела народного образования Москвы выделить докладчика на дискуссию «Плеханов Г.В. - Переверзев В.Ф.», о сроках возврата правленных стенограмм выступлений на дискуссии «Плеханов Г.В. - Переверзев

В.Ф.», о сроках представления правленных стенограмм выступлений на дискуссии «Плеханов Г.В. - Переверзев В.Ф.», о запросе Павлодарского окружного отдела просвещения по вопросу дискуссии «Плеханов Г.В. - Переверзев В.Ф.», об утверждении резолюции по дискуссии «Плеханов Г.В. - Переверзев В.Ф.» и издании материалов дискуссии «Плеханов Г.В. - Переверзев В.Ф.» с приложением резолюции Президиума Коммунистической академии о литературоведческой концепции Переверзева В.Ф., об издании материалов дискуссии «Плеханов Г.В. - Переверзев В.Ф.», об организации доклада по дискуссии с Переверзевым В.Ф. в Киеве по просьбе кафедры марксизма-ленинизма Украинской академии наук, о реферировании дискуссии по Переверзеву В.Ф., о командировании в г. Киев сотрудника с докладом о дискуссии по Переверзеву В.Ф., о сборнике статей о Переверзеве В.Ф. и о письме Нусинова И.М. в редакцию сборника по дискуссии с Переверзевым В.Ф.⁴⁰

Кроме того имеется переписка за август 1931 г. Секретариата Российской Ассоциации пролетарских писателей с Президиумом Коммунистической академии по вопросу обсуждения фальсификации научно-политических документов, допущенной при печатании отчета о дискуссии о Плеханове и Переверзеве в Комакадемии⁴¹.

3 мая 1930 г. на бюро Секции литературы, искусства и языка рассматривался вопрос о докладе на дискуссии о задачах пролетарской литературы в реконструктивный период⁴².

В 1930 г. развернулась дискуссия о литературной группе «Перевал», созданной в 1923 г. и первоначально объединявший молодых поэтов, которая постоянно подвергалась критике со стороны РАПП за реакционность. Сохранились протоколы заседаний бюро Секции литературы, искусства и языка с 23 апреля по 13 мая 1930 г. о дискуссии в литературной группе «Перевал» и резолюция о содружестве писателей «Перевал»⁴³, а также Президиума Комакадемии 19 июня 1930 г. о деятельности Института литературы, искусства и языка по изданию сборника, посвященного дискуссии о содружестве писателей «Перевал»⁴⁴ и заседания директората Института литературы, искусства и языка с 1 ноября по 2 декабря 1930 г. об издании сборника дискуссии о содружестве писателей «Перевал»⁴⁵.

Поворот стратегии партии на индустриализацию и коллективизацию послужил толчком к усилению дискуссионной деятельности в среде научной интеллигенции в 1930–1931 гг. по изучению истории Запада. Сохранились протоколы № 22 и 23, стенограммы и резолюции заседаний 23 и 28 мая 1931 г. Президиума Комакадемии по

подведению итогов исторической дискуссии по изучению истории Запада, на которых выступили Л.Н. Крицман, Н.М. Лукин, Л.П. Мамет, К.В. Островитянов, Е.Б. Пашуканис, О.Ю. Шмидт, Т.М. Дубыня, Х.Г. Лурье, В.П. Милютин, [С.Е.] Рабинович, Н.В. Серебрянский, Г.С. Фридлянд и др.⁴⁶ 16 июля 1931 г. в Президиум Комакадемии от М.Н. Покровского поступила записка, посвященная проекту резолюции Президиума по дискуссии «на западно-историческом фронте» и содержащая оценку деятельности историков В.П. Волгина, Н.М. Лукина, А.Ф. Ротштейна⁴⁷. Эта записка обсуждалась на заседании Президиума Комакадемии 21 июля 1931 г., от которого сохранился не только протокол № 29 о резолюции Президиума Комакадемии «О положении и задачах на фронте истории Запада», но и фрагмент стенограммы заседания Президиума о мнении М.Н. Покровского по дискуссии с выступлениями Е.С. Варги, С.М. Диманштейна, С.С. Кржижановского, К.К. Милонова, В.П. Милютина, П.А. Мифа, Е.Б. Пашуканиса, А.И. Стецкого, И.Л. Татарова и др.⁴⁸ За этот же период сохранились статья Н.М. Лукина «К итогам дискуссии на Западном участке исторического фронта» и письмо А.В. Шестакова в редакцию журнала «Историк-марксист» по поводу этой статьи Н.М. Лукина⁴⁹.

В мае-июне 1931 г. два заседания дирекции Института мирового хозяйства и мировой политики были посвящены итогам дискуссии о мировом экономическом кризисе и издании ее материалов⁵⁰. В Архиве РАН хранятся также протокол заседания в 1931 г. Секции истории пролетариата СССР Института истории о профдискуссии (об оппозиции) и вырезки из газет об этой дискуссии⁵¹.

Сохранились протоколы и стенограммы отражающие, как в июне-июле 1933 г. на заседаниях Бюро Президиума Комакадемии рассматривались вопросы о дискуссии, развернутой в Институте советского строительства и права, с обсуждением доклада Е.Б. Пашуканиса о дискуссии на заседании научного совета Института советского строительства и права «О путях укрепления Советского государства». В обсуждении участвовали З.З. Гришин, О.П. Дзенис, М.Б. Митин, Е.Б. Пашуканис, А.И. Стецкий и др.⁵²

Дискуссии в Соцакадемии-Комакадемии проходили в форме простого обсуждения какой-нибудь проблемы. Например, В.В. Осинский в своем письме, которое писал ночью 19 июня 1931 г., сообщает: «Был сейчас на заседании в Комакадемии (это пишу уже из другой оперы). Заседание с дискуссией основных установок будущей второй пятилетки. Очень интересно, хотя тоже еще очень отрывчато

и общо»⁵³. В действительности, это происходило на заседании Президиума Комакадемии 18 июня 1931 г. по обсуждению вопроса о второй пятилетке, на котором выступал В.В. Осинский⁵⁴. Такого же плана были дискуссии, протоколы и стенограммы которых сохранились, на заседаниях 27 октября 1923 г. Президиума Соцакадемии о денежном обращении в России, 17 ноября 1925 г. Президиума Антропологического кружка при Тимирязевском институте об издании материалов дискуссии по сборнику «Методика антропометрических исследований» под редакцией В.В. Бунака, 24 января 1927 г. Секции литературы и искусства о западной литературе на книжном рынке, 30 марта 1929 г. Бюро Президиума Комакадемии об организации дискуссии по марксовой теории стоимости и др.⁵⁵

К 1932 г. сотрудники Комакадемии набрались опыта и началось планирование научной деятельности. Как пример можно привести календарный план совместных дискуссий в Обществе историков-марксистов и Институте истории, утвержденный на их общем заседании 25 апреля 1931 г.: «*Май*: Первобытный коммунизм. Торговый капитал. Античный способ производства. *Июнь*: Феодализм. Генезис капитализма. *Сент[ябрь]* Теории в этнографии. Распад античного общества. *Октябрь* История развития техники. Азиатский способ производства...»⁵⁶. Также был подготовлен план дискуссий в Институте экономики на IV квартал 1932 г.: «1. Советская торговля в современном этапе. 2. Проблема уровня жизни рабочих в СССР. 3. Политическая экономика социализма. 4. Размещение производительных сил во 2-ой пятилетке»⁵⁷.

Целый комплекс документов по дискуссиям в Комакадемии содержит огромный потенциал информации о вариативности точек зрения на те или иные проблемы, а также позволяет понять, как и по каким направлениям развивалась наука 1920-1930-х годов.

¹ Декрет Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов Рабочих, Солдатских, Крестьянских и Казачьих Депутатов. О Социалистической Академии общественных наук. 25 июня 1918 г. // СУ 13 июля 1918 г. № 49, Отдел первый, ст. 573. Известия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов от 12 июля 1918 г. № 145.

² Декрет Центрального Исполнительного Комитета Советов. О Социалистической Академии 15 апреля 1919 г. // СУ 1919 г. № 12, ст. 123. Известия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов от 15 апреля 1919 г. № 81.

³ Архив РАН. Ф. 350. Оп.1. Д. 25. Л. 7.

- ⁴ Постановление Президиума ЦИК СССР 19 марта 1926 г. Протокол № 41.
п.18. ГАРФ. Ф. 3316. Оп.13. Д. 4.
- ⁵ Архив РАН. Ф. 2. Оп. 1-1936. Д. 26. Л. 133. Оп. 10. Д. 4. Л. 1.
- ⁶ Там же. Ф. 7. Оп. 1-1936. Д. 3. Л. 9.
- ⁷ Там же. Оп.1-1941. Д. 168. Л. 2.
- ⁸ Там же. Ф. 355. Оп. 1. Д. 32.
- ⁹ Там же. Ф. 356. Оп. 2. Д. 10. ЛЛ. 1-42.
- ¹⁰ Там же. Ф. 355. Оп. 1. Д. 51. Л. 6.
- ¹¹ Там же. Ф. 350. Оп. 2. Д. 155. ЛЛ. 1-51.
- ¹² Там же. Ф. 355. Оп. 1а. Д. 2. Д. 7. ЛЛ. 12-19.
- ¹³ Там же. Ф. 350. Оп. 1. Д. 251. ЛЛ. 1-228.
- ¹⁴ Там же. Ф. 350. Оп. 1. Д. 276. ЛЛ. 18-180б.
- ¹⁵ Там же. Ф. 350. Оп. 1. Д. 271. ЛЛ. 71-72, 81-86.
- ¹⁶ Там же. Ф. 355. Оп. 1а. Д. 43. ЛЛ. 1-2.
- ¹⁷ Там же. Ф. 355. Оп. 1а. Д. 61.
- ¹⁸ Там же. Оп. 1. Д. 313. ЛЛ. 136-146. Д. 415,416,417,418,419.
- ¹⁹ Там же. Ф. 350. Оп. 1. Д. 338. ЛЛ. 91-106.
- ²⁰ Там же. Ф. 350. Оп. 1. Д. 338. ЛЛ. 112-145.
- ²¹ Там же. Ф. 355. Оп. 1а. Д. 61. Л. 5.
- ²² Там же. Ф. 358. Оп. 2. Д. 140,141.
- ²³ Там же. Ф. 350. Оп. 1. Д. 313. ЛЛ. 183-195.
- ²⁴ Там же. Ф. 358. Оп. 1. Д. 62. ЛЛ. 88-99.
- ²⁵ Там же. Ф. 358. Оп. 2. Д. 202.
- ²⁶ Там же. Ф. 355. Оп. 1а. Д. 71.
- ²⁷ Там же. Ф. 355. Оп. 2. Д. 154.
- ²⁸ Там же. Ф. 350. Оп. 1. Д. 449. ЛЛ. 1-2.
- ²⁹ Там же. Ф. 350. Оп. 1. Д. 413. ЛЛ. 2-3.
- ³⁰ Там же. Ф. 358. Оп. 1. Д. 107. ЛЛ. 3-17.
- ³¹ Там же. Ф. 350. Оп. 1. Д. 452. Л. 7.
- ³² Там же. Ф. 358. Оп. 2. Д. 332,333.
- ³³ Там же. Ф. 350. Оп. 1. Д. 462. ЛЛ. 9-16.
- ³⁴ Там же. Ф. 355. Оп. 1а. Д. 71. ЛЛ. 31-40.
- ³⁵ Там же. Ф. 351. Оп. 1. Д. 181. ЛЛ. 1-2.
- ³⁶ Там же. Ф. 350. Оп. 1. Д. 464.
- ³⁷ Там же. Ф. 350. Оп. 1. Д. 464. ЛЛ. 1-122. Ф. 351. Оп. 1. Д. 162. ЛЛ. 8-10.
- ³⁸ Там же. Ф. 520. Оп. 1. Д. 91.
- ³⁹ Там же. Ф. 355. Оп. 2. Д. 184,209.
- ⁴⁰ Там же. Ф. 358. Оп. 1. Д. 34. Л. 32. Д. 62. ЛЛ. 3,10,12-27,30-32,47-55,59-63.
- ⁴¹ Там же. Ф. 358. Оп. 1. Д. 155. ЛЛ. 159-181.
- ⁴² Там же. Ф. 358. Оп. 1. Д. 62. ЛЛ. 47-55.
- ⁴³ Там же. Ф. 358. Оп. 1. Д. 62. ЛЛ. 37-46,56,57.
- ⁴⁴ Там же. Ф. 358. Оп. 1. Д. 63. Л. 21.
- ⁴⁵ Там же. Ф. 358. Оп. 1. Д. 62. ЛЛ. 85.

- ⁴⁶ Там же. Ф. 350. Оп. 1. Д. 414. ЛЛ. 44-72. Д. 422. Л. 1-56. Д.423.
- ⁴⁷ Там же. Ф. 350. Оп. 1. Д. 473. Л. 138.
- ⁴⁸ Там же. Ф. 350. Оп. 1. Д. 414. ЛЛ. 72,89, 109-118. Д. 426. Л. 1-15.
- ⁴⁹ Там же. Ф. 638. Оп. 1. Д. 441. Оп. 4. Д. 130.
- ⁵⁰ Там же. Ф. 350. Оп. 1. Д. 499. ЛЛ. 30-34,47.
- ⁵¹ Там же. Ф. 359. О.1. Д. 95. ЛЛ. 68-73. Ф. 647. Оп. 1. Д.520.
- ⁵² Там же. Ф. 350. Оп. 1. Д. 796. ЛЛ. 14-25. Д. 797. ЛЛ. 1-13. Д. 809. Д. 812. ЛЛ. 1-25. Д. 812. ЛЛ. 1-25.
- ⁵³ Там же. Ф. Р.-V. Оп. 1-О. Д. 11. Л. 31.
- ⁵⁴ Там же. Ф. 350. Оп. 1. Д. 455. Л. 29-37.
- ⁵⁵ Там же. Ф. 350. Оп. 1. Д. 20. Л. 23. Д. 271. ЛЛ. 35-39. Оп. 2. Д. 134. ЛЛ. 1-46. Ф. 356. Оп. 1. Д. 38. ЛЛ. 91-91об.
- ⁵⁶ Там же. Ф. 359. Оп. 1. Д. 85. Л. 49.
- ⁵⁷ Там же. Ф. 350. Оп. 1. Д. 685. Л. 67.

Киселев М.Ю.

Место истории в программах общественно-экономических вузов: позиция ученых Коммунистической академии

Аннотация: В статье представлена информация о хранящейся в Архиве Российской академии наук стенограмме доклада С.С. Кривцова «Место истории в программе общественно-экономических вузов» на заседании методологической секции Общества историков-марксистов Коммунистической академии 26 июля 1926 г. Основными задачами общества являлись: сплочение марксистских кадров для проведения исследовательской работы в области истории и методологии исторического процесса, борьбы с буржуазной идеологией, популяризация исторических знаний и достижений советской науки. Одной из форм работы научного общества были доклады на заседаниях, которые чаще всего перерастали в дискуссии. Представлены материалы дискуссии, в ходе которой историки аргументировали свою позицию о месте истории в программах высших учебных заведений.

Ключевые слова: история, Общество историков-марксистов, Коммунистическая академия, историческое образование, архив, Российская академия наук

Kiselev M. Yu.

The place of history in the programs of social and economic universities: position of scientists of the Communist Academy

Abstract: The article provides information on the transcript stored in the Archives of the Russian Academy of Sciences of the report by S.S. Krivtsov "Place of history in the program of socio-economic universities" at a meeting of the methodological section of the Society of Marxist Historians of the Communist Academy on July 26, 1926. The main objectives of the society were: rallying the Marxist personnel to conduct research in the history and methodology of the historical process, to combat bourgeois ideology, popularization of historical knowledge and achievements of Soviet science. One of the forms of work of the scientific community were reports at meetings, which most often grew into discussions. Presented materials of the discussion, during which historians argued their position on the place of history in the programs of higher educational institutions.

Keywords: history, Society of Marxist Historians, Communist Academy, historical education, archive, Russian Academy of Sciences

Созданная в 1918 г. Социалистическая академия, как высшее учебное заведение и научно-исследовательское учреждение, в 1924 г. была переименована в Коммунистическую академию при ЦИК

СССР (Комакадемия). При Комакадемии с 1925 г. создавались научные общества, одним из которых было Общество историков – марксистов. Основными задачами общества являлись: сплочение марксистских кадров для проведения исследовательской работы в области истории и методологии исторического процесса, борьбы с буржуазной идеологией, популяризация исторических знаний и достижений советской науки. Одной из форм работы научного общества были доклады на заседаниях, которые чаще всего перерастали в дискуссии.

В Архиве Российской академии наук сохранилась стенограмма заседания Общества историков-марксистов от 11 июня 1926 г., на котором был заслушан доклад С.С. Кривцова¹ «Место истории в программе общественно-экономических вузов»². В своем выступлении ученый информировал, что в Московском университете создан Этнологический факультет, на котором имелись несколько отделений, в том числе архивное и историческое. Здесь готовили преподавателей для школ второй ступени, рабочих факультетов и техникумов. По его мнению, при создании программы обучения нельзя было применять программу ранее существовавшего Историко-филологического факультета. В то же время, на Этнологическом факультете нет курса феодализма, а присутствует старый термин «средние века». В отношении самого метода изучения истории Греции, Рима, истории античного мира «есть простое пережевывание постановки старого историко-филологического факультета».

В практике Общественно-экономического отделения 2 МГУ планировалось более углубленное изучение политической экономики, ленинизма, русской и западной истории. Однако наблюдалась перегруженность студентов педагогических факультетов педагогическими дисциплинами. В университете предполагалось изучение происхождения русского промышленного капитализма, начиная с континентальной блокады, а «студенты крайне возмущались и говорили, что мы хотим заниматься древнерусской историей». Ученый утверждал, что необходимо изучать борьбу общественных сил с движущими силами исторического процесса настоящего времени, эпоха которого начиналась с развития торгового капитала, с разложения феодализма: «античными веками заниматься нет смысла». В практике изучения истории на семинарах, по его мнению, необходимо сочетать представление основных движущих сил исторического процесса, взятого в целом во всемирно-историческом масштабе, с изучением отдельных исторических процессов. Опыт комбинирова-

ния лекций с семинарскими занятиями показал, что «без определенной увязки, которую делает профессор в виде заключительного или вступительного слова, мы продвинуться вперед не можем».

С.С. Кривцов предлагал знакомить будущих учителей с теми историческими процессами, которые привели к развитию современных форм жизни, наблюдались в СССР в результате совершившейся социалистической революции и приводили к «назреванию и медленному развертыванию» социалистической революции на западе. Он рассказал об опыте преподавания во 2 МГУ: на первом курсе лекции сопровождалась работой в кружках для теоретической подготовки, причем руководили кружками студенты старших курсов. На втором курсе лекции дополнялись семинарами по источниковедению, на третьем курсе – изучением методов научного исследования, на четвертом – «полуисследовательской работой» по русской истории на архивном материале. По его мнению, особое значение имело изучение вспомогательных исторических дисциплин, в частности, историографии, археографии, методологии исторических знаний, источниковедения. Выпускники университетов должны быть работниками местных отделений губернских архивов и Испартов (Комиссии для собирания и изучения материалов по истории Октябрьской революции и истории РКП), должны «поднимать целину по истории (по архивным материалам) народного хозяйства и аграрных отношений, революционного и профессионального движения в России».

Основной задачей вузовского образования ученый считал изучение общественной идеологии, движущих сил истории. В результате в дальнейшей работе каждый выпускник социально-экономического вуза будет в состоянии разобраться в том материале, который он будет преподавать своим ученикам, сможет научить их конкретному анализу исторических явлений «и определенной их расстановке». В качестве примера Кривцов ссылаясь на работу М.Н. Покровского³, который указывал, что К. Маркс в ряде исторических работ показал, как возможен эксперимент в истории. При изучении истории, по мнению докладчика, необходимо начинать с изучения первобытной культуры, с палеонтологии и этнологии, затем переходить к родовому обществу, феодальному обществу и современному обществу, которое «на наших глазах рождается из обломков и развалин старого капиталистического западноевропейского мира». Он говорил о значении художественной литературы «в смысле иллюстративного материала» и предлагал ввести на 3-4 курсе преподавание истории

русской литературы, а «когда будет поступать молодежь со знанием новых европейских языков», можно будет перейти и к западноевропейской литературе.

С.С. Кравцов настаивал на том, что изучение истории необходимо проводить на подлинных материалах, а не на переводах. Он подчеркивал значение исторического материализма и уточнял представление об истории партии: «очень часто у нас история партии покрывает историю России, это не одно и то же». Необходимо на фоне экономических отношений в России, политического столкновения классов преподавать историю партии в стране. Выпускник вуза должен ориентироваться в сложной обстановке современности и уметь передать это ученикам, а также иметь определенные навыки научных методов изучения предмета. Докладчик вспоминал выступление М.Н. Покровского на открытии Пролетарского университета в 1919 г., который призывал к тому, чтобы каждый пролетарский студент был своего рода Х. Колумбом, открывающим Америку, то есть каждый из них должен быть маленьким научным работником. В заключение он призвал считать одной из задач Секции методологии истории Общества историков-марксистов решение вопроса о составлении стандартного плана преподавания для исторического отделения будущего общественно-экономического высшего учебного заведения.

В обсуждении вопроса принимал участие Л.П. Мамет⁴, который отмечал, что студенты, поступившие в вузы, приходят «безграмотными по истории». Средняя школа, как и школа второй ступени, знаний по истории не давали. В справочнике для поступающих в вузы указаны: курс советской конституции, включавший в себя Парижскую коммуну, Советы в 1905 г. и в 1917 г., философию истории. Но самих знаний по истории не требовалось, требовалась только вводная статья и общая характеристика того или иного исторического момента. По его мнению, абитуриенты будут знать развитие движущих сил, но будут затрудняться ответить, что же происходило в 1905 г., потому что о движущих силах революции они читали, а о том, что происходило в 1905 г. ни одного слова. Ученый считал, что если в вузы будут приходить люди с такой подготовкой, то «все наши соображения, чтобы даже научных работников подготовить из каждого студента, останутся только планами, мы ничего не сможем сделать». В заключение Мамет констатировал, что одним из основных вопросов, который должен быть решен на методологической секции общества, остается вопрос о месте истории в системе народного образования.

В своем выступлении М.В. Нечкина⁵ поддержала озабоченность Л.П. Мамета безграмотностью абитуриентов по истории. К этому она добавила, что приходят абитуриенты, «не только с малым запасом знаний по истории, но и без всякого запаса знаний и чрезвычайно слабо владеющие научными навыками к чтению серьезных книг, умения понимать и разбираться в них». Причем, плохое знание истории наблюдалось и у студентов 3 курса. По ее мнению, ведение кружков студентами старших курсов, которое предлагал С.С. Кривцов, не может быть принято, поскольку они перегружены занятиями и «слишком не компетентны для такого руководства». Касаясь вопроса о научных исследованиях в вузах, она констатировала, что в практике исчезли исследовательские семинары: «Семинарий обычно вертится в кругу литературы и пособий, которые разжевывают вопрос, совершенно вдали от источников держится».

В дальнейшем М.В. Нечкина обращала внимание на «дополнительные работы оканчивающих студентов» (видимо, имеются в виду дипломные работы). Она предлагала разработать специальную подробную инструкцию по подготовке выпускных работ в специальных и общественно-экономических вузах, причем с указанием на исследовательский характер выпускной работы. Имевшаяся инструкция Главного управления профессионального образования РСФСР содержала сведения о классической работе только для инженеров. Особое внимание она уделила вопросу подготовки пособий для вузов и предложила открыть в периодической печати, в частности, на страницах журнала «Историк-марксист», полемику о типе пособий (рабочих книг) для вузов. По мнению Нечкиной, «настало время для издания семинарского руководства, собрания тем для семинаров с указанием подробной литературы, с известным творческим построением семинара, с оттенением, какая тема в науке назрела, какая актуальная».

Отдельно остановимся на выступлении М.Н. Покровского, который возражал против мнения С.С. Кривцова о возможности начинать преподавать историю с истории средних веков, исключая историю античного мира. Он считал, что отдельные современные движущие силы зародились в античном мире. Нельзя отбрасывать изучение христианства, поскольку не будет понимания, как вести антирелигиозную борьбу, а также римского права, лежащего в основе частного и гражданского права всех буржуазных стран. По его мнению, при изучении античного мира рассматриваются только итальянская и греческая культуры, отодвигая на второй план переднюю

Азию, Северную Африку, Индию, Китай и Японию. Между тем, всюду встречался один и тот же тип, технической базой которого являлось плуговое земледелие и ручное ремесло, а социальной формой являлось крепостническое хозяйство, связанное с зачаточной формой купеческого капитала, политическим выражением – абсолютная монархия. Он указывал, что даже в марксистской среде эту стадию абсолютной монархии объясняли как продукт внеклассовой потребности государственной обороны.

Ученый поддерживал позицию С.С. Кривцова, что изучение античного мира на этнологическом факультете проводилось не достаточно правильно и являлось попыткой возродить старый историко-филологический факультет. Он считал, что «нам нужны иные творческие условия, чтобы марксизировать историю древнего мира. Остается надеяться, что буржуазные профессора этнологического факультета сумеют практически дать нечто полезное для марксистов: за некоторых я ручаюсь, они сумеют это сделать, за марксистов ручаться не могу, не берусь судить – они не пришли сегодня». Далее он высказал замечание о неразборчивости в использовании источников: при изучении современности отсутствовал изданный и проверенный документальный материал. Аспиранты идут прямо в архив, причем каждый архивный документ им кажется неподдельной истиной, «им в голову даже не приходит, что к архивным документам нужно относиться критически». Ученый сделал вывод, что необходимо издавать как можно больше новейших исторических документов, строго проверенных и снабженных комментариями, которые могли быть использованы в семинарской работе.

М.Н. Покровский возражал против позиции С.С. Кривцова относительно значения художественной литературы как исторического источника. В качестве примера он приводил исторические неточности в романах Л.Н. Толстого «Война и мир» и Д.С. Мережковского «14 декабря» (первоначально «Николай I и Декабристы»). Касаясь вопроса о сокращении курса истории для поступающих в вузы до минимума, он отмечал, что против новой программы возражали школы второй ступени и соответствующие учебные заведения, поскольку в них недостаточно изучали историю современности; на рабфаках возражений не было. Ученый предлагал ввести исторические дисциплины в программу обучения в школах второй ступени.

В своем выступлении А.М. Васютинский⁶ отмечал, что сложности с изучением истории революционного движения в западно-

европейских странах заключались в отсутствии литературы, источников и исторических кабинетов, в которых студенты могли бы продуктивно заниматься. Кроме того, особенно на последних курсах, необходимо знание иностранных языков; он высказал надежду, что через 5-6 лет средняя школа «справится с разрухой, поставившей в такие тяжелые условия студенчество».

Л.П. Мамет не поддержал обоснование М.Н. Покровским сокращения курса истории на вступительных экзаменах в вузы. По его мнению, сокращение программы негативно скажется на обучении студентов. Он приводил норму приема в Высшее техническое училище – 536 студентов, от рабфака - 350, из средней школы – 118. На замечание Л.П. Мамета М.Н. Покровский отвечал, что приведенные цифры ничего не говорят: необходимо иметь пропорцию между количеством мест, которые отдаются выпускникам школ второй ступени, и количеством студентов, которые будут сдавать экзамен. Он заметил, что пришлось пожертвовать интересами общего образования студентов: «Пройти курс технического училища и не знать, кто был Юлий Цезарь можно потому, что инженеры и без общего образования выйдут». Ученый отмечал, что студенты перегружены историей, в первую очередь историей литературы, поэтому требования были снижены. Он сделал вывод, что в противном случае из школ второй ступени пришла бы исключительно буржуазная молодежь, которая приобрела «известную культурность благодаря семейному воспитанию. Тогда как наиболее ценная рабоче-крестьянская молодежь была бы в беспомощном состоянии – откуда бы она приобрела знания в такой короткий срок». Мамет поставил вопрос о возможности коренного пересмотра программы обществоведения для школ второй ступени.

В.Б. Аптекарь⁷ отмечал загруженность студентов: на первом курсе в 1923 г. изучались 14 предметов, в 1926 г. их число снижено до 10. С учетом общественной нагрузки студентов, остается около трех недель на изучение одного предмета. В таких условиях глубокое изучение всех исторических эпох и общественно-экономических формаций достаточно проблематично, если принять во внимание неправильную постановку образования, именно истории, в школах второй ступени и даже на рабфаках. Он сообщал о своем опыте участия в приеме вступительных экзаменов в военные вузы: беспартийные абитуриенты знали предметы лучше, чем комсомольцы и окончившие школу второй ступени, хотя у многих под внешним знанием истории партии «скрывалось ужасающее незнание».

Ученый считал, что историю партии преподавали люди, не имевшие общего понятия, не знакомые с экономической историей, с общей историей классовой борьбы, в результате преподавание в школах второй ступени, рабфаках и даже в вузах превращалось в «салтыковскую науку». Он предложил сгруппировать исторические дисциплины по трем отделам: общая история культуры; история классовой борьбы; история материализма.

Е.М. Альперович⁸ отмечал, что как в докладе, так и в прениях, обсуждалось много вопросов, но, по каждому из них, было много рассуждений и мнений, а конкретного обсуждения по ним не было: для практических целей необходимо поставить ряд отдельных более узких тем, обсудить вопрос и сделать практические.

В своем заключительном слове С.С. Кривцов, отвечая на замечание Е.М. Альперовича, заметил, что в его задачу входила общая постановка вопроса о преподавании истории в вузах. Касаясь выступления М.Н. Покровского, он сообщил, что в произведениях Л.Н. Толстого и Д.С. Мережковского его интересовали переживания персонажей, типаж помещиков той эпохи. По его утверждению художественные произведения являлись источником для изучения идеологии того времени. Он напоминал, что в Комакадемии обсуждался вопрос о первоочередности изучения русской истории, с дальнейшим переходом к истории Европы и Америки, однако этого не произошло. Что касается христианства, то древние славянские боги не имели никакой связи с историей Греции и Рима: они объясняются историей земледелия у древних славян. Остальные возражения были, по его мнению, не по сути доклада, а что касается конкретных недоразумений в преподавательской практике, то это будет «сплошное собрание анекдотов».

Ученый отмечал, что абитуриенты первого курса 1926 г. были более подготовлены, чем студенты четвертого курса 1925 г. Он соглашался с предложением М.В. Нечкиной об организации дополнительных занятий и планировал сделать доклад на эту тему. В плане работы общества поставлен вопрос об обзоре существовавших пособий по истории и подготовке стандартного пособия. Для того, чтобы обсуждать план, который был предложен в докладе, необходима схема, в которой должны быть указания о количестве часов на изучение конкретного предмета. Студенты 3 курса 1 МГУ обращались с просьбой научить их читать научные книги.

Касаясь буржуазных историков, С.С. Кривцов отмечал, что его целевая установка отличается от установки Д.И. Иловайского⁹: «я

ориентируюсь на современность, а он – на прошлое». Он соглашался с мнением М.Н. Покровского о необходимости восстановления истории в правах, подготовке квалифицированных преподавателей истории, а также отметил значение методологической секции Общества историков-марксистов, имеющей своей задачей освещение вопросов именно истории.

В заключение отметим, что обсуждение вопросов преподавания истории показало озабоченность ведущих историков страны проблемами, стоящими перед профессорско-преподавательским составом при подготовке кадров. Практически обсуждение приняло характер дискуссии, в ходе которой историки аргументировали свою позицию о месте истории в программах высших учебных заведений. Деятельность методологической секции Общества историков-марксистов имела большое значение в решении вопросов подготовки кадров: не случайно в 1930 г. оно было преобразовано во Всесоюзное научное общество воспитания кадров.

¹ *Кривцов С.С.* (1885-1944) - профессор кафедры исторического материализма этнологического факультета 2 МГУ. С 1924 г. возглавлял группу научной философии секции научной методологии Комакадемии.

² Архив Российской академии наук. Ф. 350. Оп. 2. Д. 80. Л. 1-42.

³ *Покровский М.Н.* (1868-1932) – академик, советский историк-марксист, общественный и политический деятель; лидер советских историков в 1920-е гг., –глава марксистской исторической школы в СССР».

⁴ *Мамет Л.П.* (1899-1940) – профессор, историк революционного движения, ученый секретарь Общества историков-марксистов.

⁵ *Нечкина М.В.* (1901-1985) – советский историк, профессор академик, с 1924 г. преподавала в Комакадемии.

⁶ *Васютинский А.М.* (1877-1947) - русский советский историк, профессор исторического факультета МГУ, педагог, специалист по всеобщей истории, истории Европы нового времени.

⁷ *Аптекарь В.Б.* (1899-1937) – советский лингвист, один из пропагандистов нового учения о языке, доцент педагогического факультета 2 МГУ.

⁸ *Альперович Е.М.* (1888-1938) – инженер, революционер, советский общественный деятель.

⁹ *Иловайский Д.И.* (1832-1920) – русский историк, публицист, автор пяти-томной «Истории России».

Ильина И.Н.

Научная дискуссия «Спорные вопросы исторического процесса в Бурятии» 1934 г. в документах Архива РАН

Аннотация: В статье раскрывается история дискуссии по проблемам исторического процесса в Бурятии, состоявшейся в г. Улан-Удэ в 1934 г. На основе документов из фондов Архива Российской академии наук воссоздан процесс обсуждения, получивший продолжение в Москве, раскрывается суть, характер, масштаб и последствия дискуссии. В научный оборот вводятся малоизвестные документы из фондов Коммунистической академии ЦИК СССР и документальных собраний советских ученых.

Ключевые слова: Бурятия, дискуссия, история исторической науки, Архив РАН, Коммунистическая академия, источниковедение.

Irina I. N.

Scientific discussion «Controversial issues of the historical process in Buryatia» 1934 in the documents of the archive of the RAS

Abstract: The article reveals the history of the discussion on the problems of the historical process in Buryatia, held in Ulan-Ude in 1934. On the basis of documents from the archives of the Russian Academy of Sciences recreated the discussion process, which was continued in Moscow, reveals the essence, nature, scale and consequences of the discussion. Little-known documents from the funds of the Communist Academy of the CEC of the USSR and documentary collections of Soviet scientists are introduced into scientific circulation.

Keywords: Buryatia, discussion, history of historical science, Archive of the Russian Academy of Sciences, the Communist Academy, source study.

История дискуссии, проходившей в Бурят-Монгольской АССР в июне 1934 г., представляет интерес в контексте изучения истории народов СССР и истории советской исторической науки.

Дискуссии как неотъемлемый фактор развития науки в целом в значительной мере присущи исторической науке. На раннем этапе становления советской исторической школы, в особенности, в деятельности институтов Коммунистической академии ЦИК СССР (1918-1936), дискуссионный аспект был едва ли не главенствующим. Изучение материалов этого учреждения со всей очевидностью показывает, что пересмотр основ науки, перевод ее на идеологически заданные рельсы неизбежно потребовал смены принципов аргумен-

тации и фундаментальных подходов к освещению исторического процесса.

В 1930-е гг., в связи с усилением идеологического давления на ученых и унификацией методов научного исследования, «переоценка ценностей» происходила практически во всех областях науки. Существенную роль в этом процессе сыграло Постановление СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 15 мая 1934 г. «О преподавании гражданской истории в школах СССР». Характерно, что многие явления, события и научные достижения одномоментно и почти одновременно перешли в разряд «спорных вопросов»: в документах Коммунистической академии этого времени обнаруживается именно такое типичное название научных докладов.

Приведем некоторые характерные примеры: М.В. Волоцкий «Спорные вопросы евгеники» (1926), К.Б. Радек «Спорные вопросы китайской истории» (1926), С.Г. Томсинский «Спорные вопросы методологии крестьянских движений» (1931), Б.М. Завадовский «Спорные вопросы эндокринологии» (1932), Е.Ф. Усиевич «Спорные вопросы литературной критики» (1934), Б.Д. Греков «Спорные проблемы истории Киевской Руси» (1935), В.А. Шестаков «Спорные вопросы Московского вооруженного восстания в декабре 1905 г.» (1941), Н.М. Дружинин «Спорные вопросы Крымской войны» (1945) и др.¹ Доклады и дискуссии по спорным вопросам стали обязательной частью научных планов в работе исследовательских институтов и научных обществ.

Изменение тематики исторических исследований в 1920-1930-е гг. в нашей стране было неизбежным следствием революционных перемен и смены власти. После создания Советского Союза в 1922 г. составной частью этих исследований стала история народов СССР. В этом русле итоги дискуссии «Спорные вопросы исторического процесса в Бурятии», проведенной в июне 1934 г. в Институте культуры в г. Верхнеудинске (с 27 июля 1934 г. – г. Улан-Удэ) представляют несомненный интерес.

Как оказалось впоследствии, эта дискуссия хотя и была не единственной по проблематике национальной истории, обратила на себя внимание научной общественности, стала своего рода точкой отсчета для последующего развития исторической науки в Бурятии, заняла свое место в процессе становления методологии исторических исследований того времени в целом.

Одновременно дискуссия об историческом процессе в Бурятии 1934 г. стала заметным явлением и в деятельности Коммунистиче-

ской академии ЦИК СССР и ее Института истории, хотя первоначально представляла собой локальное мероприятие. Заметим также, что она состоялась спустя всего две недели после опубликования Постановления СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 15 мая 1934 г. «О преподавании гражданской истории в школах СССР».

Дискуссия была организована Бурят-Монгольским государственным институтом культуры (БМГИК), возникшим в 1929 г. в ходе реорганизации Бурят-Монгольского ученого комитета². Как центральное научно-исследовательское республиканское учреждение институт был ориентирован на проведение научных исследований по истории, экономике, филологии и искусству, проводил разработку проблем антирелигиозной пропаганды, осуществлял перевод политической литературы на бурятский язык. Совместно с архивными учреждениями республики БМГИК занимался работой по выявлению и изучению документов по истории Бурятии. В результате ее в 1930-1934 гг. вышли в свет издания, содержавшие большой фактический материал по истории Бурятии: «Бурят-Монголия в борьбе за Советы», «От царской колонии до Советской республики», «Бурят-Монгольская АССР за десять лет», «Социалистическое строительство Бурятии за 10 лет», «Бурятия в цифрах»³. Однако не изученными оставались многие важные вопросы региональной истории, не сформировалось общее представление об основных этапах исторического развития Бурятии, что было необходимо в условиях жестких требований того времени к исторической науке.

В июне 1934 г. в стенах БМГИК состоялась дискуссия по истории Бурят-Монголии. С докладом «Спорные вопросы исторического процесса Бурят-Монголии» выступил 27-летний научный сотрудник института, историк Павел Табинаевич Хаптаев (1907-1995), незадолго до этого окончивший аспирантуру в Институте национальностей ЦИК СССР в Москве под руководством действительного члена Коммунистической академии ЦИК СССР историка А.В. Шестакова (1877-1941). Основным оппонентом докладчика стал экономист И.А. Косоков.

Причины, вызвавшие дискуссию, следует искать в двух плоскостях – сугубо научной и практической, связанной с задачами социалистического строительства и классовой борьбы. Открывая дискуссию, докладчик прямо объявил, что первостепенные задачи осуществления земельной реформы в республике требуют обсуждения широкой исторической и экономической проблематики Бурятии. В центре полемики, таким образом, оказались вопросы формацион-

ного развития Бурятии, в том числе степень развития феодальных и капиталистических отношений, классовая структура дореволюционной бурят-монгольской деревни, формы эксплуатации, революционные преобразования, гражданская война и т. д. Дискуссия рассматривалась также как продолжение дискуссии об азиатском способе производства, проходившей в стране в 1925-1931 гг. и завершившейся утверждением в советской науке единого формационного подхода к историческому процессу.

По окончании дискуссии докладчик Хаптаев убежденно заявил о преодолении разногласий. Вопреки его заявлению, дискуссия не привела к победе какого-то одного мнения и определенным научным выводам.

Спустя год материалы дискуссии были опубликованы Институтом истории Комкадемии ЦИК СССР в Москве под названием «"К истории Бурят-Монголии"». Материалы дискуссии, состоявшейся в июне 1934 г. в Улан-Удэ». (Предисловие А. В. Шестакова, под редакцией А. В. Шестакова и А. И. Ломакина. М.-Л.: Соцэкгиз, 1935 г. 181 с.).

Однако сказанное – это только общая канва истории дискуссии, состоявшейся в Бурятии в 1934 г.

Раскрыть суть, характер, масштаб дискуссии и ее последствия позволяют документы, обнаруженные в Архиве Российской академии наук. Среди них документы из фондов Комкадемии ЦИК СССР, в частности, из фонда Института истории Комкадемии (ф. 359), из личных фондов таких известных советских историков, как С.В. Бахрушин (ф. 624) и А.В. Шестаков (ф. 638). В них раскрываются подробности организации этого мероприятия, состав участников научного спора, их взгляды и аргументы, но главным образом – восприятие этой дискуссии ведущими учеными и ее значение для науки.

Несмотря на то, что стенограмма бурятской дискуссии в документах Архива РАН не обнаружена (хотя она и была представлена в Институт истории Комкадемии), содержание ее становится понятным из другого источника. Эту возможность дает текст стенограммы специального совещания, устроенного 7 сентября 1934 г. Институтом истории Комкадемии для обсуждения итогов дискуссии в Улан-Удэ⁴. Можно предположить, что созыв такого совещания в Москве был вызван как важностью проблемы, так и намерением бурятского института опубликовать материалы дискуссии. Кроме того, надо учитывать, что к моменту совещания в Москве уже был обнародован текст «Замечаний по поводу конспекта учебника по истории СССР» за подписью И. В. Сталина, А.А. Жданова и С.М. Кирова. Одно из

самых главных указаний в этом документе было связано с необходимостью изучения истории СССР, т.е. не только истории русского народа, но и совместно с ней истории народов, вошедших в состав Советского Союза. «Нам нужен такой учебник истории СССР, где бы история Великороссии не отрывалась от истории других народов СССР, — это во-первых, — и где бы история народов СССР не отрывалась от истории общеевропейской и вообще мировой истории, — это во-вторых», - говорилось в частности в документе⁵.

Основные положения прошедшей дискуссии были изложены в специальном докладе «К спорным вопросам истории Бурят-Монголии», с которым выступил в Институте истории Комкадемии историк из Бурятии В.Ф. Аханянов. Фактически в Москве дискуссия возобновилась и даже разгорелась с новой силой, поскольку московские ученые взялись полемизировать не только со своими бурятскими коллегами, но и между собой. Таким образом, мероприятие следует квалифицировать как двойную дискуссию по спорным вопросам исторического процесса в Бурят-Монголии.

Итак, согласно документам Архива РАН, участники специально созванного совещания в Москве были ознакомлены со стенограммой научной дискуссии, состоявшейся в Бурятии. Помимо этого перед ними выступил представитель БМГИК, заведующий историческим сектором В.Ф. Аханянов с докладом об итогах дискуссии. На доклад было отведено полтора часа, и его письменный вариант занял 34 страницы машинописного текста.

Прежде всего, докладчик сообщил информацию о составе участников дискуссии в Бурятии. По его сведениям, в дискуссии участвовало «человек 20»⁶, которых он представил по профессиональному, партийному и этническому признакам. Участники дискуссии, по словам Аханянова, непосредственно были связаны с местным материалом и работали над местными источниками, «в своем большинстве владеют местным родным языком»⁷. По специальности: историки – 7, музейные работники – 2, архивные работники – 2, экономисты – 3, лингвисты – 2, переводчики – 2. По партийности: коммунисты – 10, комсомольцы – 2, беспартийные – 7. По национальности: бурят – 12, русских и прочих – 7⁸.

Правда, по фамилиям и именам участников дискуссии Аханянов не назвал. Поименный список обнаруживается в других документах, и он называет 17 человек: комсомольцы - Г.П. Занданов, П.Т. Хаптаев; беспартийные – Н.Н. Козьмин, Ф. Кудрявцев, Костырев, Б.Б. Барадин, В.Л. Егоров, В.П. Денисов, Рукавишников; члены

ВКП(б) – И.А. Косоков, Гудошников, Дашидондобэ, Широковский, В.Ф. Аханянов, Б.Д. Тогмитов, Ф.М. Шулунов, Радна-Базарон⁹.

Основными докладчиками в дискуссии в Бурятии, как уже отмечалось, стали комсомолец историк Хаптаев и член ВКП (б) экономист Косоков. По большому счету все выступавшие разделились на сторонников и противников признания феодализма в Бурятии. В действительности постановка вопроса об историческом пути развития Бурятии была, безусловно, шире вопроса о прохождении стадии феодализма бурятским обществом. С точки зрения современной науки, на дискуссионной площадке фактически произошло столкновение научной и политической позиций, явно противостоящих друг другу. В ходе обсуждения не скрывалось, что для проведения земельной реформы в республике в целях изъятия земли у кулаков требуется признать наличие классового расслоения в бурятском обществе к моменту революции 1917 г. В этой связи научная часть дискуссии обострилась. Как утверждали оппоненты Хаптаева с аргументами в руках, феодализма в чистом виде в Бурятии не было; наличие капиталистических отношений определялось в мизерном масштабе; пережитки общинно-родового строя сохранялись длительное время.

Завершая дискуссию, докладчик Хаптаев прямо заявил: «Теперь нет и не может быть спора о том, прошла ли Бурятия через стадию феодализма, даже тов. Косоков, который отрицал феодализм, и тот признал, что зачатки феодализма в Бурято-Монголии были. Не подлежит сомнению также господство капиталистической эксплуатации в экономике предреволюционной Бурятии. Теория господства докапиталистических отношений в предреволюционной Бурятии, поскольку она умаляет рост и значение капиталистических элементов, разоблачена, как правооппортунистическая»¹⁰. На самом деле однозначных выводов в ходе дискуссии сделано не было. К слову сказать, и итоговый доклад Аханянова в Москве тоже не содержал определенных результатов дискуссии.

На наш взгляд, гораздо важнее другое: в ходе обсуждения действительно выявились многие нерешенные научные проблемы и недостатки исторических исследований в Бурятии, в том числе методологического и источниковедческого характера. Наиболее острым и актуальным стал вопрос о документальной базе исторических исследований, о необходимости серьезного анализа комплекса исторических источников по социальной и экономической истории Бурятии.

В прениях по докладу Аханянова в Москве было зафиксировано 8 выступавших, а их выступления заняли 40 страниц стенограммы из

74. Среди них – председатель совещания историк Аркадий Иосифович Ломакин (1901-1937), действительный член Комкадемии ЦИК СССР, историк Андрей Васильевич Шестаков (1877-1941), историк-медиевист Александр Иосифович Неусыхин (1898-1969), историк, архивист и краевед Владимир Петрович Гирченко (1878-1953), а также (без инициалов) Федотов, Коняев, Убугунов и Шалаев¹¹. В своем масштабном выступлении А.В. Шестаков высоко оценил факт дискуссии в Бурятии, особенно отметив ее значение на международной арене¹². «Эта дискуссия показывает нам, что товарищи на местах, в отдаленных местах, как Бурят-Монголия, бывшая одной из малокультурных колоний царизма, в настоящее время созрела вполне до постановки больших исторических вопросов, больших исторических проблем, не только постановки этих вопросов, но и связи их с политически актуальными проблемами всей нашей исторической науки, всей нашей сегодняшней классовой борьбы»¹³. И продолжал: «Основной грех этой дискуссии, по-моему, заключается в том, что товарищи больше всего оперировали социологическими схемами и недостаточно привлекали фактический материал»¹⁴. Шестаков считал существование феодализма в Бурят-Монголии доказанным¹⁵. И в то же время заявлял, что нигде и никогда не было формаций в чистом виде: «Сама по себе Бурят-Монголия в своем феодальном развитии имела целый ряд своеобразных черт <...>»¹⁶. «Характер Бурято-Монголии как колонии наложил отпечаток на своеобразие ее феодализма»¹⁷. Шестаков поддержал начатую инициативу и выразил надежду на успешную работу бурятских товарищей в дальнейшем над четырехтомником по истории Бурято-Монгольской республики¹⁸.

Коняев в своей речи озвучил сквозную мысль всех выступлений: «Не подгонять исторические факты под заранее составленные схемы и формулы!», что относилось к докладу Хаптаева; «обосновать феодализм в Бурятии нельзя без привлечения большого исторического материала»¹⁹.

Убугунов утверждал, что дискуссия в Бурятии говорит о высоком развитии бурят-монгольской исторической мысли, но местным исследователям требуется помощь историков Москвы²⁰.

Шалаев считал наиболее обоснованным выступление Косокова, но не признал его правильным²¹. И заключил, что «ясных ответов на вопрос, чем определяются общественно-экономические формации в Бурятии, в выступлениях не находишь»²².

Закрывая обсуждение, председатель совещания А.И. Ломакин указал на целый ряд недостатков дискуссии в Бурятии. Особенно

суровым (по тем временам) было его обвинение в «академизме» дискуссии, оторванности исторической науки Бурятии от актуальных задач социалистического строительства. «В ходе дискуссии не было дано политического разбора и оценки неправильной точки зрения Косокова. Хотя основные участники дискуссии были историки, исторический материал привлекался в чрезвычайно недостаточной мере. Конкретный исторический анализ, которого мы вправе были ожидать, не был дан, что не исключает того, что был поднят богатый исторический материал <...>. Не был совершенно затронут вопрос о характере общественных отношений, социальной структуре. В этом отношении преимущество было на стороне Косокова, он оперировал конкретным материалом»²³. Напомнил Ломакин и о необходимости выполнения Постановления СНК и ЦК ВКП(б) от 15 мая 1934 г.: «То указание т. Сталина, то указание ЦК нашей партии, которое дано в известном всем постановлении о преподавании истории в средней школе, насчет коренного поворота к конкретным фактам, к датам событий, историческим деятелям, хотя это указание делалось до дискуссии, участниками дискуссии не было в достаточной степени выполнено»²⁴. Ломакин поставил вопросы для дальнейшего изучения в Бурятии: «Нельзя ограничиться областной точкой зрения. Надо привлекать материал об исторических процессах в других странах, других народов»²⁵. Цель московского совещания и доклада Аханянова он охарактеризовал как начало систематической работы по обсуждению актуальных вопросов истории отдельных народов СССР²⁶. Эта позиция, озвученная в свете «указаний сверху», также соответствовала требованиям укрепления научных связей с провинцией, о чем говорилось в докладной записке Института истории Комкадемии ЦИК СССР, направленной наркому просвещения РСФСР А.С. Бубнову 16 июня 1934 г.²⁷

В фонде Института истории Комкадемии ЦИК СССР сохранилась последующая переписка с Бурят-Монгольским институтом культуры по поводу издания материалов бурятской дискуссии. Среди документов находится письмо П.Т. Хаптаева А.В. Шестакову от 26 октября 1934 г., в котором автор оценил московское совещание «как бледноватое», а дискуссию в Бурятии «как разрешившую все научные споры»²⁸.

Имеется также письмо П.Т. Хаптаева А.И. Ломакину от 2 февраля 1935 г. с рекомендацией отредактировать статьи Гирченко и Косокова в издаваемом сборнике материалов дискуссии, и не подвергать редактированию и сокращению его собственный полемический доклад²⁹.

Среди документов Института истории имеется письмо из Бурят-Монгольского Института культуры в Институт истории Комкадемии ЦИК СССР от 2 февраля 1935 г. за подписью директора Р. Базарана и зав. историческим сектором В.Ф. Аханянова об организации работы по подготовке материалов дискуссии к печати³⁰.

Сохранился также протокол № 9 заседания дирекции Института истории Комкадемии от 27 июня 1935 г. по вопросу об издании книги «Спорные вопросы по истории Бурято-Монголии». Дирекция постановила: «1) книгу «Спорные вопросы по истории Бурято-Монголии» от Бурято-Монгольского Института культуры к редактированию и изданию принять с вводной статьей тов. Шестакова; 2) утвердить редакторами гг. Шестакова и Ломакина»³¹.

Дискуссия 1934 г. в Бурятии произвела в научном сообществе известный эффект и еще долго служила своего рода лакмусовой бумажкой для оценки уровня бурятской исторической науки.

Так, в вышедшей в 1937 г. книге известного историка и исследователя Сибири Алексея Павловича Окладникова «Очерки из истории западных бурят-монголов» (ОГИЗ, 1937 г.) имелось пространное послесловие под названием «К «Спорным вопросам» истории Бурят-Монголии»³². Из него следует, насколько серьезно была воспринята учеными дискуссия 1934 г. и какие опасения вызывало состояние исследовательской работы в Бурятии. Окладников писал: «Совещание 1934 г., определив <...> общую линию, тем не менее не решило даже в принципе многих и весьма существенных вопросов, ближайшим образом связанных с коренными спорными проблемами, обсуждавшимися совещанием. Так, не была достигнута полная ясность в периодизации исторического прошлого бурятской народности, в особенности же в вопросе о происхождении, развитии и характере классовых отношений, о реальных взаимоотношениях последних с доклассовыми, т. е. с родовыми отношениями, у бурят-монголов»³³. С научной точки зрения автор утверждал: «По сути, спор не мог быть положительно решен, как лишний раз показало и Улан-Удэнское совещание, на почве формальной, антидиалектической методологии, когда противники находили аргументы и “за” и “против” в любом количестве. Они и сами начали осознать это обстоятельство, ибо спор логикой фактов перемещался в область конкретной истории. Но как раз отсутствие данных о конкретно-историческом развитии, отсутствие фактов препятствовало правильному решению проблемы»³⁴. И делал следующий вывод: «Совещание в Улан-Удэ, таким образом, наглядно показало, насколько актуальна теперь задача пе-

рестройки методологии исследовательской работы и развертывания конкретно-исторических исследований, накопления и обработки фактов, без решения которой, как признали и участники совещания, не может быть обеспечено создание марксистско-ленинской, сталинской истории бурят-монгольского народа»³⁵.

К 1937 г. относятся и две статьи известного историка Сергея Владимировича Бахрушина, рукописи которых сохранились в фонде ученого в Архиве РАН.

Неполный экземпляр статьи «Об ошибках в освещении истории Бурят-Монголии», хотя и не имеет окончания и даты, явно создан по следам бурятской дискуссии 1934 г.³⁶ Пространный отзыв Бахрушина на книгу П.Т. Хаптаева «Краткий очерк истории Бурят-монгольского народа» (1936 г.) датирован 1937 годом и содержит серьезные критические замечания как в отношении фактического материала, его изложения и трактовки, так и в отношении жанра издания как учебника³⁷. Особенно остро отреагировал автор отзыва на категоричное утверждение Хаптаева о наличии у бурят феодального строя и в целом рекомендовал подвергнуть рукопись книги значительной переработке³⁸.

Наконец, нельзя не упомянуть статью историка, известного исследователя Сибири, ученика С.В. Бахрушина Виктора Ивановича Шункова «О разработке истории Бурят-Монголии», опубликованную в журнале «Вопросы истории» в 1949 г.³⁹ Автор статьи подверг анализу уже следующую дискуссию по истории Бурят-Монголии, которая состоялась в Улан-Удэ в 1947 г. по инициативе того же Хаптаева и с его же основным докладом. Шунков невольно сравнивал дискуссию 1947 г. с дискуссией 1934 г. и фактически вынужден был отметить наличие прежних проблем, невосполненных пробелов и недостатков в исследованиях, особенно в опубликованных работах Хаптаева.

Итак, дискуссия «Спорные вопросы исторического процесса в Бурятии» 1934 г., безусловно, стала событием в научном сообществе Бурятии и Москвы. Начатая в далеком от Москвы регионе, она получила свое продолжение на уровне Коммунистической академии – центрального научно-образовательного учреждения СССР того времени, превратившись на деле в двойную дискуссию.

Идея организации научной дискуссии возникла на политической основе, она была необходима в целях практического обеспечения земельной реформы в Бурят-Монгольской АССР, проведения революционного изъятия земель, сосредоточенных в руках местных ку-

лацких элементов, и др. В этом контексте в ходе дискуссии на первый план вышла проблема классовой структуры. Вместе с тем, как было отмечено на обсуждении в Институте истории Комкадемии в Москве со ссылкой на указания партии и правительства в области изучения истории, исторический материал был подогнан под требуемую схему, а исследовательский процесс перевернут с ног на голову. Даже в рамках господствующего марксистского формационного подхода к истории, допускавшего известный схематизм, это был явный перебор.

На основе документов, хранящихся в Архиве РАН, оказалось возможным значительно расширить сложившиеся представления о дискуссионном поле 1930-х гг. Малоизвестные архивные документы позволили раскрыть детали дискуссии «Спорные вопросы исторического процесса в Бурятии» 1934 г. и в особенности второй части обсуждения проблем бурятской истории в Москве. Введение в научный оборот документов из фондов Архива РАН важно само по себе, а в данном случае способствует детальному изучению характера и обстоятельств дискуссии 1934 г. как объекта истории науки.

¹ Выявлено на основе данных Информационной системы «Архивы РАН» (ИСАРАН): <http://isaran.ru>

² Электронный ресурс: <https://articlekz.com/article/21476> Дата обращения: 28.05.2019.

³ Там же.

⁴ АРАН. Ф. 359. Оп. 2. Д. 201.Л. 1-74.

⁵ Электронный ресурс: https://www.marxists.org/russkij/stalin/t14/t14_05.htm Дата обращения: 11 июля 2019 г.

⁶ АРАН. Ф. 359. Оп. 2. Д. 201. Л. 1.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ АРАН. Ф. 359. Оп. 1. Д. 353. Л. 3, 4.

¹⁰ *Окладников А.П.* Очерки из истории западных бурят-монголов. – ОГИЗ, 1937. С. 417.

¹¹ АРАН. Ф. 359. Оп. 2. Д. 201.

¹² Там же. Л. 35-45.

¹³ Там же. Л. 36.

¹⁴ Там же. Л. 37.

¹⁵ Там же. Л. 38.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. Л. 40.

¹⁸ Там же. Л. 45.

- ¹⁹ Там же. Л. 53.
- ²⁰ Там же. Л. 56.
- ²¹ Там же. Л. 63.
- ²² Там же.
- ²³ Там же. Л. 69-71.
- ²⁴ Там же. Л. 69.
- ²⁵ Там же. Л. 71.
- ²⁶ Там же. Л. 74.
- ²⁷ Там же. Ф. 359. Оп. 1. Д. 306. Л. 11.
- ²⁸ Там же. Д. 353. Л. 1.
- ²⁹ Там же. Л. 5-6.
- ³⁰ Там же. Л. 2.
- ³¹ Там же. Д. 321. Л. 13.
- ³² *Окладников А.П.* Указ. соч. С. 417-424.
- ³³ Там же. С. 417.
- ³⁴ Там же. С. 424.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ АРАН. Ф. 624. Оп. 1. Д. 542. Л. 1-2.
- ³⁷ Там же. Д. 508. Л. 1-2.
- ³⁸ Там же. Л. 1, 2об.
- ³⁹ *Шунков В.И.* О разработке истории Бурят-Монголии // Вопросы истории. 1949 г. № 5. С. 87-89.

Михальченко С.И.

Академическая жизнь СССР начала 1930-х годов глазами эмигранта*

Аннотация: Статья посвящена анализу рукописных «Летописи» и «Воспоминаний» ученого-юриста и историка Е.В. Спекторского как источника по истории академической жизни СССР начала 1930-х годов. Показывается, как отражались в этих документах «академическое дело», выборы в Академию наук 1931 г., участие советских ученых в международных мероприятиях. Делается вывод о высокой информативной ценности указанных документов.

Ключевые слова: «Академическое дело», С.Ф. Платонов, Е.В. Спекторский, Н.С. Державин

Mikhalchenko S. I.

Academic life of the USSR in the early 1930s through the eyes of an emigrant

Abstract: The article is devoted to the analysis of the handwritten Letopisi and Memoirs of the legal scholar and historian E.V. Spektorsky as a source on the history of the USSR academic life of the early 1930s. It shows how “academic affairs”, the elections to the Academy of Sciences in 1931, the participation of Soviet scientists in international events were reflected in these documents. The conclusion is made about the high informative value of these documents.

Keywords: “Academic Affairs”, S.F. Platonov, E.V. Spektorsky, N.S. Derzhavin

Восприятие российской эмиграцией реалий советского общества – тема, уже привлекавшая внимание исследователей¹. Однако, открытие новых источников позволяет внести новые штрихи в изучение этих вопросов. Одним из таких источников является ранее практически не анализировавшаяся «Летопись» Е.В. Спекторского, известного философа, юриста, культуролога, социолога, историка (1875-1951). Деятельность Спекторского протекала, в основном, в рамках системы высшего образования – в дореволюционный период он прошел путь вузовского преподавателя от магистранта до ординарного профессора, ректора университета св. Владимира в Киеве. Став в 1920 г. эмигрантом, Спекторский не оставил академической

* Статья подготовлена при поддержке РФФИ (проект 18-09-00437).

работы – он был среди основателей Русского научного института в Белграде, некоторое время руководил Русским юридическим факультетом в Праге, долгие годы преподавал в Люблянском университете, а в конце 1940-х - начале 1950-х гг. в Свято-Владимирской Духовной академии в США².

Как уже отмечалось ранее, значительную ценность представляет комплекс неопубликованных документов Спекторского, хранящийся в архиве Центра (Института) Восточной Европы Бременского университета (Германия). Наиболее информативны «Воспоминания», обнимающие собой период с 80-х годов XIX до начала 30-х годов XX в. Большой интерес представляет собой и «Летопись» – подневная запись (дневник), ведшаяся Спекторским с конца 1920-х гг. и, вероятно, до конца жизни³. В Бремене хранятся записи, относящиеся к 1930-1932 гг. Два года назад автором была найдена еще одна тетрадь «Летописи», относящаяся к 1944-1945 гг.⁴

И «Воспоминания», и «Летопись», характеризуя жизнь эмигрантов в 1920-е – 1930-е гг., большее внимание уделяют, конечно, европейским реалиям, зачастую весьма мелким частностям. Они, как это часто бывает, казались важными автору в момент их фиксации, сейчас же представляются совершенно незначительными.

Как активно работающий ученый и преподаватель высшего учебного заведения, Спекторский не мог не интересоваться событиями академической жизни, в том числе, на родине. Хотя, как справедливо отмечала А. Урядова, главным предметом внимания эмиграции к началу 1930-х гг. стала внешнеполитическая деятельность СССР, поскольку реалии внутренней жизни в Советском Союзе стали для них малопонятными, научная жизнь там до конца 1920-х гг. сохраняла определенную степень традиционности, да и большинство из крупных ученых, оставшихся на родине, были лично знакомы эмигрантам, поэтому их судьба не могла не волновать.

Как показывает анализ неопубликованных документов Спекторского, его заинтересовала информация об «академическом деле». Первая запись относится к 18 октября 1930 г., ученый записывает: «Группа немецких ученых протестовала против расстрела 48 лиц большевиками и против ареста русских ученых, побывавших у Берлине»⁵. Как известно, С.Ф. Платонов был участником Русской исторической недели в Германии летом 1928 г., причем был включен в состав делегации по настоятельной просьбе Общества по изучению Восточной Европы во главе с О. Гётчем⁶. Спекторский объединил в записи информацию о приговоре по т.н. делу «вредителей» и об аре-

сте Платонова. 8 ноября Спекторский продолжил волновавшую его тему, записав: «Французская лига прав человека, наконец-то, удосуживалась протестовать против расстрелов в России»⁷. При этом двумя днями позже он отметил, что «на состоявшемся в Берлине собрании общества по культурному сближению с советской Россией одобрен террор большевиков: революция, мол, еще не кончилась и необходима борьба с агентами Англии»⁸. 7 февраля 1931 г. он записал в дневнике: «Руль сообщает, что Платонов уже целый год сидит в тюрьме. Сидят еще Тарле, Любавский и Лихачев»⁹. Эта информация явилась изложением редакционной заметки в одной из ведущих газет эмиграции – берлинском «Руле», опубликованной в номере за 4 февраля. Спекторский в это время был профессором Люблянского университета в Югославии, газета туда поступала через несколько дней после выхода в свет, отсюда и трехдневная разница между выходом газеты и записью в «Летописи».

Вновь Спекторский обратил внимание на «дело академиков» через два месяца. К тому времени у него не сложились отношения с одним из профессоров юридического факультета Люблянского университета цивилистом А. Скумовичем. Мало того, что он был, как писал Спекторский в мемуарах, не вполне нормален, разгуливая по улицам «как Кармен с цветком во рту»¹⁰. Скумович, считая, что его недооценивают, еще и поссорился со многими коллегами, включая Спекторского. «Он как-то пожаловался на меня Билимовичу, что я с ним говорю только о погоде и не достаиваю ученого разговора. Когда же я заговорил с ним на какую-то научную тему, он стал жаловаться, что я его экзаменую. Заметив, что я читаю получавшуюся в лектории газету *Journal des débats*, он стал писать на ее полях более или менее оскорбительные заметки по моему адресу. В одной из них он уподобил меня пауку, заслоняющему от людей солнце. Один раз он поместил целое стихотворение о моей непочтительности. Кончилось тем, что я с ним крупно поговорил»¹¹. Когда упомянутая выше французская газета в своей передовице упомянула, что в «Ленинграде» (Спекторский всегда писал это название в кавычках) «6000 советских ученых донесли на 4 – Тарле, Платонова, Любавского и еще кого-то» (Лихачева), Скумович «сделал заметку [на полях газеты], смысл которой таков, что, мол, эти 6000 – мои ученики»¹². Больше об академическом деле Спекторский не писал. Но в дневнике есть записи о других реалиях советской академической жизни.

Периодически в «Летописи» мелькают впечатления от полученных Спекторским писем от коллег. Например, в письме, получен-

ном Спекторским 30 декабря 1930 г., бывший коллега по Русскому Юридическому факультету в Праге, а в 1930-е гг. профессор Юрьевского университета Д.Д. Гримм жаловался на тяжелое положение Юрьевского университета в связи с общим экономическим кризисом в Эстонии¹³. А 17 апреля 1931 г. Спекторский записал цитату из письма, также как и Гримм, профессора Тартуского (Юрьевского) университета юриста-международника В.Э. Грабаря близкому другу Спекторского, профессору-юристу Белградского университета Ф.В.Тарановскому. Передавая новости из близкого к Тарту СССР, Грабарь замечал, что «Дмитрий Моисеевич (Петрушевский) «здравствует», Евгений Алексеевич (Косминский) «процветает», мы же «прозябаем». Видимо, соседство с советскими реалиями подтолкнуло Грабаря обратиться с просьбой к Тарановскому быть «мудрым, как змей» и писать в письмах – из Югославии в Эстонию! – только о научной работе¹⁴. Страх не отпускал Грабаря даже в эмиграции.

Еще одним событием академической жизни, нашедшим отражение в «Летописи» Спекторского, были выборы в Академию наук в 1931 г. 7 февраля 1931 г. Спекторский отметил забаллотирование Ф.А.Ротштейна и избрание членом «всесоветской» академии «хулигана» Державина¹⁵. Последнее определение требует пояснения, которое можно почерпнуть из «Воспоминаний» ученого. Дело в том, что Спекторский был участником съезда славянских филологов, проходившего в октябре 1929 г. в Праге, где в составе советской делегации был и Н.С. Державин, который прославился, по замечанию мемуариста, «разгромом Петербургского университета». Он поместил в загребской «Новой Европе» (1929, XX, 6) статью о том, что только большевики освободили науку в России, бывшую до них «рабыней феодализма и абсолютизма». Державин «сделал хулиганскую выходку по поводу кириллицы и латиницы: раз мы придумали фонетику для чувашей и вотяков, то можно это сделать и для славян; но важно не это, а новая культура трудящихся в едином государстве»¹⁶. Текст мемуаров создавался Спекторским в начале 40-х годов. К этому времени слово «хулиган» уже было записано в «Летописи». Возможно, Спекторский зафиксировал события съезда в предыдущей тетради, относящейся к 1929 г., и там дал хлесткое определение Державину, но «Летопись» за другие годы не найдена и проверить это невозможно.

События научной жизни СССР, конечно, не занимали главного места в дневнике Спекторского. Они лишь встречались там, соседствуя со значительно более подробной информацией об академиче-

ском быте эмигрантов. Но, как представляется, и эти примеры показывают интерес ученых-эмигрантов к событиям в научной жизни СССР.

¹ Урядова А. Советская Россия 1920-х: восприятие эмиграции. Ярославль, 2011.

² Михальченко С.И., Ткаченко Е.В. Евгений Васильевич Спекторский // Вопросы истории. 2013. № 1. С. 31-53

³ Михальченко С.И. Документы Е.В. Спекторского в архиве Института Восточной Европы Бременского университета // Отечественные архивы. 2011. №6. С. 64-68.

⁴ Михальченко С.И., Ткаченко Е.В. Личные фонды русских эмигрантов в Архиве Республики Словении // Вестник архивиста. 2018. №4. С. 1217-1230.

⁵ Спекторский Е.В. Летопись. // Forschungsstelle Osteuropa an der Universität Bremen. Historisches Archiv. F.30.230.III. Л.2.

⁶ Академическое дело 1929-1931 гг. М., 1993. Вып.1. С. LXXII.

⁷ Спекторский Е.В. Летопись. Л. 7

⁸ Там же.

⁹ Там же. Л. 27

¹⁰ Спекторский Е.В. Воспоминания // Forschungsstelle Osteuropa an der Universität Bremen. Historisches Archiv. F.30.230.II. Л. 860

¹¹ Там же. Л. 861.

¹² Спекторский Е.В. Летопись. Л. 47

¹³ Там же. Л. 27.

¹⁴ Там же. Л. 45-46.

¹⁵ Там же. Л. 27.

¹⁶ Спекторский Е.В. Воспоминания. Л. 814.

Ковалев М.В.

К истории полемики вокруг книги
«Russo-Polish relations: an historical survey»
профессора С.А. Коновалова*

Аннотация: В статье обрисовываются обстоятельства издания книги «Российско-польские отношения: исторический очерк», осуществленной в Лондоне в 1944 г. под редакцией русского ученого-эмигранта, профессора С.А. Коновалова, с привлечением архивных источников анализируются его взгляды на историю двухсторонних связей. Особое внимание уделено дискуссиям вокруг этой работы, развернувшимся в 1945–1946 гг. в зарубежном академическом пространстве. Делается акцент на позиции польских историков О. Халецкого и В. Ледницкого, подвергших книгу жесткой критике. Взгляды С.А. Коновалова на историю российско-польских отношений соотносятся с магистральными направлениями британской историографии.

Ключевые слова: С.А. Коновалов, Россия, СССР, Польша, Великобритания, российско-польские отношения, историография

Kovalev M. V.

**Towards the history of the debates surrounding the book
«Russo-Polish relations: an historical survey» by Professor
S.A. Konovalov**

Abstract: In this article the circumstances of the publication of the book «Russo-Polish relations: an historical survey», carried out in London in 1944 under the editorship of a Russian émigré scientist, Professor S.A. Konovalov, are described, his views on the history of bilateral relations were analyzed. The main attention is paid to the discussions around this work that unfolded in 1945–1946 in foreign academic environment. The emphasis is placed on the position of Polish historians O. Halecki and W. Lednicki, who subjected this book to harsh criticism. S.A. Konovalov's views on the history of Russian-Polish relations correlate with the main directions of British historiography.

Keywords: S.A. Konovalov, Russia, USSR, Poland, United Kingdom, Russian-Polish relations, historiography

---

* Статья подготовлена в рамках гранта Президента РФ для молодых российских ученых – кандидатов наук, проект МК-6509.2018.6.

Вопрос о характере российско-польских отношений всегда относился к числу дискуссионных и в отечественной, и в зарубежной историографии. Его острота напрямую зависела от текущей политической ситуации. Особое звучание этот вопрос приобрел в годы Второй мировой войны, когда дискуссии о судьбах Польши наполнились новым содержанием. В декабре 1944 г. в Лондоне вышла из печати книга под заглавием «Российско-польские отношения: исторический очерк»¹. Небольшая работа, носившая скорее научно-популярный и просветительский, нежели академический характер, вызвала большой интерес у англоязычного читателя. Внимание было столь большим, что уже на следующий год она с дополнениями была переиздана в США Принстонским университетом². Книга наделала много шума в интеллектуальных кругах и сделалась предметом обсуждения в многочисленных рецензиях. Выход этого издания на излете Второй мировой войны совпал с новой стадией обсуждения будущего Польши в общественно-политических и дипломатических кругах.

Своим появлением книга была обязана русскому ученому-эмигранту, профессору Бирмингемского университета Сергею Александровичу Коновалову (1899–1982). Он был сыном крупного предпринимателя и политического деятеля Александра Ивановича Коновалова (1875–1949), входившего в состав Временного правительства. Справедливо опасаясь преследований со стороны новых властей, семья Коноваловых в начале 1918 г. покинула Россию. Родители отправили Сергея на учебу в Великобританию, и с этой страной будет связана вся его последующая жизнь. Он окончит Оксфордский университет, защитит там диссертацию, а затем получит приглашение на работу в Бирмингем. Там, в местном университете, он создаст одно из первых в Великобритании научных объединений по изучению СССР – Бирмингемское бюро исследований экономического положения России (Birmingham bureau of research on Russian economic conditions)³.

В 1930-х гг. С.А. Коновалов стал заметной фигурой в британской академической среде. В это время главной сферой его научных интересов был анализ положения дел в советской экономике в контексте индустриализации и коллективизации. Но, как человек творческий, он был плотно вовлечен в эмигрантскую культурную жизнь, интересовался литературой, искусством, театром и кино⁴. Эта широта интересов в полной мере отразится в его профессиональной дея-

тельности уже после Второй мировой войны, когда С.А. Коновалов возглавит Русскую кафедру (Chair of Russian) в Новом колледже (The New College) при Оксфордском университете и много сил приложит для развития британской славистики. Многогранная и кипучая деятельность профессора находит отражение в материалах его личного фонда, хранящегося в Бодлеанской библиотеке. К сожалению, архивные материалы, сгруппированные в 72 коробки, до сих пор научно не описаны и не систематизированы, что затрудняет работу с ними. Большая часть документов – на русском и английском языках, но имеются также материалы на французском, чешском, немецком. Предпринятое автором этих строк в 2014–2018 гг. исследование архивной коллекции показало, что ее основу составляют документы о научной и общественной деятельности С.А. Коновалова в 1920–1970-х гг., с особым акцентом на периоде 1940–1960-х гг., то есть времени его руководства оксфордской кафедрой. Важное место занимает обширная переписка ученого с русскими и иностранными корреспондентами⁵.

С середины 1930-х гг. С.А. Коновалов, как и многие эмигранты, с тревогой следил за нарастанием напряженности в Европе. Так, пражские коллеги Екатерина Дмитриевна Кускова (1869–1958) и Сергей Николаевич Прокопович (1871–1955) регулярно излагали ему в письмах тревожные мысли о неизбежности грядущей войны и печальной судьбе приютившей их Чехословакии. С.А. Коновалов никогда не был лично вовлечен в политическую жизнь, сторонился эмигрантского политического активизма, хотя был хорошо знаком со многими видными деятелями разного идейного спектра (А.Ф. Керенский, П.Н. Милуков). Тем не менее, происходившие вокруг события не могли оставить профессора простым безмолвным наблюдателем. В годы Второй мировой войны он встал на активные патриотические позиции, всемерно поддерживая СССР и союзников⁶. С.А. Коновалов нередко выступал на различных собраниях и публичных слушаниях, рассказывая о своем видении советской политики. Он сблизился с Англо-советской ассоциацией общественных связей (Anglo-Soviet Public Relations Association), основанной летом 1941 г. по инициативе лорда Томаса Хордера (Thomas Jeeves Horder, 1st Baron Horder; 1871–1955), известного врача и общественного деятеля. В числе ее задач было желание разобраться в положении дел в СССР и оценить перспективы взаимодействия с ним. В 1943 г. ассоциация обратилась к британскому слависту сэру Герберту Джону Мейнард (Sir Herbert John Maynard; 1865–1943) с просьбой подготовить крат-

кий очерк истории российско-польских отношений. Вопрос этот живо волновал британские общественные и политические круги, особенно в контексте крайне сложных отношений между Москвой и польским эмигрантским правительством в Лондоне, завершившихся в итоге дипломатическим разрывом. Д. Мейнард охотно взялся за дело, однако смерть помешала закончить начатое. Тогда руководство ассоциации попросило С.А. Коновалова завершить это начинание⁷. Тот согласился переработать рабочие материалы покойного коллеги и дополнить их недостающими частями. В 1944 г. первое издание книги увидело свет. К сожалению, о личных отношениях между Д. Мейнардом и С.А. Коноваловым почти ничего неизвестно, хотя факт их знакомства очевиден. Известные на сегодняшний день источники не позволяют реконструировать их взаимные контакты, потому крайне сложно говорить об интеллектуальных коммуникациях.

Профессор С.А. Коновалов историей Польши никогда специально не занимался, хотя и не был чужд изучению Восточной Европы. Его докторская диссертация, защищенная в Оксфорде в 1925 г., была посвящена монетарной политике современной Чехословакии⁸. Кроме того, он неоднократно бывал в разных странах региона, и именно в Польше в середине 1930-х гг. познакомился со своей будущей женой – Яниной Рыжовой (1905–1992). Принимаясь завершить начатую Д. Мейнардом работу, русский профессор брал не себя крайне непростую задачу.

При изучении текста книги крайне непросто определить авторство тех или иных разделов. Бумаги Д. Мейнарда в собрании Британской библиотеки⁹ не дают ответа на вопрос, в какой степени ему удалось завершить свой труд – подготовительные материалы не сохранились. Не удалось обнаружить их и в огромном архивном собрании С.А. Коновалова в Бодлеанской библиотеке в Оксфорде. Правда, среди бумаг ученого имеется рабочий вариант введения к книге с указанием своих вставок в текст¹⁰. Присутствуют упоминания о них и в опубликованной версии вступления¹¹. Сопоставление всех этих сведений дает основания утверждать, что Д. Мейнард успел подготовить половину книги. Именно он обрисовал исторический путь Польши и российско-польских отношений с раннего Средневековья до XIX в. На долю С.А. Коновалова выпала крайне трудная задача – разобраться в хитросплетениях и драматических поворотах российско-польских отношений Новейшего времени. Тем самым он неизбежно ставил себя под огонь критиков. Примечательно, что на обложке книги не был указан конкретный автор; С.А. Коновалов был

назван редактором. Таким образом, сей труд можно считать результатом совместного российско-британского научного творчества, во-бравшего в себя интеллектуальные традиции двух стран и культур.

Ясно осознавая дискуссионность поднимаемых проблем, С.А. Коновалов старался быть осторожным в оценках. Он считал должным и нужным подкреплять свои доводы отсылками к научным и общественным авторитетам. Нельзя упрекнуть С.А. Коновалова в незнании польской историографии. В своей работе он использовал труды современных ему польских авторов, например профессоров Станислава Кота (Stanislaw Kot; 1885–1975), Францишека Буяка (Franciszek Bujak; 1875–1953) и Шимона Ашкенази (Szymon Askenazy; 1866–1935). Не менее пристально изучил он британский взгляд на польскую историю. Его представления о ней довольно хорошо вписывались в официальный британский историографический дискурс. В силу этого профессор нередко отсылал читателя к «Кембриджской истории Польши»¹² или к «Истории Парижской мирной конференции» под редакцией профессора Гарольда Темперли (Harold William Vazeille Temperley; 1879–1939)¹³. В этих изданиях, в частности, признавалось, что расширение польских территорий после войны 1919–1921 гг. и перехода поляками линии Кёрзона автоматически заложило основу враждебности со стороны русских из самых разных политических лагерей: большевиков и монархистов, либералов и реакционеров. Рассуждения в этих контекстах ставили перед С.А. Коноваловым чрезвычайно важный вопрос о российско-польском территориальном разграничении.

Размышления об оптимальной границе между странами активно циркулировали в британских политических кругах еще в конце Первой мировой войны. Новую остроту вопрос приобрел в годы Второй мировой войны. Он неизменно заставлял обращаться к прошлому. В 1943 г. Д. Мейнард, задаваясь вопросом о том, можно ли было избежать начала советско-польской войны в 1919 г., отвечал утвердительно¹⁴. Тогда западные страны не смогли предотвратить конфликта, а авантюризм Юзефа Пилсудского (Józef Klemens Piłsudski; 1867–1935) завел ситуацию в тупик. Д. Мейнард полагал, что именно в этот момент была заложена основа негативного образа Польши в советском политическом мышлении. Она стала осознаваться как орудие борьбы против СССР в руках капиталистических держав Запада.

В годы Второй мировой войны вопрос о будущем Польши живо обсуждали не только в политических кулуарах, но также в широких

общественных кругах. Потому, работая над книгой, С.А. Коновалов обращался к британской прессе. Так, он многократно цитировал большую специальную статью «Россия и Польша», опубликованную 14 января 1944 г. в «Times»¹⁵. По сути, профессор пересказывал ее содержание, однако делал это вполне намеренно, желая основательно подкрепить свои выводы соображениями ведущего печатного органа Великобритании. С.А. Коновалову статья казалась крайне важной для доказательства утопичности идей маршала Юзефа Пилсудского (Józef Klemens Piłsudski; 1867–1935), ведь британская газета прямо называла взгляды польского политика неосуществимыми. Констатировалось, что поляки отвергли призывы к самоопределению Литвы, Белоруссии и Украины, а также предложение о плебисците в Восточной Галиции. Статья подчеркивала важность разграничения СССР и Польши по линии Кёрзона, которая представлялась не просто как демаркационная линия, предложенная сиюминутными соображениями, но как важное долгосрочное дело.

С.А. Коновалов обратил внимание, что к началу Первой мировой войны в польских политических кругах шла дискуссия об оптимальных границах с Россией. Он ссылаясь на мнение журналиста и общественного деятеля Эразма Пильца (Erazm Piltz; 1851–1929), заявлявшего, что «только русские националистические круги, а также украинские и литовские шовинисты считали, что у нас есть какое-то желание править чужими территориями. Поляки давно отказались от таких мечтаний – по крайней мере, те из них, кто способен мыслить разумно...»¹⁶ Тут С.А. Коновалов принимает частное за общее, ибо Э. Пилец принадлежал к умеренному политическому лагерю и его взгляды не совпадали со взглядами всех польских политиков. Тем не менее, выбор понятен. С.А. Коновалов стремился показать, что действия польских радикалов были крайне опасны и вредили солидарности поляков. Потому он цитирует известный сборник «Война и Польша», вышедший в 1914 г. в сотрудничестве между польскими и русскими историками. Один из его авторов говорил: «Политические эксперименты, произведенные после разделов, убедили нас в том, что упорное отстаивание польского характера Литвы и Украины усложняло только наше положение по отношению к России. Процесс демократизации, наконец, все быстрее совершающийся в окраинных областях, сделал для нас окончательно очевидным, что у нас нет никаких данных удержаться там в качестве господствующего элемента. Все это мы понимаем уже теперь вполне хорошо, и мечтателей, которые бы думали о какой-то Польше, простирающейся не только

до Смоленска, но даже до Вильны, между нами решительно нет. Отрезвлять нас в этом отношении вовсе не нужно, так же, как и делать нам какие бы то ни было предостережения»¹⁷. Среди польских политиков С.А. Коновалову явно импонировал Роман Дмовский (Roman Stanisław Dmowski; 1864–1939), который в 1915 г. заверял, что поляки более не считают Восточные Кресы своими исконными землями. Но Р. Дмовский в годы Первой мировой войны возглавил созданный в Петербурге Польский национальный комитет, всецело выступал на стороне Антанты, и тоже не отражал всего политического спектра¹⁸.

Для чего С.А. Коновалову были нужны такие акценты? Он пытался показать, что к началу Первой мировой войны польская и русская концепции этнографической Польши, по сути, были идентичными. Совпадали они и с британской точкой зрения, отраженной в книге «Война и демократия»¹⁹, тем более что издана она была при участии Роберта Уильяма Сетон-Уотсона (Robert William Seton-Watson; 1879–1951) – крупнейшего на тот момент специалиста по межславянским отношениям. С.А. Коновалов обратил внимание, что уже в этой работе этнографическая граница между Польшей и Россией «следует очень близко за будущей Линией Керзона, правда, немного дальше идя на Запад в ее южном секторе»²⁰. С.А. Коновалову не близки поляки, вставшие на сторону Австро-Венгрии и Германии, хотя прямых обвинительных выпадов он не делал. Ю. Пилсудский ему явно не симпатичен своим политическим цинизмом. С точки зрения профессора, позиция польского политика отражалась в приписываемой тому летом 1914 г. фразе: «Польский вопрос будет решен в нашу пользу, если Германия победит Россию, но сама потерпит поражение от Франции»²¹.

С.А. Коновалов негативно оценивал польские территориальные притязания к России, считая, что процент поляков на землях, полученных по результатам Рижского договора 1921 г., едва ли был больше 20–23%. Следовательно, ни о каком этнографическом воссоединении с Родиной не могло быть речи. Юридически польские притязания основывались на положении Версальского договора (ст. 87) о том, что границы Польши, не установленные настоящим Договором, будут впоследствии определены главными союзными державами²². При этом С.А. Коновалов отсылает к мнению Арнольда Тойнби (Arnold Joseph Toynbe; 1889–1975), что «в случае Вильно, как и в случае Бессарабии, трудно избежать вывода о том, что союзные державы поставили себя в трудное правовое положение, передав третьей стороне бывшую русскую территорию, которой они не имели явного права распоряжаться»²³.

С.А. Коновалов полагал, что территориальные претензии к России были исторически инкорпорированы в польский общественно-политический дискурс: «Мечта об этой Ягеллонской империи оставалась путеводной звездой ведущих польских политиков, когда Польша в своем развитии пришла в упадок»²⁴ Однако он был далек от обеления российского империализма и признавал, что восточные границы Польши в 1667–1772 и 1921–1939 гг., равно как и западные границы Российской империи к 1914 г., не были этнографическими границами: «Они прорубались мечом и дипломатией – не самоопределением»²⁵».

С.А. Коновалов обратил внимание, что Польша уже в 1924 г. нарушила условия Рижского договора, статья 7 которого обеспечивала языковую и культурную автономию русских, белорусов и украинцев на польских территориях, что породило советскую ноту протеста 10 мая 1924 г. Он не забывал и о том, что Польша пыталась сформировать Балтийско-Черноморский блок, который вызывал огромное беспокойство советской стороны. В то же время в период с 1928 по 1932 гг. двухсторонние отношения начали улучшаться; в середине 1932 г. был заключен советско-польский пакт о ненападении. Но уже в январе 1934 г. Польша подписала пакт о ненападении с Берлином. В ноябре 1934 г. она отвергла односторонней декларацией договор о меньшинствах от 28 июня 1919 г., подписанный ею в Версале и подтвержденный Лигой Наций. С.А. Коновалов отмечает, что перед нараставшей германской угрозой СССР превратился в сторонника системы коллективной безопасности. Но предложение о Восточном Локарно 1934 г. не понравилось ни немцам, ни полякам. Позиция Польши выглядела двусмысленной. С.А. Коновалов снова осторожен в оценках и стремится лишь изложить общую канву событий. Он подчеркивает, что в марте 1938 г. произошло дипломатическое столкновение между Польшей и Советским Союзом из-за ультиматума, предъявленного Польшей Литве. Шесть месяцев спустя, в сентябре 1938 г., когда Чехословакия подверглась нападению Германии, поляки захватили Тешин, где чехов было больше, чем поляков. 23 сентября советское правительство официально предупредило временного поверенного в делах Польши в Москве, что в случае ввода польских войск на территорию Чехословакии правительство СССР расценит это как акт необоснованной агрессии и немедленно денонсируют советско-польский пакт о ненападении 1932 г. С.А. Коновалов, отнюдь не оправдывая действий СССР, критикует польский внешнеполитический авантюризм. Провал переговоров вокруг системы коллектив-

ной безопасности в Москве в августе 1939 г. он отчасти связывал с польской позицией – нежеланием разрешить проход Красной Армии через свою территорию. В то же время он не снимал вины с СССР в виду его стремления к экспансионизму в Восточной Европе.

События начала Второй мировой С.А. Коновалов излагал кратко, по сути, ограничившись фразой, что «в конце сентября половина Польши была в руках немцев, другая половина занята Красной Армией»²⁶. С.А. Коновалов, разумеется, не знал о секретной части советско-германского пакта о ненападении, а потому не имел представления об официальном перераспределении сфер влияния в регионе. Трагюя сложное и неоднозначное событие, он снова апеллировал к британскому общественно-политическому дискурсу и отсылал к книге Бернарда Пейрса (Sir Bernard Pares; 1867–1949), одного из главных британских специалистов по России. Тот, в 1940 г. писал, что полученные Советским Союзом территории не были собственно польскими. Если бы Германия завершила свой завоевательный поход, она бы аннексировала территории и население, которые были исторически, культурно, этнографически связаны с Россией²⁷. Таким образом, в сентябре 1939 г. СССР получил все территории к востоку от линии Кёрзона, а также Перемышль и Белостокский район. Виленский край был передан Литве. И хотя Восточная Галиция не входила прежде в пределы современного российского государства, баланс британских геополитических интересов не был нарушен. На помощь С.А. Коновалову приходит и мнение Уинстона Черчилля (Sir Winston Leonard Spencer-Churchill; 1874–1965), высказанное 1 октября 1939 г.: «Мы могли бы пожелать, чтобы русские армии стояли на нынешней линии как друзья и союзники Польши, а не как захватчики. Но то, что русские армии должны стоять на этой линии, было явно необходимым для безопасности России против нацистской угрозы»²⁸. Отсылает С.А. Коновалов и к речи лорда Галифакса в Палате лордов 26 октября 1939 г., когда британский политик публично напомнил о линии Кёрзона как оптимальной границе российско-польского размежевания. С.А. Коновалову хотелось показать, что в данном вопросе сходились воедино такие разные политики, как лорд Галифакс, самонадеянно веривший в возможность договориться с Германией, и Черчилль, отчетливо понимавший исходившую от нее угрозу.

Профессор подчеркнул, что советские власти поспешно организовали выборы на оккупированных территориях, ввели советскую экономическую систему. Он не закрывал глаза на начавшиеся репрессии, хотя и не располагал истинными данными об их механизме

и масштабах: «Количество депортаций вызывает споры, но оно было большим»²⁹. Польское правительство в изгнании выступало с протестом против этих выборов и объявило их противоречащими международному праву. И тут С.А. Коновалов напоминает читателю, что в 1921 г. польское правительство даже не предпринимало никаких попыток провести плебисциты в этих регионах.

С.А. Коновалов крайне осторожно оценивал возможности польско-советского примирения после начала Великой Отечественной войны. Этот период двухсторонних отношений он обрисовал лишь схематично. Так, он лишь упомянул о Катынском расстреле, отметив, что данный эпизод привел в итоге к разрыву дипломатических отношений между СССР и польским правительством в Лондоне. Профессор не вдавался в оценки этого трагического события, проявляя осторожность из-за отсутствия полной информации. Он ограничился размещением в приложении к книге советских и польских официальных документов: выдержки из заявления Совинформбюро от 15 апреля 1943 г., возлагавшей ответственность за расстрел на немцев, выдержки из заявления польского министра национальной обороны генерала М. Кукеля от 16 апреля 1943 г. и заявления польского правительства в изгнании от 17 апреля 1943 г., подчеркнувших вину СССР и потребовавших международного расследования, ноты советского правительства о разрыве дипломатических отношений с польским правительством в Лондоне от 26 апреля 1943 г., польского ответа на советскую ноту от 29 апреля 1943 г., ответа на вопросы И.В. Сталина британским и американским журналистам от 3 мая 1943 г., выводов специальной советской комиссии, расследовавшей обстоятельства расстрела пленных в Катынском лесу, заявления советского правительства от 1 января 1944 г.

Судьба Польши решалась в буквальном смысле на глазах профессора. В январе 1944 г. советское правительство повторило свое обещание восстановить сильную и независимую Польшу и выразило готовность заключить союз с ней против Германии. В качестве основы для будущей границы между двумя странами была предложена линия Кёрзона. Предполагалось в то же время, что западные границы Польши должны быть расширены путем включения в ее состав древних польских земель, которые следует отторгнуть у Германии. С.А. Коновалов осторожно соглашался с этим подходом, поскольку иначе невозможно было бы объединить весь польский народ в единое государство. И вновь профессор отсылал к У. Черчиллю, который 28 сентября 1944 г. заявил о неизбежности изменении поль-

ских границ: «Россия имеет право на нашу поддержку в этом вопросе, потому что только русские армии могут освободить Польшу от немецких когтей; и после того, как русский народ пострадал от рук Германии, он имеет право на безопасные границы и право иметь дружественного соседа на своем западном фланге»³⁰.

Подводя итог своему повествованию, С.А. Коновалов резюмирует: «В этом широком историческом обзоре русско-польских отношений с древнейших времен до весны 1944 года наша главная цель состояла в том, чтобы выявить и прояснить столетнюю фундаментальную проблему, стоящую на кону между двумя странами, – критическую проблему “западных земель”. Справедливое и окончательное решение этой проблемы должно решить все остальные, которые, по крайней мере по мнению редактора, более или менее вторичны и носят преходящий характер. Они требуют отдельного исследования, проводимого в другом масштабе, и, естественно, выходят за рамки этого краткого очерка»³¹. С.А. Коновалов оптимистичен. Он считает, что в жизненных интересах и Польши, и России, да и всей Европы, чтобы старая русско-польская вражда была улажена навсегда. Такое урегулирование между странами было бы лучше всего обеспечить границей, не оставлявшей повода для дискуссий.

Лондонское издание книги С.А. Коновалова и ее американское переиздание были довольно тепло встречены в Великобритании и США. Не будем забывать, что этот очерк истории российско-польских отношений был ориентирован не на русского читателя, а на англоязычного. Данное обстоятельство предопределило некоторое пренебрежение российской историографией в пользу англо-американской. Одновременно появление книги вызвало острое неприятие со стороны польских историков, находившихся в вынужденной эмиграции на Западе.

Одним из первых с критикой на нее обрушился профессор Оскар Халецкий (Oscar Halecki; 1891–1973), бывший в тот момент профессором Фордхэмского университета в США. В своей рецензии он назвал книгу русского ученого неоригинальной и компилятивной, в частности, упрекнул автора в реферативном изложении истории российско-польских отношений по книге оксфордского профессора Бенедикта Самнера (Benedict Humphrey Sumner; 1893–1951) «Краткая история России»³². С.А. Коновалов и этот труд, и его автора прекрасно знал. Упрек в реферативности и обширном цитировании, брошенный польским историком, отчасти верен. Впрочем, эта особенность конструирования текста вписывалась в авторский замысел, направ-

ленный не столько в академическое, сколько в научно-популярное русло. Тем более что русский профессор неизменно указывал источники своих интеллектуальных построений. О. Халецкий обвинял С.А. Коновалова в выборочном подходе к материалу, который, по его мнению, едва ли мог прояснить причины русско-польского конфликта. Ему казалось, что автор свел всю суть вековых противоречий между двумя странами к простому приграничному спору. Если же даже бегло обратиться к научному творчеству О. Халецкого, то легко увидеть попытки поиска им глубинных причин двухсторонней вражды. Правда, лежали они не столько в сфере науки, сколько в области неприкрытой русофобии. Он считал Восточную и Западную Европу единым духовным и культурным пространством и исключал из него Россию, видел в ней постоянную угрозу для европейской цивилизации. Подмечено, что для О. Халецкого Россия являлась «наследницей тоталитарной Азии» и «ее ценности несовместимы с ценностями его концепции Европы». В результате «две географические Европы определяются линией столкновений России и Запада, образуя восточную границу Европы и западную границу России»³³.

По мнению польского профессора, книга является неправильной и вводящей в заблуждение интерпретацией истории двухсторонних отношений. Он утверждал, что С.А. Коновалов превратно использовал исторические источники, увлекшись цитированием речей У. Черчилля и «антипольской статьи, опубликованной в лондонской “Times” в 1944 г., с целью обоснования британской политики». Такие пространные цитаты, с точки зрения рецензента, показывают, что «Британия встала на сторону Советской России, но вряд ли проясняют сам польско-российский конфликт»³⁴. Не нравилось О. Халецкому и то, что С.А. Коновалов совершенно проигнорировал сборники документов о советско-польских отношениях, опубликованные Польским информационным центром в Нью-Йорке и польским посольством в Вашингтоне³⁵. Польский историк настаивал, что С.А. Коновалов намеренно замалчивал некоторые факты, например германо-советский договор о дружбе и границе 28 сентября 1939 г. Но главный пункт обвинений польского историка в адрес русского профессора заключался в том, что в своей работе он подспудно оправдывал территориальные приращения СССР за счет Польши в начале Второй мировой войны, что признавал наиболее оптимальной границей между двумя странами линию Кёрзона³⁶. Уместно вспомнить тут, что О. Халецкий был одним из экспертов польской делегации на Парижской мирной конференции 1919–1920 гг. В этом

качестве он подготовил обращение к американским представителям, в котором стремился доказать необходимость расширения польских границ. Он апеллировал к мнению, что территории Литвы, Западной Белоруссии и Украины входили в состав Речи Посполитой до ее разделов в XVIII в. Ранее эти земли были присоединены не огнем и мечом, но добровольным союзом. Возвращение их в состав единой Польши будет означать исправление исторического преступления³⁷. Таким образом, взгляды О. Халецкого смыкались с воззрениями Ю. Пилсудского и его мечтой о Польше «от моря до моря». Своим взглядам он останется верным до конца жизни и будет последовательно проводить мысль об особом месте своей страны в истории Европы³⁸.

Другой видный польский ученый, литературовед Вацлав Ледницкий (Wacław Lednicki; 1891–1967) назвал работу С.А. Коновалова «памфлетом», служащим для обоснования нынешней советской политики по отношению к Польше³⁹. В. Ледницкий писал, что для него не может существовать никаких исторических, правовых и моральных оправданий расчленению Польши в 1939 г., поэтому он не принимает выводы С.А. Коновалова. Он говорил, что двухсотлетняя история двухсторонних отношений состоит «только из насилия и узурпации со стороны России», и что именно она за последние пять лет принесла его Родине «самые трагические испытания» из пережитых когда-либо⁴⁰.

В. Ледницкий убеждает читателей, что «в исторической части своего исследования г-н Коновалов демонстрирует заметную пристрастность к упрощению. Нет ни слова о реальной сущности и значении российского исторического развития или польской исторической эволюции»⁴¹. Его возмущали попытки С.А. Коновалова представить русских, украинцев и белорусов единым братским народом, подчеркнуть их культурное единство. И украинцы, и белорусы, в его понимании, ближе к Польше, чем к России. Он упрекал русского профессора в крайне поверхностном обзоре польской истории до разделов Речи Посполитой. В. Ледницкий утверждал, что С.А. Коновалов едва ли не намеренно не заметил существование в ней демократических политических механизмов (выборные короли и парламент) и просветительских институтов (университеты в Кракове, Вильно и Львове), то есть всего того, что, по мнению В. Ледницкого, отсутствовало в России. Налицо была явная попытка провести цивилизационный водораздел между странами. Потому В. Ледницкому так не нравятся утверждения С.А. Коновалова о симпатиях русских

к полякам. Он считает их не более чем «сентиментальной фразеологией» и сообщает читателю, что предпочитает «менее лицемерный цинизм»⁴². Доводы С.А. Коновалова являются в его глазах всего лишь набором «произвольных и догматических аргументов».

Особенно коробило польского ученого изложение событий Второй мировой войны. В. Ледницкий обвинял С.А. Коновалова в доверии советской пропаганде, рьяно протестовал против его взгляда на вынужденный характер советско-германских соглашений 1939 г. как необходимых для стратегической безопасности СССР. В. Ледницкий, как и О. Халецкий, категорически не хотел воспринимать линию Кёрзона оптимальной границей русско-польского размежевания, и, среди прочего, упрекал С.А. Коновалова в непонимании исторической принадлежности Львова. В глазах польского литературоведа этот город был своего рода сакральным местом, который был и должен быть только польским. Передача Львова в состав СССР видится ему преступлением против истории и этнографии⁴³.

Подытоживая свои выводы, В. Ледницкий удивлялся, как могли настолько сильно совпасть взгляды С.А. Коновалова – русского эмигранта и демократа, с позицией советской стороны. Он не брал в расчет того факта, что война привела к изменению взглядов многих русских эмигрантов, она заставила с особой остротой осознать себя русскими и понять, что Родина является высшей ценностью. Это отнюдь не означало примирения с СССР, но отражало веру в неизбежную эволюцию режима и попытку взглянуть на него под иным ракурсом.

С.А. Коновалов предпочел на критику польских ученых не отвечать, тем более, что выпады на его книгу соседствовали с вполне благожелательными и академически взвешенными отзывами⁴⁴. Профессор Университета Майами Фред Коттрел (Fred Cottrell; 1903–1979) иронично замечал, что действия Польши, когда она аннексировала территории за пределами своих этнографических границ, а затем ее «крик угнетения», когда эти земли были возвращены назад, достаточно ясно объясняют взгляды С.А. Коновалова. Правда, американский рецензент тут же оговаривается, что автор книги будет «атакован теми, для кого история оправдывает польскую позицию»⁴⁵. Вряд ли русский профессор предполагал, что его работа получит столь большую огласку в научном мире. Ни до, ни после выхода книги С.А. Коновалов не обращался к польской истории. Потому его работа может восприниматься лишь как частный эпизод большой научной биографии. Тем не менее она важна не только в контексте историографии российско-

польских связей, но в контексте метаморфоз идейных исканий российской эмиграции в годы Второй мировой войны. Показательно, что и О. Халецкий, и В. Ледницкий в своих рецензиях акцентировали внимание на том, что книга была подготовлена русским ученым, пусть и занимающим профессорскую должность в Великобритании. Потому его попытка дать обзор истории двухсторонних связей изначально обречена на неудачу. Складывается ощущение, что с точки зрения О. Халецкого и В. Ледницкого монополия на истину в освещении данного вопроса принадлежит исключительно польским ученым. Книга С.А. Коновалова расценивается ими как очередной вызов польской самобытности и польской государственности со стороны России. В своих рецензиях они не просто пытаются возложить на нее историческую ответственность за беды Польши, но желают продемонстрировать непреодолимую цивилизационную пропасть между двумя странами.

Обстоятельства написания книги были во многом связаны с размышлениями о судьбах сражающейся Родины, которой С.А. Коновалов искренне желал победы. В своей работе он предельно фактографичен. И все же сквозь текст его повествование прослеживается магистральная линия – понять эволюцию представлений о русско-польском пограничье. Разрешение давнего спора о границах воспринималось им как важный шаг для будущей нормализации жизни в послевоенной Европе. С.А. Коновалов отнюдь не обелял российскую и советскую политику в отношении Польши. Ему были чужды большевистские методы, дистанцировался он и от имперских управленческих практик. Потому в его работе мы не найдем панегириков ни царским администраторам, ни советским деятелям. С другой стороны, ему явно претил польский национализм, замешанный на отталкивании от всего русского. Отсюда критическое восприятие Ю. Пилсудского, читаемое даже сквозь осторожные оценки. Проблему границ С.А. Коновалов считал болезненной, порожденной политическим авантюризмом, непримиримой борьбой идеологий, катастрофическими последствиями распада империй и одновременно недалекновидностью Версальской системы. Преодоление недостатков было неизбежным, и поиск оптимальной российско-польской границы входил в число первоочередных задач. Важно обратить внимание и на то, что в своих построениях С.А. Коновалов не выходил за пределы британского политического и историографического дискурса, а это придавало легитимность его оценкам в глазах коллег. Не случайно в рецензии на книгу историк Макс Белофф (Max Bel-

off; 1913–1999) подчеркнул, что «по вопросу о восточной границе Польши британское мнение никогда не менялось»⁴⁶. Книга С.А. Коновалова появилась в тот исторический момент, когда она была чрезвычайно востребована. В годы Второй мировой войны острота «Польского вопроса» не спала, но приняла новые измерения. Факт общественной значимости поднимаемой проблемы обеспечил книге долгую жизнь и особое место в историографии.

¹ Russo-Polish relations: an historical survey / Ed. by S. Kononov. L., 1944. 90 p. (в дальнейшем в статье цитируется именно это издание).

² Russo-Polish relations: an historical survey / Ed. by S. Kononov. Princeton, N.J., 1945. 102 p.

³ Ковалев М.В. Оксфордский архив профессора С.А. Коновалова // Отечественные архивы. 2015. № 5. С. 58–71; Капустина М.А., Ковалев М.В. С.А. Коновалов и развитие советологических исследований в Великобритании в 1930-е годы // Русское наследие в современном мире. Россия и Британия: страницы общей истории. Лондон, 2018. С. 52–66.

⁴ Ковалев М.В. Профессор С.А. Коновалов и бирмингемские выставки русского искусства // Наука в музее: Материалы Всероссийской научной конференции. Саратов, 2018. С. 73–76.

⁵ Ковалев М.В. Документы по истории советско-британских научных связей в архивном собрании С.А. Коновалова в Оксфорде // Документальное наследие России: проблемы теории и практики. (К 100-летию государственной архивной службы России): Материалы Всероссийской научно-практической конференции. М., 2018. С. 110.

⁶ Ковалев М.В. Вторая мировая война глазами русских эмигрантов (по материалам оксфордского архива С. А. Коновалова) // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2018. Т. 9. Вып. 8 (72) [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <https://history.jes.su/s207987840002477-3-1/> (дата обращения: 23.09.2019). DOI: 10.18254/S0002477-3-1

⁷ Russel E.J. Sir John Maynard and His Studies of the Russian Peasant (12 July, 1865 – 6 December, 1943) // The Slavonic and East European Review. 1946. Vol. 24. № 63. P. 57.

⁸ The University of Oxford, Bodleian Library, Special Collections. Papers of Sergey Kononov. Box B 35.

⁹ The British Library. Archives and Manuscripts. Mss Eur F224. Papers of Sir John Maynard, Indian Civil Service, Punjab 1885–1927, and Lady Maynard.

¹⁰ The University of Oxford, Bodleian Library, Special Collections. Papers of Sergey Kononov. Box B 23.

¹¹ Russo-Polish relations: an historical survey. P. 6.

¹² The Cambridge History of Poland: From Augustus II to Pilsudski (1697–1935).

Cambridge, 1941.

¹³ A history of the Peace Conference of Paris / Ed. by *H.W.V. Temperley*. L., 1920–1924. Vol. 1–6.

¹⁴ Russo-Polish relations: an historical survey. P. 36.

¹⁵ The Times. 1944. 14 January.

¹⁶ Russo-Polish relations: an historical survey. P. 27, 30.

¹⁷ Война и Польша: Польский вопрос в русской и польской печати / Под ред. *Л.С. Козловского*. М., 1914. С. 82–83.

¹⁸ См. подробнее: *Волос М.* Польский вопрос в 1914 г. // Первая мировая война: взгляд спустя столетие. 1914 год: от мира к войне. М., 2015. С. 442–451.

¹⁹ The War and Democracy / Ed. by *R.W. Seton-Watson, J. Dover Wilson, A.E. Zimmern* and *Ar. Greenwood*. L., 1915.

²⁰ Russo-Polish relations: an historical survey. P. 31.

²¹ Ibid. P. 32.

²² См.: *Traité de Versailles 1919. Nancy – Paris – Strasbourg*, 1919. P. 55–56.

²³ *Toynbee A.J.* Survey of International Affairs, 1920–1923. Oxford, 1927. P. 256.

²⁴ Russo-Polish relations: an historical survey. P. 27.

²⁵ Ibid. P. 38.

²⁶ Ibid. P. 41.

²⁷ *Pares B.* Russia. L., 1940. P. 242.

²⁸ The Times. 1939. 2 October.

²⁹ Russo-Polish relations: an historical survey. P. 43.

³⁰ The parliamentary debates (Hansard). House of Lords official report. L., 1944. Vol. 403. P. 489–490.

³¹ Russo-Polish relations: an historical survey. P. 47.

³² *Sumner B.H.* A Short History of Russia. N.Y., 1943.

³³ *Островски К., Тюни Г.* Три политические культуры в Европе // Социологические исследования. 1998. № 2. С. 22.

³⁴ *Halecki O.* Russo-Polish Relations by S. Konovalov // Annals of the American Academy of Political and Social Science. 1945. Vol. 242. P. 178.

³⁵ О. Халецкий имел в виду следующие издания: Polish–Soviet relations, 1918–1943: documents. N.Y., 1943; Polish–Soviet relations, 1918–1943: official documents issued by the Polish embassy in Washington by authority of the government of the republic of Poland. Washington (D.C.), 1943.

³⁶ *Halecki O.* Russo-Polish Relations by S. Konovalov. P. 178.

³⁷ *Булахтин М.А.* Обращение польского историка Оскара Халецкого к американской общественности в 1919 году: из истории идейно-политической борьбы за восточные границы Польши // Вестник Прикамского социального института. 2017. № 3 (78). С. 123–127.

³⁸ *Halecki O.* The Limits and Divisions of European History. L., 1950.

³⁹ *Lednicki W.* Russo-Polish Relations: An Historical Survey by S. Konovalov // American Slavic and East European Review. 1945. Vol. 4. № ¾. P. 207.

⁴⁰ Ibid.

⁴¹ Ibid. P. 208.

⁴² Ibid.

⁴³ Ibid. P. 209–210.

⁴⁴ *Beloff M.* Russo-Polish Relations. An Historical Survey. by Serge Kononov // *International Affairs*. 1945. Vol. 21. № 3. P. 420; *D.A.* Russo-Polish Relations by Serge Kononov // *Blackfriars*. 1945. Vol. 26. № 306. P. 355; *Cottrell W.F.* Russo-Polish Relations // *The Journal of Politics*. 1945. Vol. 7. № 4. P. 451–452; *Karpovich M.* Russo-Polish Relations: An Historical Survey by S. Kononov; *Soviet Far-Eastern Policy, 1931–1945* by Harriet L. Moore; *Russia and the Western World: The Place of the Soviet Union in the Comity of Nations* by Max L. Laserson // *The Russian Review*. 1946. Vol. 5. № 2. P. 102–103; *W.J.R.* Russo-Polish Relations by Serge Kononov // *The Slavonic and East European Review*. 1946. Vol. 24. № 63. P. 241.

⁴⁵ *Cottrell W.F.* Op. cit. P. 452.

⁴⁶ *Beloff M.* Op. cit. P. 420.

Бондарь Л. Д.

200-летний юбилей Российской академии наук и делегация чехословацких ученых: дискуссия в переписке академика Е. Ф. Карского с Й. Поливкой

Аннотация: Среди иностранных гостей, приглашенных на празднование 200-летнего юбилея Российской академии наук в сентября 1925 г., были чехословацкие ученые Й. Поливка и М. Мурко. Однако формирование состава чехословацкой делегации проходило на родине приглашенных гостей в дискуссионной обстановке, при столкновении интересов политических и научных кругов. Информацию об этом мы находим в переписке Е. Ф. Карского и Й. Поливки в течение лета 1925 г.

Ключевые слова: 200-летний юбилей Российской академии наук, чехословацкая делегация, Е. Ф. Карский, Й. Поливка, М. Мурко.

Bondar L.D.

The 200th anniversary of the Russian Academy of Sciences and the delegation of Czechoslovak scientists: discussion in correspondence between academician E. F. Karsky and Y. Polivka

Abstract: There were Czechoslovakian scientists, J. Polivka and M. Murko, among the foreign guests invited to the celebration of the 200th anniversary of the Russian Academy of Sciences in September 1925. The formation of the Czechoslovakian delegation took place in the homeland of the invited guests in a discussion atmosphere, when the interests of political and scientific circles collided. Information about this we find in the correspondence of E. F. Karsky and J. Polivka during the summer of 1925.

Keywords: 200th anniversary of the Russian Academy of Sciences, Czechoslovakian delegation, E. F. Karsky, J. Polivka, M. Murko.

Академический 1925-й год, когда Российская академия наук сменила свое название на «Академия наук СССР»¹, был отмечен, как хорошо известно, торжествами, посвященными 200-летию юбилею этого научного института.

Подготовительная работа к юбилею была начата еще в 1917 г. созданием Комиссии по двухсотлетнему юбилею Российской академии наук, а на Общем собрании АН 16/3 февраля 1918 г. в состав комиссии от Отделения русского языка и словесности (ОРЯС) избраны председатель отделения, академик Алексей Александрович Шахматов (1964–1920) и недавно избранный академик Евфимий Федорович Карский (1860–1931)².

В 1922 г. вопрос юбилея рассматривался на государственном

уровне. В этот год, после доклада вице-президента АН Владимира Андреевича Стеклова (1864–1926) на заседании Особого временного комитета науки при Совете народных комиссаров³, было принято решение «образовать для подготовки празднования этого юбилея комиссию в составе двух представителей Академии, заместителя председателя Петроградского губисполкома Б. П. Позерна и заведующего Петроградским управлением научных учреждений М. П. Кристи». От АН в эту комиссию вошли В. А. Стеклов и непреременный секретарь Сергей Федорович Ольденбург (1863–1934). Внутри АН была создана новая Подготовительная комиссия в составе академиков В. А. Стеклова, Е. Ф. Карского и А. Е. Ферсмана, обязанность секретаря комиссии исполнял управляющий делами Конференции Г. П. Блок⁴.

В сам юбилейный год появилась новая структура при Президиуме АН – предварительный комитет по подготовке и проведению юбилейных торжеств, называвшийся впоследствии Юбилейным комитетом. Председателем его стал президент АН Александр Петрович Карпинский (1847–1936), в состав вошли вице-президент В. А. Стеклов, непреременный секретарь С. Ф. Ольденбург, в качестве представителя ОРЯС – Е. Ф. Карский, а также академики-секретари А. Е. Ферсман и И. Ю. Крачковский, управляющий делами Конференции Б. Н. Моласа и управляющий делами Правления Д. Н. Халтурин, обязанность секретаря комиссии исполнял помощник управляющего делами Конференции Г. Н. Соколовский⁵.

Так, вне зависимости от названий и составов юбилейных комиссий академик Е. Ф. Карский оставался в их числе с начала 1918 г. Летом 1925 г. программа юбилейных торжеств была сформирована, а перечень официальных мероприятий имелся, в частности, в циркулярном письме за подписью А. П. Карпинского, разосланном в августе 1925 г. во все академические учреждения. Официальные мероприятия были назначены на начало сентября: 5 сентября – вечерний прием (для приглашенных делегаций и отдельных представителей академических учреждений), 6 сентября – торжественное заседание АН с приглашением всех ее служащих, 7 и 9 сентября – спектакли в Государственном театре оперы и балета также для всех служащих АН, 7 сентября – ознакомительный визит прибывших делегаций в академические учреждения⁶.

Предполагалось направление пригласительных билетов для участия в юбилейных торжествах работникам учреждений АН. Именной пригласительный билет от 19 августа 1925 г. за подписью

А. П. Карпинского на официальные торжества получила также супруга Е. Ф. Карского, его верная спутница и надежная помощница София Николаевна Карская (в девичестве Сцепуржинская; 1867–1946): «Препровождая при сем пригласительный билет и программу юбилейных торжеств Академии наук, обращаюсь к Вам, по поручению Юбилейного комитета при Президиуме Академии наук, с просьбой не отказать принять участие в этих торжествах и оказать содействие комитету при приеме многочисленных иностранных и союзных гостей, которые соберутся в Академии наук 5 сентября с/г. Юбилейный комитет позволяет себе надеяться на Вашу любезную помощь на этом приеме, заранее принося Вам за нее свою признательность»⁸.

В числе упоминаемых в документе иностранных гостей была делегация из Чехословакии. Сам Е. Ф. Карский со времен своей работы в качестве главного редактора «Русского филологического вестника» (с 1905 г. и до завершения функционирования журнала в 1917 гг.) состоял в тесных и живых научных контактах с ведущими чешскими славистами – Йиржи Поливкой (Jiří Polívka; 1858–1933), Матиашем Мурко (Matija Murko; 1861–1952)⁹, Вацлавом Вондраком (Václav Vondrák; 1859–1925). С российской наукой этих ученых связывали прочные узы: Й. Поливка в 1901 г. был избран членом-корреспондентом Императорской Санкт-Петербургской академии наук, в 1905 г. – членом-корреспондентом Русского географического общества; М. Мурко стал членом-корреспондентом Российской академии наук в 1924 г. В свою очередь, Е. Ф. Карский был принят в Королевское чешское научное общество, что состоялось, однако, несколько позднее – в начале 1929 г.¹⁰

Особо близкие отношения на уровне семейной дружбы связывали Е. Ф. Карского с Й. Поливкой. Об этом свидетельствует сохранившаяся переписка между этими двумя учеными, имеющаяся в двух архивных фондах: в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН (СПбФ АРАН)¹¹ и в Литературном архиве Музея национальной письменности в Праге (LA PNP – Literární archiv Památníku národního písemnictví)¹². Именно эта переписка за летние месяцы 1925 гг. освещает дискуссионную историю формирования чехословацкой делегации для участия в юбилейных торжествах АН.

Эпистолярное общение между этими двумя учеными началось, судя по сохранившейся переписке, в 1901 г., а в 1909 г. состоялось и их личное знакомство во время пребывания Й. Поливки в Варшаве, где в то время Е. Ф. Карский состоял ректором Императорского Вар-

шавского университета и где находилась редакция возглавляемого им журнала «Русский филологический вестник». Оживившееся с этого времени эпистолярное общение было по понятным причинам прервано накануне Первой мировой войны и активно возобновилось (равно как и оживленный книгообмен между учеными) после 1919 г.¹³

Очередную возможность личного общения и упрочения научных и дружеских уз ученые получили в 1924 г., когда в качестве главы оргкомитета I Съезда славянских географов и этнографов, проводившегося в июне 1924 г. в Праге, Й. Поливка пригласил Е. Ф. Карского принять участие в этом научном мероприятии, и последний вместе с супругой посетил Прагу и был гостем в доме чешского коллеги¹⁴.

В 1925 г. Й. Поливка получил, в свою очередь, официальное приглашение к участию в юбилейных торжествах 200-летия Российской академии наук. В письме к чешскому коллеге от 22 июня 1925 г. Е. Ф. Карский пишет: «Мы готовимся к нашему академическому юбилею и ждем сюда наших дорогих гостей. Надеюсь, что Вы уже получили наше приглашение. Мой кабинет может быть предоставлен в полное Ваше распоряжение. А, если захотите большего комфорта, то, кажется, город предоставит в распоряжение приезжих бесплатно н[оме]ра “Европейской” гостиницы»¹⁵.

Из незамедлительно последовавшего ответного письма Й. Поливки (29 июня 1925 г.) узнаем, что выбор его в качестве официального делегата от научных кругов Чехословакии был сделан Чешской академией наук и искусств, действительным членом которой Й. Поливка состоял с 1908 г. (член-корреспондент – с 1891 г.), и что в качестве второго делегата, представлявшего университетскую науку, стал будущий корреспондент Е. Ф. Карского М. Мурко. Поначалу Й. Поливка не был до конца уверен в осуществимости этой поездки; он пишет: «Очень бы я был счастлив, если бы мог повидать давних, незабвенных друзей и коллег и познакомиться с новыми деятелями науки нашей и поближе узнать ученые труды Академий, университетов и др. Хотя немало боюсь, что весь этот длинный путь и все эти празднества будут мне не по силам. До этого пути поеду еще на воды, хочу немного полечить именно глаза, итак, поедем в австрийские Альпы. К концу августа возвратимся и после того, надеюсь, успеем еще приготовить на путь». Й. Поливка находился в нерешительности и относительно приглашения Е. Ф. Карского быть в Ленинграде гостем в его доме: «Покорнейше благодарю Вас за Ваше гостеприимство. Но, право, не знаю. С одной стороны, было бы приятно остановиться на частной квартире – особенно при Ваших обстоятельствах, думаю,

приятнее жить в частном доме, – с другой стороны, м[ожет] б[ыть], было бы лучше, если бы мы оба, [М.] Мурко и я, жили бы, по возможности, вместе, чтобы могли постоянно совещаться. Надо будет каждое слово и каждый шаг очень и очень обдумывать!»¹⁶

Новые тревоги со стороны чешского ученого появляются в письме от 9 июля 1925 г., и именно из него мы получаем первую информацию о дискуссионной ситуации в Праге в связи с составом чехословацкой делегации в Ленинград. Й. Поливка, сообщая о создании в Праге общества для изучения «новой» России, дает характеристику его председателю – университетскому профессору, историку, будущему члену-корреспонденту АН СССР (1947) Зденку Неэдлму (*Zdeněk Nejedlý*; 1878–1962): «Это человек, известный своими обширными трудами по истории гуситского пения, о Б. Сметане и другими многочисленными сочинениями. Но в то же время это очень непокорный дух. Он активно занимается политикой <...>. Его громадные амбиции все растут и растут. В научных кругах он пользуется бесспорным уважением – он является действительным членом Королевского чешского научного общества, членом-корреспондентом Чешской академии наук и искусств, но этого ему не достаточно. Он все активнее участвует в общественной жизни, правда, на крайнем левом крыле, как дух принципиально оппозиционный. Итак, сегодня он довольно тесно примыкает к коммунистам. Потому и был избран председателем упомянутого нового общества по изучению новой России. Он был также председателем выставки советской прессы, которая состоялась весной этого года в Праге»¹⁷.

За представлением этого ученого и общественного деятеля последовала информация Й. Полибки: «Сейчас З. Неэдлы был призван от имени вашего Юбилейного комитета¹⁸ привлечь наиболее выдающихся членов наших литературных и художественных кругов к участию в юбилейных торжествах вашей академии. Как мне стало известно, это предприятие не увенчалось успехом. Многие, приглашенные им, поняли его собственные намерения, а потому отказались. Последнее – лишь к слову. Бесспорно, что профессор З. Неэдлы, при своей близости к вашим нынешним официальным кругам, будет находиться на привилегированном положении на ваших юбилейных торжествах. Между тем русским языком он не владеет, но при его энергии и красноречии – у него большой ораторский опыт, он очень часто выступает на различных публичных мероприятиях – для него это не будет особой помехой».

И далее в письме – объяснение причины беспокойства академи-

ческого ученого: «Но рядом с ним положение официальных делегатов нашей академии и университета оказывается очень непростым! При существующих обстоятельствах этим делегатам будет очень сложно выступать и говорить открыто, как это принято на различных банкетах, которые организуются на таких торжествах. Мы вынуждены будем ограничиваться совершенно бесцветными, невинными речами <...>. Мы, возможно, не осмелимся даже ответить на какие-либо неверные, по нашему мнению, слова нашего пражского коллеги! Это очень важно и сильно неприятно. <...> Я пишу Вам все это, чтобы заранее предупредить Вас и ваши академические круги». Завершает же свое обращение чешский ученый убежденностью: «Но я полагаю, что представитель какого-то общества не может быть поставлен в один ряд с делегатами академий наук и университетов!»¹⁹

Е. Ф. Карский отвечает без промедления (18 июля 1925 г.) и, выражая радость по поводу прибытия в качестве делегатов Й. Поливки и М. Мурко, а также надежду на возможность оказания гостеприимства чешскому ученому («Мы с женой не теряем надежды видеть Вас у себя»), российский академик отвечает и на тревогу чешского коллеги относительно возможного столкновения политических и научных сфер: «Ваше письмо на счет [З.] Неедлого я доложил в юбилейную комиссию. Будут приняты всякие меры к избежанию возможных нетактичностей. Несомненно, все преимущества будут представлены представителям академий и университетов. Предполагается, что у нас будет чисто академическое торжество, а не политическое»²⁰.

Опережая ответ своего корреспондента, Й. Поливка, находившийся уже на лечении в австрийских Альпах, в Бад-Халле, отправляет 20 июля 1925 г. Е. Ф. Карскому письмо с дополнительной информацией по тревожащему его вопросу: «<...> Председатель этого общества Зд[енек] Неедлый, профессор нашего факультета, уже от себя приглашает лиц от разных наших культурных обществ и институтов. Именно вчера я слышал от главного режиссера Народного дивадла²¹, который здесь лечится, что выбраны два члена Народного дивадла». И далее – очередные опасения академического ученого: «Не мое, конечно, дело рассуждать о том, что литературные и др[угие] общества, что театр и т.д. имеют общего с празднеством науки. Но я бы был Вам весьма благодарен, если б мне сообщили, кем эти лица были приглашены!

Наша Академия и университет приготовят свои поздравитель-

ные адреса. В них речь идет исключительно о науке и о сношениях русской науки и Академии наук с чешской наукой. Никаких, конечно, намеков на современные обстоятельства! И надеюсь, что никто не будет ими обижен...

Я почти не выхожу из опасений, боюсь всех возможных неприятностей и, конечно, был бы очень счастлив, если бы могли меня уверить, что мои опасения излишние...»²².

Вопрос разрешился в самом скором времени. Уже 26 июля 1925 г. Е. Ф. Карский пишет чешскому коллеге²³: «Из двух писем (моего и [С. Ф.] Ольденбурга), которые посланы на Вашу пражскую квартиру, Вы увидите, что вопрос с [З.] Неэдлым уже ликвидирован полностью: ему РАН не давала никаких поручений. К удивлению, до сих пор от него не получено даже извещения о его приезде. Выступить с речами у нас на торжествах ему не придется».

Таков был академический вердикт в дискуссии между политическими и научными кругами.

Для полноты истории участия чешских делегатов в юбилейных торжествах необходимо привести дальнейшие сведения, почерпнутые из переписки Е. Ф. Карского и Й. Поливки. Й. Поливка и М. Мурко отправились 28 августа вечером из Праги в Ленинград через Гельсингфорс в сопровождении финского коллеги-слависта Иосифа Юлиуса Микколы (*Jooseppi Julius Mikkola*; 1866–1946). В Ленинград они должны были прибыть 4 сентября 1925 г.²⁴ Судя по упоминаниям в письмах, Й. Поливка все же принял приглашение российского академика быть гостем в его доме²⁵. Однако в Прагу делегаты вернулись в разное время. Прибыв из Ленинграда в Москву, Й. Поливка тяжело заболел и был фактически прикован к постели. В середине сентября к нему приехала его супруга – Анна Францевна²⁶. Разрешение встать с постели он получил от лечащего врача лишь 19 декабря 1925 г.²⁷ и только 22 января 1926 г. смог покинуть Москву²⁸. «От Москвы, – пишет чешский ученый, – у меня нет никаких впечатлений, поскольку почти пять месяцев я был заключен в стенах нашего представительства»²⁹.

Что касается второго чешского делегата, М. Мурко, то со времени его возвращения в Прагу у Е. Ф. Карского установилось с ним эпистолярное общение, в том числе по вопросам публикации в научном журнале Славянского института «*Slavia*», редактором которого состоял М. Мурко. Это общение прослеживается в письмах обоих корреспондентов, сохранившихся в СПбФ АРАН и Литературном архиве Музея национальной письменности, вплоть до конца февраля 1928 г.³⁰

¹ Далее будет использовано сокращение – *АН*.

² Протокол № IV от 16/3 февраля 1918 г., § 45: Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (СПбФ АРАН). Ф. 1. Оп. 1. Д. 240. Л. 15 об. На том же заседании от физико-математического отделения были выбраны академики В.И. Вернадский и В.А. Стеклов, от историко-филологического – академики А.С. Лаппо-Данилевский и В.В. Баргольд.

³ Этот комитет был создан в 1922 г. и существовал до 1924 г.

⁴ Протокол заседания Общего собрания АН № XII от 22 декабря 1922 г., § 219: СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 244. Л. 63.

⁵ Протокол заседания Общего собрания РАН № V от 13 мая 1925 г., § 67: СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 247. Л. 20.

⁶ СПбФ АРАН. Ф. 74. Оп. 1. Д. 23. Л. 7.

⁷ *Бондарь Л. Д.* Муза ученого: супруга академика Е.Ф. Карского (1860–1931) Софья Николаевна Карская // Прогресс России. Женский аспект: сборник научных статей и документов / отв. ред.-сост. И.А. Урмина, Н.М. Осипова. М.: Архив РАН, 2018. С. 188–200.

⁸ СПбФ АРАН. Ф. 292. Оп. 2. Д. 174. Л. 1.

⁹ Словенский филолог М. Мурко с 1920 г. работал в Карловом университете в Праге, где и проживал до конца своей жизни.

¹⁰ *Бондарь Л. Д.* Академик Е. Ф. Карский и его членство в научных обществах (по материалам Санкт-Петербургского филиала Архива РАН) // Диалог культур – 2010: наука в обществе знания: Сборник научных трудов международной научно-практической конференции. СПб., 2010. С. 354–359 (То же на англ. яз.: *Bondar L. D. Academician E. F. Karsky and his membership in academic societies (on the materials of St.Petersburg Branch of the Archives of RAS) // Dialogue of Cultures – 2010: Science in Knowledge Society: Collection of scientific papers of International scientific-practical conference. SPb., 2010. P. 300–305).*

¹¹ 26 писем Й. Поливки к Е. Ф. Карскому за 1901–1929 гг.

¹² 22 письма Е. Ф. Карского к Й. Поливке за 1903–1929 гг., а также два письма С. Н. Карской к чешскому ученому за 1927 и 1931 гг.

¹³ Особенное оживление контактов наступило в 1923 г.; до этого одно послевоенное письмо из сохранившейся переписки было отправлено Е. Ф. Карским в 1919 г., во время его вынужденно затянувшегося пребывания в Минске (см. об этом: *Бондарь Л. Д.* Зарубежная командировка академика Е. Ф. Карского 1918–1920 гг.: результат научной мобильности и специфика научных связей в годы интервенции // Наука и техника: вопросы истории и теории. Материалы XXXIX Международной годичной научной конференции Санкт-Петербургского отделения Российского национального комитета по истории и философии науки и техники РАН «Международные сети как фактор интеграции научного сообщества» (12–16 ноября 2018 г.). Выпуск XXXIV. СПб., 2018. С. 74–75), со стороны Й. Поливки было написано одно письмо в 1921 г.

¹⁴ СПбФ АРАН. Ф. 292. Оп. 2. Д. 114. Л. 16–17 об., 18–18 об., 37–37 об.; Literární archiv Památníku národního písemnictví. Praha (LA PBP Praha). Poz. Polívka J. Karskij, Evfimij Feodorovič, I.

¹⁵ LA PBP Praha. Poz. Polívka J. Karskij, Evfimij Feodorovič, I.

¹⁶ СПбФ АРАН. Ф. 292. Оп. 2. Д. 114. Л. 19–20.

¹⁷ Там же. Л. 21–22.

¹⁸ Позднее Ё. Поливка уточнял, что ему не известно, кем именно был приглашен этот делегат: СПбФ АРАН. Ф. 292. Оп. 2. Д. 114. Л. 23.

¹⁹ Цитируемое письмо написано по-чешски; перевод Л. Д. Бондарь.

²⁰ LA PBP Praha. Poz. Polívka J. Karskij, Evfimij Feodorovič, I.

²¹ Národní divadlo v Praze – Пражский национальный театр, оперный и драматический театр в Праге; сегодня – крупнейший в Чехии.

²² СПбФ АРАН. Ф. 292. Оп. 2. Д. 114. Л. 23–24 об.

²³ LA PBP Praha. Poz. Polívka J. Karskij, Evfimij Feodorovič, I.

²⁴ СПбФ АРАН. Ф. 292. Оп. 2. Д. 114. Л. 27.

²⁵ СПбФ АРАН. Ф. 292. Оп. 2. Д. 114. Л. 9; LA PBP Praha. Poz. Polívka J. Karskij, Evfimij Feodorovič, I (письмо от 19 сентября 1925 г.).

²⁶ СПбФ АРАН. Ф. 292. Оп. 2. Д. 114. Л. 28.

²⁷ Там же. Л. 29.

²⁸ Там же. Л. 8.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же. Д. 96; LA PBP Praha. Poz. Murko M. Karskij, Evfimij Feodorovič; Ibid. Poz. Slavie. Karskij E.

Секция 2.

**Документальное
источниковедение**

Шпирко С.В.

Дискуссионные проблемы изучения древнерусского произведения «Предсловие Покаянию» в отечественной историографии

Аннотация: «Предсловие покаянию» – древнерусское каноническое сочинение, предписывающее отношения, в которых должны находиться мирянин, приходящий на покаяние, и его духовный отец. Памятник сохранился в ряде русских списков, старшие из которых относятся к концу XIV – началу XV века и оставил заметный след в древнерусской книжности. В настоящей статье автор выделяет этапы изучения этого памятника, приводит его источники как греческого, так и русского происхождения. Привлечение к рассмотрению одного из них дает возможность очертить более точно период составления «Предисловия покаянию».

Ключевые слова: текстология, классификация, список, датировка, канонический текст

Shpirko S. V.

Debatable problems of studying the old Russian work “the Preface to Repentance” in Russian historiography

Abstract: «Predslovie Pokayaniyu» is an old Russian canonical text in which relations were prescribed, in which there should be a penitent and his confessor. The text has been preserved in a number of Russian copies, the oldest of which date back to the late 14th - early 15th centuries, and left a noticeable mark in Old Russian literature. In this paper, the author identifies the stages of study of this text, gives its sources of both Greek and Russian origin. Bringing one of them to consideration makes it possible to indicate more precisely the time for the preparation of the «Predslovie Pokayaniyu».

Keywords: textology, classification, copy, dating, canonical text

I. Этапы изучения «Предисловия покаянию»

«Предсловие покаянию» (далее «Предсловие») является одним из интереснейших памятников древнерусской письменности. Созданное в домонгольскую эпоху, «Предсловие» было одним из первых произведений, в котором «русская церковь начала воспитывать в нравственных, гуманных идеалах древнерусское общество, взывая к совести новопросвещенного народа».¹

Будучи связанным как с канонической, так и с проповеднической литературой, «Предсловие» разъясняет какими качествами должен обладать духовник и кающийся, дает советы священнослужителям

как принимать на исповедь, осуждает пороки того времени – пьянство, несправедливое обогащение, резвоимство, мздоимство, невежество. Особенное возмущение автора «Предсловия» вызывает «изгойство» – торговля подневольными людьми как товаром.

«Предсловие» – яркое, самобытное и цельное произведение, в котором отражаются многие реалии древнерусской жизни. Оно было сочувственно встречено в древнерусской литературе: отрывки и парафразы из него прочно вошли во многие ее жанры. Так, в одной рукописи XV века, в толкованиях на «Отче наш», вслед за исчислением грехов, говорится об изгойстве: «Всего же есть горее изгойство взимати, иже взимающии не отдадут опять темже».² В другой рукописи, XVII века, отрывок из «Предсловия» присоединен к последним вопросам Кирика Новгородца: «аще кто челядь продаст, да елико на нем давше, толико и взяти, аще ли лише, то обретається наклады емлетъ и прасоль живыми душами. с нимже на судище пред Богомъ стати...».³ Другой его отрывок приводится в древнерусском поучении под заглавием «Слово святого Иоанна Златоустого о лживых учителях»: «Невѣдѣнии бо и съгрѣшения злѣе есть: съгрѣшившеи бо истиннѣ кающесея, спасаются; а несмыслении, заблудивше в писании книжнѣм, не имущи трезва и здрава ума, в ересь впадающе, погыбают».⁴ В том же поучении его автор, доказывая необходимость «книжного ученья», говорит: «разгнувше (книги) обрящем в них пути святому начало: святых отец учение в предсловии чистаго учения и покаяния... Аще ли кто и свят учение, а по такому пути не потечет, емуже начало предсловие покаянию, отыметсея от него святость и дасться тому иже кто по тому пути потечет, восприим предсловие покаянию».⁵

Включалось «Предсловие» и в Кормчии. Важность этого произведения не только для восточных славян, но и для южных славян подтверждается его включением в болгарский сборник XIV века.⁶ Попал этот памятник и в рукописные списки «Зинара» XVII века, а из него в старобрядческие печатные издания «Зинара» XVIII века с характерной пометой «Почуение иереом zelo красно». О высоком каноническом статусе «Предсловия» свидетельствует включение отрывков из него в Требник (предисповідную часть чинопоследования).⁷

Интересно, что ни Н.В. Калачов, ни Ф.И. Буслаев⁸, ни А.Х. Востоков⁹, указывая в рукописях на примечательное место об изгойстве, никак не связывали его с «Предсловием покаянию». Первым это сделал И.А. Чистович в 1857 году, указавший на поучение, называвшееся «Правила святых отец соборных всея вселенныя» и содержавшее «замечательные слова об изгойстве».¹⁰ Первая публикация этого памятника была осуществлена в 1860 году¹¹ по двум спискам конца XV

– начала XVI веков из библиотеки Соловецкого монастыря.¹² Автором ее, по-видимому, является А.П. Щапов, работавший в то время в «Православном собеседнике» и цитировавший отрывки из «Предсловия» в одной своей работе.¹³

Таким образом, 1860 год знаменует собой начало первого этапа изучения «Предсловия» – отыскание и издание новых списков этого произведения. Во многом этот этап связан с деятельностью И.И. Срезневского. Считая место об «изгойстве» в Словаре А.Х. Востокова очень важным, И.И. Срезневский начинает разыскивать его в рукописях, пользуясь помощью общих знакомых. Можно полагать, что на «Предсловие» ему указал И.А. Чистович, поскольку И.И. Срезневский издает этот памятник по тексту, выписка из которого приведена у И.А. Чистовича (т.н. Дубенский список).¹⁴ Почти все списки И.И. Срезневского относятся к XV–XVI векам. Лишь один из них – т.н. Паисиевский – относится к концу XIV – началу XV века.¹⁵ Ознакомившись с новым памятником, И.И. Срезневский в 1874 году издает «Предсловие» по двум его основным спискам – Дубенскому и Паисиевскому. И.И. Срезневскому был известен и старший список «Предсловия», принадлежавший графу Мусину-Пушкину, который ученый датировал 1350 годом¹⁶. Однако по неизвестным причинам И.И. Срезневский опубликовал из него лишь отрывок, связанный с понятием изгойства, не приводя нигде других сведений об этом списке. Так что в настоящее время этот список следует считать утраченным.

В 1880 году А.С. Павлов издает «Предсловие»¹⁷ по списку XV века из собрания Новгородской Софийской библиотеки.¹⁸ В 2013 году этот текст был переиздан вместе с полным изданием Софийского сборника.¹⁹ В 1886 году В.М. Изергиным был отыскан новый список «Предсловия» в сборнике конца XIV века (т.н. «Трифоновский»).²⁰ Им же было проведено группирование текстов списков, коих насчитывалось к тому времени семь, что обозначило начало нового этапа изучения памятника – этап классификации.

Дальнейшее изучение и разыскание новых рукописей «Предсловия» было прервано Октябрьской революцией и возобновилось лишь в конце XX века усилиями современной исследовательницы Г.С. Баранковой. К настоящему времени число имеющихся списков «Предсловия» составляет свыше 30 списков (часть из которых уже опубликована²¹), и их число еще далее пополняется. Так, непосредственно перед выходом настоящей статьи С.В. Шпирко в рукописном фонде Кирилло-Белозерского музея-заповедника был разыскан еще один список «Предсловия» из сборника «от Никоновых правил», датированный началом XV века.²² Как указывают все исследователи

этого сборника, его создание вполне можно приписать самому Кириллу Белозерскому.²³

Имеющееся в наличии набор списков позволяет проводить более содержательную их классификацию. Так, Г.С. Баранковой на основе языкового и текстологического анализа была осуществлена классификация 28 списков памятника²⁴. Применение количественных математических методов в текстологических исследованиях открывает новые возможности как в плане обработки большого объема текстов, так и в плане проведения независимой верификации традиционного анализа. В рамках этого междисциплинарного подхода С.В. Шпирко была разработана новая методология и предложен алгоритм, основанные на идее привлечения понятий и принципов теории нечетких множеств. На основе предложенного алгоритма автором настоящей статьи была построена программа нечеткой генеалогической классификации.²⁵ Проведенная нечеткая классификация текстов списков «Предсловия» позволила проверить ряд гипотез, в частности, с заданной степенью достоверности уточнить состав текстологически близких групп, выявить неявные связи между ними.

II. Источники «Предсловия покаянию»

Как уже отмечалось, «Предсловие покаянию» – оригинальное древнерусское произведение. Однако можно указать целый ряд источников этого памятника, как греческих, так и древнерусских. Так, В.М. Изергин в качестве основного такого источника выделяет Номоканон Иоанна Постника, являвшийся руководством для духовников при совершении исповеди и наложении епитимии на кающихся. Этот Номоканон имел весьма широкое хождение по крайней мере с X века не только в греческой, но и в других православных церквях. Как полагал А.Х. Востоков, на древнеболгарский язык Номоканон Постника был переведен св. Мефодием или его учениками, и старший список этого перевода находится в составе Устюжской (XIII век) и Иосафовской Кормчих. В первой половине XII века этот Номоканон был известен и на Руси. В частности, на него ссылается в своих Вопросаниях уже упоминавшийся выше Кирик Новгородец.²⁶

На этот же Номоканон ссылается автор «Предсловия», когда пишет в самом конце: «прочее же все указанье указать Иоанн мних – ученик святого Василия». Далее, фраза «по силе а не чрез силу» в «Предсловии» явно перекликается с отрывком из того же Номоканона: «Епитимии даются по силе и произволению принимающего их, а не по мере его грехов».²⁷ Аналогичные рассуждения можно встретить и у других отцов Церкви. Так, Иоанн Златоуст говорит, что «не

по времени судится покаяние, а по расположению души». Тому же учит Василий Великий: «мы не по времени судим о сем, но взираем на образ покаяния».²⁸

Большое совпадение можно найти у «Предсловия» с отрывком из сочинения Анастасия Синаита, патриарха Антиохийского. Вопрос и ответ Анастасия Синаита сохранился и в одной из древнейших древнерусских рукописей – «Изборнике Святослава» 1073 года. Также этот отрывок повторяется у одного из греческих канонистов XI века Петра Хартофилакса.²⁹

Таблица 1

<p>Предисловие покаянию*</p>	<p>О покаянии бо рече въпросникъ – добро ли исповѣдати грѣхы к духовнымъ отцемъ – отвѣтникъ рече – еи добро чадо и полезно нъ не безъ искоуса соущимъ. Боудеть бо попинъ гроубъ ли невѣжа ли пьяница ли гордь. Так бо соущъ попь прѣбодьника та и нерадива и лѣнива и ослаблена тя створит... Аще ли обрящещи моужа духовна и разумна то безъ сѣмоута исповѣжься سموу не яко къ человеку нъ яко къ Богу</p>
<p>Анастасий Синаит**</p>	<p>Вопрос: Хорошо ли исповедывать грехи мужам духовным? Ответ: Весьма хорошо и полезно, но не тем, которые исполняют его неискусно и грубо, дабы неразумной снисходительностью и неразумительным протяжением епитимий не сделать тебя бесчувственным презрителем их или ленивым и беспечным. Итак, если найдешь духовного мужа искусного, могущего врачевать тебя, исповедуйся пред ним без стыда и с верою, как перед Богом, а не человеком</p>
<p>Изборник Святослава 1073 года (отрывок)</p>	<p>Въпросъ. Добро ли есть прямы исповѣдовати грѣхы наша духовнымъ мужемъ. Отвъѣтъ. Добро и зѣло пользно. нъ не безъ искоуса суштимъ и гроуба о таковыхихъ вѣдоуштимъ. да не троубоу милостию. или безгоднымъ и нехытримъ. провлѣчениемъ завѣта и прѣбодидника и нерадива или лѣнива и ослаблена тя сѣтворит. Аште оубо обряштещи мужа духовна тя врачевати. бесрамѣния и сѣ вѣрою исповѣжь ся ему акы господеву а не челоувѣку</p>

* РНБ. Софийское собрание. № 1285.

** Павлов А. С. Номоканон при Большом Третьяке. Его история и тексты, греческий и славянский, с объяснениями и критическими замечаниями. М., 1897. С. 473.

Заметим, что этот большой отрывок присутствует не во всех списках «Предсловия», о чем было известно еще И.И. Срезневскому. Его наличие или отсутствие для исследователей «Предсловия» служит основанием для разделения списков на две большие группы: пространную и краткую редакции.

Наряду с сочинениями отцов Церкви автор «Предсловия» широко цитирует и перефразирует места из Ветхого и Нового Заветов. Анализ этих источников «Предсловия» был проведен А.П. Щаповым³² и сведен автором настоящей работы в виде таблицы:

Таблица 2

№	место из «Предсловия»*	Источник	Место из источника
1	Якоже рече Павел к Тимофею: трезвися о всем	Второе Послание к Тимофею апостола Павла, 4:5	Но ты будь бдителен во всем, переноси скорби, совершай дело благовестника, исполняй служений твое
2	Рече бо приточник: аще желаеши мудрости, снабди заповеди, Господь даст ти ю	Книга премудрости Иисуса, сына Сирахова, 1:26	Если желаеши премудрости, соблюди заповеди, и Господь подаст ю тебе
3	Пророк рече: Господь созда премудрость и подаеть ю любящим его. а в злохытру душу не влезет премудрость, ни ся может укоренити в теле, осквернене от пьянства, паче же от неправедного собрания	Книга премудрости Соломона, 1:4	В лукавую душу не войдет премудрость и не будет обитать в теле, порабощенном греху...

* Цитаты «Предсловия» из рукописи Соловецкого собрания. № 803; Цитаты из Нового, Ветхого Заветов из Синодального перевода; все тексты таб.1 и далее в статье приводятся в гражданском шрифте.

4	О таковых бо Господь речет: горе вам, книжчи, фарисеи, лицемери слепии. яко обходите море и землю и творите единого пришлеца сына дебри огненей и сугубеша в вас. Горе вам вожеве слепии. сия вы творите хотящим спастися	Толкование Евангелия от Матфея, 23:15	Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что обходите море и сушу, дабы обратить одного; когда это случится, делаете его сыном геенны, вдвое худшим вас
5	По Господню слову, реченому к апостолу: слушаю вас мене слушает	Толкование Евангелия от Луки, 10:16	Слушающий вас мене слушает, и отвергающий вас мене отвергается; а отвергающий меня отвергается Пославшего меня
6	Якоже Соломон рече: чести Господа от своих рук праведных	Книга Притчей Соломоновых, 3:9	Чти Господа от праведных твоих трудов и начатки давай ему от твоих плодов правды

Рассмотренные примеры показывают, что совпадение между отрывками из «Предсловия» и его предполагаемыми источниками является далеко не дословным. Поэтому речь должна идти не о прямых заимствованиях в «Предсловии», а об их отражении в том смысле, в котором вкладывают в эти термины В.М. Истрин и В.Н. Перетц: «отражение... прежде всего влияние идей, а затем содержания и иногда формы»³⁴; «отражение есть результат бессознательной работы мысли под влиянием прочитанного».³⁵

В большинстве случаев подобное усвоение источников совпадало с моментом создания «Предсловия», составляя с ним неразрывное органическое целое и придавая памятнику дополнительную выразительность и убедительность. Иногда можно говорить и о позднейших вставках в «Предсловие». Изучение одной из таких вставок, речь о которой пойдет ниже, позволяет наметить предполагаемый диапазон датирования исходного текста «Предсловия».

III. Предполагаемая датировка «Предсловия покаянию»

Несмотря на довольно поздние сохранившиеся списки «Предсловия» (самый старший из них, Трифоновский, датируется концом

XIV века), все исследователи этого памятника относят время его создания к глубокой древности – XII и, даже, XI векам.³⁶ Нижнюю границу диапазона датирования позволяет уточнить слово «изгойство», употребляющееся в старших текстах «Предсловия». Нигде, кроме этого памятника, оно не употребляется, и классифицируется М.Р. Фасмером как древнерусское.³⁷

Это слово образовано от термина «изгой» (человек, выбывший по тем или иным причинам из своей социальной среды), известного по Русской Правде, Уставу Ярослава о мостах, Церковному уставу князя Всеволода, Уставной грамоте смоленского князя Ростислава. В поздних частях Русской Правды термин «изгой» не встречается, а в XIV веке вообще исчезает из употребления.

Как утверждает С.В. Бахрушин, в XII-XIII веках изгои ушли из протектората князя и находились под протекторатом церкви: «и поэтому там, где говорится о княжеском имуществе, о них уже не шла речь, а об изгоях говорилось в специальных церковных уставах».³⁸ Таким образом, нижнюю дату создания «Предсловия» следует считать XII век.

Что касается верхней границы датировки, то автор настоящей статьи хотел бы обратить внимание на древнерусское произведение «Правило о церковном устроении», точнее, вторую его часть под заглавием «Сбора Сардийского правило», одна из статей которого весьма близко отражена в «Предсловии»:

Таблица 3

«Предсловия покаянию» (2 варианта)	«Правило о церковном устроении» (20-я статья «Сбора Сардийского правило»)
И боудеть болии сирота ли немощень ли работень ли какъ. Да всего того въспытаеть моудрый попинь*	Попъ должень всего расматряти кающихся: богатъ ли кто, оубогъ ли, рабъ ли, свободъ ли, ремесственникъ ли, слоуга ли, немощень ли, или в послѣднеи нищетъ, писано бо есть: несвободнымъ поль опитемъ, токмо и сиротамъ и скоуднымъ дабы укормилися.**
Будеть бо или широта или немощень. Или ремесвеникъ ремесствомъ кормяся. Всего того пытати от кающагося достоить***	

* РНБ. Собрание Софийское. № 1285.

** Смирнов С.И. Материалы для истории древнерусской покаянной дисциплины. М., 1912. С.102.

*** РНБ. Собрание Софийское. № 1262.

Интересно отметить, что наряду с «Предсловием» в уже упомянутой рукописи «от Никановых правил» присутствует все то же «Сбора Сардииского правило» в составе 38 правил⁴². Наш отрывок из «Предслова» входит в фрагмент текста, находящийся в самом конце памятника и начинающийся со слов: «Вѣдѣти же подобаеть яко прѣдсловью слова о покаяньи не подобаеть несмыслену попови държати...»⁴³. Встречающаяся в нем неоднократная апелляция к авторитету «Предслова покаянию» свидетельствует о том, что этот фрагмент является позднейшей вставкой. Тогда, если не предполагать существование общего источника, то можно сделать вывод о том, что верхняя датировка «Предслова» увязана с датировкой «Правила о церковном устроении».

Как полагает С.И. Смирнов, издатель «Правила о церковном устроении», источниками этого произведения являются три новгородских памятника XII века: 1) «Вопрошание Кирика» в двух первых его частях (Кирика и Саввы); 2) Поучение архиепископа Илии; 3) Правила архиепископа Илии совместно с Белгородским епископом⁴⁴. Причем название третьего источника С.И. Смирнов берет из Новгородской Кормчей 1280/1282 г., в которой схожий текст озаглавлен как «Илья, архиепискуп Новгородскый, исправил с Белгородским епископом»⁴⁵. Время собора, на который епископы могли съехаться и сделать необходимые церковные исправления, С.И. Смирнов берет из Жития св. Иоанна Новгородского (то есть архиепископа Илии): «и на священном соборе бывшу ему всея Руси и велика исправления показавшу и паки возвращшуся в Великий Новгород»⁴⁶. Приведенное сообщение в Житии стоит ранее «суздальщины», то есть 1169 года. Время управления Илией своей епархии известно – это период с 1164 по 1186 год⁴⁷. Тогда время путешествия Илии в Киев и создание «Правила о церковном устроении» можно отнести к 1164–1169 годам. Тогда этот период можно с определенной степенью достоверности увязать с верхней границей для датировки исходного текста «Предслова».

¹ *Изергин В.М.* «Предсловие покаянию» (Историко-литературный очерк) // Журнал Министерства народного просвещения. Спб., 1891. Ноябрь. С. 184.

² *Калачов Н.В.* Предварительные юридические сведения для полного объяснения Русской Правды. М., 1846. Введение. С. III.

³ *Калачов Н.В.* О значении изгоев и изгойства на Руси // Архив историко-юридических сведений, относящихся до России. М., 1850. Книга I. Отдел I. С. 63.

⁴ Павлов А.С. Памятники древнерусского канонического права// Русская историческая библиотека. Ч.1. изд. 2. Спб., 1908. Стлб.837.

⁵ Там же. Стлб.837.

⁶ РГАДА. Собрание Мазурина. № 1700.

⁷ Алмазов А.И. Тайная исповедь в Православной Восточной Церкви. Том 1. Одесса, 1894. С.318.

⁸ Буслаев Ф.И. Новые сведения об изгойстве и изгоях// Архив историко-юридических сведений, относящихся до России. М., 1850. Книга II. Часть 2. Отдел VI. С.42.

⁹ Словарь церковно-славянского языка А.Х. Востокова// Материалы для сравнительного и объяснительного словаря и грамматики/ ред. И.И. Срезневский. Т.1. Спб., 1858. 255 С.

¹⁰ Чистович И.А. Библиографическая записка об «Обзоре Русской духовной литературы 862-1720» преосв. Филарета, епископа Харьковского. Спб., 1856// Известия Императорской Академии наук по отделению русского языка и словесности. Спб., 1857. Т.6. вып.3. С. 237-238 (л. 140).

¹¹ Памятники древнерусской духовной письменности – правило о покаянии// Православный собеседник. Казань. 1860. Часть 1. С. 346-358.

¹² РНБ. Соловецкое собрание. № 803; РНБ. Соловецкое собрание. № 858.

¹³ Щапов А.П. Голос древней русской церкви об улучшении быта несвободных людей. Речь, произнесенная 8 ноября 1858 года на торжественном акте Казанской Духовной Академии, в память основания ее, бакалавром А. Щаповым. Казань, 1859. 39 С.

¹⁴ РНБ. Собрание Санкт-Петербургской Духовной Академии. № 129.

¹⁵ Там же. Собрание Кирилло-Белозерского монастыря. № 4.

¹⁶ Срезневский И.И. Древние памятники русского языка и письма. Общее повременное обозрение// Известия Императорской Академии наук по отделению русского языка и словесности. Спб., 1861-1863. Т.10. Стлб. 303, 645-647.

¹⁷ Павлов А.С. Памятники... Стлб.837-846;

¹⁸ РНБ. Собрание Софийское. № 1285.

¹⁹ Антология памятников домонгольского периода в рукописи XV в. Софийский сборник/ ред. Н.В. Савельева. М.-Спб., 2013. 540 С.

²⁰ РНБ. Собрание Софийское. № 1262.

²¹ Баранкова Г.С. Сборники дидактического характера, обращенные к иереям и мирянам// Древняя Русь. Вопросы медиевистики. М., 2013. № 3 (53). С. 10-11. Баранкова Г.С., Белякова Е.В. Влияние византийских канонических и учительных текстов на славяно-русскую литературную традицию //Традиции и инновации в истории и культуре. Программа фундаментальных исследований Президиума Российской Академии наук. М., 2015. С. 456-466.

²² Шпирко С.В. и Баранкова Г.С. считают своим приятным долгом выразить признательность сотрудникам Кирилло-Белозерского музея-заповедника за помощь, оказанную при работе с этой рукописью.

²³ Шевырев С.П. Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь. Ваканционные

дни проф. С. Шевырева в 1847 г., ч. II. М., 1850. С.19; *Варлаам, архим.* Обзорение рукописей собственной библиотеки преподобного Кирилла Белозерского// ЧОИДР. М., 1860. Кн. 2. Отд. III. С.61-65; *Прохоров Г.М., Розов Н.Н.* Перечень книг Кирилла Белозерского//ГОДРЛ. Л., 1981. Т. XXXVI. С. 371-373.

²⁴ *Баранкова Г.С.* Текстологические и языковые особенности раннего древнерусского канонического сочинения Предсловие покаянию// Труды института русского языка имени В.В. Виноградова. М., 2018. Т.6. С. 9-66.

²⁵ *Шпирко С.В.* Математические методы классификации списков древнерусских текстов: дисс. ... канд.ист.наук: 07.00.09/ Шпирко Сергей Валерьевич. М., 2019. 323 С.

²⁶ *Павлов А.С.* Памятники С. 32.

²⁷ Там же. Памятники древнерусского канонического права... С. 24.

²⁸ Там же. Памятники древнерусского канонического права... С. 25.

²⁹ *Павлов А.С.* Номоканон при Большом Требнике. Его история и тексты, греческий и славянский, с объяснениями и критическими замечаниями. М., 1897. С. 473.

³⁰ РНБ. Софийское собрание. № 1285.

³¹ *Павлов А.С.* Номоканон при Большом Требнике... С. 473.

³² Памятники древнерусской духовной письменности... С. 346-358.

³³ Цитаты «Предсловия» из рукописи Соловецкого собрания. № 803; Цитаты из Нового, Ветхого Заветов из Синодального перевода; все тексты таб.1 и далее в статье приводятся в гражданском шрифте.

³⁴ *Истрин В.М.* Исследования в области древнерусской литературы. Спб., 1906. С. 152.

³⁵ *Перетц В.Н.* Краткий очерк методологии истории русской литературы. М., 2010. С. 132-133.

³⁶ *Баранкова Г.С.* Текстологические и языковые особенности... С. 10.

³⁷ *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. II. М., 1985. С. 121-122; см. также: Правда Русская/ред. акад. Б.Д. Греков. М., Л., 1947. С. 48-57.

³⁸ Архив РАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д.22. Л. 28-41 об.

³⁹ РНБ. Собрание Софийское. № 1285.

⁴⁰ *Смирнов С.И.* Материалы для истории древнерусской покаянной дисциплины. М., 1912. С.102.

⁴¹ РНБ. Собрание Софийское. № 1262.

⁴² Варлаам, архим. Обзорение рукописей... С. 371-373.

⁴³ РНБ. Собрание Софийское. № 1285.

⁴⁴ *Смирнов С.И.* Материалы для истории древнерусской покаянной дисциплины. М., 1912. С.356-375.

⁴⁵ Там же. С. 36.

⁴⁶ Там же. Материалы для истории... С. 368.

⁴⁷ *Строев П.* Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской Церкви. Спб., 1877. Стлб. 33.

Архивная служба РАН как средоточие проблем и противоречий ведомственного нормотворчества

Аннотация: В статье рассматриваются проблемные вопросы современного состояния и развития архивной системы РАН в условиях административного реформирования академического сектора науки и нарастания непримиримых противоречий в ведомственном архивном нормотворчестве.

Ключевые слова: архивная служба РАН, академические архивы, законодательство, научные организации, Российская академия наук.

Shchepanskaya Yu.V.

Archive service of the Russian Academy of Sciences as a focus of problems and contradictions of departmental rulemaking

Abstract: The article deals with the problematic issues of the current state and development of the archive system of the RAS in the conditions of administrative reform of the academic sector of science and the growth of irreconcilable contradictions in the departmental archival rulemaking.

Keywords: Archival service of the Russian Academy of Sciences, academic libraries, law, academic institutions, the Russian Academy of Sciences.

Документальные собрания научных учреждений Российской академии наук, формировавшиеся в течение столетий в единый многообразный архивный комплекс, запечатлевший различные этапы истории отечественной и мировой фундаментальной науки, пережили на своем веку разнообразные моменты своего состояния.

При всех проблемах и сложностях, характерных для каждого исторического этапа, академической системе удавалось сохранять относительную стабильность, устойчивость и незыблемость научных институций, преэминентность институциональных традиций и устоев и даже в самые трудные времена отечественной истории придерживаться традиционалистских принципов взаимодействия представителей научного сообщества.

Сегодня мы переживаем невиданный за три предыдущих столетия процесс, нарушающий устоявшееся, поступательное развитие академической научной среды.

Административная реформа Российской академии наук¹, прекратившая ее существование как системы научных институтов, утра-

та Академией правового статуса ведущего научного учреждения страны, основных функций и привилегий, переход к авторитарно-бюрократическому регулированию научного процесса не могли не сказаться на состоянии архивной службы РАН и деятельности академических архивных органов.

Архивная система Российской академии наук в силу специфики документации, отражающей все стороны и особенности многогранного научно-исследовательского процесса, всегда составляла особую, автономную часть государственной архивной отрасли. В сложной и стройной структуре научных архивов, зафиксированной Положением об Архивном фонде РАН², нашли оптимальное выражение все виды и способы хранения историко-научных собраний и коллекций регионального и отраслевого уровня, мемориальные и музейно-библиотечные фонды. Существование архивов региональных отделений и научных центров РАН с постоянным составом документов, научно-отраслевых хранилищ исторически сложившихся документальных комплексов, архивов научных организаций было тесным образом связано с региональной и отраслевой инфраструктурой академических учреждений, с организацией самого научно-технологического пространства. Для региональных научных кластеров существовал четкий принцип деления архивных учреждений на архивы с постоянным, постоянно-переменным и временным составом документальных фондов.

Масштабная реструктуризация региональной сети учреждений РАН, начатая Федеральным агентством научных организаций (ФАНО) в 2017 г., создание на местах междисциплинарных федеральных исследовательских центров, объединивших в своем составе все институты региона естественнонаучного, гуманитарного и технического профиля, имела драматические последствия, как для самих институтов, так и для их документальных собраний и коллекций. Часть архивов прекратила комплектование и была законсервирована (научные архивы Сибирского, Уральского и Дальневосточного отделений РАН), часть – утрачена в ходе структурного поглощения и потери ведомственной принадлежности.

Таким образом, стройная, налаженная система функционирования научных архивов, закреплённая Положением об Архивном фонде РАН 1994 г., охватывавшая всю территорию страны от Кольского полуострова до Дальнего Востока, была одновременно демонтирована без учета научно-исторической ценности документальных собраний и юридического статуса академических учреждений-источников комплектования Архивного фонда РАН.

Как отметил в своем интервью вице-президент РАН В.В. Козлов, «сегодня, в результате «реформы», затеянной в 2013 году и фактически разрушившей естественную связь Академии с исследовательскими институтами, РАН находится в беспрецедентно странном положении. Федеральное агентство научных организаций <...> при проведении реструктуризации не смогло сформулировать принципы и перспективный облик академического сообщества, системы институтов, к которому должны были привести преобразования, затеянные агентством. Особенно чувствительно действия ФАНО восприняли в региональных научных центрах РАН, где происходило слияние совершенно разнопрофильных институтов. Неэффективность этих шагов была очевидна <...> На сегодня проблема заключается в том, что мы ушли от проверенной, действовавшей с еще петровских времен модели организации фундаментальной науки, когда Академия наук и исследовательские институты составляли единое целое, а ни к чему устойчивому не пришли»³.

Определяющую роль в дестабилизации архивной службы РАН сыграли изменения и поправки, внесенные в Федеральный закон от 22 октября 2004 г. № 125-ФЗ «Об архивном деле в Российской Федерации», принимавшиеся на протяжении последних пяти лет. Согласно новым редакциям Закона Российская академия наук утратила право постоянного ведомственного хранения своих документальных собраний, упоминание Академии было изъято из текста документа, на смену ему пришел термин «научные организации».

В соответствии со ст. 20 Федерального закона «государственные органы, органы местного самоуправления, организации и граждане, в процессе деятельности которых образуются документы Архивного фонда Российской Федерации и другие архивные документы, подлежащие приему на хранение в государственные и муниципальные архивы, выступают источниками комплектования государственных и муниципальных архивов архивными документами»⁴.

Согласно ст. 21 (часть 4) «государственным и муниципальным организациям запрещается передавать образовавшиеся в процессе их деятельности документы Архивного фонда Российской Федерации в музеи, библиотеки, научные организации, включенные в перечень, который утверждается Правительством Российской Федерации»⁵.

Таким образом, Российская академия наук, старейшее и до недавних пор единственное федеральное ведомство, обладавшее правом постоянного хранения и формирования собственных доку-

ментальных собраний, и крупнейший в стране научный архив, веками хранивший исторически сложившийся единый документальный комплекс, оказались одновременно лишены своих исконных прав, закрепленных уставами, положениями и другими подзаконными актами.

Парадоксальным явлением этого противоречивого законотворческого процесса стало то обстоятельство, что в действующем уставе Архива РАН, утвержденном Министерством науки и образования РФ 6 июля 2018 г., в качестве основных видов деятельности обозначены «комплектование фондами и документами РАН, научных организаций и ученых» (п. 21.6) и «организация и осуществление экспертизы ценности, отбора и приема на постоянное хранение в Архив документов научных организаций и ученых» (п. 21.7)⁶.

Таким образом, возникает патовая ситуация, когда Архив РАН должен действовать на основании собственного Устава, положения которого являются противозаконными и одновременно предписанными государственным заданием Министерства науки и высшего образования РФ.

В тщетных попытках преодолеть когнитивный диссонанс отечественного законотворчества в пореформенные годы создавались разнообразные рабочие группы, призванные выправить ухудшавшееся положение и неразрешимые противоречия, губительно сказывавшиеся на состоянии академических архивов.

В 2015 г. при ФАНО была образована Межведомственная рабочая группа по вопросам хранения, комплектования, учета и использования архивных документов научных организаций. В ее задачи входили постоянный мониторинг состояния академической архивной отрасли и подготовка рекомендаций по совершенствованию всех видов архивной деятельности и формированию Архивного фонда РФ⁷. Однако при всей насущности заявленных целей и актуальности декларированных направлений миссия оказалась невыполнимой. Рабочая группа так и не приступила к своей работе, поскольку намеревалась действовать в соответствии с противоречащими друг другу федеральным законом и подзаконными нормативно-правовыми актами, что заранее можно было определить как попытку с негодными средствами.

В феврале 2018 г. еще одна рабочая группа⁸ попыталась привести архивное законодательство в удобоваримый вид, обеспечив сохранность и гарантии профильной передачи документального научного комплекса в состав Архивного фонда РФ. Были подготовлены

поправки для внесения изменений в ст. 20 и 21 Федерального закона об архивном деле в части установления особенностей передачи на постоянное хранение документов Архивного фонда Российской Федерации, образовавшихся в деятельности научных организаций.

В предложениях Группы предусматривалось право Российской академии наук и входящих в ее состав региональных отделений и научных центров, а также организаций, подведомственных ФАНО России, выступать источниками комплектования научных организаций с постоянным составом документов с возложением на последних обязанности по составлению списков источников комплектования.

Однако и эти усилия оказались безрезультатными, предлагавшиеся поправки к законодательным статьям не были приняты к рассмотрению.

Отягощающим обстоятельством, умножившим разрушительные тенденции в академической архивной системе, стало утверждение Правительством Российской Федерации перечня научных организаций, получивших право постоянного хранения своих документальных собраний⁹. Во-первых, далеко не все ведущие академические архивы получили это право. Из списка были исключены крупнейшие научные архивы, осуществлявшие государственное хранение документальных фондов целых региональных кластеров – Сибирского, Уральского, Дальневосточного. В результате эти архивы были законсервированы, прекратили комплектование документами региональных научных институтов и оказались невостребованными ни федеральными архивными органами, ни академическими.

На заседании Президиума РАН 28 мая 2019 г., посвященного проблемам сохранения историко-культурного наследия страны, проведенного с участием Российского исторического общества и Фонда истории отечества, председатель Сибирского отделения РАН академик В.Н. Пармон заявил: «Огромный архив СО РАН мы не имеем права оплачивать, а библиотека не имеет права его хранить. Академик Валерий Чарушин (глава Уральского отделения РАН) подтвердит, что у них подобная ситуация. Нужно вынести вопрос о состоянии архивного дела в региональных отделениях на обсуждение»¹⁰. Вице-президент РАН, директор Института археологии академик Н.А. Макаров отметил, что это вопрос Федерального закона «Об архивном деле», по этому поводу ведутся переговоры с Росархивом, но «они очень тяжелые». «Вопросы, связанные с работой архивов и работой музеев и возможности возвращения их в ведение Академии наук, постоянно обсуждаются. И мы в связи с празднованием 300-ле-

тия РАН будем ставить их перед властью», - подытожил обсуждение президент РАН академик А.М. Сергеев¹¹.

Во-вторых, в утвержденном перечне научных организаций, осуществляющих постоянное хранение документов, Архив РАН, всегда выполнявший роль головного научно-методического центра в системе архивных учреждений, оказался приравненным по своему правовому статусу к академическим институтам, имеющим в своем составе только собственные документальные собрания и коллекции, отвечающие их профильной деятельности. В соответствии с Положением об Архивном фонде РАН ряд гуманитарных академических институтов имел в своем составе научно-отраслевые архивы с постоянным сроком хранения своих документальных коллекций. К ним относились Институт мировой литературы, Санкт-Петербургский институт истории, Институт археологии, Институт русской литературы (Пушкинский Дом), Институт восточных рукописей, Институт истории материальной культуры, Бурятский институт монголоведения, тибетологии и буддологии Бурятского научного центра Сибирского отделения РАН. При этом управленческая документация, возникавшая в процессе научно-организационной деятельности институтов, на общих основаниях передавалась на государственное хранение в профильный академический архив.

В настоящее время эти институты получили право автономного управления своими документальными собраниями, не опираясь на методические разработки и требования архивоведения.

Новое нормативное регулирование пересмотрело структуру и характер деятельности и экспертно-проверочной службы РАН, строившейся по принципу вертикали – от Центральной экспертно-проверочной комиссии (ЦЭПК) РАН к ЦЭКам региональных отделений и научных центров, и наконец, к экспертным комиссиям научных учреждений. В результате «реформаторских усилий» ЦЭПК РАН, являвшаяся высшим контрольно-методическим органом в системе архивной и делопроизводственной служб академических организаций, утратила свои роль и полномочия. Прерогатива принятия решений по формированию архивных фондов, отбору дел на постоянное хранение и уничтожение, экспертизе научной и практической ценности документов предоставлена самим институтам, без согласований, утверждений и консультаций с профильными архивными органами¹². Не умаляя научного веса и высокой квалификации работников гуманитарной сферы, хочется отметить, что в области документоведения необходима компетенция профессиональных архивистов.

Противоречия и нестыковки, проявившиеся в академическом архивном деле, затруднили практическое применение и внедрение действующих Правил организации хранения, комплектования, учета и использования документов Архивного фонда РФ, утвержденных приказом Министерства культуры РФ № 526 от 31 марта 2015 г.¹³. В современной структуре научных учреждений, в сложившейся системе взаимодействия академических архивов Архив РАН оказался в значительной степени ограниченным в возможностях научно-методической координации работы архивных и делопроизводственных служб.

Неоспоримый урон архивной службе научных учреждений ФАНО нанес затянувшийся процесс структурного реформирования академической институциональной системы и масштабная смена руководящих кадров научных институтов. Приходящие на смену старшему поколению ученых молодые руководители научных организаций, не знакомые с традициями формирования архивных фондов своих учреждений, воспитанные на современном технологическом подходе получения и использования информации в режиме on-line, не слишком привержены любым формам собирания и хранения архивных документов. В глазах новой генерации руководителей-управленцев архивная сфера выглядит не только непрофильной, но и архаичной.

Решение сложных проблем взаимодействия архивистов, развитие и реализация огромного информационного потенциала академической архивной отрасли связаны с внедрением современных электронных технологий в практику работы архивных учреждений, с технической модернизацией прикладных разделов архивоведения.

В период, предшествовавший разгрому Российской академии наук, Архив РАН приложил огромные усилия для создания единого технологического пространства, современной цифровой платформы для диалога академических архивистов. Этому служила Информационная система «Архивы РАН», основанная на идее продвижения совместного информационного ресурса академических архивов. Объединение взаимосвязанных баз данных и программных модулей, интегрированных в общее программное обеспечение, предложенное Архивом РАН, стало основой корпоративного сотрудничества академических архивистов в деле наращивания информационного контента, базирующегося на документах Архивного фонда РАН.

Подключение к Информационной системе РАН широкой сети академических архивов открыло возможности совместных проектов – межархивных путеводителей, списков документальных фондов,

паспорта архивной системы РАН, реестров описей основанных на форматировании данных, интегрированных в электронный каталог и их статистической обработки, а также поиска и получения информации по всему спектру научной, управленческой, творческой документации Архивного фонда РАН.

Информационная система «Архивы Российской академии наук» изначально была представлена на объединенном портале архивов РАН «Мнемосина»¹⁴, открыта для всех действующих и потенциальных участников проекта. Для постоянного пополнения информационного контента действовала web-версия ИСАРАН, рекомендованная всем академическим архивистам.

Развитие программного комплекса «ИСАРАН» закладывало основу для разработки электронного Центрального фондового каталога по документам академических архивов – централизованного банка интегрированных метаданных, объединяющего электронные ресурсы по тематике собраний региональных и научно-отраслевых архивов РАН и решения задачи государственного учета отраслевого архивного фонда. Объединенными усилиями ученых и архивистов предполагалось создавать тематические массивы информации, базирующиеся на документальных материалах, доступные для широкого научного и практического использования. Объединенная база данных «Учет и каталог», открыла возможности «сквозного» поиска информации в историческом комплексе документов РАН.

Цели создания и наращивания общего информационного ресурса, базирующегося на документальных собраниях научных институтов, служил и общеакадемический проект РАН по созданию Единого научного информационного пространства. Существенная роль в этом проекте отводилась информационному portalу РАН и Электронной библиотеке «Научное наследие России». Они объединили целенаправленную деятельность архивных учреждений по оцифровке и широкому научному использованию архивных фондов, созданию многофункционального банка данных по истории отечественной и мировой науки.

Процесс «реформирования» академической науки, трансформация региональной структуры научных учреждений и причудливые извивы отечественного законодательства положили предел развитию всех инновационных проектов, разрушив традиционные вертикальные и горизонтальные связи, обеспечивавшие тесное практическое взаимодействие архивных органов в рамках системы академических учреждений.

Переход к административно-бюрократическому управлению институтами, объявление вала публикаций и цитирований в качестве критерия научной эффективности, установка на «производство научных статей в режиме фастфуда»¹⁵ обусловили свертывание всех направлений архивной деятельности, явились причиной упадка академической архивной отрасли и ее серьезного отставания от уровня федеральной архивной службы.

Как подчеркивалось на одном из заседаний Комитета Государственной Думы по образованию и науке «публикационная активность, стала мощным инструментом управления научными исследованиями, <...> когда приоритетом становится не результат исследовательской деятельности, имеющий научную ценность и практическую значимость, а просто количество опубликованных в научных журналах текстов»¹⁶.

Решение проблем ведомственного архивного дела, преодоление хаоса в системе академических архивов лежит на пути устранения законодательных противоречий и прямых запретов на профессиональную деятельность академических архивистов, в совершенствовании правовых механизмов, обеспечивающих функционирование, сохранение и развитие академической архивной службы РАН, включая региональные и отраслевые научные собрания и коллекции.

При сохранении существующего курса на институциональную ломку академической системы и администрирование научной деятельности академической архивной службе РАН доведется повторить тернистый путь своей основательницы – Российской академии наук, подвергнувшейся разрушению под видом оптимизации.

¹ Начало реформированию РАН было положено Федеральным законом от 27 сентября 2013 г. № 253 «О Российской академии наук, реорганизации государственных академий наук и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». См.: Официальный интернет-портал правовой информации URL: www.pravo.gov.ru 30.09.2013. (дата обращения: 30.05.2019); Рос. газ. Федер. вып. 2013. 30 сент. № 6194.

² См.: Положение об Архивном фонде Российской академии наук, принятое постановлением Президиума РАН от 21 июня 1994 г. № 125 «Об утверждении нормативных актов о совершенствовании архивного дела в Российской академии наук». М., 1994. С. 4–10.

³ «У наших ученых возникло ощущение хаотичности и несправедливости». В День российской науки — о причинах ее кризисного положения. Интервью вице-президента РАН Валерия Козлова 08.02.2019 г. // URL: <https://www.znak>.

com/2019-02-08/v_den_rossiyskoy_nauki_o_prichinah_ee_krizisnogo_polozheniya_intervyu_vice_prezidenta_ran_valeriya_k (дата обращения: 18.06.2019).

⁴ Федеральный закон от 22 октября 2004 г. № 125-ФЗ «Об архивном деле в Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями) // URL: <http://ivo.garant.ru/#/document/12137300/paragraph/138:0> (дата обращения: 29.05.2019).

⁵ Там же.

⁶ Устав Федерального государственного бюджетного учреждения науки Архива Российской академии наук // URL: http://arran.ru/files/_ustav2018.pdf (дата обращения: 28.05.2019).

⁷ См.: Положение о Межведомственной рабочей группе по вопросам организации хранения, комплектования, учета и использования архивных документов организаций, подведомственных Федеральному агентству научных организаций // URL: <http://www.arran.ru/sites/default/files/files/fano2.pdf> (дата обращения: 24.05.2019).

⁸ Рабочая группа по разработке проекта Федерального закона об архивном деле, созданная приказом Федерального архивного агентства (Росархива) № 18 от 9 февраля 2018 г.

⁹ Перечень научных организаций, осуществляющих постоянное хранение документов Архивного фонда Российской Федерации, находящихся в государственной собственности был утвержден распоряжением Правительства РФ N 2800-р от 23.12.2016 г. См.: URL: <http://rulaws.ru/government/Rasporyazhenie-Pravitelstva-RF-ot-23.12.2016-N-2800-r> (дата обращения: 29.05.2019).

¹⁰ *Андрей Субботин*. Спасти и сохранить: Ученые на страже музеев и архивов // Поиск. 31 мая 2019. № 22. С. 5.

¹¹ Там же.

¹² См.: Примерное положение об Экспертно-проверочной комиссии научной организации, утвержденное приказом Федерального архивного агентства от 13.06.2018 г. № 61 // URL: <http://archives.ru/documents/position/primernoe-pologenie-epk-scientific-organization.shtml> (дата обращения: 29.05.2019).

¹³ Правила организации хранения, комплектования, учета и использования документов Архивного фонда РФ и других архивных документов в органах государственной власти, органах местного самоуправления и организациях. М., 2015. 96 с.; URL: <http://archives.ru/sites/default/files/prikaz-mkrf-526-pravila.pdf> (дата обращения: 18.06.2019).

¹⁴ См.: URL: <http://www.arran.ru/?q=ru/isaran> (дата обращения: 18.06.2019).

¹⁵ *Анна Кулешова*. Маховик публикационной инфляции // Троицкий вариант. Наука. 26.02.2019. №273. С. 3; URL: https://trv-science.ru/2019/02/26/maховik-publikacionnoj-infljacii/?fbclid=IwAR0QOWOcWjZnKaso1kWKjB4dGzuT7mtQZchNWDH7F5vDdF7ZpoPJBеNYD_4 (дата обращения: 18.06.2019).

¹⁶ Комитет Государственной Думы по образованию и науке провел круглый стол на тему «Совершенствование системы научных публикаций в Российской Федерации». // URL: http://komitet8.km.duma.gov.ru/Novosti-Komiteta/item/18568846/?fbclid=IwAR0CMN5wO_xoAfDN35Dpf-F96H9r (дата обращения: 18.06.2019).

Комиссаренко А.И.

Документы Вятской провинциальной администрации как источник по истории социальной дифференциации крестьянского населения в 20-60-е гг. XVIII в.

Аннотация: в статье анализируется широкий круг документов Вятской провинциальной администрации, хранящихся в Российском государственном архиве древних актов, которые свидетельствуют о значительной неоднородности вятского крестьянства в XVIII в.

Ключевые слова: РГАДА, Вятка, крестьянство, крестьянское хозяйство.

Komissarenko A. I.

Documents of Vyatka provincial administration as a source on the history of social differentiation of the peasant population in the 20-60s of the XVIII century

Abstract: the article analyzes a wide range of documents of the Vyatka provincial administration stored in the Russian state archive of ancient acts, which testify to the significant heterogeneity of the Vyatka peasantry in the XVIII century.

Keywords: RGADA, Vyatka, peasantry, peasant economy.

Деятельность местных учреждений – Вятской провинциальной канцелярии, Хлыновской крепостной конторы нашла отражение в различных документах управленческого, распорядительного, финансового характера. Среди них – краткие погодные записи о рассмотренных делах, книги учёта крестьянских челобитных, «рописные списки» воевод, ведомств сбора подушных денег и недоимок. Хотя систематических обследований уровня крестьянских хозяйств провинциальной администрацией не проводилось, всё-таки в случае стихийных бедствий – неурожая, эпизоотии – нередко эти сведения запрашивались с мест. Среди множества подобных дел важное значение имеют документы о крестьянских волнениях, связанных с требованиями в 40-50-х гг. XVIII в. крестьян духовных (монастырских, архиерейских) владений о переводе их в разряд государственного («черносошного») населения. В них имеются сведения о конфликтах между чиновниками Вятской провинциальной канцелярии и местной духовной консисторией, стремившихся подчинить крестьянство

своему управлению. В фонде провинциальной канцелярии сохранился также немалый документальный комплекс об аренде мельниц, рыбных ловель и скупке сельскохозяйственной продукции «первостатейными» крестьянами.

В книгах Хлыновской таможни – отпускных и записных – находятся «пропуска хлебных припасов» через Летский караул до Ношульской пристани в целях поставки их к Архангельскому порту, а также таможенные документы о поставке на городские рынки Поморья рыбы и вина по подрядам. Таможенная документация являет собою богатый источник по истории вятского купечества и торгующих крестьян.

С 1719 по 1724 год на Вятке проводилась подушная перепись населения. Сохранившаяся книга I-ой ревизии учла в Хлыновском уезде 41317 душ м.п., из которых 4238, то-есть более 10% всего уездного населения являлись половниками¹. Документы свидетельствуют о том, что в ревизских «сказках» подробно учитывались половники купцов, посадских людей, чиновников, так как последние были ответственны за уплату за них подушной подати.

В середине XVIII века вторая ревизия зафиксировала уже 74173 душ м.п.² Из них около 20% жителей не имели возможности самостоятельно вести крестьянское хозяйство. Это – половники, срочные работники, подворники, бобыли.

Из тех же данных видно, что в 29 станах, волостях и вотчинах половничий труд достиг широкого применения (до 1/5 населения). В Спенцынском тяглом и оброчном станах, Бритовской волости, Берёзовском тяглом и оброчном станах, Ильчанской волости доля труда крестьян-половников достигла даже 1/3. Подворников, то есть крестьян не имевших своих дворов и живущих в чужих дворах, было от 5% до 11% (в Филипповой слободке Берёзовском оброчном стане). Бобылей – непашенных безземельных крестьян, главным занятием которых являлась промысловая деятельность, дававшая им некоторую хозяйственную самостоятельность, – до 7%. Но и при этом положение бобылей оставалось весьма непрочным, как отмечал М. Дьяконов, «... общественное и экономическое положение бобылей могло понижаться до низких ступеней общественной лестницы»³.

Немало в уезде было и «нищих» - почти 2% от всего числа жителей. В ряде мест их удельный вес оказывался высоким. Так, в монастырской Ситманской вотчине и погосте Макарьевском он достигал 10%, в Летской слободке 8%. Трудные условия хозяйственного суще-

ствования – суровый климат, большие затраты на освоение лесных площадей под пашню способствовали процессу имущественного расслоения среди сельского населения. В целом преобладали те ряды населения, которые характеризуют половнические и наемные отношения. По нашим подсчетам из 667 дворов, в которых они отмечены, 377, т.е. более половины, принадлежали самим половникам. В этих же дворах было сосредоточено до 2/3 всех половников (3054 из 4652), а только 1598 человек (1/3) проживало в дворах их хозяев. Их этого видно, что большинство крестьян, заключая «ряд» о полове, вовсе не покидало своих домов. Часть из них записывалась за посадскими людьми и хлыновскими купцами, проживавшими в городе⁴.

Что касается «наемных» на определенный срок, т.н. срочных работников, то их в уезде было зафиксировано 580 человек, или 1,5% всех жителей. 182 человека из этой категории принадлежали городским владельцам, а 405 человек (2/3) находились в найме у уездных крестьян. Труд половников и срочных работников особенно применялся в хозяйственных комплексах, принадлежавшим крупным вятским купцам – Хохряковым (Ивану, Симе, Василию, Пантелею, Якову), Рязанцевым (Василию, Афанасию, Андрею), Глухим (Герасиму, Гавриилу, Афанасию), Машковцевым (Гавриилу, Якову, Денису), Лянгусову, Злыгостеву, Малову, Толмачёву, Куклину⁵. Владели половниками и чиновники. Так, в деревне Еланской, принадлежавшей канцеляристу Селиверсту Каперину в 1736 г. работало 8 половников, засевавших рожью 33 четверти, овсом 44 четверти, ячменем 20 четвертей. Когда же их хозяин умер, они продолжали «... в работе во всякой попрежнему обыкновенно быть половниками и исправлять, не упущая времени, и насеянной всякой хлеб жать и молотить»⁶.

С 1734 г. до 1739 г. провинциальная канцелярия рассматривала жалобу иеромонаха Вятского Успенского Трифонова монастыря Лаврентия на хлыновских купцов и посадских людей в незаконном «держании половников в монастырских владениях» и «неплатеже в монастырь оброчных денег». Иск на «деревенских владельцев» по Куменской, Сунской и Кырчанской вотчинам был представлен на сумму в 635 рублей 18 копеек. Лаврентий считал, что купцы и посадские люди купили деревни у крестьян «... без ведома монастырских властей и владеют сильно»⁷. Однако с этим не согласились купцы А. Рязанцев, Е. Репин, полагая, что «многие поселились на порожней земле и на чёрный лес ..., который ононого монастыря власти. ..., оболгав, написали за собою, якобы своими крестьяне, которые оному монастырь ничем не крепки»⁸, а половник Роман Иванов

сын Копалов из деревни Стоногавской показал на следствии, что «... в прошлых годах, тому будет назад лет з 20 и больше, порядился я ... ко хлыновцу Естефею Репину порядом в половничество ...», а Трофим Игнатьев сын Зайцев половничал у Е. Репина с 1733 г., но уже до того побывал в «срочных работниках» у Тимофея Исупова. Вообще же из 20 имеющихся половничьих «распросных речей» в 15 указано время поступления в половники: 8 чел. порядились 20 и более лет тому назад, у 5 чел. срок «половья» исчислялся 10-20 годами, у 2 чел. – 4 и 8 годами⁹.

Документы Хлыновской крепостной конторы, прежде всего порядные записи, конкретно фиксируют время поступления крестьян в половники. Условия половья были столь тяжелы, что заключавшие «поряд» надолго попадали в зависимость к владельцам. Отмечено немало случаев, когда крестьяне сначала «поряжались» в срочные работники, но потом, запутавшись в сетях экономической зависимости, становились половниками. Так, Сидор Матвеев сын Колосунин – житель погоста Талицынского в период первой ревизии считался срочным работником, работал на мельнице, но в 1734-1735 гг. он уже как половник, сеял рожь семенами, взятыми в «хозяйской житнице» купца Машковцева.

Порядные записи документально дают развёрнутую картину обязанностей половника. Например, половник из Бритовской волости Л.А. Колотов, порядившейся к хлыновскому архиерейскому подьячему Степану Шмелёву на 2 года, был обязан: «... пахать ево Степанова деревни третий пай на одной своей лошади, ральники и всякая пашенная снасть ево, половничья, а порядился к готовой его, хозяйской, озими к 6 осьминам ржи, а семенами всякими ... сеять ево, хозяйскими, а как ... хлеб уродит, и тот хлеб жать с людьми впору ... и в скирды склать, а ... хлеб ... и солома яровая делить пополам ...»¹⁰. Также в этих документах тщательно документировались условия окончания срока половья. В порядных записях оговаривалась процедура возврата хозяину «заёмных» денег при отказе половника прервать работы досрочно «не в стьежный год». Власть хозяина усиливалась его правом взимания неустойки в случае, если он усматривал нарушение половником условий порядка. Обычно размер неустойки в полтора, а то и в четыре раза превосходил сумму подмоги¹¹.

В 50-60-х гг. XVIII в. российское правительство, предпринимая шаги к введению в Поморье и на Вятке поземельной общины, сделало попытку превратить купеческих половников в обычных государ-

ственных крестьян. 7-ой пункт межевой инструкции от 13 мая 1754 г. гласил: «... которые к государственных черносошных волостей крестьяне ... написаны в писцовых и переписных прежних лет книгах, ... отшед от села или волости и деревни ... селились особыми дворами и якож собственными своими продали и заложили ... провинциальным секретарям, приказным служителям и других чинов людям, на тех покупных от крестьян землях поселили из государственных волостей и деревень тех же государственных крестьян якобы по половничеству ... отобрать безденежно ..., межевать к землям государственным»¹². Наконец, межевая инструкция от 13 февраля 1766 г. запретила продажу и заклад земель не только между крестьянами и посадскими людьми, но и в среде самих крестьян, поскольку в свободе земельной мобилизации правительство видело источник «нищеть» крестьян как налогоплательщиков¹³. В соответствии с этими административными распоряжениями с конца 50-х и до середины 60-х годов XVIII в. на Вятке совершился массовый перевод половников в разряд государственных крестьян. В фонде Вятской провинциальной канцелярии сохранились документы («отказные» записи) об изъятии прапорщиком Балашовым у 13 хлыновских купцов 439 половников¹⁴.

Таким образом, использованные архивные документы свидетельствуют о значительной неоднородности вятского крестьянства в XVIII в. Особенно широко было распространено половничество крестьян во владениях «первостатейных» сельских поселян и на землях, принадлежавших посадским людям и состоятельным вятским купцам. Срочный наём применялся в крестьянских хозяйствах чаще, чем в посадских. Половье, как правило, возникало из-за отсутствия собственных средств производства (прежде всего земли) и, как следствие этого и растущих долговых обязательств. Необходимость выплаты неустойки приводила нередко к новому займу, а, следовательно, и росту долга, и таким образом к удлинению срока половья. На протяжении всей первой половины XVIII в. размеры половнических и срочнонаемнических отношений возросли. Только к концу 50-х и началу 60-х годов стало заметно их сокращение под правительственным административным нажимом.

¹ РГАДА, Ф. Ландратские книги и ревизские сказки. Оп.3. Д.5900. Л. 1-649.

² Там же. Дела 4675-4676, Л. 1-1112 (ведомость полковника Ифлонта).

³ Дьяконов М. Очерки по истории сельского населения в Московском государстве XVI-XVII в. СПб., 1892. С. 219.

- ⁴ *Ефименко А.* Исследование народной жизни. СПб., 1884.
- ⁵ РГАДА, Ф. Вятской провинциальной канцелярии. Оп. 2. Д. 79. Л.3 -51.
- ⁶ Там же. Оп. 1. Д. 37. Л. 292-293.
- ⁷ Там же. Оп. 1. Д. 49. Л. 1-1об.
- ⁸ Там же. Л. 8.
- ⁹ Там же. Л. 97-113.
- ¹⁰ Там же. Ф. Вятской крепостной конторы. Оп. 1. Кн. 2151. л.11-11об; Кн.2174. Л. 2-об-3.
- ¹¹ Там же. Кн. 2151. Л. 215-216, 221-221об, 296-297об.
- ¹² Первое Полное собрание законов ..., Т.XIV. №10237.
- ¹³ Там же. Т.XVII. №12570. См. также: *Семевский В.И.* Крестьяне в царствовании Екатерины II Т.П. СПб., 1901. С.623.
- ¹⁴ РГАДА.Ф. Вятской провинциальной канцелярии. Оп. 1. Д. 141. Л. 365-371, 602-602об.

Муравьева Н.А.

Концентрация документов по истории Отечественной войны 1812 г. в архивах Военного министерства в 1814 г. – 1870-х гг.

Аннотация: В статье рассматривается история формирования в архивах Военного ведомства до 1917 г. комплекса документов по истории войны 1812 г. русских армий и народного ополчения. Анализируются исторические условия и особенности складывания данного комплекса документов, определяются этапы поступления документов в архивы.

Ключевые слова: Российский государственный военно-исторический архив, война 1812 г., комплектование архива, уничтожение документов, журнал военных действий.

Muravieva N. A.

Concentration of documents on the history of the Patriotic war of 1812 in the archives of the War Ministry in 1814-1870s.

Abstract: The article considers the history of the formation in the archives of the Military Department until 1917 of a complex of documents on the history of the war of 1812 of the Russian armies and the people's militia. Historical conditions and features of folding of this complex of documents are analyzed, the stages of receipt of documents in archives are determined.

Keywords: Russian State Military Historical Archive, the war of 1812, the acquisition of the archive, the destruction of documents, the journal of hostilities.

В XIX и начале XX вв. главными хранилищами военно-оперативных документов по истории Отечественной войны 1812 г. являлись два архива военного ведомства – Архив Военно-топографического депо (с 1867 г. – Военно-учёный архив Главного штаба) и Московское отделение Архива Инспекторского департамента Главного штаба (с 1865 г. – Московское отделение Общего архива Главного штаба).

Эти архивы имели различный статус и находились в ведении разных отделов Главного штаба. Каждый из них выполнял свои функции, закреплённые в постановлениях по Военному ведомству, имел свою специфику в комплектовании, составе документов, организации их хранения, подготовке архивных справочников¹.

С начала своего существования Архив Военно-топографического депо, а впоследствии и Военно-учёный архив, складывался как

коллекция, за счёт «поступления отдельных нецелостных групп материалов или отдельных документов и дел»². В архив передавались документы, выборочно изъятые из архивов центральных военных учреждений, полевых штабов действующих армий, корпусов, дивизий и полков, а также хранилищ гражданских ведомств; сюда поступали и документы, собранные военно-историческими комиссиями или военными историками³.

Комплектование Московского отделения Архива Инспекторского департамента Главного штаба осуществлялось за счёт «поступления документальных материалов группами фондов из действующих архивов военного ведомства»⁴, действующих армий XVIII–XIX веков, канцелярий и дежурств русских полководцев и военачальников.

Общим в комплектовании архивов было поступление документов, оставшихся после смерти генералов. Эти комплексы дел прослеживаются по описям, отражающим деятельность архивов.

А.В. Автократов отмечает, что данным архивам, «в отличие от других архивов военного ведомства, были свойственны признаки исторических архивов, т.е. таких архивов, которые, как пишет В.Н. Самошенко, были фактически самостоятельными учреждениями, хранили документы, потерявшие (добавим – в основном) практическое значение, но представлявшие интерес для изучения истории»⁵.

Вопросы формирования архивных комплексов документов по истории Отечественной войны 1812 г. практически не освещены в отечественной литературе. С.А. Малышкин приводит общие сведения о поступлении военно-оперативных документов в Архив Инспекторского департамента в 1815 г.⁶ Исследователь указывает, что «в январе 1815 г. по указанию Управляющего Военным министерством А. И. Горчакова в архив Инспекторского департамента стали поступать материалы 1-й, 2-й Западных и Соединенной армий за 1811-1813 гг.»⁷. Прием документов проводился не на основании сдаточных описей и журналов, как настаивал архив департамента, а по описям связок. Всего было сдано 184 связки документов: 19 связок по 1-й Западной армии, 43 связки по войскам, бывшим под командованием А.П. Тормасова и П.Х. Витгенштейна, 17 связок секретных дел 2-й Западной армии из Калуги, 75 связок документов армии П.И. Багратиона из армейских канцелярий, 13 – из армии Витгенштейна и 17 – из корпуса А.И. Горчакова 2-го. Каждая связка дел, как правило, включала документы, созданные на протяжении одного месяца, имелись также описи входящих или исходящих документов. Архив Инспекторского департамента Военного министерства лишь принял на хранение эти

связки. Никакой работы по описанию принятых документов не проводилось⁸.

В другой статье С.А. Малышкин сообщает⁹, что «именно по инициативе К.Ф. Толя в 1815 г. началось выявление документов эпохи 1812 г. и их дальнейшая передача из архивов воинских частей и соединений в архивохранилища Военного министерства»¹⁰. «В эти же годы над созданием капитального научного труда по истории Отечественной войны 1812 г. начал работать К.Ф. Толь. Для него в архивах русских войск выявлялись документы, связанные, в первую очередь, с Бородинским сражением»¹¹. Как предполагает С.А. Малышкин, тогда произошло изъятие рапортов о Бородинском сражении из дел, переданных в архив Инспекторского департамента. Впоследствии эти рапорты были переданы в ВУА¹². Таким образом, следует, что практически одновременно в течение 1815 г. происходило поступление документов по истории войны 1812 г. в Архив Инспекторского департамента и передача указанных документов из архива К.Ф. Толью для написания истории войны.

И.А. Шеин указывает, что «документы по истории войны 1812 г. начали поступать со 2-й половины декабря 1815 г. в Военно-топографическое депо, когда генерал-квартирмейстерская часть Главного штаба под руководством генерала К.Ф. Толя затребовала от командиров воинских частей и соединений «сведения для сочинения военной истории 1812 года»¹³.

Изучение документов Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА) показывает более сложную и достаточно подробную картину формирования комплексов архивных документов по истории войны 1812 г., в первую очередь военно-оперативных документов штабов армий, корпусов и дивизий. Источники по истории формирования данного комплекса можно разделить на 2 группы: 1) переписка архивов с отделами Главного штаба, действующими частями о сборе и передаче дел в архивы; 2) описи, ведомости, списки переданных в архивы дел штабов действующих военных частей, участвовавших в войне. В целом, комплекс документов по истории комплектования архивов военного ведомства документами по истории Отечественной войны 1812 г. сохранился в большом объеме в фондах как самих архивов, так и ведомств, в состав которых они входили.

Целый комплекс дел за 1814-1815 гг., свидетельствующих о поступлении дел за 1811-1814 гг. в Архив Инспекторского департамента, содержится в фонде Инспекторского департамента (РГВИА. Ф.495. Оп.2/131). Однако большая часть из указанного комплекса

была выделена к уничтожению по отборочному списку в 1970-е гг. Выделенные к уничтожению документы включают следующие дела¹⁴:

Переписка о сдаче в архив Инспекторского департамента дел 1-й, 2-й и Соединённой армий (23 августа – 9 сентября 1814 г.)¹⁵;

Переписка о сдаче в архив Инспекторского департамента дел Резервной армии Д.И. Лобанова-Ростовского и 12-ти пехотных номерных полков, сформированных князем Д.И. Лобановым-Ростовским» (19 сентября – 7 октября 1814 г.)¹⁶;

Переписка о сдаче генерал-майором А.Ю. Гаменом в архив Инспекторского департамента дел сводной Санкт-Петербургской пехотной дивизии (29 сентября – 24 октября 1814 г.)¹⁷;

Переписка о сдаче в архив Инспекторского департамента дел по формированию резервных батальонов 1-й гренадерской дивизии (4-23 декабря 1814 г.)¹⁸;

Переписка о сдаче в архив Инспекторского департамента дел 1-й и 2-й Западных и Соединённой армий за 1811-1813 гг. Приведение их в порядок и составление им описей начальником архива (10 января – 10 февраля 1815 г.)¹⁹;

Переписка о передаче в архив Инспекторского департамента генерал-лейтенантом И.А. Вельяминовым дел 1-го пехотного корпуса Резервной армии (1-6 апреля 1815 г.)²⁰;

Дело о принятии в архив [Инспекторского] департамента дел кавалерийских резервов генерала А.С. Кологривова (23 июня – 6 июля 1815 г.)²¹;

Дело о передаче в архив [Инспекторского] департамента дел 2-го резервного кавалерийского корпуса генерал-майора А.А. Бельского²² (так в описи – Н.М.) и сформированной в 1812 г. из Новомиргородской, Елисаветградской, Ольвиопольской и Чигиринской бригад 4-й резервной драгунской дивизии (20 июля - 3 сентября 1815 г.)²³.

Из указанного комплекса дел остались на хранении дела:

Переписка о разборе дел 2-го отдельного корпуса генерала Ф.Ф. Винценгероде и сдача их в архив Инспекторского департамента» (23 июня – 16 ноября 1814 г.)²⁴;

Переписка о приёме в архив [Инспекторского] департамента, присланных генерал-фельдмаршалом М.Б. Барклаем де Толле дел «по предметам до оконченной войны относящимся» (6 апреля – 3 июня 1815 г.)²⁵;

Переписка о сдаче в архив департамента дел 1-й и 3-й Западных (Дунайских) армий за 1813 и 1814 гг. в период командования ими графа М.Б. Барклая де Толли и генерал-фельдмаршала князя М.И.

Кутузова-Смоленского. Разбор их и составление кратких описей вообще и особо алфавитов и списков по награждениям и по формулярным спискам (29 мая – 31 июня 1815 г.)²⁶;

Передача в архив Инспекторского департамента доставленных калужским гражданским губернатором 17 связок дел канцелярии главнокомандующего 2-й Западной армией генерала Багратиона (8-17 декабря 1815 г.)²⁷;

Сдача в архив Инспекторского департамента некоторой части дел, производившихся во время войны с французами в канцелярии главнокомандующих (20 октября – 16 декабря 1815 г.)²⁸.

Как следует из заголовков дел, выделенных к уничтожению, военно-оперативные документы стали поступать на хранение со второй половины 1814 г.

В делах, оставшихся на хранении, имеется ряд документов, отражающих более детально, по сравнению со сведениями, представленными в литературе, процесс формирования комплекса архивных документов по истории войны 1812 г. Документы свидетельствуют о передаче в архив Инспекторского департамента дел несколькими партиями генерал-фельдмаршалом М.Б. Барклаем де Толли. В отношении управляющему Военным министерством А.И. Горчакову от 6 апреля 1815 г. генерал-фельдмаршал М.Б. Барклай де Толли сообщал: «При настоящем следовании моём в походе с войсками, приказывал я рассортировать дела, бывшие в производстве непосредственно у главнокомандующих предместников моих и у меня по предметам до оконченной войны относящимся; и те из них, до коих в настоящем новом походе не предполагается надобность, отделить и не брать с собою для уменьшения по всей возможности тяжести и обозов при армии. Вследствие сего отделены особо дела по интендантской части и особо по части производства, награждений и по всем прочим предметам, в прилагаемых при сем описях значущиеся; и я, с одной стороны в том рассуждении, что существо всех сих дел требует сбережения их в целости, а с другой потому, что оные могут понадобится для каких-либо выравок по предметам в них заключающимся посчитал нудным отослать их в Санкт-Петербург»²⁹.

В предписании от 29 мая 1815 г. управляющего Военным министерством А.И. Горчакова («по указанию которого», как пишет С.А. Малышкин, дела по войне стали поступать в архив Инспекторского департамента) Инспекторскому департаменту содержится указание А.И. Горчакова *принять* (курсив мой – *Н.М.*) дела канцелярии генерал-фельдмаршала М.Б. Барклая де Толли, а также даётся подробные

инструкции по организации хранения документов. А.И. Горчаков писал: «Господин генерал-фельдмаршал князь Барклай де Толли по случаю выступления в поход с армиею, не находя возможности возить с собою накопившихся в канцелярии его дел, произведённых во время командования его армиею в 1813 и 1814 годах и поступивших в канцелярию частию после кончины покойного генерал-фельдмаршала князя Голенищева-Кутузова Смоленского и частию из бывшей Западной и Дунайской армий, препроводил оные ко мне с чиновником 8 класса [Кентстом] при описях по генварь месяц сего 1815 года для хранения»³⁰.

В следующем отношении от 20 октября 1815 г. А.И. Горчакову М.Б. Барклай де Толли сообщал о необходимости передачи в архив Инспекторского департамента дел, находящихся при армии по интендантской части, а также высочайших рескриптов, повелений и подтвержденных докладов в связи с организационными и материальными трудностями, а именно: «При настоящих общих распоряжениях о уменьшении по всей возможности казённых обозов при армии, во избежание отяготительного для казны содержания лошадей при оных, не нахожу нужным при армии иметь всех дел, кои из производившихся в прошедшее время войны с французами в канцелярии главнокомандующих по интендантской части, отделены из отправленных в апреле месяце сего года к Вашему сиятельству ...; также высочайших его императорского величества рескриптов, подтвержденных докладов и объявленных высочайших повелений, я назначил и все сии дела и повеления равномерно отправить к вашему сиятельству для присоединения к первым по нераздельной с оными связи...»³¹.

В 1824-1826 гг. документы по истории Отечественной войны 1812 г. были перемещены во вновь образованное 7 февраля 1819 г. Московское отделение архива Инспекторского департамента Военного министерства. Сохранились подробные регистры переданных дел, которые позволяют восстановить состав документов, поступивших в архив Инспекторского департамента в 1814-1815 гг. В числе переданных документов были:

дела генерал-фельдмаршала М.Б. Барклая де Толли:

«по части провиантской с 15 сентября 1812 г. по 4 ноября 1814 г.», 2 связки³²; «по части комиссариатской с 1 октября 1812 г. по 29 ноября. Высочайшие повеления, рескрипты, подтвержденные доклады и записки на имя генерал-фельдмаршала Барклая де Толли с 1812 г. по 1815 г.», 5 связок³³; «по части комиссариатской, интендантской,

канцелярии с 13 сентября 1812 г. по 19 декабря 1814 г.», 7 связок³⁴; «по части провиантской и интендантской с 21 сентября 1812 г. по 7 ноября 1814 г.», 6 связок³⁵.

По другим воинским частям поступили дела:

по формированию генералом Урусовым 6-ти номерных полков с № 1 по № 98 за 1813 -1814 гг., 8 связок и 7 книг³⁶;

1-го корпуса Резервной армии, бывших под командованием генерал-лейтенанта Вельяминова у крепости Данцига расположенными 1813 и 1814 гг. и по 27 марта 1815 г., 35 связок³⁷;

канцелярии генерал-лейтенанта Клейнмихеля 1812 г., высочайшие повеления, приказы Военного министерства, входящие и исходящие журналы месячные рапорты о состоянии и распределении войск 2-го резервного пехотного корпуса за 1812, 1814 и 1815 гг., 63 связки, 2 книги³⁸.

разные бумаги, поступившие в 1812 г., генерала-фельдмаршала Баркляя де Толли за март декабрь, 8 связок³⁹; генерала Баркляя де Толли: исходящие журналы; списки убитых, раненых, без вести пропавших штаб- и обер-офицеров и нижних чинов, суточные строевые рапорты; свидетельства, выдаваемые штаб-доктором раненым и по болезни обер-офицерам за 1812 год, 9 связок⁴⁰;

генерала от кавалерии Тормасова и генерала от кавалерии Витгинштейна; входящие бумаги, исходящие журналы; ведомости о больных; десятидневные, месячные, строевые рапорты; списки убитым, раненым и без вести пропавшим за 1813 г., 36 связок⁴¹;

1-го отделения армии генерала от инфантерии Багратиона; суточные, семидневные, десятидневные, месячные рапорты; высочайшие приказы; указы Военной коллегии; рапорты разных лиц; дела по разным предметам 3-го отделения; списки о чиновниках для требования полугодического жалованья; приказные тетради; квартирные расписания 3-го корпуса; реляции и списки об отличившихся; диспозиция о движении 3-го корпуса; входящие и исходящие журналы за 1811-1812 гг.; 65 связок⁴²;

дела для приобщения к делам генерала-фельдмаршала Баркляя де Толли, списки штаб и обер-офицеров, формулярные и кондуитные списки штаб и обер-офицеров за 1814 г., 12 связок⁴³;

донесения разных лиц генералу-фельдмаршалу Кутузову-Смоленскому, списки отличившихся в 1812 и 1813 гг., наградные списки, 6 связок⁴⁴.

Особое внимание при приёме и передаче дел обращалось на наличие описей, регистров, журналов входящих и исходящих до-

кументов, необходимых впоследствии для исполнения запросов.

В 1874-1875 гг. часть дел Общего архива Главного штаба Военного министерства были отправлены в Московское отделение архива «по случаю недостатка места в помещениях, занимаемых в Санкт-Петербурге Общим архивом Главного штаба и совершенной очистки старых егерских казарм от находящихся в оных архивных дел»⁴⁵. Среди прочих дел в Московское отделение Общего архива Главного штаба были перемещены формулярные списки и месячные рапорты частей войск за 1812-1816 гг.⁴⁶ Всего было передано 11 тюков формулярных списков (1 687 книг и связок); 53 тюка месячных рапортов частей (5 357 книг, дел и связок)⁴⁷. В деле имеются также сведения о книгах, которые при передаче были не обнаружены. Таких книг оказалось с месячными рапортами за 1812-1815 гг. – 134., с формулярными списками – за 1812-1815 гг. – 69⁴⁸.

Значительный комплекс дел по истории комплектования Архива Военно-топографического депо сохранился в фонде Канцелярии генерал-квартирмейстера Главного штаба (РГВИА. Ф.37. Оп.1/191). С декабря 1815 г. по апрель 1824 г. должность генерал-квартирмейстера занимал К.Ф. Толь. В фонде отложилось несколько комплексов документов, причём в составе как разных дел, так и в составе одного дела: 1) по передаче в Военно-топографическое депо документов, в т.ч. журналов военных действий частей войск, для составления журнала военных действий 1812 г., карт и планов сражений, 2) по передаче документов М.Б. Барклаем де Толли, 3) о составлении истории войны 1812 г., 4) о выдаче документов 1812 г. из Военно-топографического депо.

Так, например, в фонде имеется дело с отношениями генерал-квартирмейстера генерал-лейтенанта К.Ф. Толя за 1815-1817 гг. к генерал-адъютанту А.А. Закревскому, генералу от инфантерии М.А. Милорадовичу о присылке *сведений* (выделено мной – *Н.М.*) о формировании и численности воинских частей, генералу А.А. Аракчееву о присылке сведений о формировании ополчений, генерал-лейтенанту Ф.Ф. Штейнгию, генерал-майору М.С. Вистицкому о присылке журналов движений и действий войск для составления журнала военных действий 1812 г.⁴⁹

Обязанность по ведению журнала военного похода была предусмотрена ещё Воинским уставом Петра I 1716 г.: «Також де потребно есть ему генералу квартирмейстеру, чтоб записную книгу, или протокол иметь, и войскам все походы, и бывшие лагеры записывать, и чертежи оным рисовать, еже ему для ведения служить, и его от многого труда освободить может»⁵⁰.

В «Учреждении для управления Большой действующей армией» перечислены предметы управления генерал-квартирмейстера: «Ко второму отделению генерал-квартирмейстерского управления принадлежат:... Ежедневные записки и реляции военных действий... Тайная переписка по военным операциям»⁵¹.

Н.П. Глиноецкий указывает: «Так, первые годы после возвращения наших войск из заграничного похода были употреблены на приведение в порядок военных журналов за прошедшие года со всеми к ним приложениями. Бароном Толем предпринято в 1816 году описание кампании 1812 года и съёмка всех местностей, на которых происходили какие-либо встречи с неприятелем в эту замечательную эпоху»⁵². Кроме того, Н.П. Глиноецкий упоминает и об описании кампании 1815 г., работах по выверке карт иностранных территорий⁵³.

Вопрос о составлении К.Ф. Толем журнала военных действий всех армий является пока не достаточно изученным в источниковедении истории войны 1812 г. Как отмечают С.А. Малышкин и И.А. Шеин, К.Ф. Толь запрашивал сведения и документы для составления истории войны 1812 г. А.Г. Тартаковский показывает более сложную картину создания им истории войны 1812 г., в основе которой лежала работа по составлению журнала военных действий. Исследователь обращает также внимание на то, какие источники использовал К.Ф. Толь, что важно в условиях продолжающегося поступления документов по истории войны 1812 г. в архивы Военного ведомства на протяжении 1814-1830-х гг.

В 1816 г. в ведение Главного штаба поступило Военно-топографическое депо. Предписанием К.Ф. Толю от 8 мая 1816 г. начальник Главного штаба П.М. Волконский указывал на необходимость передачи дел квартирмейстерской части в Архив Военно-топографического депо: «...извольте ... предписать кому следует о сдаче в архив сего депо... имеющихся в ведении вашем манускриптных и печатных карт, планов, атласов и описаний, равно как отчётных съёмных карт и всех вообще медных гравированных досок; удержав у себя только те карты кои необходимо надобны Вам по службе, препроводив ко мне об оных ведомость»⁵⁴. На документе имеется помета К.Ф. Толя: «Написать ордер полковнику Хатову о сдаче всех [...] карт и планов и гравированных досок. Причём оставив [...] у нас в 1-м отделении [все съёмные карты по одному экземпляру], а равно и все военные журналы, коими [руководствуемся] при составлении военной истории России»⁵⁵. В предписании же П.М. Волконского К.Ф.

Толлю от 19 января 1817 г. в отношении журналов военных действий 1812-1815 гг. указывалось: «...Журналы же военных действий 1812, 1813, 1814 и 1815 годов, по записке в каталоги военно-топографического депо к вам доставлены будут для хранения»⁵⁶.

В 1816 г. в Военно-топографическое депо были переданы документы М.Б. Барклаем де Толли. В письме от 5 января 1816 г. к начальнику Главного штаба и директору Военно-топографического депо П.М. Волконскому М.Б. Барклай де Толли сообщал: «Во время бытности моей военным министром я имел при себе два пакета; первый под литерою А, в коем заключаются самые секретнейшие дела, известные только государю императору и мне; а второй под литерою В, в коем находятся сведения о силах неприятельских. ... по случаю поступления всей военной и секретной части в ведение вашего сиятельства, я имею честь препроводить оные к вам...»⁵⁷. В деле имеются описи передаваемых М.Б. Барклаем де Толли в Военно-топографическое депо документов⁵⁸.

А.В. Автократов указывает, что в 1828 г. в архив Депо поступили более 100 дел М. Б. Баркляя де Толли, предварительно разобранные в канцелярии генерал-квартирмейстера⁵⁹. Дело о поступлении документов М.Б. Баркляя де Толли хранится в фонде Генерал-квартирмейстера Главного штаба. В нем имеется опись поступивших документов, в которой значатся и дела за 1812 г., в т.ч. высочайшие рескрипты, письма М.Б. Баркляя де толи М.И. Кутузову за 1812 г., документы за довоенный период и документы 1813-1815 гг.⁶⁰

В указанном фонде генерал-квартирмейстера Главного штаба сохранились и другие дела о разборе документов генерал-фельдмаршала М.Б. Баркляя де Толли:

1) Переписка. Разбор бумаг и документов за 1788, 1805-1815 гг., оставшихся после смерти ген.-фельдм. Баркляя де Толли. Передача их на хранение в ВТД (Подробные описи). (23 августа 1818 г. – 14 января 1819 г. ; 22-27 февраля 1829 г.)⁶¹;

2) Переписка. Представление ген.-квартирмейстером 1-й армии журнала военных действий во время французской кампании 1813-1814 гг., армии адмирала Чичагова, корпусов и отрядов Главной (Соединённой армии) армии. Передача их для хранения в ВТД (Описи). (23 декабря 1824 г. – 3 января 1825 г.; 30 апреля – 2 мая 1831 г.)⁶².

Как видно, документы, передававшиеся М.Б. Барклаем де Толли, поступали и в Архив Инспекторского департамента и в Архив Военно-топографического депо. Разница заключалась в том, что документы, отражающие ход военных действий – реляции, донесения,

рапорты, поступали в Архив Военно-топографического депо для составления генерал-квартирмейстерской частью возложенной на неё обязанности по составлению журналов военных действий. В связи с этим обращает на себя внимание и состав фонда М.Б. Баркляя де Толли (РГВИА. Ф.103), где преобладают наградные, кондукитные списки, списки раненых и убитых.

В литературе не получил освещения вопрос о складывании комплексов архивных документов ополчений. Отдельные дела о формировании архивного комплекса дел по ополчениям имеются в РГВИА.

В фонде Инспекторского департамента сохранилась переписка с Полевой комиссариатской комиссией и Интендантством 2-й армии о выяснении места нахождения дел ополчений: Нижегородского, Рязанского, Пензенского, Симбирского, Костромского, Казанского и Полтавского (29-30 июля 1819 г.)⁶³.

В том же фонде имеется дело об определении места хранения документов комитета С.-Петербургского ополчения (29 ноября – 31 декабря 1830 г.). В ответ на отношение сенатора, председателя Временной комиссии для разбора дел архивов Государственного и Правительствующего Сената С.Ф. Маврина военный министр А.И. Чернышов 29 ноября 1830 г. сообщал о необходимости передать их в С.-Петербургский губернский архив в соответствии с высочайшим указом Правительствующему Сенату от 7 декабря 1816 г. В отношении И.А. Чернышова указывается, что дела «следуют также к сдаче в С.-Петербургский губернский архив более потому, что и из описей, доставленных генерал-лейтенантом Будкевичем, видно, что все те дела производились не по фронтовой, а по экономической части, которые вовсе к Главному штабу не принадлежат»⁶⁴.

Документы об ополчениях Отечественной войны 1812 г. отложились как в фондах учреждений, так и в фондах личного происхождения. Значительный комплекс документов по строевой части ополчений отложился в фонде Инспекторского департамента Военного министерства. Это формулярные списки генералов и офицеров ополчений, списки воинов ополчений, краткие послужные списки, алфавитные списки, семидневные, десятидневные, месячные, полумесечные строевые рапорты⁶⁵; журналы входящих и исходящих документов по ополчениям за 1813-1814 гг.⁶⁶

В фондах личного происхождения сохранились списки ополченцев, с указаниями причин отдачи крестьян в ополчение. Примечательно, что в списках вместо указания об отдаче в ополчение пишется – «отданные в рекруты». Так, например, списки ополченцев отложились в фондах:

Мушины-Пушкины (Реестр назначенных в рекруты для ополчения из вотчин графа М[усина]-Пушкина. Авг[уст] 1812 г.⁶⁷; список крестьян села Михальцова, отданных в рекруты. 1812 г.⁶⁸);

Орловы-Чесменские (мирской приговор на отдачу во временное ополчение крестьян Никольской вотчины. 15 авг[уста] 1812 г.⁶⁹; списки крестьян графини Орловой-Чесменской, назначенных во внутреннее ополчение взамен 25 человек забракованных и 4 человек недоимочных. 1812 г.⁷⁰);

Шереметевы (список крестьян с. Иванова, разбитый на группы от которых сдавалось по 1 человеку в ополчение. 1812 г.⁷¹; дело о наборе крестьян во временное ополчение. 1812 г.⁷², список крестьян волостной половины, отданных в ополчение 21-26 августа 1812 г.⁷³);

Сидоровское вотчинное правление Орловых и Паниных (реестры крестьян, назначенных в ополчение и «внутреннее войско». 20 июня – 25 сентября 1812 г.⁷⁴).

Данные документы пока практически не использованы в научной литературе, хотя являются ценным источником по истории мировоззрения русского крестьянства начала XIX века.

Подводя итог выше сказанному, следует отметить несколько особенностей формирования архивного комплекса документов русский армий и народного ополчения по истории войны 1812 г. в архивах Военного ведомства.

Можно выделить два основных направления формирования данного комплекса. В Архив Инспекторского департамента поступали документы, связанные, в первую очередь, со строевой службой офицеров и нижних чинов, т.е. документы по строевой части, необходимые для наведения справок по личному составу армии. Второй комплекс документов стал откладываться в квартирмейстерской части Главного штаба в связи с занятиями, возлагаемыми на квартирмейстерскую часть по ведению военно-топографических работ и журналов военных действий. В 1816 г. в состав Главного штаба вошло Военно-топографическое депо и документы, получаемые и создаваемые квартирмейстерской частью, стали передаваться в Архив Военно-топографического депо.

К сожалению, в связи с утратой части дел по истории формирования комплекса архивных документов по истории войны в Архиве Инспекторского департамента, пока довольно сложно представить исчерпывающую картину поступления документов в архив. При этом чётко определяются 2 этапа концентрации документов: 1) в Архиве Инспекторского департамента Военного ми-

нистерства; 2) в Московском отделении Архива Инспекторского департамента (впоследствии Московском отделении Общего архива Главного штаба).

Как следует из документов, поступление дел и документов по истории войны 1812 г. в Архив Инспекторского департамента началось в 1814 г. В этот период поступление документов стало осуществляться по организационным и материальным причинам. Высочайшим рескриптом Правительствующему сенату от 28 октября 1814 г. сухопутные силы были разделены на 2 армии под командованием генерал-фельдмаршала М.Б. Барклая де Толли и генерала от кавалерии Л.Л. Беннигсена⁷⁵. С возвращением российских войск из заграничных походов было уделено значительное внимание вопросам их размещения. Именно изменения в размещение войск и их передвижение стали причиной периодических поступлений в Архив Инспекторского департамента документов за 1812 г., а также предшествующие и последующие годы.

Впоследствии в 1824-1826 гг. данный комплекс документов частично был передан в Московское отделение Архива Инспекторского департамента. Отдельные поступления документов по войне в Московское отделение Архива Инспекторского департамента продолжались вплоть до 1830-х гг. В 1874-1875 гг. была осуществлена ещё одна передача документов по истории войны из Общего архива Главного штаба (создан на основе Архива Инспекторского департамента) в Московское отделение Общего архива Главного штаба. Перемещение архивных документов, в т.ч. по истории войны 1812 г., из С.-Петербурга в Москву было связано с нехваткой места для размещения документов.

Другим направлением складывания архивного комплекса документов по истории войны 1812 г. можно считать поступление документов в Архив Военно-топографического депо, впоследствии Военно-учёный архив Главного штаба. Концентрация документов по истории войны в данном архиве также была связана с обязанностями, возложенными на генерал-квартирмейстерскую часть. Важно отметить, что составление карт и планов сражений было тесно связано с ведением журналов военных действий и составлением реляций, донесений и рапортов о военных действиях. Журналы и реляции являлись источниками составления карт и планов, в связи с чем поступали на хранение с последними, являлись их неотъемлемой частью.

Поступление документов в Архив Военно-топографического депо охватило период с 1814 по 1830-е гг. Правильно будет сказать,

что частично документы по истории войны 1812 г. отложились в Архиве Военно-топографического депо в процессе делопроизводства квартирмейстерской части. Кроме того, как и в предыдущем случае, отдельные поступления документов по истории войны продолжались вплоть до 1870-х гг.

¹ В целом история архивов военного ведомства до 1917 г. рассмотрена в диссертации А.В. Автократова. См.: *Автократов А.В.* Военно-исторические архивы дореволюционной России: дисс. ... канд. ист. наук. М., 1990. Истории развития НСА ВУА посвящена статья О.А. Пучковой. См. Научно-справочный аппарат Военно-учёного архива. История развития /Труды Российского государственного военно-исторического архива. Т.2. М., 1998. С. 14-36.

² *Богданов Г.В.* К истории собирания русских военных архивов //Вопросы архивоведения. Научно-информационный бюллетень. 1962. № 4. С. 64.

³ Там же. С.64, 65. В апреле 1867 г. военный министр Д.А. Милютин одобрил предложения Совещательного комитета Главного штаба, касающиеся организации ВУА. (*Автократов А.В.* Указ. соч. М.1990 г. С. 54, 55).

⁴ *Богданов. Г.В.* К истории собирания русских военных архивов //Вопросы архивоведения. Научно-информационный бюллетень. 1962. № 4. С. 64.

⁵ *Автократов А.В.* Указ. соч. С. 7-8.

⁶ К сожалению, автор статьи не даёт ссылки на источники.

⁷ *Мальшикин С. А.* Отечественная война 1812 года: судьба архивов русских армий // *В. Н. Автократов.* 1922 - 1992: Мат-лы научных чтений 11 - 12 января 1994 года. М., 1994. С.19.

⁸ Там же. С. 19-20; Его же. Судьба архивных документов Русской армии эпохи Отечественной войны 1812 года //Российская история. 2008. №2. С. 81.

⁹ Автор также не даёт ссылки на источники.

¹⁰ *Мальшикин С.А.* Из истории архивов русской армии в эпоху Отечественной войны 1812 года /Известия Саратовского университета. 2007. Т. 2. Сер. Международные отношения. Вып.2. Саратов, 2007. С. 46.

¹¹ Там же. С.48.

¹² Там же.

¹³ Данная цитата приведена в статье И.А. Шеина со ссылкой на три дела, два из которых были (РГВИА. Ф.37. Оп.1/191. Св.51. Д.31, 32; Св.2. Д. 12); *Шейн И.А.* Издание и описание документов Военно-учёного и Лефортовского архивов накануне столетнего юбилея Отечественной войны //Отечественные архивы. 2002. №1. С.16, 26.

¹⁴ Все заголовки дел приводятся в соответствии с описями. Добавленные элементы заголовков указываются в квадратных скобках.

¹⁵ РГВИА. Ф.395. Оп.2/131. Св.31. Д. 296.

¹⁶ Там же. Св.32. Д. 330.

¹⁷ Там же. Св.32. Д. 350.

¹⁸ Там же. Св.33. Д. 453.

- ¹⁹ Там же. Св.34. Д. 16.
²⁰ Там же. Св.35. Д. 160.
²¹ Там же. Св.36. Д. 307.
²² В 1812 г. был начальником дивизии во 2-м резервном корпусе.
²³ РГВИА. Ф.395. Оп.2/131. Св.37. Д.4 13.
²⁴ Там же. Св.32. Д. 386.
²⁵ Там же. Св.36. Д. 232.
²⁶ Там же. Д. 245.
²⁷ Там же. Св.39. Д. 572.
²⁸ Там же. Д. 578.
²⁹ Там же. Св.40. Д.232. Л. 2-2об.
³⁰ Там же. Св.36. Д.245. Л. 1.
³¹ Там же. Ф.395. Оп.2/131. Св.39. Д. 578. Л. 1.
³² Там же. Ф.799. Оп.1. Д. 177. Л. 2.
³³ Там же. Л. 4.
³⁴ Там же. Л. 6.
³⁵ Там же. Л. 8.
³⁶ Там же. Д. 164. Л. 2, 4.
³⁷ Там же. Л. 6, 8.
³⁸ Там же. Л. 10, 12, 14, 16, 18.
³⁹ Там же. Д. 180. Л. 2.
⁴⁰ Там же. Л. 4.
⁴¹ Там же. Л. 6, 8, 10.
⁴² Там же. Л.1 1, 14, 16, 18, 20, 22.
⁴³ Там же. Л. 28, 30, 33.
⁴⁴ Там же. Л.3 4 об., 35.
⁴⁵ Там же. Д. 237. Л.1.
⁴⁶ Там же. Л.1 7-19 об.
⁴⁷ Там же. Л. 17-19 об.
⁴⁸ Там же. Л. 149-153.
⁴⁹ Там же. Ф.37. Оп.1/191. Св.2. Д. 12.

⁵⁰ Книга устав воинских: О должности генералов, фелт маршалов, и всего генералитеита, и протчих чинов которые при воиске надлежат быть, и о иных воинских делах, и поведениях, что каждому чинить должно. / Напечатася повелением царского величества. – В Санктъпитербурхе, 19 июля 1716. С. 78.

⁵¹ ПСЗ РИ. Т.ХХХII : 1812-1815.1830. № 24975.

⁵² *Глиноецкий Н.П.* История Русскаго генеральнаго штаба [Текст] / сост. Генеральнаго штаба генерал-майор Н. П. Глиноецкий. - Санкт-Петербург: Тип. Штаба войск гвардии и Петербургскаго военнаго окр., Т. 1: 1698-1825 г. 1883. С.357.

⁵³ Там же.

⁵⁴ РГВИА. Ф.37. Оп.1/191. Св.5. Д. 51. Л. 2., 2об.

- ⁵⁵ Там же. Л.2.
- ⁵⁶ Там же. Св.6. Д.86. Л. 1.
- ⁵⁷ Там же. Оп.2. Д.31.
- ⁵⁸ Там же. Оп.1. Св.3. д.27. Л. 2-3, 3об.-6.
- ⁵⁹ *Автократов А.В.* Военно-исторические архивы... 1990. С. 37.
- ⁶⁰ РГВИА. Ф.37. Оп.1/191. Св.3. Д. 27.
- ⁶¹ Там же. Св.16. Д.1 83.
- ⁶² Там же. Св.45. Д. 511.
- ⁶³ Там же. Ф.395. Оп.327. Д. 14.
- ⁶⁴ Там же. Д. 278. Л. 4.
- ⁶⁵ Там же. Оп.311/240.
- ⁶⁶ Там же. Оп.316.
- ⁶⁷ РГАДА. Ф.1270. Оп.1. Д. 699.
- ⁶⁸ Там же. Д. 700.
- ⁶⁹ Там же. Ф.1384. Оп.1. Д. 785.
- ⁷⁰ Там же. Д. 805.
- ⁷¹ Там же. Ф. 1287. Оп.5. Ч.3. Д. 4213.
- ⁷² Там же. Д. 4219.
- ⁷³ Там же. Оп.6. Д. 219.
- ⁷⁴ Там же. Ф.1454. Оп.1. Ч.1. Д. 1307.
- ⁷⁵ ПСЗ. Т.XXXII: 1812-1815.1830. № 25723.

Дискуссии о путях развития экономического кримведения на рубеже 20–30-х годов XX века: по документам Российского государственного архива экономики

Аннотация: В статье на основе ранее неопубликованных документов из фондов Российского государственного архива экономики (РГАЭ), восстановлен процесс трансформации состава научно-технической интеллигенции Крымской АССР, а также изменение ее системы взглядов на социалистическую индустриализацию в конце 20-х гг. XX в. Показано противостояние старых кадров и генерации «красных специалистов», возникшее в рамках деятельности Крымского межсекционного бюро инженеров и техников (КМБИТ) и местного отделения Всесоюзной ассоциации работников науки и техники для содействия социалистическому строительству в СССР (ВАРНITCO). Особый акцент сделан на работе пленумов КМБИТа, ставших дискуссионной площадкой для научно-технических сил полуострова.

Ключевые слова: Всесоюзная ассоциация работников науки и техники для содействия социалистическому строительству в СССР, Крымское межсекционное бюро инженеров и техников, Российский государственный архив экономики.

Akimchenkov V.V.

Discussions on the ways of development of economic studies in Crimea at the turn of the 20-30s of the XX century: according to the documents of the Russian state archive of Economics

Abstract: Based on previously unpublished documents from the Russian state archive of Economics (RGE), the article reconstructs the process of transformation of the scientific and technical intelligentsia of the Crimean ASSR, as well as the change of its system of views on socialist industrialization in the late 20s of the twentieth century. The article shows the confrontation between the old cadres and the generation of “red specialists”, which arose within the framework of the Crimean intersectoral Bureau of engineers and technicians (KMBIT) and the local branch of the all-Union Association of science and technology workers to promote socialist construction in the USSR (VARNITSO). Special emphasis is placed on the work of the cmbita plenums, which became a discussion platform for the scientific and technical forces of the Crimean Peninsula.

Keywords: all-Union Association of workers of science and technology to promote the socialist construction in the USSR, the Crimean intersection of the Bureau of engineers and technicians, the Russian state archive of the economy.

К 1928 г. на территории Крымской АССР было завершено восстановление промышленности и сформирована материальная база для осуществления широкомасштабной индустриализации, ставившей целью превращение экономики полуострова из аграрной в индустриально-аграрную¹. Республика вступила в фазу форсированного построения государственного социализма, когда требовалась мобилизация не только имеющихся материальных ресурсов, но и сплочение общественных сил вокруг поставленных задач. С этой целью партийно-государственными органами было принято решение вовлечь в процесс социалистических преобразований научно-технические кадры полуострова, сплотив их в рамках общественных союзов и организаций. Они должны были способствовать внедрению в широкие общественные массы идеологического обоснования проходивших в стране перемен, направив свои силы в дело социалистического строительства, став надежной опорой режима.

Решение поставленных задач на территории Крымской АССР было возложено на местное отделение Всесоюзной ассоциации работников науки и техники для содействия социалистическому строительству в СССР (далее – ВАРНИТСО), образованное в 1928 г.², а поисками теоретических и практических рекомендаций должны были заняться съезды по изучению производственных сил Крыма³. При этом с середины 20-х гг. XX в. существовали и иные формы объединений научно-технических сил, группировавшиеся вокруг Крымского межсекционного бюро инженеров и техников (далее – КМБИТ) и его районных отделений, Крымского бюро инженерно-технических секций (КБИТС) и других подведомственных партийно-государственным органам организаций.

В фондах Российского государственного архива экономики (далее – РГАЭ) нами выявлена переписка члена Президиума Крымского отделения ВАРНИТСО, инженера Петра Яковлевича Макаровского и ответственного секретаря Бюро Ассоциации, профессора Бориса Ильича Збарского, позволяющая описать процессы, проходившие в среде научно-технической интеллигенции Крыма на рубеже 20–30-х гг. XX в. Дополнив ее ранее неопубликованными протоколами съездов и собраний, анкетами и краткими жизнеописаниями (*curriculum vitae*) членов организации, мы предлагаем результаты изучения процесса создания и функционирования Крымского отделения ВАРНИТСО с уточненными биографическими данными представителей научно-технической интеллигенции Крыма, рассмотрев эти процес-

сы через призму развития экономического крымоведения в обозначенный период времени⁴.

Советская научно-техническая интеллигенция, оставшаяся в политическом плане нейтральной в первое десятилетие советской власти, в условиях политики социалистической реконструкции, подвергалась все более ожесточенной критике. С началом «Шахтинского дела» началась борьба со старыми кадрами, на смену которым должна была прийти генерация «красных специалистов». Показательным в этом плане является письмо П. Я. Макаровского, адресованное в Президиум ВАРНИТСО, в котором он обозначил большую часть старых крымских специалистов «лояльной и колеблющейся» группой, у которой «упадочные настроения, съезживание, самозамыкание, уход в ракушку, ее чувства большой обиженности, однобокость ее жалоб» и утверждал, что все это не способствует делу социалистического строительства⁵.

Так, к концу июня 1928 г. в среде крымской научно-технической интеллигенции произошел явный раскол, обозначившийся еще весной того же года в процессе оформления ячеек ВАРНИТСО в Симферополе, Керчи и Феодосии. Эти разногласия получили дальнейшее очертание в ходе проведения пленумов КМБИТа 24–25 июня 1928 г. и агрономов-землемеров 26–27 июня того же года, в ходе которых был озвучен ряд предварительных докладов о деятельности ВАРНИТСО, накаливших обстановку и окончательно расколовших крымское научное сообщество. Так, 24 июня ответственный секретарь КМБИТа Алексей Михайлович Комиссаров, выступая с отчетным докладом о деятельности организации, завершил его, по словам П. Я. Макаровского, в духе речей советского профсоюзного деятеля М. П. Томского⁶ и инженера С. Д. Шейна⁷, несвоевременной, в определенной степени – вредной констатацией факта о расколе крымской технической интеллигенции. В свою очередь управляющий строительным контролем Крымской АССР, инженер Петр Павлович Дюкоммен отметил, что местная ячейка ВАРНИТСО не встретила должного понимания со стороны Президиума КМБИТа, упрекнув его в потере контроля над сложившимися в среде инженеров Крыма общественно-политическими течениями. Завершил работу пленума инженер П. Я. Макаровский, обозначив ряд крупных недостатков в различных отраслях крымской промышленности, сформулировав риторический вопрос о том, продолжит ли КМБИТ и впредь заниматься текущими мелочами, либо приступит к решению назревших проблем⁸.

Вслед за этим разгорелись прения, вскрывшие все имеющиеся

сложности и окончательно расколовшие делегатов на четыре группы. Первые, в лице председателя Президиума КМБИТа Николая Александровича Ярцева и члена Президиума, инженера Владимира Михайловича Ильчевича, упрекали А. М. Комиссарова в том, что он в своем официальном докладе дал столь нелестную характеристику сложившейся ситуации, при этом носящую частный характер и не отображающую консолидированного мнения КМБИТа, без согласования с ними. Вторые, в лице членов Президиума: ответственного секретаря Крымского областного бюро агрономической секции Н. Т. Трофимова, доцента Крымского государственного педагогического института им. М. В. Фрунзе В. Г. Лунева и директора симферопольского завода «Крымское машиностроение» Григорьева, твердили обратное, настаивая на согласованности представленного доклада с большинством членов Президиума. Третьи протестовали против откровенно прозвучавшей самокритики. Четвертые утверждали, что упреки в слабой культработе безосновательны, «рабочие не ходят, изобретатели “полусумасшедшие маньяки”, которых нужно лечить, – газеты травят инжтехперсонал и “скоро часть инженеров вынуждена будет уходить с производства”».

На следующий день заседание пленума открылось не в 9, как было заявлено в программе, а в 12 часов дня – поскольку в кулуарах по-прежнему шла ожесточенная дискуссия по поводу озвученных 24 июня докладов. Часть делегатов даже обратилась с жалобой к председателю Крымского совета профессиональных союзов Н. Е. Зимичеву, которого просили вмешаться в сложившуюся ситуацию. Однако тот отреагировал на это словами «ваше внутреннее дело – разбирайтесь сами – на то и Пленум»⁹.

Развернувшиеся прения подтвердили, что разногласия поразили как сам КМБИТ, так и Керченскую инициативную группу ВАРНИТ-СО¹⁰, разделив научно-техническую интеллигенцию. Единое мнение наблюдалось лишь в Крымском отделении ВАРНИТСО, делегаты которого на пленуме находились в меньшинстве. Однако идеологически их позиция одержала верх: установка предстоящей работы КМБИТа, данная П. Я. Макаровским, была принята; в редакционную комиссию по выработке резолюции избраны, кроме прежних руководителей Н. А. Ярцева и В. М. Ильчевича, вошли П. П. Дюккоммен и А. М. Комиссаров. Однако руководство КМБИТом осталось в прежних руках, несмотря на попытку Н. А. Ярцева поставить вопрос о своей отставке, которая не была принята пленумом. При этом во время обсуждения этого вопроса А. М. Комиссаров отметил,

что, хотя Н. А. Ярцев значительно отошел от управления организацией, однако многие члены пленума разделяют его позицию, поэтому рекомендуют ему не оставлять занимаемой должности. Работа пленума была завершена докладом П. П. Дюкоммена об организации Крымского отделения ВАРНИТСО, выслушанный делегатами уже в спокойной обстановке.

Важной вехой в процессе оформления Крымского отделения ВАРНИТСО являлся пленум агрономов и лесоводов, проходивший 26–27 июня 1928 г. В ходе его работы В. Г. Лунев представил доклад о деятельности организации, который пробудил у делегатов большой интерес и желание представителей провинциальной научно-технической интеллигенции быть вовлеченной в этот тенденциозный и перспективный проект¹¹. Однако большинство желающих, либо не имело достаточного опыта общественной деятельности, при наличии только лишь среднего образования, либо представляли собой уже сформировавшихся ученых с устоявшимися взглядами и зарекомендовавших себя на общественном и научном поприще. По мнению руководства Ассоциации, именно они могли внести разногласия в консолидированную позицию местного отделения. Поэтому процесс принятия в члены ВАРНИТСО проходил крайне осторожно, с пристальным соблюдением всех необходимых процедур.

Показательным в этом плане является заседание Крымского отделения ВАРНИТСО, состоявшееся 10 июля 1928 г., когда при рассмотрении заявлений о вступлении в члены организации, из поступивших двадцати шести заявок было одобрено лишь пять. В силу разного рода причин отложили рассмотрение заявлений профессоров А. Н. Казанского и И. И. Тихановского, агрономов Б. П. Дубровского, А. А. Засядко, М. П. Бутовского, И. М. Бакшеева, экономиста С. А. Кучинского, инженеров Д. В. Шершавова, Д. И. Софронова, П. К. Кржижановского, С. К. Даниэля, Н. К. Корде, С. И. Мачуговского. Им рекомендовали максимально точно изложить свои биографические данные, которые в обязательном порядке прилагались к заявлениям о вступлении, уделив отдельное внимание общественной деятельности и своей позиции по вопросу о социалистических преобразованиях в СССР.

В свою очередь, в отношении инженеров А. А. Степновского, Н. А. Ярцева и В. П. Щербины, научного сотрудника Крымплана А. Д. Петровского-Ильенко, экономиста М. М. Тудоровского, а также профессора П. И. Голландского, было принято решение «от рекомендации воздержаться». Здесь сыграла роль их активная общественная

деятельность и занимаемая ими позиция в научном мире, а также непосредственная причастность к работе съездов по изучению производительных сил Крыма. Этих ученых относили к старым кадрам, составлявшим так называемую «делецкую группу», взгляды которой существенно отличались от идей научно-технических сил новой генерации.

Инженеров В. Л. Зеленского и М. С. Зеликмана одобрили в число возможных кандидатов, однако констатировали отсутствие у них «общественно-политических выступлений». Безо всяких разногласий были рекомендованы в члены Ассоциации лишь агрономы Л. Н. Брайнес и Н. Т. Трофимов, инженеры П. Н. Берменев и С. З. Шевченко, а также профессор И. И. Прейс¹².

Вопрос о строгом анализе каждой кандидатуры, подающей заявление о вступлении в ВАРНИТСО, был вновь актуализирован в ходе заседания Крымского отделения 24 сентября 1928 г. В ходе его Г. А. Максимович и А. М. Комиссаров отметили, что увеличение числа членов Ассоциации, особенно если поданные заявителями материалы лишь фрагментарно отображают их биографические сведения, крайне нежелательно. В этой связи Г. П. Вейсбергу было поручено во время ближайшего посещения Москвы, уточнить в Президиуме ВАРНИТСО порядок приема¹³.

К декабрю 1928 г., в силу переживаемых автономией хозяйственных затруднений, выразившихся в дефиците электроэнергии и стройматериалов, недостатке квалифицированной рабочей силы, вновь усилились дискуссии о возможных путях экономического развития полуострова, что привело, по выражению П. Я. Макаровского, к обстрелу «отдельных членов ВАРНИТСО дождем служебных, профессиональных и личных скорпионов», а любое решительное выступление против «делецкой группы», фактически руководящей крымским коллективом инженерно-технических и агрономических работников, «вызывало резкое движение болота и выделение болотных газов». Ключевым индикатором в этом процессе явился октябрьский пленум Крымского совета профсоюзов¹⁴, проходивший в Симферополе с 15 по 18 октября 1928 г., на котором «делецкая группа», устами председателя КМБИТа Н. А. Ярцева не одобрила решений пленума, вступив в еще более жесткую конфронтацию с ВАРНИТСО¹⁵.

Период с декабря 1928 г. по февраль 1929 г. явился кульминацией противостояния. Перевыборы в районные межсекционные бюро инженеров и техников привели к потере мест «делецкой группой».

Их сторонники были выведены из КМБИТа, что, по словам П. Я. Макаровского, явилось переломным моментом, в котором «либо осилит советская группа и тогда делецкая рассыпится (исчезнет пирог, исчезнут и поклонники пирога, пойдут за советской группой сначала за страх, а там и за совесть), либо осилит делецкая группа, лишит советскую «огня и воды» и задавит на долго всякую возможность протеста и откровений <...> в Крыму – в заповеднике зубров – нам приходится жарко».

В условиях конфронтации с профессурой, которая «думает, что ВАРНИТСО это тихий кружок, вроде “любителей хорового пения”», Г. П. Вейсбергу, П. П. Дюкоммену, А. М. Комиссарову и П. Я. Макаровскому приходилось вести напряженную работу. К концу 1928 г. изменилась тактика этого противостояния. Профессура выступила с идеей равного доступа всех желающих в члены Ассоциации, что привело в условиях чистки советского аппарата к еще большему валу заявлений о приеме. На этой почве среди руководства возникли разногласия о приеме инженеров Н. А. Ярцева, В. М. Ильевича и других лиц. В итоге это привело к тому, что председатель республиканского отделения ВАРНИТСО, профессор Г. А. Максимович и В. Б. Лукьянов выступили за упрощение правил по приему в члены организации и примирение с «делецкой группой», в свою очередь Г. П. Вейсберг, П. А. Двойченко, П. П. Дюкоммен, А. М. Комиссаров и П. Я. Макаровский настаивали на окончательном выводе «дельцов» из профорганизаций¹⁶.

На переднем крае разгоревшегося противостояния оказался КМБИТ, а также Крымское отделение ВАРНИТСО, которое имело в своих рядах «идеологические неустойчивые и колеблющиеся элементы с интеллигентскими соглашательскими примиренческими настроениями»¹⁷. К таким «мягкотелым» правым уклонистам были отнесены: председатель местного отделения Ассоциации, профессор Г. А. Максимович, его сын – заведующий учебной частью Симферопольского педагогического техникума А. Г. Максимович, научные сотрудники Крымплана А. Д. Петровский-Ильенко, В. Б. Лукьянов и П. Н. Берменев, профессор Крымского государственного педагогического института им. М. В. Фрунзе, консультант-гидрогеолог Крымского Народного комиссариата земледелия П. А. Двойченко, а также председатель Крымбюро ИТС строителей, инженер Д. И. Софронов¹⁸.

Таким образом, изменения, проходившие в экономической, социальной и других сферах жизни СССР на рубеже 20–30-х гг. XX в.,

запустили процесс дифференциации в научном мире, базирующийся на классово-ориентированном подходе, делившем научно-техническую интеллигенцию по уровню лояльности к власти, близости к идеям господствующей идеологии и конкретным заслугам, способствующим делу социалистического строительства в стране. На территории Крымской АССР с конца 20-х гг. XX в. в научном сообществе начались серьезные изменения, проходившие в контексте борьбы с «правым уклоном» и начавшимся «Шахтинским делом». Набирал ход процесс чистки общественных и партийно-государственных структур от старых научных кадров и оформления группы «красной» научно-технической интеллигенции, балансирующей между компетентностью и революционным энтузиазмом.

¹ История Крыма: в 2 т. / Отв. ред. А. В. Юрасов. – М.: Кучково поле, 2019. – Т. 2. С. 486–503.

² *Акимченков В. В.* К истории создания ВАРНИТСО: взгляды и мнения крымской интеллигенции // Черноморские чтения: труды III Межд. науч. ист. конф., г. Симферополь, 5 апреля 2016 г. / КФУ им. В. И. Вернадского. – Симферополь: Антикава, 2017. – С. 7–11.

³ *Непомнящий А. А., Козаченко И. В.* Съезды по изучению производственных сил Крыма: экономическое крымоведение на рубеже 20–30-х гг. XX века // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Серия: «Исторические науки». Симферополь, 2015. Т. 1(67), № 4. С. 34–39.

⁴ *Акимченков В. В., Молочко Е. В.* Создание Крымского отделения ВАРНИТСО: новые источники по истории экономического крымоведения 20–30-х гг. XX века // Историк и архивы: Матер. науч. конф., посв. 100-летию государственной архивной службы России и 115-летию архивной службы Курской области, г. Курск, 21 сентября 2018 г. / Под ред. В. Л. Богданова. Курск, 2018. С. 54–58.

⁵ РГАЭ. Ф. 4394. Оп. 1. Д. 305. Л. 28.

⁶ *Томский Михаил Павлович* (1880–1936) – в 1922–1929 гг. – председатель Всесоюзного центрального совета профессиональных союзов (ВЦСПС). В январе-феврале 1929 г. выступил против свертывания НЭПа и форсирования индустриализации и коллективизации, направив 9 февраля 1929 г. совместно с Н. И. Бухариным и А. И. Рыковым заявление Объединенному заседанию Политбюро ЦК ВКП(б) и Президиуму Центральной контрольной комиссии. На апрельском Пленуме ЦК в 1929 г. И. В. Сталин объявил эту позицию «правым уклоном», после чего пленум принял решение снять М. П. Томского с поста председателя ВЦСПС.

⁷ *Шейн Сергей Дмитриевич* (1880–1930) – член-учредитель ВАРНИТСО, председатель Всесоюзного межсекционного бюро инженеров и техников (ВМБИТ) ВЦСПС, заместитель председателя Научно-технического управления Высшего совета народного хозяйства СССР, главный редактор журнала «Инженерный труд» и «общественный обвинитель» на «Шахтинском процессе». В 1930 г. по делу «Промпартии» приговорен к смертной казни.

⁸ *Непомятый А. А., Акимченков В. В.* «Этот вопрос... в свое время обсуждался в общесоюзном масштабе V Менделеевский съездом». Записки профессоров Крымского государственного педагогического института им. М. В. Фрунзе по наиболее рациональному использованию природных богатств полуострова. 1928 г. // Исторический архив. – М.: РОССПЭН, 2019. – № 2. – С. 108–117.

⁹ РГАЭ. Ф. 4394. Оп. 1. Д. 306. Л. 28.

¹⁰ *Акимченков В. В.* «Высвободить среднюю часть интеллигенции из-под влияния реакционных элементов»: создание Керченской инициативной группы Всесоюзной ассоциации работников науки и техники для содействия социалистическому строительству в СССР // Черноморские чтения: труды IV Межд. науч. ист. конф., посв. 100-летию Великой российской революции, г. Феодосия, 28–29 октября 2017 г. / КФУ им. В. И. Вернадского. – Симферополь: Антиква, 2018. – С. 89–101.

¹¹ РГАЭ. Ф. 4394. Оп. 1. Д. 306. Л. 29.

¹² Там же. Л. 15–16.

¹³ Там же. Л. 5 об.

¹⁴ Резолюции VI-го пленума Крымского совета профсоюзов (15–18 октября 1928 г.) / Крымпрофсовет. – Симферополь: [1-я гостиполит. «Крымполиграфтреста»], 1928. – 25 с.

¹⁵ РГАЭ. Ф. 4394. Оп. 1. Д. 305. Л. 28–28 об.

¹⁶ Там же. Л. 23.

¹⁷ Там же. Л. 7 об.

¹⁸ Там же. Л. 8.

Филиппова Т.П.

Источники по истории организации науки в советский период на примере Коми Автономной области (Коми АССР) в 1920-1930-е гг.

Аннотация: проведен анализ источников по истории организации научных исследований на территории Автономной области Коми (Коми АССР) в 1920–1930-е гг. Ценную группу ретроспективной документальной информации по данной проблематике представляют фонды Национального архива Республики Коми. Документы позволяют рассмотреть многофакторный процесс интенсивного научного освоения территории современной Республики Коми, который происходил в впервые десятилетия реализации советской научной политики.

Ключевые слова: Национальный архив Республики Коми, Коми Автономная область, Коми АССР, источники, научные исследования, экспедиции, научная политика.

Filippova T.P.

Sources on the history of the organization of science in the Soviet period on the example of the Komi Autonomous region (Komi ASSR) in the 1920s-1930s.

Abstract: the analysis of sources on the history of the organization of scientific research in the Autonomous region of the Komi Republic (Komi ASSR) in the 1920s-1930s. a Valuable group of retrospective documentary information on this issue are the funds of The national archive of the Komi Republic. Documents allow to consider multiple-factor process of intensive scientific development of the territory of the modern Komi Republic which happened in for the first time decades of implementation of the Soviet scientific policy.

Keywords: National archive of the Komi Republic, Autonomous region of Komi, Komi ASSR, sources, scientific research, expeditions, scientific policy.

В период 1920–1930-х годов была заложена и сформирована советская модель развития науки, ориентированная, прежде всего, на решение экономических и общественно-политических задач государства. Научные исследования в это время получили небывалый размах, начался интенсивный рост научно-исследовательских учреждений. Это коснулось как центра страны, так и ее периферии. Большой интерес новое советское правительство проявляло к из-

учению северных территорий с целью поиска сырьевых ресурсов и развития промышленной инфраструктуры. Одним из регионов, где был опробован опыт комплексного освоения, стала территория современной Республики Коми (до 1921 г. – Коми край, с 1921 г. Автономная область Коми (зырян), с 1936 г. – Коми АССР, с 1993 г. – Республика Коми).

Внимание советского правительства к Коми краю возросло в 1918 г., когда Гражданская война отрезала от центра страны южные нефтеносные районы. Но только в 1920 г., когда белые армии на европейском Севере потерпели поражение, государство смогло приступить к изучению и освоению природных ресурсов этого малоисследованного региона. В 1920-1930-е гг. территория Коми автономии стала объектом изучения научных и отраслевых учреждений страны: Академия наук, Всероссийское общество охраны природы, Геологический комитет ВСНХ и др. За этот период на территории Коми работало более 100 научно-исследовательских экспедиций¹, что целесообразно считать началом комплексного научного изучения региона. Это открыло новую страницу в развитии республики, привело к созданию развитой промышленности и сети местных научных учреждений, внушительным миграционным потокам.

Ценные собрания по истории организации научных исследований в 1920-1930-е годы на территории современной Республики Коми сконцентрированы в архивах, музеях, библиотеках, как республики, так и центра. Специального внимания заслуживает комплекс источников, сохранившийся в самом крупном архивном учреждении республики – Национальном архиве Республики Коми (НАРК). Он ведет свою историю с 1922 г., когда Коми Областной исполнительный комитет создал первую архивную структуру – архив Коми Автономной области. В настоящее время в фондах НАРК накоплена ценная информация по истории, экономике, культуре и общественно-политической жизни республики. Среди нее находится объемный документальный комплекс по истории научных организаций и ученых, стоявших здесь у истоков становления научных исследований в первые десятилетия советской власти. Изучение этого комплекса позволит рассмотреть специфику формирования источников данного периода, особенности сохранившейся документальной информации, а также рассмотреть вехи развития научной политики в регионе в 1920–1930-х гг.

Основной массив источников сохранился в фондах органов власти – Областной государственной плановой комиссии Коми ав-

тономной области (ф. Р-139, 1920–1937 гг.) и Государственной плановой комиссии Коми АССР (ф. Р-1329, 1938–1985 гг.), Революционного комитета Коми АО (облревком) (ф. Р-1, 1921–1922 гг.), Исполнительного комитета Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Коми автономной области (облсполком, ОБИК) (ф. Р-3, 1921–1937 гг.), Исполнительного комитета Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (исполком Коми АССР) (ф. Р-734, 1937–1938 гг.) и Совета Министров Коми АССР (СНК, Совмин) (ф. Р-605, 1938–1973 гг.). Сосредоточение документов именно в фондах органов власти подчеркивает, что все вопросы, связанные с научными исследованиями, находились непосредственно в ведении государства по причине того, что в СССР начала осуществляться модель государственной организации науки.

Информация сохранилась в различных видах документов. Важнейшей для исследования является нормативная документация (постановления и распоряжения государственных и региональных органов власти), в которых формулировались основы государственной научной политики и стратегии в отношении развития области в этот период. Среди них постановления и распоряжения об организации и реорганизации научных учреждений, документы, регламентирующие процесс планирования, организации и координации работ по проблемам изучения и освоения северных территорий. В этих документах, как правило, отражены основные тенденции развития науки в изучаемый период, показано влияние центра на развитие региона.

Среди архивных источников, сосредоточенных в НАРК, значительное место занимают материалы текущего делопроизводства учреждений органов власти (приказы, протоколы заседаний, отчеты, переписка), которые сохранили сведения организационного порядка, связанные с деятельностью научных учреждений, финансирования, подготовки научных кадров, проведения научных исследований. Полнотекстовые протоколы заседаний, как характерная особенность делопроизводства 20-30-х гг. XX в., позволяют более подробно ознакомиться с содержанием обсуждаемых вопросов, различные мнения и позиции сторон. Официальная и личная переписка раскрывает организационные моменты развития науки, процесс налаживания контактов между учеными, научными организациями и местными органами власти. Большой блок информации о результатах исследований и итогах проведенных экспедиций зафиксирован в научно-исследовательских документах (отчеты, очерки, докладные записки, рукописи научных трудов и др.). Таким образом, в распоряжении иссле-

дователей имеется обширный комплекс информативных источников, которые демонстрируют картину становления науки в республике в 1920-1930-е гг. Однако работу с ними осложняют ряд обстоятельств: фрагментарность и разрозненность информации в различных фондах, а также плохая сохранность текстов.

В 1920–1930-х гг. необходимость развития и поддержки тех или иных научных направлений или исследований советское партийно-государственное руководство прямо связывало с «нужностью» и «практичностью» науки, ее ролью в реализации проекта построения коммунистического общества. Одним из таких нужных и полезных направлений считалось краеведение, для которого в этот период было характерно бурное развитие как в центре, так и в регионах. Документы НАРК позволяют проследить историю краеведческого движения в Коми Автономной области, связанного с деятельностью Общества изучения Коми края, в рамках которого началось формирование научного сообщества региона.

Цели, состав и структуру краеведческой организации раскрывают сохранившиеся в архиве отчеты, протоколы заседаний, списки членов Общества, акты государственных комиссии по обследованию его деятельности, протоколы заседаний Коми Облисполкома и Областной Плановой Комиссии о работе Общества². Основной целью создания Общества стала пропаганда идеи комплексного изучения края и объединение научных работников, краеведов в этой работе. Исследователи-энтузиасты: Д.А. Батиев, А.Н. Грен, В.И. Лыткин, В.А. Молодцов, А.С. Сидоров, Г.А. Старцев и др. вели активную научную работу по изучению территории Коми края. Общество включало в себя кружок мироведения, комиссию по охране природы и ряд секций: экономическую, историко-этнографическую, антропологическую и литературную. Действовали филиалы Общества – Московский, Ленинградский, Вятский, Свердловский и др. Обществом издавался журнал «Коми му» («Коми земля»)³.

Форму работы организации демонстрирует «Программа по изучению Коми края», подготовленная Обществом в 1924 г., в которой представлены для исследователей и собирателей – членов организации – подробные инструкции по сбору информации, сведений и предметов культуры в Коми крае⁴. В 1920-е гг. Общество организовало работу по выявлению и охране памятников старины, книг о коми народе и их передаче из музеев и научных учреждений Яренска, Вологды, Архангельска, Свердловска и других городов. Об этих вопросах сохранилась информативная переписка между Обществом и

Коми Облсполкомом. Члены Общества в ходатайствах обращались к руководству области с просьбой поддержать денежными средствами такие направления деятельности, как покупка экспонатов для музеев, проведение археологических раскопок, постройка метеорологической станции и др.⁵

Условия, в которых приходилось работать членам Общества, раскрыты в информационном докладе председателя Д.А. Батиева (1924–1928 гг.), с которым он выступил на заседании областной Плановой Комиссии Коми Автономной области 11 июля 1926 г. В нем показаны как достижения, так и трудности в работе краеведческой организации: «В настоящее время организована довольно обширная сеть филиалов и кружков О[бществ]а: в пределах Области – 14, с количеством членов 182 и вне Области – 4, с количеством членов – 50. [...] На 3-ем Съезде Советов Общество подняло вопрос о необходимости издания единого Коми журнала и без всякой субсидии со стороны местных организаций начало работу. Первые три выпущенные номера журнала быстро разошлись, но вскоре журнал, со всем своим активом и пассивом, был передан Коми издательству и дело с изданием журнала пошло под гору. Далее в 1926 году, издание журнала захватил Облплан, очевидно, с единственной целью погасить этот единственный светоч Коми Области. [...] Общество имеет массу трудов (300 печатных листов), неизданных до настоящего времени за отсутствием средств, но имеющих огромное Областное и даже мировое значение. Главным тормозом в работе Общества являются наши же областные организации. [...] Обл[астная]план[овая комиссия] вздумал планировать науку на бумаге и результаты получились самые неблестящие: Был издан «кустарный» экономический обзор «Коми Область» без участия Общества, хотя последним была выработана программа обзора, охватывающего все хозяйство Области. [...] Так работать нельзя – необходимо изучить край и на научных основах строить его хозяйство, а не заниматься «головетяпетством». Обл[астная]план[овая комиссия] взял «начальнический тон», что по отношению к добровольным организациям, конечно, недопустимо»⁶.

Научно-исследовательская документация Общества по историческим, этнографическим, филологическим, экономическим вопросам, а также авторские работы ученых (статьи, рецензии, исторические очерки, доклады) сохранились в отдельном фонде НАРК «Общество изучения Коми края» (ф. р-710, 76 ед.хр., 1917–1939 гг.). Она показывает основные научные результаты его деятельности. Это, например, материалы С.А. Попова по собиранию диалектико-логиче-

ского словаря, работы по вопросам коми языкознания и этнографии А.Н. Грена, А.С. Сидорова, Г.А. Старцева, очерки об экономике края А.А. Чеусова и др.

На рубеже 1920-30-х гг. развитие краеведческого движения в СССР вступило в сложный период. 11 августа 1927 г. СНК РСФСР приняло постановление «О порядке производства краеведческих работ на территории РСФСР», которое предусматривало связь краеведческой работы с идеологическими и хозяйственными задачами государства. Тематика краеведческих организаций подлежала пересмотру, а состав участников политической чистке. В итоге под предлогом борьбы с национализмом работа обществ была оценена как неактуальная и даже вредная. Общество изучения Коми края прекратило свою деятельность в 1931 г. Под преследования НКВД попала целая плеяда выдающихся ученых (Д.А. Батиев, А.С. Сидоров, Г.А. Старцев, В.И. Лыткин и др.), жизнь и научная деятельность которых была прервана чередой репрессий.

Работа по изучению Коми края была продолжена созданным в 1934 г. Коми научно-исследовательским институтом. Положение об институте, принятое на заседании Президиума Коми Облисполкома 17 апреля 1934 г., раскрывает научные задачи, поставленные перед ним: организация исследований по изучению естественных богатств области и ее производительных сил, изучение вопросов организации труда, коми истории, культуры и быта, популяризация научных достижений, координация всех научно-исследовательской работы, ведущейся на территории Коми⁷. Первоначальная структура института состояла из трех отделов: национальной культуры, промышленности, сельского хозяйства. В 1935 г. эта структура была изменена, в результате чего появились отделы коми языка и литературы, сельского хозяйства; геологический сектор; акклиматизационный участок.

Планомерную деятельность института раскрывают постановления и протоколы заседаний Бюро Обкома ВКП (б), Коми Облисполкома, Исполкома Коми АССР посвященные его работе, плано-отчетная документация института разных лет. Документы свидетельствуют о работе института в условиях активного внедрения в общественное сознание большевистской идеологии, что нашло отражение и в тематике гуманитарных исследований: классовая борьба в историко-этнографической литературе (В.М. Подоров), революционное движение накануне Октября (Е.А. Напалков), установление Советской власти и гражданская война (И.Д. Попвасев, Е.Г. Попвасева, В.М. Подоров), история коми комсомола (Н.К. Кустышев) и др.

В 1936-1938 гг. в рамках борьбы с местным национализмом решением Бюро Коми областного комитета ВКП (б) институт был реорганизован. Исследования в области исторических наук были сведены к минимуму. Основными направлениями деятельности института стали разработка вопросов языка и письменности коми (орфография, терминология, грамматика, синтаксис, формирование литературного языка), а также сбор и систематизация научно-исследовательских материалов о природных богатствах Коми области⁸. В 1937-1938 гг. многие ученые института (Г.А. Нечаев, А.С. Сидоров и др.) были арестованы по подозрению в «коми буржуазном национализме».

Трудовые будни и условия работы сотрудников организации демонстрирует докладная записка директора Коми научно-исследовательского института А.А. Вежева (1939-1941), представленная в Совет народных комиссаров Коми АССР в 1939 г: «Коми научно-исследовательский институт до сих пор не имеет своего профиля, до сих пор четко не определены его задачи. [...] Институт ютится в двух маленьких комнатухах, полутемных и сырых. Зимой в комнатах нестерпимый холод. [...] Помещение тесное, негде повернуться, шкафы заполонили почти всю жилплощадь. Сотрудники вынуждены целыми днями впитывать этот ворох новейших сведений, а иногда просто слушать крупные разговоры, доносящиеся из-за тонкой фанерной перегородки, разделяющей институт от одного из управлений Наркомпроса. [...] Штат научных сотрудников института состоит из молодых специалистов, из недавних выпускников Вузов. [...] Отсутствие подлинной теоретической работы, творческой в лучшем смысле этого слова работы, тормозит их рост как научных работников. [...] Штат института не укомплектован. Институту специальный работник по фольклору требуется как воздух. Ощущается потребность в специальном работнике по истории. К сожалению, бюджет института с одной стороны не позволяет взять их на работу, с другой стороны, Наркомпрос тоже не прилагает никаких усилий по укомплектованию и вообще по усилению института научными кадрами»⁹.

Развертыванию научных изысканий учреждения помешала начавшаяся в 1941 г. Великая Отечественная война. Многие сотрудники института, в том числе и директор А.А. Вежев, были призваны на военную службу. Самостоятельное развитие института продолжалось до 1944 г., он сыграл значительную роль в развитии научных исследований в Республике Коми, поэтому не случайно

полным составом был передан в ведение Базы АН СССР в Коми АССР.

Параллельно с изучением истории, культуры и языка области силами национальной интеллигенции шел процесс научного освоения богатых ресурсов северной территории. Архивные документы этого периода позволяют сделать выводы об активизации экспедиционной деятельности в связи с планами превращения региона в сырьевую базу Европейской части РСФСР, о процессе научного строительства, разработке перспективных планов освоения территории. Усилилось государственное финансирование в этом направлении. К сожалению, в фондах НАРК сохранились документы не обо всех экспедициях. Это обстоятельство объясняется, прежде всего, тем, что обязательное требование к предоставлению отчетов о проделанной работе экспедиций в плановые органы области было введено только в 1931 г.¹⁰

Основными направлениями изысканий ученых стали разведка запасов каменного угля, поиск нефтеносных районов и полезных ископаемых (соль, железная руда, золото и др.). Значительную группу архивных документов НАРК составляют сведения о работе геологических отрядов на территории области под руководством д. г.-м.н. профессора А.А. Чернова. Это подробные отчеты о работе Печорской геологической партии 1922 г.¹¹, Усинской геологической партии 1923 г.¹², геологической экспедиции на Вычегду и Ижму в 1923 г.¹³, сведения о работе Печорского геологического отряда СНПЭ в 1924 г.¹⁴. Кроме того, результаты исследований зафиксированы в докладах А.А. Чернова, сделанных на заседаниях Областного исполнительного комитета автономной области и Областной плановой комиссии АО¹⁵ и др. По результатам проведенных исследований в 1924 г. А.А. Черновым был открыт Печорский угольный бассейн.

В документах 1930-х гг. отложились отчеты и очерки Ухтинской экспедиции 1929 г. геолога, помощника директора Геологического комитета ВСНХ, профессора Н.Н. Тихоновича, арестованного в 1928 г. по «делу Геолкома». Будучи заключенным, он возглавил экспедицию, которая открыла залежи новой, так называемой «тяжелой», нефти, положившей начало созданию в Коми топливной базы европейского Севера. Сохранились рукописная справка Н.Н. Тихоновича о буровых скважинах Ухтинского района на 1932 г., написанная в Чибью¹⁶, докладная записка В.А. Варсанюфьевой о результатах работы экспедиции в районе Верхней Печоры в 1932 г.¹⁷.

Фонды НАРК располагают уникальными картографическими

документами, выполненными участниками экспедиций (общие планы местности, карты течения рек, геологические разрезы, чертежи и т.д.), разного формата, выполненные на кальке и бумаге. Среди них, например, чертежи маршрутов и карты Печорской геологической партии СНПЭ под руководством В.Д. Рязанова и А.А. Чернова 1922 г.¹⁸, геологические карты районов бассейна р. Печоры Печорской геолого-разведочной партии Геологического комитета ВСНХ СССР под руководством М.С. Волкова 1925 г.¹⁹, карты экспедиций геолога К.К. Воллосовича на Тимане в 1931 г.²⁰ и Южно-Тиманской геологической партии в 1935 г.²¹, карта месторождений угля и нефти в Печорском крае, составленная по результатам экспедиции геолога Т.Н. Пономарева в 1934 г.²² и др.

Среди организаций, принимавших участие в научном изучении территории Коми Автономной области, ведущую роль занимала Академия наук. Об этом свидетельствует сохранившийся в архиве план комплексных экспедиционно-исследовательских работ Академии наук в Коми области, разработанный в 1928 г. Комиссией экспедиционных исследований АН совместно с Обществом изучения Коми края и плановыми органами области²³. План предусматривал изучение области в антрополого-этнографическом и естественно-историческом отношении в течение пяти лет (1928/1929 – 1932/1933 гг.). Комплексное изучение области предполагалось осуществлять в рамках экспедиционно-исследовательских работ. В начале 1930-х гг. под руководством и кураторством Академии наук на территории области был организован ряд исследовательских экспедиций по изучению геологии, растительности, зоологии и сельского хозяйства, в которых приняли участие известные ученые (Б.Н. Городков, К.К. Флеров, Н.А. Кулик, В.Н. Андреев, А.Ф. Шидловский, А.А. Чернов и др.). Сведения о работе этих исследовательских отрядов в фондах НАРК, к сожалению, отсутствуют.

Однако в архиве имеются документы о работе комплексной экспедиции Академии наук – Печорской бригады, состоявшейся в 1933 г. Это доклады, отчеты и постановления по проведенным научно-исследовательским работам и оценке перспектив развития производительных сил Коми АО²⁴. На объединенном торжественном заседании бюро Коми Обкома ВКП (б) и Президиума Коми облисполкома с участием президента АН СССР А.П. Карпинского и членов Печорской бригады 21 июня 1933 г., посвященном задачам и планам работ экспедиции, это событие оценивалось как «колоссальное для республики»²⁵.

В 1933 г. по итогам работы Печорской бригады в г. Архангель-

ске организовано Бюро Полярной комиссии Академии наук (с 1936 г. Северная База АН СССР), в задачи которой входило дальнейшее изучение европейского Севера, в том числе и территории Коми АССР. В 1939 г. в г. Сыктывкаре была организована постоянная группа Северной базы АН СССР для развертывания изучения территории Коми АССР. Форма научного освоения Севера с помощью экспедиций переходила в рамки проведения стационарных академических исследований.

Итоговая резолюция первой конференции работников научно-исследовательских учреждений Коми АССР 1939 г., Постановление СНК Коми АССР об организации Сыктывкарской группы Северной базы АН СССР 1939 г.²⁶, объяснительная записка директора Северной базы АН СССР А.И. Толмачева к плану работ²⁷, отчетная документация группы содержат информацию о направлении ее деятельности, составе, научных задачах и их результатах.

Конференция 1939 г. определила актуальные направления научно-исследовательской работы в Коми АССР – полезные ископаемые, новые промышленные отрасли, сельское и лесное хозяйство, которые и стали направлениями работы сотрудников Академии наук. В составе Бюро функционировали четыре сектора: геологический, ботанический, зоологический, водного хозяйства. Заведующим постоянной группой был назначен геолог П.Д. Калинин, первыми научными сотрудниками стали ботаник В.М. Болотова, гидробиолог О.С. Зверева, зоологи Г.П. Наумов и Н.А. Остроумов. Главными научными задачами, поставленными перед учеными, стало изучение геологических и биологических ресурсов территории Коми АССР, как основы для развития хозяйства региона.

Руководство республики проявляло заинтересованность в организации и результатах научных исследований на территории Коми АССР, о чем говорит переписка 1939 г. между СНК Коми АССР с СНК СССР и РСФСР, Наркомпросом РСФСР, АН СССР по вопросам расширения исследований в крае²⁸. В соответствии с постановлением Совета Народных Комиссаров Коми АССР от 5 июня 1940 г. «О работе Северной базы Академии наук СССР в Коми АССР» был расширен состав Сыктывкарской группы Северной базы АН специалистами по рыбопромысловому хозяйству, геологической и сельскохозяйственной тематике. В целях создания нормальных условий для работы все сотрудники группы были обеспечены жильем в г. Сыктывкаре.

Изучение собрания архивных документов Национального архива Республики Коми позволяет выявить ценные исторические

документы. Источники характеризуют многофакторный процесс научного освоения одного из районов европейского Севера России – территории современной Республики Коми в впервые десятилетия реализации советской научной политики в 1920–1930-е гг. Документы освещают широкий круг вопросов, связанных с деятельностью первых научных организаций республики, развитием научно-исследовательских направлений. Источники показывают, сколь грандиозными было начинание изучения территории региона, как много было сделано в тяжелых условиях за столь короткое время. Изучение этих документов позволяет на конкретных примерах рассмотреть особенности формирования модели государственной организации науки, созданной в СССР.

¹ Государственное учреждение Республики Коми «Национальный архив Республики Коми» (ГУ РК «НА РК»). Ф.Р-1329. Оп.1. Д. 104. Л. 1–6.

² Там же. Ф.Р-3. Оп.1. Д. 205. Л. 95; Д. 264. Л. 183; Д. 442. Л. 3 об., 41-42, Д. 1312. Л. 248 и др.

³ Там же. Д. 1894. Л. 61-62, 72-73 и др.

⁴ Там же. Л. 21-60.

⁵ Там же. Д. 247. Л. 108; Д. 1891. Л. 195-195 об. и др.

⁶ Там же. Ф. Р-139. Оп. 1. Д.26. Л. 2-2об.

⁷ Там же. Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 413. Л. 225-230.

⁸ Там же. Архивохранилище № 2. Ф. 1. Оп. 1. Д. 287. Л. 79; Д. 289. Л. 75-76 и др.

⁹ Там же. Ф. Р-1329. Оп.1. Д. 679. Л.7-11.

¹⁰ Там же. Д. 417. Л.24.

¹¹ Там же. Д. 399.

¹² Там же. Д. 398.

¹³ Там же. Ф. Р-3. Оп.1. Д. 1793. Л. 9-12.

¹⁴ Там же. Ф. Р-139. Оп.1. Д. 416.

¹⁵ Там же. Д. 259. Л. 153-156.

¹⁶ Там же. Д. 426. Л. 87-99об.

¹⁷ Там же. Д. 428. Л. 1-7 об.

¹⁸ Там же. Д. 397. Л. 239-243.

¹⁹ Там же. Л. 130-131.

²⁰ Там же. Д. 422.

²¹ Там же. Д. 439.

²² Там же. Д. 433.

²³ Там же. Д. 259. Л. 128.

²⁴ Там же. Д. 431.

²⁵ Там же. Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 389а. Л. 143-144.

²⁶ Там же. Ф. Р-605. Оп. 1. Д. 49. Л. 81-82; Д. 81. Л. 136-137; Д. 232. Л. 127-144 об.

²⁷ Ф.Р-3. Ф. Р-1329. Оп. 1. Д. 679. Л. 101-102.

²⁸ Ф.Р-3. Ф. Р-605. Оп. 1. Д. 857. Л. 1-57.

Медведева Т.В.

**«Археография на экспорт».
Деятельность «Литературного агентства»
и проблема авторского права
в прикладной археографии в 1930-е годы**

Аннотация: Статья посвящена деятельности Акционерного общества «Литературное агентство». Оно существовало в середине 1930-х годов и занималось продажей за границу для издания произведений советских авторов и документальных публикаций по истории России. В статье рассматриваются проблемы и конфликты интересов, которые возникали при размещении за рубежом (прежде всего в США, Англии и Франции) материалов из советских архивов и публикаций, подготовленных советскими учеными-архивистами. Среди этих публикаций: издание переписки Николая II с императрицей Марией Федоровной и дневника последнего императора, переписки Екатерины II с Г.А. Потемкиным, записок фрейлины А.А. Толстой.

Ключевые слова: Литературное агентство, Д.А. Уманский, внешне-торговые связи, публикации документов, переписка Николая II, переписка Екатерины II.

Medvedeva T. V.

**“Archaeography for export”. Activities of “ Literary Agency”
and the problem of copyright in applied archaeography in the 1930s**

Abstract: The article is dedicated to company “Literary agency”. It existed in the middle of 1930s and was selling literary works of Soviet authors and documentary works on Russian history abroad for publishing. Article considers issues occurred during publication of materials from Soviet archives and publications prepared by Soviet archivist researchers abroad (mostly in USA, UK and France). Mentioned materials include the following publications: correspondence of Nikolai II with Empress Maria Fedorovna and the diary of the last Emperor, Correspondence of Ekaterina II with Grigory Potemkin, memoirs of Lady-in-waiting A.A. Tolstaya.

Keywords: Press and Publisher Literary Service, Sovunion Authors’ Agents, D.A. Umanskiy, foreign trade, publication of documents, correspondence of Nicholas II of Russia, correspondence of Catherine the Great.

8 апреля 1934 г. список советских акционерных обществ, занятых коммерческой деятельностью за рубежом, пополнился еще одной организацией – «Литературным агентством», созданным для продажи за границей литературных материалов и «архивно-истори-

ческих документов из прошлого царской России»¹. Агентство имело право самостоятельного выхода на внешний рынок и негласно подчинялось Отделу печати Наркомата иностранных дел. Археографическая деятельность за рубежом занимала скромное место в общем объеме работ организации, а основной акцент был сделан на продажу книг, статей, очерков, беллетристики, пьес и музыкальных произведений советских авторов. Его название по-английски для зарубежных партнеров звучало как «Press and Publisher Literary Service. Sovunion Authors' Agents».

Формальными соучредителями Агентства являлись: журнально-газетное объединение Наркомата просвещения РСФСР, внешнеторговое объединение «Международная книга», издательства «Academia» и «Советская литература», однако реальная деятельность учреждения координировалась двумя его руководителями. Правление общества возглавляли: Дмитрий Александрович Уманский (1901-1977), переводчик с немецкого языка, публицист, старший брат дипломата К.А. Уманского, и Абраам Павлович Мариинский (1895 – после 1969 г.), имевший опыт работы в ТАСС в 1929-1933 гг. Мариинский занимал пост председателя Правления Общества, а Уманский, являвшийся вдохновителем и «мотором» организации, числился заместителем председателя. Его знания и навыки позволяли ему поддерживать широкие личные связи с издателями в Европе и рассчитывать на финансовый успех предприятия. «Политически он что-то вроде эс-эра. – писал об Уманском в 1923 г. в Вене Н.С. Трубецкой, – Весьма начитан в русской литературе, увлекается «Серрапионовыми братьями» и Ремизовым, которого считает потомком Достоевского по духу и Лескова по форме, о чем собирается прочесть реферат у меня на семинарии ...предприимчивый и с коммерческим нюхом: знает, что стоит перевести с русского и издать по-немецки, умеет найти издателя (переводит, кажется, недурно)»². Однако, коллеги по Литературному агентству характеризовали его как человека крайне вспыльчивого, резкого, склонного к авторитарному управлению.

В данной статье будет рассмотрена только археографическая сторона деятельности Литературного агентства (поиск, подготовка и продажа за рубеж публикаций документов по истории России) и основные проблемы правового характера, связанные с этой деятельностью. Стоит подчеркнуть, что продажей самих оригиналов архивных документов, равно как и иных артефактов, Литературное агентство не занималось. Его главной задачей являлась продажа прав на пу-

бликацию документальных источников зарубежным издательствам и получение валюты по договорам с партнерами в других странах. Все материалы передавались в машинописных копиях, сделанных специально для Агентства, как правило, вместе с переводами на иностранные языки, сделанными также в Агентстве или по его заказу.

Первые шаги по коммерческому продвижению документальных публикаций за рубежом были предприняты еще в самом начале 1930-х гг. В 1932 г. уже велись переговоры о продаже французскому журналу «Revue de Paris» переписки императрицы Екатерины II с Потемкиным.

В 1934-1938 гг. – период наиболее бурной деятельности Агентства. Деятельность по продаже публикаций велась по двум основным направлениям: поиск и подготовка к публикации документов из государственных архивохранилищ и поиск документов, уже подготовленных советскими археографами для публикации в отечественных журналах. В обоих случаях Агентству пришлось решать ряд правовых проблем, возникших на пути его коммерческой деятельности.

Взаимоотношения Агентства с Центрархивом начались с конфликта интересов. Спор разгорелся вокруг публикации дневника Николая II в «Красном архиве», фрагменты которого были сразу же перепечатаны французской газетой «Marianne».

Предварительные договоренности между Литературным агентством и Центрархивом предполагали возможность размещения за рубежом наиболее интересных в коммерческом отношении документов до их публикации в СССР. Это стало основой серьезных претензий, выдвинутых А.П. Мариинским по поводу дневника бывшего императора: «Сейчас дневник стал, после появления в «Красном Архиве» широким достоянием заграницы и не представляет уже никакой валютной ценности. Таким образом, мы потеряли, учитывая возможность размещения дневника в ряде стран, изрядную сумму в золотых рублях. Помимо этого, и возможный политический эффект от опубликования дневника потерян, так как потеряна возможность опубликовать его с соответствующими комментариями», – говорилось в письме к руководителю ЦАУ³.

Привилегия первой публикации была необходима зарубежным издателям для обеспечения своих прав на воспроизведение документов. Поскольку Советский Союз не участвовал в международной конвенции об авторском праве, Литературное агентство предполагало установить «фактическое» авторское право на советские доку-

менты, передав права зарубежным издателям, которые следили бы уже за соблюдением своих собственных прав на публикуемые материалы. «Это возможно, - писал Мариинский в Центрархив, – только при том условии, если мы создадим у иностранных издательств твердое убеждение в том, что перепечатывать им будет поздно, так как мы до появления в свет в СССР произведений уже разместим их за границей. Но случаи, вроде с дневником Николая II, срывают эту трудную и кропотливую работу, и наносят, таким образом, большой материальный и моральный ущерб, далеко выходящий за пределы потерь от незапродажи дневника Николая II»⁴.

Несмотря на громкие формулировки письма А.П. Мариинского, Центрархив занял жесткую позицию, сформулированную еще в апреле 1934 г., отступить от которой руководители архивного ведомства не собирались. В секретном письме, направленном в Наркомат иностранных дел, руководство ЦАУ подчеркивало, что «по действующему законодательству архивные материалы (за исключением архивной макулатуры), отнесенные к ведению государственных архивных органов, вообще не могут быть предметом сделок... Вывоз этих материалов даже за пределы союзных республик допускается только с разрешения архивных управлений этих республик, что же касается вывоза архивных материалов за границу, то для подлинных архивных документов такая возможность законом вовсе не предусмотрена»⁵.

Центрархив не собирался координировать свою издательскую деятельность с планами Литературного агентства, однако некоторые направления взаимовыгодного сотрудничества были намечены. При этом за ЦАУ остался тщательный контроль состава и содержания вывозимых за границу копий архивных документов. Кроме того, Литературное агентство обещало ЦАУ обеспечить точность текста, публикуемого за границей, и гарантировало указание в зарубежной публикации на Центрархив как место хранения документов.

Последнее условие совпадало с требованиями зарубежных издателей. Так, американский партнер Уманского, мисс Эрика Биль (владелец издательства «Erica Beale Ltd.»), при подготовке договора на издание переписки Николая II с матерью, подчеркивала, что необходимо сделать указание в книге, что эта переписка печатается с разрешения Центрархива и что документы хранятся в архивах СССР. Это было для американских партнеров гарантией подлинности документов и прав на их использование.

Все взаимоотношения архивов с Литературным агентством происходили непосредственно через Секретариат ЦАУ, куда архивы

направляли свои предложения для зарубежных публикаций. ЦАУ, в свою очередь, координировал деятельность с Политархивом НКВД. К поиску и подготовке документов для публикаций были привлечены Архив внешней политики России, Государственный архив феодално-крепостнической эпохи и Центральный государственный военно-морской архив.

Поиск документов, интересных для публикации за валюту, осуществлялся в двух направлениях. Архивы предоставляли свои списки материалов, способных заинтересовать зарубежного читателя, а Литературное агентство запрашивало, со своей стороны, определенные документы, которые стремились опубликовать заграничные партнеры.

По заданию ЦАУ выявлялись документы в фондах дворцов: Зимнего, Аничкова, Гатчинского, Павловского, Царскосельского. В первую очередь, нужны были документы личного происхождения представителей Дома Романовых и им посвященные.

В списках, предоставленных Центрархивом, значилось полторы сотни рукописей, принадлежавших перу правящих особ, их ближайших родных и придворных. Они отличались по объему и исторической ценности, но все имели отношение к частной жизни, событиям при дворе, путешествиям и литературному творчеству. Там были дневники, описания путешествий государей и государынь, переписка и записные книжки. Среди упомянутого в списках для зарубежных публикаций были: письма лиц царской фамилии к графине А.В.Браницкой (1786-1831), журнал путешествия Павла I в Казань, записочки императрицы Марии Федоровны, касающиеся заграничного путешествия Николая и Михаила Павловичей в 1814 г. и фрагменты ее дневников, «Описание путешеавания... к берегам Англии под начальством вице-адмирала Михаила Константиновича Макарова в 1798 г.», биографии обер-гофмейстерин и статс-дам царского двора, материалы о заграничных путешествиях великого князя Константина Николаевича и воспоминания о нем, дневники императрицы Марии Федоровны за 1862-1902 годы; стихотворения и материалы К.Р. (вел. кн. Константина Романова), а также дневники князя Гавриила Константиновича (за 1904-1916 гг.) и других его сыновей. Большой комплекс документов составляли рукописи, связанные с литературной деятельностью великой княгини Елены Павловны (ее воспоминания о годах молодости, рассуждения о Французской революции, журналы ее путешествий и дневники ее фрейлины Э.Ф. Раден). Из рукописей приближенных выделялись «Письма о загра-

ничном путешествии великого князя Владимира Александровича», написанные А.А. Половцевым в 1870 г. и донесения К.Н. Посьета о путешествиях и занятиях великого князя Алексея Александровича (1883-1899).

Литературное агентство, со своей стороны, запрашивало у Центрархива дипломатические материалы из хранилищ АВПР: донесения дипломатов из Германии и Франции по поводу революционных событий 1871 г. (донесения к А.М.Горчакову, шифрованные письма маркиза Де Габриак к Ж. Фавру)⁶.

Правда, когда Уманский решил опубликовать в одном из американских издательств имеющиеся в распоряжении Агентства письма британского дипломата Джорджа Бьюкенена, ЦАУ в апреле 1934 г. выдвинуло «решительные возражения» против передачи кому бы то ни было копий этих писем⁷.

Литературное агентство неоднократно инициировало поиски интересных для продажи копий документов, основываясь на публикациях советской и зарубежной периодической печати. Сообщение в журнале «Архивное Дело» за 1929 г. привлекло внимание Уманского к автографам из фонда Юсуповых и в Центрархив был отправлен их список для возможной публикации⁸.

ЦАУ, в свою очередь, предоставил в 1934 г. А.П. Мариинскому план своего редакционно-издательского отдела на ближайшее время, чтобы Агентство могло ориентироваться в готовящихся публикациях⁹.

Отдельное направление составляли «наполеоновские планы» Агентства. Поиск документов Наполеона I, особенно его частной переписки виделся Уманскому и Мариинскому крайне перспективным в финансовом плане. «Документация о Наполеоне представляет большой интерес для заграницы. – писал Мариинский в Центрархив – В качестве иллюстрации укажу на следующие факты: известное американское телеграфное агентство и газетный концерн «Юнайтед-Пресс» купило у французской национальной библиотеки *право на опубликование* ста с лишним писем Наполеона на сумму в полтора миллиона франков. Далее – в прошлом году в одной из наших газет появилось сообщение о том, что, якобы, в Кремле найдены архивы наполеоновского похода в Россию. Мы тотчас же получили об этом телеграфный запрос от того же «Юнайтед-Пресс». Мы вынуждены были, однако, в соответствии со справкой, данной нам Комендатурой Кремля, ответить «Юнайтед-Пресс», что это сообщение не соответствует действительности»¹⁰. По запросам Литературного агентства в

советских архивах искали переписку Наполеона и Жозефины и другие документы наполеоновской эпохи. Однако частная переписка французского императора не сохранилась в СССР, были обнаружены лишь 32 деловых письма Наполеона к российским императорам и Н.П. Румянцеву за 1800-1812 гг.

Отдельным многолетним проектом Литературного агентства стала подготовка публикации переписки императора Николая II с матерью, вдовствующей императрицей Марией Федоровной за 1888-1917 годы. Обсуждение этого издания, его состава, условий использования документов и формы их археографической подачи обсуждалось в течение нескольких лет с американским издательством Эрики Биль.

Это издательство специализировалось на публикации документов личного происхождения известных современников. Ими уже были изданы «Мемуары трех царствований» вдовствующей леди Этель Раглан¹¹, «романтические записки» балерины Лидии Кякшт¹², воспоминания герцога Манчестерского. С Литературным агентством они вели переписку также о публикации дневников Николая II и императрицы Александры Федоровны. Относительно дневника последнего императора американцы были хорошо осведомлены – они знали предыдущие публикации в Германии и Франции, однако предпочитали взаимодействовать с советскими уполномоченными и иметь полную версию дневников из советских архивов. Очевидно это упрощало для зарубежных партнеров решение вопроса о правах на издание и добавляла авторитетности публикации. Американцев также интересовало мнение Центрархива о дневнике «бывшей вдовствующей царицы» за 1915 г., который был «выкраден когда-то из дворца» и приобретен неким поляком, живущим в Берлине – за рубежом опубликовали дневник и были уверены в его подлинности, однако издатели запрашивали позицию советских архивистов¹³.

Подготовка американского издания переписки Николая II с матерью растянулась на 4 года – согласовывались списки документов и условия их публикации, готовились и высылались копии необходимых документов. Их общий объем доходил до 600 листов машинописи.

Зарубежные партнеры хотели иметь эксклюзивные права на публикацию переписки на английском языке (в Англии и Америке) и предпочитали обойтись без примечаний, которые по мнению издательницы перегружали текст и мешали распространению публикации. «Читатели не любят их и их можно было бы избежать» - за-

мечала мисс Эрика Биль о своей целевой аудитории¹⁴. Пояснения к письмам предполагалось вставлять в начале или конце главы. Отдельно обсуждались интонации предисловия и правильная «подача» переписки. Стороны сходились в том, что представлять последнего российского царя как жертву было бы неправильно. Публикация не преследовала политических целей, как замечали издатели. «Наше собственное предположение сводится к тому, чтобы дать портрет царя таким, каким он был – человеком, поработанным своей женой, слабохарактерным и исключительно упрямым, который был худшим врагом самому себе», – подчеркивала Э. Биль в письме к Д.А. Уманскому¹⁵.

Все копии писем тщательно рассматривались в ЦАУ и получали одобрение в Политархиве. Некоторые копии писем изымались по инициативе Наркомата иностранных дел. Так было, например, с письмами Марии Федоровны из Бернсдорфа (Дания) от 13/25 октября 1899 г. и от 1 октября 1902 г. В пояснении к последнему письму из Политархива НКВД замечали: «Фотокопии этого письма не только не подлежат выдаче, но и копию его, выданную ранее по ошибке, следует получить обратно. В пояснение можно указать, что подлинника этого письма не существует и что произведенное расследование относительно подлинности копии указанного письма установило его апокрифичность»¹⁶.

Публикацию планировали осуществить в конце 1937 г. Соглашения с издательством Билль и пересылки текстов продолжалась вплоть до 1938 г., однако, в конечном счете, переписка императора с матерью вышла в другом издательстве. Ее опубликовал Эдвард Джон Бинг (снабдив предисловием известного дипломата Брюса Локкарта) – сначала в Лондоне в 1937 г.¹⁷, и следом в Америке, в 1938 г.¹⁸

Параллельно с разысканиями в советских архивах, Д.А. Уманский активно вмешивался в деятельность крупных научных изданий, пытаясь продать за границу публикации, готовившиеся к обнародованию в СССР.

Здесь, вместе с вопросами о порядке выплат гонораров и приоритетах в организации научно-издательской деятельности в Советском Союзе, вставал вопрос о восприятии археографической работы как объекта авторского права.

Интерес Д.А. Уманского распространялся на сборники «Звенья» В.Д. Бонч-Бруевича и «Литературное наследство» И.С. Зильберштейна. Причем, если первый из редакторов вынужден был всецело поддерживать «притязания» Уманского на публикацию «Звеньев»,

то второй старался максимально отстаивать свое право на публикацию отобранных им документов. Например, 29-й «франко-русский» выпуск «Литературного наследства», который готовился в 1935 г. (и вышел из печати в 1937-м) Зильберштейн перестраивать не собирался, несмотря на то, что в него входили тексты, имеющие несомненный интерес для Франции. Содержание этого тома он, насколько возможно, скрывал от Д.А. Уманского и это обернулось серией ценнейших для отечественной науки публикаций.

Судьба переписки Екатерины II с Г.А. Потемкиным, подготовленной известным историком Я.Л. Барсковым, сложилась, к сожалению, иначе. Археографический труд, включавший более 400 писем, предназначенный для одного из ведущих московских изданий, снабженный примечаниями и вступительной статьей, был «перехвачен» Уманским и уже в 1932 г. предложен во Франции (а затем и в Америке). Если сначала речь шла о переводе всей работы Барскова и размещении ее за границей, то вскоре предисловие и большинство примечаний его были исключены, и текст вышел под редакцией Жоржа Удара¹⁹. Барсков, находившийся в Ленинграде, не имел возможности следить за судьбой своей работы и получил лишь скромный гонорар (и то не полностью) за подготовку самих текстов писем.

В эту работу оказался вовлечен другой известный историк, Н.В. Голицын, помогавший Барскову с переводом работы на английский и французский языки в надежде на продвижение прекрасной работы своего давнего знакомого. В Москве Голицын был вынужден вести бесконечные (и, как правило, безнадежные) переговоры с Уманским о судьбе своего археографического труда и перспективах выплаты гонораров. «Для меня возникает вопрос о Ваших правах как автора, – возмущенно писал Барскову Голицын. – Вашей работой пользуются для ряда комбинаций, а что Вы за это имеете, кроме неприятностей?»²⁰

Во французской публикации Ж. Удара Голицын «опознал» некоторые примечания Барскова и обнаружил одну краткую ссылку на ленинградского историка. В начале 1934 г. он с печалью отчитался Барскову: «На мой вопрос [Д.А. Уманскому]: а где и как будет печататься русский текст? он мне ответил, что “мы в этом не заинтересованы”»²¹. Я.Л. Барсков умер в 1938 г., и о его работе, фактически, забыли на несколько десятилетий, пока к ней не обратился в 1989 г. Н.Я. Эйдельман, вернувший ее отечественному читателю²².

На страшный беспорядок с выплатами гонораров и пренебрежительное отношение к авторам продаваемых за границу трудов жало-

вался и писатель Анатолий Корнельевич Виноградов, чьи книги о Паганини и Стендале издавало за рубежом Литературное агентство²³.

Сам Н.В. Голицын вскоре оказался в таком же положении, как и Барсков. Подготовленную им для «Звеньев» публикацию записок фрейлины Александры Андреевны Толстой, тетки писателя Л.Н. Толстого, посвященную событиям при дворе в 1880-1881 гг. и взаимоотношениям Александра II с Е.М. Долгоруковой, Бонч-Бруевич отдал Уманскому, а тот пытался пристроить в Париже в 1934 г., однако успеха эта затея не имела. Парижский «эмиссар», Наталья Владимировна Труханова-Игнатъева, актриса, не чуждая рыночных вопросов, подробно описывала Уманскому ситуацию на французском книжном рынке, местные приоритеты и печальные перспективы предлагаемых им изданий²⁴. Голицыну в этой ситуации оставалось лишь дожидаться результатов переговоров с зарубежными издателями – никакого реального веса его мнение в вопросе о размещении публикации не имело. «Документы, имеющие интерес для заграницы, здесь вообще издавать нельзя, прежде чем они не появятся там» - веско замечал Голицыну Бонч-Бруевич²⁵. А появление «там» напрямую зависело от конъюнктуры зарубежного рынка, финансовых условий и личной заинтересованности посредников Литературного агентства, и могло затянуться на необозримый срок или не состояться вовсе.

Как и в случае с публикацией Я.Л. Барскова, «Записки» А.А. Толстой пропали из поля зрения отечественных историков надолго. Только в 1996 г. появились они на русском языке в издательстве «Энциклопедия российских деревень»²⁶ в публикации крайне низкого археографического уровня, разумеется, без всякого упоминания имени Н.В. Голицына.

Деятельность Акционерного общества «Литературное агентство» с годами приобретала более идеологический, нежели коммерческий характер. Финансовый успех постепенно уступал необходимости продвижения за границей литературы о советских достижениях, а книжные рынки становились все более закрытыми для советских книг.

По прошествии четырех лет, в 1938 г., Агентство располагало представительствами в США, Великобритании, Франции, Швеции, Голландии, Бельгии, Болгарии и Норвегии, размещало свои издания еще в десятке стран. Однако доля документальных публикаций в общем объеме издаваемых произведений была крайне мала.

К 1938 г. накопилось множество претензий к работе Акционер-

ного общества и лично к Д.А. Уманскому и его авторитарной манере руководства. Это привело к тому, что 11 мая 1938 г. Акционерное общество было преобразовано в Контору «Литературное агентство» в составе внешнеторгового объединения «Международная книга», а его руководителем был назначен Александр Григорьевич Соколов²⁷. На протяжении следующего года он пытался навести порядок в делах «Литературного агентства» и преодолеть сопротивление Д.А. Уманского, не желавшего передавать ему все расчёты по валютным операциям. Дела Агентства шли плохо.

Об Уманском известно, что после завершения работы в «Литературном агентстве» в конце 1930-х гг., он работал в годы войны в Совинформбюро, откуда был уволен в 1945 г.

Короткая история Литературного агентства обращает внимание на несколько дискуссионных проблем в контексте истории отечественной историографии 1930-х гг.: проблему приоритетов в развитии науки, проблему формирования правил использования архивных документов, проблему авторского права в археографии. Далекое не все из них решены и в настоящее время.

¹ Постановление Совнаркома СССР от 8 апреля 1934 г. – ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 15. Д. 2273. Л. 2.

² Письмо Н.П. Трубецкого к П.П. Сувчинскому 14 октября 1923 г. // *Глебов С.* Евразийство между империей и модерном: история в документах. М., 2010.

³ Письмо А.П. Мариинского в Центрархив от 11 ноября 1934 г. – ГАРФ. Оп. 1. Д. 1021. Л. 1.

⁴ Там же. Л. 1 об.

⁵ Письмо Центрархива в Наркомат иностранных дел от 20 апреля 1934 г. ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 1. Д. 1014. Л. 11.

⁶ Списки на копирование от Литературного агентства. – Там же. Д. 1022. Л. 22, 23.

⁷ Письмо Центрархива в Литературное агентство от 16 апреля 1934 г. – Там же. Д. 1014. Л. 1.

⁸ Письмо Литературного агентства в Центрархив. – Там же. Д. 1022. Л. 20.

⁹ План редакционно-издательского отдела ЦАУ на 1934 г. – Там же. Л. 14.

¹⁰ Письмо из Литературного агентства в ЦАУ от 4 ноября 1935 г. Там же. Оп. 9. Д. 3381.

¹¹ *Raglan.* The Dowager Lady Ethel. Memories of Three Reigne. 1928.

¹² *Kyasht, Lydia.* Romantic Recollections / Ed. by Erica Beale. New York: Brentano, 1929.

¹³ Письмо Э. Биль к Д.А. Уманскому. – ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 1. Д. 1023. Л. 19-20. Очевидно, речь шла о публикациях 1933 года: *Милюков П.* 1915 г. в дневнике императрицы Марии Федоровны // *Последние новости.* Париж. № 4493. 1933.

11 июля (откуда были взяты подробности о перемещениях рукописи); En Dagbog af Kejserinde Dagmar fundet i udlandet. Dagbogen indeholder flere opteghelser af verdenshistorisk interesse // Tidens Kvinder. 1932. Oktober. S. 8-9; November. S. 6-8; December. S. 4-5.

¹⁴ Письмо Э.Биль к Д.А.Уманскому от 23 июля 1934 г. ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 1. Д. 1022. Л. 42.

¹⁵ Там же. Д. 1023. Л. 9.

¹⁶ Письмо из Политархива НКВД в ЦАУ от 25 августа 1937 г. Там же. Д. 1220. Л. 9-10.

¹⁷ The Letters of Tsar Nicholas and Empress Marie. Being the confidential correspondence between Nicholas II, and his mother, Dowager Empress Maria Feodorovna / Ed. by E.J.Bing. Ivor Nicholson and Watson Ltd. London, 1937.

¹⁸ The Secret Letters of the Last Tsar. Being the confidential correspondence between Nicholas II, and his mother, Dowager Empress Maria Feodorovna / Ed. by E.J.Bing. Longmans, Green and Co., New York, Toronto, 1938.

¹⁹ Lettre d'amour de Catherine II a Potemkine / publiees par Georges Oudard. Paris: Caiman-Levy, 1934. И аналогичная публикация в журнале «Revue de Paris» за 1934 г.

²⁰ Письмо Н.В.Голицына Я.Л.Барскову от 9 января 1934 г. – ОР РГБ. Ф. 16. Д. 35. Л. 18 об.

²¹ Письмо Н.В.Голицына Я.Л.Барскову от 7 января 1934 г. Там же. Л. 16.

²² См.: Барсков Я.Л. Письма Екатерины II Г.А. Потёмкину // Вопросы истории. 1989. № 7, 8, 9, 10, 12.

²³ Переписка А.К.Виноградова с Литературным агентством. – РГАЛИ. Ф. 1303. Оп. 1. Д. 292.

²⁴ Переписка Д.А.Уманского с Н.В.Трухановой-Игнатъевой. 1935 г. Там же. Ф. 1403. Оп. 1. Д. 1335, 1078.

²⁵ Письмо Н.В.Голицына Я.Л.Барскову от 6 января 1935 г. ОР РГБ. Ф. 16. Д. 35. Л. 37.

²⁶ Толстая А.А. Записки фрейлины: Печальный эпизод из моей жизни при дворе / Перевод с фр. Л.В. Гладковой. М.: Энциклопедия российских деревень, 1996.

²⁷ Материалы о деятельности «Литературного агентства» в 1938-1939 гг. – РГАЛИ. Ф. 9602. Оп. 1. Д. 110.

Антонова О.Е.

Историко-сравнительный анализ проектов постановления о Генеральном плане реконструкции Москвы 1935 г. по документам личного фонда Л.М. Кагановича

Аннотация: в статье проанализированы варианты постановления о Генеральном плане реконструкции Москвы 1935 г. и изучены дискуссионные вопросы, возникшие при подготовке судьбоносного документа.

Ключевые слова: Постановление о Генеральном плане реконструкции Москвы 1935 г., личный фонд Л.М. Кагановича, документы, последний вариант, проект.

Antonova O. E.

A historical and comparative analysis of the draft resolution on the General Plan for the Reconstruction of Moscow in 1935 according to the documents of the personal fund L.M. Kaganovich

Abstract: the article analyzes the variants of the resolution on the General plan for the reconstruction of Moscow in 1935 and examines the controversial issues that arose during the preparation of the fateful document.

Keywords: Resolution on the General plan for the reconstruction of Moscow in 1935, personal Fund of L. M. Kaganovich, documents, the last version, the project

В мае 1935 года архитектурно-планировочная комиссия МГК ВКП(б) после неоднократного обсуждения окончательно выработала план реконструкции г. Москвы и представила на рассмотрение председателю этой комиссии Л.М. Кагановичу. Наиболее важные моменты плана нашли свое отражение в постановлении «О генеральном плане реконструкции г. Москвы» СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 10 июля 1935 г. (далее – постановление). Существенная информация о подготовке судьбоносного документа сосредоточена в личном фонде Л.М. Кагановича в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ). В деле № 83 фонда сохранилось три варианта проекта постановления – предпоследний (первый), последний и подготовленный к печати. Предпоследний проект (первый) имел название «О генеральном плане и реконструкции города Москвы»¹, последующие «О генеральном плане реконструкции города Москвы».

Для выработки документа была создана комиссия в составе Кагановича Л.М. (председатель), Хрущева Н.С., Булганина Н.А., Когана Л.И., Мельбарда Н.П., Перчика Л.М. и др. Первый вариант постановления, подготовленный членами комиссией, был рассмотрен и раскритикован на совещании ЦК ВКП(б) в июне 1935 г. Что касается собственно первого варианта постановления, то он, судя по авторским правкам, внесенным рукой Л.М. Кагановича, подвергся основательной доработке и значительно отличается от последнего и опубликованного. Например, в первом варианте вводная часть Постановления заканчивается абзацем «Исходя из этого, ЦК ВКП(б) и СНК СССР утверждают генеральный план и программу реконструкции Москвы на 10 лет и ближайшие 3 года, разработанные московскими организациями на основе указаний тов. Сталина»². В последний вариант внесены изменения, добавлено «ЦК ВКП(б) и СНК СССР постановляют утвердить», вычеркнута «программа генерального плана», а также следует отметить, что фраза «на основании указаний тов. Сталина»³, которая неоднократно встречалась в пунктах первого варианта, в последствии также была вычеркнута.

Вносились изменения, связанные со сроками и объемом строительства. Например, в первом варианте предполагалось завершить строительство набережных города к концу 1939 г.⁴, исправлено «в 1938 г.»⁵; для обводнения реки Яузы и других водоемов города осуществить предусмотренные работы в первом варианте – к 1937 г.; во втором – к 1938, опубликованный – к 1939 г.⁶; план работ по асфальтированию проездов-улиц вдоль этих набережных изменен, если первоначально эти данные составляли 40-60 м⁷, то в предпоследнем и опубликованном – 40-50 м⁸. Первоначальная установка – «к постройке в Москве допускать жилые дома высотой не ниже пяти этажей»⁹ – в последних вариантах уже указывалось «не ниже шести»¹⁰. Данный раздел после редакции стал называться «Планировка города Москвы».

Некоторые пункты, включенные в первый вариант, в последующих отсутствуют, например, такие как, «признать нецелесообразным сооружение многоэтажного здания гостиницы ЦИК и второго дома ЦИК на Софийской набережной»¹¹, «разместить на участке ...Хамовнической набережной здания АН СССР и Академии архитектуры»¹².

Следует также отметить, что второй раздел «Строительство и реконструкция городского хозяйства города Москвы» первого варианта был снабжен данными о выделении конкретных денежных средств Моссовету по каждому виду строительных работ на ближайшие три года. Например:

1. На жилищное строительство:
в 1936 г. – 80 млн. рублей; в 1937 г. – 80 млн. рублей; в 1938 г. - 90 млн. рублей¹³;
2. На строительство гостиницы Моссовета в Охотном ряду и надстройкой Гранд-отеля:
в 1936 г. – 85 млн. рублей; в 1937 г. – 27 млн. рублей; в 1938 г. - 125 млн. рублей¹⁴;
3. На работы по развитию внутригородского пассажирского транспорта:
в 1936 г. – 60 млн. рублей; в 1937 г. – 27 млн. рублей; в 1938 г. - 125 млн. рублей.
4. Для усовершенствования мостовых:
в 1936 г. – 80 млн. рублей; в 1937 г. – 37 млн. рублей; в 1938 г. - 42 млн. рублей.
5. Для облицовки гранитом и приведения в порядок проездов:
в 1936 г. – 22 млн. рублей; в 1937 г. – 22 млн. рублей; в 1938 г. - 25 млн. рублей;
6. Для строительства мостов через Москву-реку:
в 1936 г. – 72 млн. рублей; в 1937 г. – 76 млн. рублей; в 1938 г. - 78 млн. рублей;
7. Для своевременной подготовки московского водопровода:
в 1936 г. – 53 млн. рублей; в 1937 г. – 42 млн. рублей; в 1938 г. - 31 млн. рублей;
8. На строительство канализационных сооружений:
в 1936 г. – 45 млн. рублей; в 1937 г. – 72 млн. рублей; в 1938 г. - 72 млн. рублей;
9. На строительство газового завода и сетей:
в 1936 г. – 24 млн. рублей; в 1937 г. – 42 млн. рублей; в 1938 г. - 26 млн. рублей.
10. На школьное строительство:
в 1936 г. – 138 млн. рублей; в 1937 г. – 70 млн. рублей; в 1938 г. - 85 млн. рублей¹⁵.

Также предполагалось из резервного фонда СНК СССР выделить Моссовету 50 млн. рублей капитальных вложений, из них 25 млн. рублей – на жилищное строительство и 25 млн. рублей – на подготовку мероприятий для осуществления принятой программы¹⁶. Впоследствии в опубликованном варианте было решено ограничиться фразой «установить, что не менее 25% программы жилищного строительства должно быть осуществлено силами и средствами Московского Совета»¹⁷.

Также из опубликованного постановления исчезли и другие пункты. Вопросы строительства учреждений культурно-бытового обслуживания населения города в каждом варианте прежде всего были связаны с местом расположения яслей, детских садов, школ, физкультурных площадок и др. Например, в предварительном плане, «ясли-сады и др. могут располагаться в жилых домах при соблюдении прочих требований санитарно-гигиенического и педагогического режима»¹⁸. В проекте – «на территории для жилого дома и жилого квартала предусмотрена организация учреждений культурно-бытового обслуживания населения»¹⁹. В опубликованном говорилось, что «школы, амбулатории, столовые, детские сады, детские ясли, театры... и другие виды учреждений культурно-бытового обслуживания населения должны размещаться в центре ряда кварталов в расчете на обслуживание населения, проживающего не в одном, а в десятках домов»²⁰

Следует отметить, что информация о школах во всех трех вариантах одинакова. Предполагалось «построить 530 школ за десятилетие, а в ближайшие три года 390 школьных зданий»²¹

То же самое можно сказать об объектах лечебной сети для оказания квалифицированной медицинской помощи, а также аналогичные сведения были приведены о новых магазинах, столовых, о сети складов, элеваторов и холодильников.

В предварительном варианте документа предполагалось строительство 10 клубов и дворцов культуры за 10 лет. В результате в опубликованном проекте говорится только о строительстве домов культуры, детского Дома культуры и 7 клубов²². В первом варианте постановления были отмечены крупнейшие объекты, такие как: театр Красной Армии, Немировича-Данченко, им. Мейерхольда и детский²³. Также упоминалось о строительстве следующих зданий: Дворца Советов, Академии наук, Коммунистической академии, Академии литературы, Институт Маркса-Энгельса-Ленина, Сельскохозяйственной выставки, Международного стадиона, Дома Наркомтяжпрома, 8 домов райсоветов, 2-3 новых музеев²⁴. В доработанном варианте такие данные отсутствуют.

Предъявляемые требования к созданию благоустроенного жилищного фонда города не могли быть выполнены без создания коммуникационных систем (энергетика, водоснабжение, канализация и т.д.). Развитие всех этих отраслей городского хозяйства было отмечено в плане и нашло свое отражение в постановлении.

Данные о газификации города во всех вариантах одинаковы. Потребность в газе в конце десятилетия ориентировочно определена в 600 млн. куб.м.

Что касается водопроводной сети, то изначально в постановлении предполагалось указать данные по обеспечению подачи воды в город только в ближайшие 10 лет и довести результат до 180 млн. ведер в сутки²⁵. А в опубликованном варианте данные расписаны по годам и указывается, что необходимо довести мощности Сталинской водопроводной станции в 1937 г. до 25 млн. ведер в сутки, а в 1938 г. – до 50 млн. ведер, а к 1939 г. – до 106 млн. ведер²⁶.

Во всех трех вариантах отмечены водные источники (плотины канала Москва-Волга) подачи воды в город.

Одним из самых узких мест московского хозяйства являлся транспорт. С каждым годом росла интенсивность движения, особенно в новых районах города, где транспорт с большим трудом справлялся с перевозками.

Проблема городского транспорта более подробно отражена в первом варианте постановления: «Увеличить к концу 1938 г., наряду с дальнейшим развитием строительства Метрополитена, московский внутригородской пассажирский транспорт»²⁷ – в опубликованном плане это единственная цитата о развивающемся виде транспорта.

Более полно перспективный план развития линий метро отражен в предварительном постановлении, где расписаны не только линии метрополитена, которые в ближайшее время входят в эксплуатацию, но и предполагаемые линии метрополитена с их протяженностью. Например, «вступает в эксплуатацию в ближайшее время линии метро: Сокол-Крымская пл. и Библиотека Ленина – Смоленская пл. – 11,9; развертывается строительство линий 2-й очереди протяженностью – 2,2, включающие: Горьковский радиус: Охотный ряд – Белорусский вокзал; Покровский радиус: Манеж- Курский вокзал – Измайловский стадион; Замоскворецкий радиус: Охотный ряд – Павелецкий и продолжение Арбатского радиуса от Смоленской площади до Киевского вокзала. Эти линии являются частью общей схемы развития метро, утвержденной правительством, протяженностью 80,3»²⁸.

В дальнейшем схема московского метро должна была выглядеть следующим образом: Кировско-Фрунзенская линия – 23 км; Горьковско-Замоскворецкая линия – 28 км; Покровско- Арбатская линия – 24 км; Останкино-Таганская линия – 25 км с ответвлением от Бутырской заставы до Тимирязевской с/х академии – 6 км; Краснопресненско-Рогожская линия – 27 км; Новое бульварное кольцо – 30 км; Калужский радиус – 8 км. Общая протяженность линий метро, в предварительном варианте, по этой схеме составляла 170 км при числе станций в количестве 140 и числе вагонов свыше 2000²⁹. В

проекте постановления перспективная схема метрополитена представлена в виде 11 линий: 10 радиусов – Кировского, Фрунзенского, Арбатского, Горьковского, Таганского, Замоскворецкого, Покровского, Рогожского, Краснопресненского, Дзержинского и Садового кольца» общей протяженностью 100 км с выходом на Юго-Запад Москвы³⁰.

Следует отметить, что в опубликованный вариант постановления вошла информация о правильной организации уличного движения, а также о замощении улиц и площадей. В опубликованном постановлении о Генеральном плане реконструкции Москвы от 10 июля 1935 г. говорится, что следует «ликвидировать разнотипность замощений на проездах-улицах и между линиями трамвая, применяя сплошное асфальтирование улиц, за исключением подъёмов, где допускать замощение брусчаткой небольших размеров и клинкером. Уложить все трамвайные пути в черте города на прочные основания: бетонные и щебеночные. Замостить в течение 10 лет 10 млн. кв. метров улиц и площадей города Москвы усовершенствованными мостовыми, с тем, чтобы полностью все улицы и площади города покрыть асфальтом. В течение ближайших 3 лет замостить усовершенствованными покрытиями 2,5 млн. кв. метров улиц и площадей Москвы»³¹.

В предварительном варианте только обобщались данные за весь период реконструкции г. Москвы и «за 10 лет предполагалось довести общую замощенную площадь до 13,4 млн. кв.м.»³².

Сведения о работах по облицовке набережных и строительстве новых мостов во всех вариантах одинаковы.

Однако информация о строительстве новых вокзалов Курско-Октябрьского, Южного, Останкинского диаметров, и о ликвидации тупиковых: Октябрьского, Балтийского, Савеловского, Павелецкого вокзалов³³ не нашла своего отражения в утвержденном постановлении, так как эти идеи так и не были воплощены в жизнь города.

Таким образом, следует отметить, что многие пункты так и не вошли в постановление о Генеральном плане реконструкции Москвы 1935 г. Изначально предполагалось, что неопубликованные материалы, выработанные для первоначального варианта постановления, войдут в программу под названием «Генеральный план и программа реконструкции г. Москвы на ближайшие 10 лет»³⁴, которая будет оформлена как приложение к постановлению. К документу Л.М. Кагановичем сделана только одна авторская правка, связанная с «заменой поправок с неопределенным наклоном глаголов на повелительное». В дальнейшем эта программа не была опублико-

вана, также как и данные о выделяемых денежных средствах на виды работ по выполнению Генплана и др., упомянутые в первом варианте постановления. По мнению Л.М. Кагановича, «эти данные в постановлении ни к чему»³⁵.

¹ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 81. Оп. 3. Д. 83. Л. 61

² Там же. Л. 64.

³ Там же. Л. 99, 102.

⁴ Там же. Л. 68.

⁵ Там же. Л. 102.

⁶ Там же. Л. 85.

⁷ Там же. Л. 68.

⁸ Там же. Л. 102.

⁹ Там же. Л. 73.

¹⁰ Там же. Л. 103.

¹¹ Там же. Л. 69-80

¹² Там же. Л. 70

¹³ Там же. Л. 69-80

¹⁴ Там же. Л. 80.

¹⁵ Так же. Л. 82-88.

¹⁶ Там же. Л. 94.

¹⁷ КПСС в резолюциях и решениях, съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1984. Т. 6. С. 249

¹⁸ РГАСПИ. Ф. 83. Оп. 3. Д. 83. Л. 99.

¹⁹ Там же. Д. 83. Л. 119.

²⁰ КПСС в резолюциях и решениях, съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1984. Т. 6. С. 248

²¹ Там же. С. 252.

²² КПСС в резолюциях и решениях, съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1984. Т. 6. С. 252.

²³ РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Л. 99.

²⁴ Там же. Л. 99-100.

²⁵ Генеральный план реконструкции города Москвы. Постановления и материалы. М., 1936 г. С. 128

²⁶ КПСС в резолюциях и решениях, съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1984. Т. 6. С. 251.

²⁷ Там же. С. 250.

²⁸ РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 83. Л. 50.

²⁹ Там же. Л. 51.

³⁰ Там же. Л. 126.

³¹ КПСС в резолюциях и решениях, съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1984. Т. 6. С. 25

³² Там же.

³³ РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. Л. 65.

³⁴ Там же. Л. 119.

³⁵ Там же.

Бокарева О.Б.

Труды Б.Н. Заходера по истории Персии XVII в. в Архиве РАН

Аннотация: В статье дается характеристика работ советского востоковеда-ираниста Б.Н. Заходера по истории Персии XVII в., хранящихся в Архиве РАН.

Ключевые слова: Б.Н. Заходер, Архив РАН, история, источниковедение, Персия, XVII в., «восточное средневековье», государство Сефевидов, генеалогические таблицы восточных правителей, советское востоковедение, научно-политические кампании.

Bokareva O. B.

Works of B. N. Zahoder on the history of Persia of the XVII century in the Archive of RAS

Abstract: The article describes the works of the Soviet orientalist-Iranist B. N. Zahoder on the history of Persia XVII century, which are stored in the Archive of Russian Academy of Sciences.

Keywords: B.N. Zakhoder, the Archive of Russian Academy of Sciences, history, source study, Persia, XVII century, «Eastern middle ages», the Safavid state, the genealogical tables of the rulers of the Eastern, Soviet Orientalism, political-scientific campaigns.

В Архиве РАН находится личный фонд советского востоковеда-ираниста, д.и.н. Б.Н. Заходера (1898–1960)¹. Ученый – представитель академического отечественного востоковедения, историк-медиевист, выпускник ближневосточного факультета Московского института востоковедения, профессор МГУ, заведующий сектором Ирана и председатель исторической секции Ученого совета Института востоковедения АН СССР. Он входил в состав Экспертной комиссии Высшей аттестационной комиссии при Министерстве высшего образования, а также Библиотечного совета Государственной исторической публичной библиотеки РСФСР, был членом редколлегии журнала «Советское востоковедение» (с 1959 г. – «Проблемы востоковедения»).

Круг научных интересов Б.Н. Заходера был очень широк. Академик, востоковед И.Ю. Крачковский отзывался о нем следующим образом: «Б.Н. Заходер – один из крупнейших историков Ближнего Востока, который получил двойную подготовку – востоковеда и историка и перенес в область истории Востока, особенно Ирана,

точные и тонкие методы славной московской школы медиевистов. Заслуга его тем более велика, что в области прямой специальности у него не было непосредственных руководителей и он больше всего обязан своей собственной инициативе и энергии. Его докторская диссертация «Низам ал-Мульк (Очерки по истории Сельджукского государства) сразу поставила его в первом ряду наших исследователей» (отзыв от 10 июля 1947 г.)².

Ученый считал И.Ю. Крачковского своим учителем и другом, обращался к нему с научными и административными вопросами. По инициативе И.Ю. Крачковского была создана Московская группа Института востоковедения, сотрудником которой с 1944 г. был Б.Н. Заходер. Во время войны ИВ АН СССР был эвакуирован из блокадного Ленинграда в Ташкент, после реэвакуации председателем Московской группы стал Б.Н. Заходер (1950). Он руководил сектором Ирана до конца своей жизни.

Еще до начала войны, при сборе материалов для лекционных курсов и кандидатской диссертации, ученый пришел к выводу, что «история Востока не читается в систематическом порядке», что «необходимо заняться всей историей Ирана»³.

В 1938 г. Б.Н. Заходеру была присвоена степень кандидата исторических наук без защиты диссертации⁴. В 1940 г. его пригласили в Военную Академию им. М.В. Фрунзе для проведения лекционных занятий по курсу «Восточное средневековье»⁵.

Ученый первым в Советском Союзе начал читать курс по истории народов Ближнего и Среднего Востока в средние века, начал подготовку учебника⁶. Он опирался на русскую школу ориенталистики (В.В. Бартольд, В.А. Гордлевский, В.Ф. Минорский, Н.И. Конрад и др.). Б.Н. Заходер уделял внимание русской школе в историографии стран Востока: «Выдающиеся научные достижения русской ориенталистики – общеизвестны. Изучение Востока в России в XIX в. сделалось, по выражению покойного академика В.В. Бартольда, «может быть, еще более значительные успехи, чем в Западной Европе». Русская Академия Наук, Университеты и научные Общества (Археологическое, Географическое, Общество естествознания, антропологии и этнографии и др.) создали русскую академическую школу ориенталистики, работы которой имели международное значение. Среди широко известных международной науке имен – В.В. Бартольд (1869–1930) и его многочисленные работы по Средней Азии. <...> За пределами нашей родины известны имена таких ученых как В.А. Жуковский (ум. 1918), Н.И. Веселовский (ум. 1918), К.А. Инostrанцев»⁷.

Материалы из курса лекций для студентов МГУ «Средиземноморье и передняя Азия в средние века (с XI по XVIII век)» также были положены в основу учебника (в историографии он еще назван монографией)⁸. Книга называлась «История восточного средневековья (Халифат и Ближний Восток)» (М., 1944)⁹. В личном фонде Б.Н. Заходера сохранился правленный машинописный фрагмент книги¹⁰.

Машинописный текст курса лекций иногда почти полностью совпадает с текстом учебника, который содержит небольшую корректорскую правку. Так, в лекционном разделе о правлении Сефевидской династии содержится абзац: «Новая попытка создать централизованное, сильное государство происходит в конце XVI в., при одном из самых выдающихся государей сефевидского Ирана, при шахе Аббасе I»¹¹. В главе «Иран» (подраздел «Сефевидское государство в XVI в.») вышеупомянутого учебника помещен практически аналогичный абзац: «Новая попытка создать сильное централизованное государство была сделана в конце XVI в. при одном из самых выдающихся сефевидских государей, шахе Аббасе I»¹². Текст подразделов «Шах Аббас I (1587–1628)», «Шахский домен и феодальные владения», «Упадок Сефевидского государства» главы «Иран» представляет собой откорректированный текст курса лекций¹³.

Эти краткие по объему подразделы охватывают период конца XVI–XVII вв. и посвящены значимым событиям, происходившим в иранском государстве (военная и территориально-административная реформы шаха Аббаса I, торговые отношения с Россией, дворцовые перевороты).

В 1944 г. была опубликована рецензия востоковеда-ираниста М.М. Дьяконова на «Историю восточного средневековья»¹⁴. Автор рецензии отмечал: «Изучение истории Востока до последнего времени было уделом специалистов-ориенталистов и не вводилось в систему университетского преподавания. Только после решения ЦК ВКП(б) и Совнаркома о преподавании истории в средней школе и о восстановлении исторических факультетов в наших высших учебных заведениях изучение истории Востока входит в программы исторических факультетов университетов и педагогических институтов. Преподавание новой истории Востока в настоящее время обеспечено хорошим учебником (доведенным только до конца Первой мировой войны) и др. пособиями. Преподавание же истории восточного средневековья было крайне затруднено. А между тем понимание современного состояния стран Востока, имеющих большое культурное

прошлое, занимавших некогда ведущее место в мире, невозможно без тщательного изучения феодального периода истории этих стран. Это тем более необходимо, что пережитки феодализма до сих пор сильны на Востоке. <...> Появление книги проф. Б. Заходера, имеющего ряд работ по истории и истории культуры мусульманского Востока (главным образом Ирана), – событие незаурядное»¹⁵. М.М. Дьяконов пишет, что книга Б.Н. Заходера «является плодом многолетней исследовательской работы, а сам автор был «стеснен объемом книги при выполнении своей нелегкой задачи <...> изложить в книжке в 10 п.л. 14-вековую историю нескольких десятков народов»¹⁶.

Положительно автор рецензии отозвался о том, что Б.Н. Заходер затронул в книге главный вопрос (о генезисе феодализма на Востоке), хотя и отметил, что он «еще не разрешен в советской науке», а в научном мире существует несколько теорий: 1) академика М.Н. Покровского «о разложении феодализма в X в.»; 2) академика В.В. Струве «о позднем сложении феодализма, после появления Халифата Омейядов» (661–750 гг.); 3) академика В.В. Бартольда «о развитых феодальных отношениях в середине VI в. н.э.»¹⁷. Среди достоинств книги рецензент назвал следующие: подробное рассмотрение хозяйственных систем и положения средневекового крестьянства.

М.М. Дьяконов высказал также свои замечания к тексту учебника: «не очень развита тема о взаимоотношениях кочевой степи и оседлых земледельческих районов <...> хотелось бы более подробных мест о структуре восточного города, типах городов <...> История Ирана в XVI–XVII вв. – конец книги. Жаль, что изложение обрывается на краткой заметке об объединении афганских племен. <...> В книге нет концовки и не подведен итог своеобразному историческому процессу, протекавшему в течение многих веков на обширной территории»¹⁸. Недостатком работы рецензент посчитал отсутствие исторических таблиц и карт.

На книгу Б.Н. Заходера написал отзыв востоковед-арабист В.Б. Луцкий. Черновик отзыва «Средневековье и современность» находится в личном фонде В.Б. Луцкого в Архиве РАН¹⁹. Отзыв был положительным. Рецензент готовил к печати свою монографию «Страны Ближнего и Среднего Востока», рукописный и машинописный тексты которой находятся в Архиве РАН²⁰.

Б.Н. Заходер прислушался к критике оппонентов. В процессе чтения лекций студентам в конце 1940-х – начале 1950-х гг. он выявлял неточности, структурировал материал, привлек новые источ-

никовые и историографические данные (благодаря знанию европейских и восточных языков, а также знакомству с зарубежными коллегами и русскими учеными-эмигрантами).

По свидетельству Н.А. Кузнецовой, которая тоже занималась историей Ирана, «советская историография в те годы располагала немногочисленными исследованиями по социально-экономической истории стран Востока, мало было опубликовано источников <...> Многие вопросы развития феодальных отношений в Азии оставались неразработанными, некритически был усвоен фактический материал из политической истории, сделаны не совсем обоснованные теоретические выводы, существовали противоречивые точки зрения на развитие феодализма в странах Востока. При таких обстоятельствах автору первого учебника по средневековой истории Востока приходилось очень трудно»²¹.

Перед переизданием книги Б.Н. Заходер выступил с докладом «Некоторые спорные вопросы восточного средневековья» на заседании Ученого совета исторического факультета МГУ 29 ноября 1950 г. Машинописный текст доклада находится в личном фонде ученого²².

Б.Н. Заходер, выступая с докладом, сказал, «что история средневекового Востока – одна из самых молодых исторических дисциплин. <...> До некоторого времени она – довесок к «серьезной» истории достойных истории европейских стран. А в худшем случае, – история Востока служила материалом для всякого рода расистских, человеконенавистнических «теорий», фашиствующих «теоретиков» империалистической буржуазии. <...> В большинстве буржуазных историй Востока свежего человека поражает необычная методологическая и методическая отсталость даже по сравнению с буржуазными историями западных стран. В историографии не делается анализ данных из арабо – и персо-язычных хроник, сведения из них просто переносятся в исторические исследования. <...> Дисциплина «восточное средневековье» должна стать существенной частью системы нашего исторического образования. Человек, не знающий хорошо историю Востока, столь же мало может претендовать на название культурного человека, как человек, не знающий историю Англии, Франции и др. европейских стран»²³.

В своем выступлении он отметил, что «для работ по истории ближневосточного средневековья характерны концепции, заимствованные из средневековой арабо-персидской историографии, и преобладают исторические анекдоты вместо социально-экономического анализа, что история средневекового Востока выпадает из всеобщей

истории или присутствует в ней в виде инородного тела, что неясен вопрос о генезисе феодальных отношений в странах Востока, не решена проблема сходства и различия между восточным и западным феодализмом, не вскрыта причина отсталости стран Востока по сравнению с Западом»²⁴.

В ходе обсуждения доклада были подняты основные темы востоковедов: о генезисе феодализма, о государственной собственности на землю, о роли общины, о развитии восточных городов и торговли и др. Дискуссии по этим вопросам были продолжены и в 1960-е гг.²⁵

В 1971 г. в статье «Из истории иранистики» И.С. Брагинского в сборнике, посвященном памяти Б.Н. Заходера, указаны те процессы, о которых ученый говорил в 1950-х гг.: «по мере специализации востоковедения, а также развития гуманитарных наук в самих странах Востока (в том числе в Таджикской ССР, в Иране, Афганистане) из иранистики постепенно выделяются отдельные научные дисциплины, например: история Ирана, экономика Ирана, курдская этнография, история афганской литературы, история таджикской литературы <...> Иранистика, как комплекс гуманитарных наук, переживает ныне свой завершающий этап. От иранистики, как таковой, сохраняется в конечном счете лишь иранская филология, которая, подобно любой отраслевой филологии (романской, германской и т.п.), во-первых, имеет свой строго определенный и ограниченный объем исследования (язык, литература, памятники письменности) и, во-вторых, развивается прежде всего представителями народов, являющихся создателями и носителями национальной культуры, в данном случае иранской, а не только западными учеными, как было первоначально в иранистике»²⁶. Далее И.С. Брагинский делает любопытное замечание, что «иранистику можно признать по существу самой ранней отраслью востоковедения, поскольку у древних греков, первыми в Европе противопоставивших себя как «Запад» «Востоку» и сделавших поэтому возможным само понятие «востоковедение», под «Востоком» понималась прежде всего именно древняя Персия, а затем все, что лежало к востоку от греческого мира»²⁷.

Основной вывод И.С. Брагинского заключается в том, что «в иранистике, как и во всем востоковедении, оформились две тенденции – гуманистическая и колониалистская, развитие которых, иногда в своеобразном переплетении у отдельных авторов, определило содержание иранистики, особенно в последующие годы»²⁸.

Длинные цитаты, приведенные выше, конкретизируют те процессы, о которых писал ранее Б.Н. Заходер. Он выступал за ком-

плексное освоение восточных рукописей как исторических источников, за комплексное изучение истории региона. В переписке с В.Ф. Минорским, в то время уже профессором Оксфордского университета, он поднимал вопросы определения «востоковедения», отмечал, что специализация в иранистике (в частности) необходима для обучающихся, но студенты также должны подходить к решению задач комплексно – знать язык, историю, филологию и экономику региона (в отличие от преобладающего на Западе узкоспециализированного исследователя)²⁹.

Еще одна сложность, о которой писал Б.Н. Заходер, а затем И.С. Брагинский, – это использование «буржуазной историографии империалистических государств» с идеями эксплуатации колониальных и полуколониальных стран Востока и «советской историографии с марксистско-ленинской идеологией» с поддержкой национально-освободительных и антиимпериалистических движений, с признанием богатого исторического прошлого стран Востока.

В докладе «Некоторые спорные вопросы ...» Б.Н. Заходер «подвел некоторые итоги изучения восточного средневековья в Советском Союзе», назвал «особенность советской историографии, рассматривающей историю народов Востока не как «экзотический довесок» к истории главных империалистических стран Западной Европы, а как самостоятельную историческую дисциплину»³⁰.

Некоторые идеи отечественных востоковедов, в том числе и Б.Н. Заходера, были отражены в выступлениях руководства страны на XXI съезде КПСС (внеочередном) при обсуждении «Семилетнего плана развития народного хозяйства СССР на 1959–1965 гг.»³¹.

Книга Б.Н. Заходера «История восточного средневековья» стала подспорьем для исследователей истории Персии XVII в. Как и для других работ ученого, для нее «характерен глубокий анализ социально-экономических явлений»³². Персия во время правления шаха Аббаса I значительно укрепилась; «первостепенной основой могущества Ирана в это время было увеличение размеров и реальной экономической мощи шахского домена», такая точка зрения Б.Н. Заходера «принципиально отличается от отправных положений представителей буржуазной науки»³³.

Но переиздания книги не было. В Архиве РАН находится второй отзыв В.Б. Луцкого на подготовленные Б.Н. Заходером материалы (Отзыв «Замечания об учебнике Б.Н. Заходера по восточному средневековью», 1951)³⁴. Он носит отрицательный характер, работа Б.Н. Заходера названа «легковесным, сухим, буржуазно-объекти-

вистским конспектом» «без полноценного марксистско-ленинского курса по истории восточного средневековья»³⁵. В Архиве РАН сохранились главы неопубликованного учебника по истории средневекового Востока³⁶.

Ряд материалов был использован Б.Н. Заходером при подготовке разделов к многотомной «Всемирной истории»³⁷. В 1951–1954 гг. ученый подготовил раздел «Сефевидское государство в XVI – первой половине XVII в.» для «Всемирной истории»³⁸.

В основу этого издания были положены также материалы из очерка «Иран в XVII в. (1628–1694)», рукописный (записи в блокноте) и машинописный тексты которого находятся в личном фонде ученого³⁹.

Ценной работой по истории Персии рассматриваемого периода является положительный отзыв Б.Н. Заходера на кандидатскую диссертацию выпускника исторического факультета МГУ Е.С. Зевакина «Дипломатические и торговые сношения России с Ираном во второй половине XVI и в XVII столетиях»⁴⁰. Ученый отметил актуальность темы, то, что работа является «результатом тщательных разысканий автора в фонде Государственного архива феодально-крепостнической эпохи», дополняет известный труд Н.И. Веселовского «Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией»⁴¹.

К трудам Б.Н. Заходера по истории Персии XVII в. необходимо отнести этюд «Шах Аббас I (1587–1628)» – биографический портрет, написанный в кратком, энциклопедическом стиле⁴².

Особую ценность составляют «Генеалогические таблицы персидских династий» – подробные схемы родов, начиная с рода пророка Мухаммеда. Б.Н. Заходер на основе своей обширной картотеки представил в виде рисунков персидские династии с Саманидов до Сефевидов⁴³.

Завершая обзор основных работ Б.Н. Заходера по истории Персии XVII в., хотелось бы отметить, что он детально подходил к изучаемым темам, занимался источниковедческими, историографическими аспектами иранистики, а также вопросами философии истории и методологии исторических исследований. К сожалению, он не пользовался уникальными историческими источниками – неопубликованными «персидскими» посольскими книгами, сохранившимися в РГАДА, но привлекаемый им источниковый и историографический материал заслуживает внимания исследователя.

- ¹ АРАН. Ф. 1532. Оп. 1-4. Д. 1-862. Крайние даты документов: 1872-1967 гг.
- ² Кузнецова Н.А. Б.Н. Заходер и его труды по историографии и источниковедению // Иран (сборник статей). М.: Изд-во «Наука», 1971. С. 5; Кулагина Л.М. К 100-летию со дня рождения выдающегося ученого востоковеда-ираниста Бориса Николаевича Заходера // Иранистика в России и иранисты. М.: ИВ РАН, 2001. С. 159; Кулагина Л.М. Борис Николаевич Заходер (1898-1960) // Портреты историков: Время и судьбы. Т. 3: Древний мир и Средние века. М.: Наука, 2004. С. 410.
- ³ АРАН. Ф. 1532. Оп. 1. Д. 23. Л. 1-2, 43. 11 и 18 декабря 1940 г.
- ⁴ Там же. Оп. 2. Д. 10. Л. 1. 8 июля 1938 г.
- ⁵ Там же. Д. 11. Л. 1. 7 декабря 1940 г.
- ⁶ Кузнецова Н.А. Указ. соч. С. 6; Кулагина Л.М. Указ. соч. М., 2001. С.158.
- ⁷ АРАН. Ф. 1532. Оп. 1. Д. 33. Л. 2. 27 апреля 1941 г.
- ⁸ Там же. Д. 14. Л. 1-167. [1939-1940 гг.].
- ⁹ Заходер Б.Н. История восточного средневековья (Халифат и Ближний Восток). М.: МГУ, 1944. 150, [2] с.
- ¹⁰ АРАН. Ф. 1532. Оп. 1. Д. 30. Л. 1-183. Февраль 1943 г.
- ¹¹ Там же. Д. 14. Л. 153.
- ¹² Заходер Б.Н. Указ. соч. С. 146.
- ¹³ Там же. С. 146-147; АРАН. Ф. 1532. Оп. 1. Д. 14. Л. 154-159.
- ¹⁴ Дьяконов М.М. Рецензия на книгу Б. Заходера проф. «История восточного средневековья (халифат и Ближний Восток). МГУ им. М.В. Ломоносова. Изд-во МГУ. М., 1944. 152 с. 20 руб. // Исторический ж-л. М.: Изд-во «Правда», 1944. Кн. 10-12 (134-135). С. 132-135.
- ¹⁵ Там же. С. 132.
- ¹⁶ Там же. С. 132-133.
- ¹⁷ Там же. С. 133.
- ¹⁸ Там же. С. 134.
- ¹⁹ АРАН. Ф. 1574. Оп. 1. Д. 657. Л. 1-7. 26 августа 1944 г.
- ²⁰ Там же. Д. 148. Л. 1-170. 1947 г.
- ²¹ Кузнецова Н.А. Указ соч. С. 6.
- ²² АРАН. Ф. 1532. Оп. 1. Д. 81. Л. 1-19. 29 ноября 1950 г.
- ²³ Там же. Л. 1, 3, 7.
- ²⁴ Кузнецова Н.А. Указ соч. С. 6.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Брагинский И.С. Из истории иранистики //Иран (сб. статей). М.: Изд-во «Наука», 1971. С. 16.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ Там же. С. 23.
- ²⁹ АРАН. Ф. 1532. Оп. 4. Д. 22. Л. 1. 22 октября 1956 г.
- ³⁰ Кузнецова Н.А. Указ соч. С. 8.
- ³¹ XXI съезд КПСС и задачи востоковедения // Проблемы востоковедения. М.: Изд-во АН СССР, 1959. № 1. С. 18-25.

³² *Сухарева Н.М.* Советские историки о социально-экономических причинах кризиса Сефевидского Ирана // Иран (сб. статей). М.: Изд-во «Наука», 1971. С. 42.

³³ Там же.

³⁴ АРАН. Ф. 1574. Оп. 1. Д. 658. Л. 1-28. 1951 г.

³⁵ Там же. Л. 1.

³⁶ Там же. Ф. 1532. Оп. 1. Д. 101. Л. 1-23; Д. 102. Л. 1-21; Д. 103. Л. 1-24; Д. 104. Л. 1-11; Д. 105. Л. 1-11; Д. 106. Л. 1-16; Д. 107. Л. 1-10; Д. 108. Л. 1-9; Д. 109. Л. 1-15. Не позднее 1951 г.

³⁷ Там же. Д. 115. Л. 1-86. 26 августа 1952 г. – 21 марта 1954 г.; Д. 122. Л. 1-51. Не ранее 1952 г.

³⁸ [*Заходер Б.Н.*]. Государство Сефевидов // Всемирная история. Энциклопедия. М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1958. Т. 4. Гл. XXII. С. 556-565.

³⁹ АРАН. Ф. 1532. Оп. 1. Д. 19. Л. 1-52. Конец 1930-х гг.

⁴⁰ Там же. Д. 230. Л. 1-6. 19 апреля 1940 г.

⁴¹ Там же. Л. 1-4.

⁴² Там же. Д. 68. Л. 1-46. [Не ранее 1947 г.].

⁴³ Там же. Д. 377. Л. 1-81 об. Б/д.

Бухерт В.Г.

**«Финны зверски истребили пленных бойцов
и командиров Красной Армии...».
Неопубликованное сообщение ЧГК 1944 г.**

Аннотация: Статья посвящена одному из неопубликованных сообщений Чрезвычайной государственной комиссии 1944 г.

Ключевые слова: Расследование военных преступлений. Советско-финляндская война 1939-1940 гг.

Buchert V. G.

«The Finns are brutally massacred captured soldiers and commanders red army...». Unpublished message ChGK 1944.

Abstract: The article is devoted to one of the unpublished reports of the Extraordinary State Commission of 1944.

Keywords: Investigation of war crimes. Soviet-Finnish war of 1939–1940.

Проблемы военной истории можно отнести к числу традиционно наиболее дискуссионных в значительной степени из-за недостаточной разработки источниковой базы. При этом поводом и предметом для обсуждения и различной интерпретации может стать не только само содержание того или иного источника, но и история его происхождения. Такого рода источники хранятся и в фонде Чрезвычайной государственной комиссии (ЧГК)¹, сыгравшей огромную роль в установлении ущерба, нанесённого советскому народу и государству в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Её задачами были: учёт преступлений, совершённых в отношении как мирных жителей, так и военнопленных; установление, в тех случаях, когда это представлялось возможным, личностей преступников из оккупантов и их пособников, определение ущерба, нанесённого гражданам, колхозам, общественным организациям, предприятиям и учреждениям.

По итогам расследования ЧГК составляла сообщения о потерях по оккупированным областям, краям и автономным республикам на основе первичных документов, составлявшихся местными органами советской власти. Всего в 1943–1948 гг. ЧГК опубликовала 30 сообщений², 27 из которых изданы в составе «Сборника сообщений Чрезвычайной государственной комиссии о злодеяниях немецко-фашист-

ских захватчиков» (М., 1946), а ещё 3 опубликованы впоследствии³.

Огласке были преданы не все составленные ЧГК сообщения: 28 из них так и не были опубликованы и хранятся в виде проектов в фонде ЧГК (Ф. Р-7021) в Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ). 27 из них касаются преступлений, совершённых в период Отечественной войны 1941–1945 гг., а одно – в период советско-финляндской войны 1939–1940 гг.

Проекты сообщений подлежали согласованию с В.М. Молотовым⁴, его заместителем А.Я. Вышинским⁵ и начальником Управления агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) Г.Ф. Александровым⁶ и только после этого могли быть опубликованы. Мотивы, по которым то или иное сообщение не было опубликовано, заслуживают отдельного исследования.

Проекты сообщений, как правило, не датированы, дата сообщений может быть установлена условно, например, по пометам о дне высылке проекта сообщения В.М. Молотову, Г.Ф. Александрову, А.Я. Вышинскому. Рассылка сообщения означала завершение работы над проектом, это касается и, в данном случае, проекта сообщения ЧГК «О преступлении финских фашистов на мысе Пуот-Ниemi»⁷, который можно датировать 9 сентября 1944 г.

Незадолго до этого, 18 августа 1944 г., на мысе Пуот-Ниemi около Выборга были обнаружены останки более 200 пленных бойцов и командиров, убитых, как было установлено специальной комиссией, не ранее 24 февраля 1940 г. Причиной смерти части военнослужащих «явились огнестрельные ранения, повреждения тяжёлыми твёрдыми тупыми или же острыми колюще-режущими предметами. У большей части трупов механических повреждений на костях не найдено. Все обстоятельства говорят о том, что в этом случае смерть последовала от удушья (отравления углекислотой) в замурованном помещении», где и были обнаружены останки военнослужащих⁸.

По обрывку газеты от 26 февраля 1940 г., обнаруженному на одном из трупов, вероятно, можно уточнить дату совершения этого преступления. 28 февраля 1940 г. началось наступление в направлении Выборга 7-й советской армии, возглавляемой командармом 2-го ранга К.А. Мерецковым⁹. Необходимость для финляндских войск спешно отступить¹⁰, видимо, и побудила к расправе над пленными красноармейцами.

Обвиняемые по этому делу были признаны: командующие финляндской армией Карельского перешейка генерал-лейтенанты Х. Эстерман¹¹, Э. Хейнрикс¹²; а также командир 2-го армейского корпуса генерал-лейтенант Х. Эквист¹³; командиры 4-й пехотной дивизии полковники Й.В. Араюури¹⁴, А.А. Кайла¹⁵; командир 11-го пехотного полка подполковник К.Э. Ниэмеляйнен¹⁶. Всё это было отражено в упомянутом выше сообщении ЧГК. На сопроводительном письме Н.М. Шверника¹⁷ к проекту сообщения, адресованному А.Я. Вышинскому от 9 сентября 1944 г. А.Я. Вышинский 10 сентября 1944 г. наложил резолюцию: «Думаю, что следует опубликовать». На том же сопроводительном письме имеется резолюция В.М. Молотова: «Подождать немного (*виднее будет*)»¹⁸. Смысл резолюции В.М. Молотова становится очевидным, если принять во внимание, что в Москве с 8 сентября 1944 г. находилась финляндская делегация в состав которой входил и командовавшей в 1940 г. финляндской армией на Карельском перешейке, ближайший советник К.Г. Маннергейма¹⁹ в вопросах военной политики, Э. Хейнрикс, объявленный в проекте сообщения ЧГК «О преступлении финских фашистов на мысе Пуот-Ниemi» военным преступником. Политические соображения взяли вверх над иными.

19 сентября 1944 года в Москве было подписано Соглашение о перемирии между СССР и Великобританией (действовавшими от имени стран, находящихся в состоянии войны с Финляндией) с одной стороны и Финляндией с другой, фактически завершившее советско-финляндскую войну 1941–1944 гг.

Приложение

Сообщение

Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников.

О преступлении финских фашистов на мысе Пуот-Ниemi.

На временно захваченной советской территории финское военное командование и гражданские власти совершали чудовищные злодеяния: истребляли мирное советское население в концентрационных лагерях, специально организованных для этих целей; умерщ-

вляли советских военнопленных, зверски добивали на поле боя раненых офицеров и бойцов Красной Армии.

Чрезвычайной государственной комиссией установлено, что финские палачи во время войны 1939–1940 годов, так же, как и теперь, уничтожали советских бойцов и командиров, попавших к ним в плен.

18-го августа 1944 года бойцы Н-ской части Красной Армии П.Г. Краснянский и А.М. Иванищев в поисках удобного места для фортификационного сооружения обнаружили на северной оконечности мыса Пуот-Ниemi около Выборга под невысоким холмом, заросшим бурьяном и молодыми деревьями, полуподвальное помещение, тщательно замаскированное толстым слоем грунта. Бойцы докопались до двери в подвал, заваленной большими кусками гранита. Вскрыв эту дверь, Краснянский и Иванищев нашли в замураванном подвале большое количество трупов командиров и бойцов Красной Армии, о чём немедленно доложили командованию своей части.

Комиссия в составе генерал-лейтенанта Соловьёва Н.В.²⁰, генерал-майора Лебедева П.С.²¹, подполковника Широкова И.И., представителя Чрезвычайной государственной комиссии Макарова В.Н.²², с участием судебно-медицинских экспертов: доктора медицинских наук Смольянинова В.М.²³, главного судебно-медицинского эксперта Ленинградского фронта подполковника медицинской службы Владимирского А.П.²⁴ и армейского судебно-медицинского эксперта майора медицинской службы Фахрутдинова К.И., обследовав место нахождения трупов, допросив свидетелей и произведя судебно-медицинскую экспертизу, установила, что здесь, на мысе Пуот-Ниemi, около Выборга, в 1939–[19]40 гг. финны зверски истребили пленных бойцов и командиров Красной Армии.

Произведённой за период с 19 по 29 августа 1944 года судебно-медицинской экспертизой установлено:

Все четыре помещения на мысе Пуот-Ниemi полуподвала заполнены трупами, находящимися в различных положениях. В передних помещениях трупы расположены в высоту до 2 метров, а в остальных – до 1,5 метров. Всего обнаружено свыше 200 трупов. Судебно-медицинскому исследованию было подвергнуто 152 трупа. При снятии одежды с трупов кости распадались по суставам и соединениям. Все трупы – мужского пола в возрасте от 20 до 35 лет.

На трупах констатируется наличие механических повреждений

в 28 случаях, в число которых входят: огнестрельные ранения головы, груди и конечностей. При этом ранения головы, судя по характеру разрушения костей черепа, произведены выстрелами в упор на близком расстоянии. У части трупов обнаружены множественные переломы костей черепа тяжёлыми тупыми или колюще-режущими предметами.

Все трупы одеты в зимнюю одежду – в шинели, полушубки, телогрейки, суконные гимнастёрки и валеную обувь. У большинства на головах имеются металлические каски с подшлемниками или суконные шлемы с красноармейскими звёздами. У значительного числа трупов поверх головных уборов и шинелей надеты белые макировочные халаты.

Интендантская экспертиза установила, что все предметы обмундирования, находившиеся на трупах, относятся к образцам, принятым на снабжение Красной Армии до 1941 года. На шинелях и гимнастёрках экспертиза нашла петлицы пехотных и артиллерийских частей, а также знаки различия младшего, среднего и старшего командного состава Красной Армии (треугольники, квадраты и прямоугольники), принятые до введения погонов. Экспертиза установила, что предметы вещевого имущества, обнаруженные на трупах, относятся к периоду до 1941 года по следующим данным: предметы обмундирования имели маркировку 1938–1939 гг.; стальные шлемы были с круговым подтулейником и приливом сверху, в то время, как принятые на снабжение в Отечественную войну шлемы имеют подтулейники секторные с подушками, без приливов; петлицы на шинелях и гимнастёрках трупов имеют малиновое поле с чёрным кантом или же чёрное поле с красным кантом, что относится к периоду до 1941 года, так как в Отечественную войну уже с зимы 1941–1942 года в частях действующей Красной Армии были введены петлицы только защитного цвета.

У большинства трупов карманы одежды были разрезаны или вывернуты. В сохранившихся карманах экспертиза обнаружила отдельные экземпляры и обрывки газет, несколько документов, письма, фотокарточки, советские деньги, карандаши, носовые платки и другие предметы личного пользования. В числе этих вещественных доказательств имеются:

1) Экземпляр красноармейской газеты Ленинградского военного округа «На страже Родины» от 21 февраля 1940 года. 2) Листок об-

ращения Управления политотдела армии, начинающегося словами: «Товарищи бойцы, командиры и политработники...» и далее «... перед вами Выборг – ворота в Финляндию». 3) Профсоюзный билет Союза рабочих железных дорог Центра [СССР] на имя Бондырева Алексея Никифоровича, 1912 года рождения, по профессии грузчика. Членские взносы в Союз оплачены полностью за 1938 год и по июнь месяц 1939 года. 4) Обрывок газеты с датой 26 февраля 1940 года. 5) Денежный перевод с почтовым штампом от 19 июля 1939 года. 6) Газета «Ленинградская правда» от 24-го февраля 1940 года, № 46/7534. 7) Обрывок газеты с оперативной сводкой штаба Ленинградского военного округа. Сводка начинается словами: «24 февраля на Карельском перешейке...». 8) Советские монеты достоинством 3, 5, 15, 20 копеек чеканки включительно по 1939 год. На одном из ватников обнаружена маркировка с обозначением даты 1938 года.

Произведённой Ботаническим институтом Академии наук СССР в г. Ленинграде экспертизой экземпляров берёз и клёнов, взятых с холма над подвалом, в котором находились умерщвлённые советские бойцы и командиры Красной Армии, установлено, что все эти деревья имеют 3-4 летний возраст.

Комиссией установлено:

Судя по состоянию трупов, смерть бойцов и командиров, истреблённых на мысе Пуот-Ниemi, последовала около 4–5 лет тому назад.

Обнаруженные при исследовании трупов вещественные доказательства заставляют отнести срок смерти к периоду между 24 февраля 1940 года²⁵ и 12 марта 1940²⁶ года (день прекращения военных действий с Финляндией)²⁷.

Причиной смерти части военнослужащих Красной Армии явились огнестрельные ранения, повреждения тяжёлыми твёрдыми тупыми или же острыми колюще-режущими предметами. У большей части трупов механических повреждений на костях не найдено. Все обстоятельства говорят о том, что в этом случае смерть последовала от удушья (отравления углекислотой) в замурованном помещении.

Чрезвычайная государственная комиссия считает, что виновниками зверского истребления пленных советских бойцов и командиров на мысе Пуот-Ниemi являются следующие командиры действовавших в войну 1939-1940 года финских частей: командующие финской армией Карельского перешейка генерал-лейтенант Остерман Хуго Виктор и генерал-лейтенант Хейнрих Аксел Ерик, командир

2-го армейского корпуса генерал-лейтенант Эквист Харальд, командиры 4[-й] п[ехотной] д[ивизии] полковник Араюури Иоган Виктор и полковник Кайла Антеро, командир 11[-го] пехотного полка полковник Ниэмиля Кайно Эйно.

Все они за совершённые злодеяния должны предстать перед судом советского народа и понести суровую кару.

ГА РФ. Ф. Р-7021 (Чрезвычайная государственная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причинённого ими ущерба гражданам, коллективным хозяйствам (колхозам), общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР (ЧГК)). Оп. 116. Д. 401. Л. 3-8. Машинопись.

¹ Чрезвычайная государственная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причинённого ими ущерба гражданам, коллективным хозяйствам (колхозам), общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР (ЧГК), созданная указом Президиума Верховного Совета СССР от 2 ноября 1942 г.

² Они публиковались в газетах «Известия» и «Правда», 27 из 30 сообщений вошли в состав «Сборника сообщений Чрезвычайной государственной комиссии о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков» (М., 1946).

³ Не вошли в сборник три опубликованных сообщения: «Сообщение Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников о преступлениях, совершенных германским правительством и германским верховным командованием над советскими военнопленными в лагере “Ламсдорф”». (М., 1946); «Сообщение Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников об убийстве немцами советских военнопленных в районе города Остров-Мазовецкий в Польше». (М., 1947); «Об убийстве немцами советских военнопленных в крепости Демблин (Иван-Город) и в некоторых других немецких лагерях на территории Польши. (Документы и фотоснимки). (М., 1948).

⁴ *Молотов (Скрябин) Вячеслав Михайлович* (1890–1986) – политический деятель, председатель СНК СССР (1930–1941), 1-й заместитель председателя СНК (Совета министров) СССР (1941–1957), нарком (министр) иностранных дел (1939–1949 и 1953–1956), почётный член АН СССР (1946–1959).

⁵ *Вышинский Андрей Януарьевич* (1883–1954) – юрист, дипломат, прокурор СССР (1935–1939), министр иностранных дел СССР (1946 – 1949), академик АН СССР (с 1939 г.).

⁶ *Александров Георгий Фёдорович* (1908–1961) – философ, академик АН СССР (с 1946 г.), министр культуры СССР (1954–1955).

⁷ ГА РФ. Ф. Р-7021. Оп. 116. Д. 401. Л. 1-8.

⁸ Там же. Л. 8.

⁹ *Мерецков Кирилл Афанасьевич* (1897–1968) – военачальник, Маршал Советского Союза (с 1944 г.).

¹⁰ *Раунио А, Килин Ю.* Сражения Зимней войны. Петрозаводск, 2014. С. 275.

¹¹ *Эстерман Хуго* (1892–1975) – генерал-лейтенант, командующий армией Финляндии на Карельском перешейке (1939–1940).

¹² *Хейнрихс Эрик* (1890–1965) – генерал-лейтенант, командующий армией Финляндии на Карельском перешейке (1940), начальник Генерального штаба армии Финляндии(1940–1945).

¹³ *Эквист Харальд* (1891–1971) – генерал-лейтенант, командир 2-го армейского корпуса (1939–1940).

¹⁴ *Араюури Йохан Виктор* (1894–1961) – полковник, командир 4-й пехотной дивизии (1940).

¹⁵ *Кайла Ауно Антеро* (1898–1975) – полковник, командир 4-й пехотной дивизии (1939–1940).

¹⁶ *Низмеляйнен Кайно Эйно* (1888–1977) – подполковник, командир 11-го пехотного полка (1939–1940).

¹⁷ *Шверник Николай Михайлович* (1888–1970) – государственный и партийный деятель, 1-й секретарь ВЦСПС (с 1930 г.), председатель Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков (1942– 1951).

¹⁸ ГА РФ. Ф. Р-7021. Оп. 116. Д. 401. Л. 1.

¹⁹ *Маннергейм Карл Густав* (1867–1951) – барон, финляндский фельдмаршал (с 1933г.), главнокомандующий финляндской армией (1939–1940, 1941–1944), президент Финляндии (1944–1946).

²⁰ *Соловьёв Николай Васильевич* (1903–1950) – советский государственный и партийный деятель, генерал-лейтенант, председатель Ленинградского облисполкома (1938–1946), первый секретарь Крымского обкома ВКП (б) (1946–1949).

²¹ *Лебедев Пётр Семёнович* (1903–1978) – генерал-майор, член Военного совета 59-й армии (1942–1945).

²² *Макаров Владимир Николаевич* (1898–?) – начальник отдела по учёту ущерба, причинённого культурным, научным и лечебным учреждениям, оборудованию и утвари религиозных культов (1943–1946).

²³ *Смольянинов Владимир Михайлович* (1898–1981) – зав. кафедрой судебной медицины 2-го Московского медицинского института (1949–1979).

²⁴ *Владимирский Андрей Павлович* (1896–1961) – подполковник медицинской службы, главный судебно-медицинский эксперт Ленинградского фронта и Ленинградского военного округа (1943–1955).

²⁵ Судя по обнаруженному обрывку газеты от 26 февраля 1940 г., преступление было совершено не ранее этой даты.

²⁶ В тексте ошибочно: «1941».

²⁷ Имеется в виду Московский мирный договор, заключённый 12 марта 1940 г., завершивший Советско-финляндскую войну 1939–1940 гг.

Сведения об авторах:

Акимченков Виктор Владимирович, Таврическая академия Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, соискатель.

Антонова Оксана Евгеньевна, Российский государственный гуманитарный университет, старший преподаватель.

Афиани Виталий Юрьевич, Архив РАН, руководитель Научно-информационного центра, кандидат исторических наук.

Бокарева Ольга Борисовна, Архив РАН, и.о. старшего научного сотрудника.

Бондарь Лариса Дмитриевна, Санкт-Петербургский филиал Архива РАН, ученый секретарь, кандидат исторических наук.

Бухерт Владимир Генрихович, Архив РАН, старший научный сотрудник, кандидат исторических наук.

Двоеносова Галина Александровна, Российский государственный гуманитарный университет, доцент, доктор исторических наук.

Дурновцев Валерий Иванович, Российский государственный гуманитарный университет, профессор, зав. кафедрой источниковедения, доктор исторических наук.

Илизаров Симон Семенович, Российский государственный гуманитарный университет, профессор, доктор исторических наук; Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН, зав. отделом.

Ильина Ирина Николаевна, Архив РАН, старший научный сотрудник, кандидат исторических наук.

Киселев Михаил Юрьевич, Архив РАН, старший научный сотрудник, кандидат исторических наук.

Ковалев Михаил Владимирович, Архив РАН, старший научный сотрудник, кандидат исторических наук.

Козлов Владимир Петрович, член-корреспондент РАН; Российский государственный гуманитарный университет, профессор; Архив РАН, главный научный сотрудник.

Комиссаренко Аркадий Иванович, Российский государственный гуманитарный университет, профессор, доктор исторических наук.

Ланской Григорий Николаевич, Российский государственный гуманитарный университет, декан факультета документоведения и технологий архивов, доктор исторических наук.

Медведева Татьяна Валерьевна, Институт славяноведения РАН, старший научный сотрудник, кандидат исторических наук; Археографическая комиссия РАН, ученый секретарь.

Михальченко Сергей Иванович, Брянский государственный университет им. академика И.Г. Петровского, профессор, доктор исторических наук.

Муравьева Наталья Александровна, Российский государственный гуманитарный университет, преподаватель.

Одесский Михаил Павлович, Российский государственный гуманитарный университет, профессор, зав. кафедрой литературной критики, доктор филологических наук.

Осипова Надежда Михайловна, Архив РАН, и.о. заместителя директора по научной работе, кандидат исторических наук.

Пчелов Евгений Владимирович, Российский государственный гуманитарный университет, доцент, зав. кафедрой вспомогательных исторических дисциплин и археографии, кандидат исторических наук.

Спивак Моника Львовна, Институт мировой культуры МГУ, старший научный сотрудник, доктор филологических наук; Мемориальная квартира Андрея Белого, заведующая.

Филишова Татьяна Петровна, Отдел гуманитарных междисциплинарных исследований ФГБУН ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, научный сотрудник, кандидат исторических наук.

Хорхордина Татьяна Иннокентьевна, Российский государственный гуманитарный университет, профессор, зав. кафедрой истории и организации архивного дела, доктор исторических наук.

Шпирко Сергей Валерьевич, Российский государственный гуманитарный университет, доцент, кандидат исторических наук.

Щепанская Юлия Витальевна, Архив РАН, старший научный сотрудник.

Научное издание

**«Дискуссионные проблемы источниковедения истории
фундаментальной науки в СССР»: материалы Всероссийской
научной конференции,
г. Москва, Архив РАН – РГГУ, 25 июня 2019 г.**

Компьютерная верстка – А.М. Казанин

Формат 60 x 84/16. Печать офсетная.
Бумага офсетная. Гарнитура Times. Тираж 300 экз.
Усл.-печ. л. 19,0. Заказ №

Отпечатано в ОАО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный двор»
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
Сайт: www.chpk.ru E-mail: marketing@chpk.ru
Факс 8(496) 726-54-10, тел. 8 (496) 988-63-87

ISBN 978-5-6041820-2-4

9 785604 182024